

Бартольдовские чтения

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Бартольдovskiе чтения

Москва
2023

УДК 94(575)«12»
ББК 63.3(543.0)
Б41

Редколлегия:

А.Д. Васильев, В.Н. Настич, Д.М. Тимохин (ИВ РАН)

Составители:

А.Д. Васильев, Д.М. Тимохин (ИВ РАН)

Рецензенты:

И.В. Зайцев, д.и.н., в.н.с. (ИВ РАН)

В.В. Прудников, к.и.н., с.н.с. (ИВ РАН)

Б41 Бартольдовские чтения: колл. моногр. / сост. А.Д. Васильев, Д.М. Тимохин; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. – М.: ИВ РАН. 2023. – с. 452: ил. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-907671-60-7

Коллективная монография включает в себя материалы международной научной конференции «Бартольдовские чтения», проходившей в Институте востоковедения в ноябре 2022 г. Представленные статьи продолжают развивать те направления отечественного востоковедения, которые заложил В.В. Бартольд. Традиционной тематикой исследований участников монографии в этой связи стали работы по источниковедению, историографии, истории и специальным историческим дисциплинам, использующимся также в востоковедении. Издание предназначено для исследователей, студентов, аспирантов и тех, кто интересуется культурой и историей Востока.

ББК 63.3(543.0)

ISBN 978-5-907671-60-7

© Колл. авт., 2023

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Содержание

Введение	6
Глава I. Источниковедение истории Востока	
1.1. «ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва-л-Кахира» ибн Тагриберди как источник изучения периода мамлюкского правления в Египте (<i>Г.А. Гафгазлы</i>)	11
1.2. Три архаических мотива малайских хроник (<i>Л.В. Горяева</i>)	19
1.3. Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК) как источник по истории присоединения Крыма к России в 1783 г. (<i>О.М. Курникова</i>)	26
1.4. Краткое собрание ханских ярлыков русским митрополитам: уникальная информация о выплатах Золотой Орде с русских земель (<i>С.А. Маслова</i>)	36
1.5. «База данных тем и сюжетов арабомусульманских династийных хроник IX – X вв.» и традиции Бартольдовских чтений (<i>Д.В. Микульский</i>)	47
1.6. Некоторые особенности налогообложения городского центра и аграрной периферии согласно османскому налоговому реестру санджака Тебриз 1728 г. (<i>Ш.М. Мустафаев</i>)	55
1.7. Некоторые источники монгольской летописи XVIII в. «Хрустальные четки» Рашипунцага (<i>М.А. Овчинникова</i>)	76
1.8. Особенности перевода малайских средневековых правовых источников (<i>С.В. Тхор</i>)	89
1.9. Тюркоязычная историческая литература Дагестана: особенности жанра (<i>И.А. Чмилевская</i>)	98

Глава II. Мемуары и источники личного происхождения в востоковедных исследованиях

2.1. Научная деятельность литературоведа-тюрколога Г.С. Амантая (1907–1938) (<i>Р.Ю. Аккубеков</i>)	106
2.2. Дипломатическая деятельность башкирских дворян Бекчуриных (<i>И.С. Игдавлетов</i>)	117
2.3. Травелоги, письма и статьи Рабиндраната Тагора как свидетельство политической вовлеченности индийского классика (<i>Е.П. Лекарева</i>)	123
2.4. Мемуары князя Л. А. Ухтомского как источник по истории Крымской войны и обороны Севастополя 1853–1856 гг. (<i>М.Р. Рыженков</i>)	135

Глава III. Специальные исторические дисциплины

3.1. Арабская строительная эпиграфика дагестанского селения Храх (<i>З.Ш. Закарияев</i>)	144
3.2. Тюркские чунгулы ~ чумулы, чигили и бурятские цонголы ~ сонголы: исследование исторической связи названий (<i>Б.З. Нанзатов, В.В. Тишин</i>)	153
3.3. Испанские прозвища толедских мосарабов в XII и XIII вв. (<i>О.В. Тихонова</i>)	177
3.4. К истории эстампажного копирования древнетюркских рунических надписей конца XIX – начала XX вв. (по материалам фонда Центральной Азии и Сибири ИВР РАН) (<i>А.А. Туранская</i>)	195

Глава IV. История и культура Центральной Азии

4.1. Сказание об одноглазом великане в огузском эпосе: исследования В. Эберхарда (<i>Т.А. Аникеева</i>)	204
---	-----

4.3. Принципы и подходы разграничения территории Центральной Азии в 1917–1939 гг. (А.Ю. Быков).....	212
4.4. Монгольские ультиматумы в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина (Ю.И. Дробышев)	236
4.5. Праздник Навруз в историографии советского и постсоветского Таджикистана (вторая половина XX – начало XXI вв.) (Ж.Б. Исамитдинов).....	257
4.7. Калмак: от топонима к этно(поли)тониму (Б.У. Китинов).....	264
4.8. Катаванская битва 1141 г. в мусульманских источниках XII – начала XIII в. (Д.М. Тимохин)	276
Глава V. Научное наследие академика В.В. Бартольда и его изучение	
5.1. Письма профессора А.Е. Крымского академику В.В. Бартольду из фонда Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, С.А. Кириллина)	302
5.2. Переписка В.В. Бартольда и А.-З. Валиди Тогана (А.Г. Салихов)	339
5.3. Вклад академика В.В. Бартольда в освещение исторической географии и топонимики древнего Согда (А.Р. Аюбов)	352
5.4. Труды В.В. Бартольда «Очерк по истории туркменского народа» и «Киргизы. Исторический очерк» как первые академические исследования по их истории (А.Ш. Кадырбаев).....	365
5.5. Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории государства Гуридов (М.М. Шарипов)	371
Заключение.....	380
Список источников и литературы	396
Список сокращений.....	450

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 2022 г. в Институте востоковедения РАН после почти 30-летнего перерыва были возобновлены «Бартольдские чтения» (далее – БЧ). В работе конференции, задуманной как продолжение 10 сессий БЧ, организованных Г. Ф. Гирсом и Е. А. Давидович и проведенных в Институте востоковедения АН СССР – РАН в 1974–1993 гг., приняли участие более 50 докладчиков из востоковедных центров России, Азербайджана, Грузии, Узбекистана и других республик СССР (после 1991 г. – стран СНГ).

Организация и проведение БЧ были тесно связаны с работой по публикации собрания сочинений В. В. Бартольда [Бартольд, 1963–1968] и составлению библиографии его трудов, начатой по инициативе академика И. Ю. Крачковского еще в 1930-е годы и в течение ряда лет выполнявшейся известным востоковедом и библиографом И. И. Умняковым [Умняков, Туманович, 1976]. Работа была прервана войной, и только в 1960 г. решением Бюро Отделения исторических наук АН СССР подготовка издания трудов В. В. Бартольда была поручена Институту народов Азии АН СССР. Была создана редколлегия многотомного издания, в которую вошли известные востоковеды А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, Ю. Э. Брегель, И. Н. Винников, М. Е. Массон, И. П. Петрушевский, А. С. Тверитинова, И. И. Умняков, а председателями редколлегии стали академики Б. Г. Гафуров и А. Н. Кононов. Подготовка трудов В. В. Бартольда к печати сопровождалась составлением аннотированного библиографического описания его работ, опубликованных в разные годы, и рукописного архива В. В. Бартольда, снабженного индексами и предметно-тематическим указателем. Издание собрания его сочинений

стало значимым событием в отечественном востоковедении, наглядно и общедоступно отразив энциклопедический охват научных интересов В. В. Бартольда, широту его исследований и глубину выводов, многие из которых не утратили своей актуальности, но требовали серьезных уточнений и дополнений в свете новых данных, находок и открытий. Именно в связи с этой огромной работой и возникла идея развивать и дополнять тематику исследований великого русского ученого, в том числе и путем собирания широкого круга представителей востоковедного сообщества на чтения его памяти.

Первая сессия БЧ, организованная в Институте востоковедения по инициативе Отдела памятников письменности народов Востока, состоялась в 1974 г. Оргкомитет конференции разработал специальную программу, рассчитанную на пять лет и практически выполненную к 1978 г.

Конференция 1974 г. была посвящена обширной научной теме «Изучение истории средневекового Востока В. В. Бартольдом и современное состояние науки». Тема была выбрана с учетом того, насколько широким был круг исследований известного ученого. Востоковедение в рамках его научных интересов сделало большие успехи, были открыты новые данные и основаны новые направления исследований. В ходе чтений было показано, что исследования современных ученых и актуальное состояние науки не только не отменяют научное наследие В. В. Бартольда, но включают его как неотъемлемую органическую часть. Было установлено, что выводы и заключения В. В. Бартольда по ряду проблем могут быть как значительно подкреплены новыми источниками, так и переосмыслены в отдельных его частях, а обширная и прочная фактологическая база его исследований обеспечила им долгую жизнь [Бартольдовские чтения, 1974].

Пилотной темой второго года (БЧ-1975) стали проблемы изучения феодализма и форм земельной собственности на Востоке. В соответствии с программой Оргкомитета пред-

полагалось рассмотреть две наиболее актуальные и дискутируемые темы: *милк* (*мулк*, *мюльк*) как форму земельной собственности и институт феодальных земельных пожалований на Ближнем и Среднем Востоке. Собранные после сессии тексты докладов вошли в состав тематического сборника статей [Бартольдовские чтения, 1975].

Два последующих года (БЧ-1976 и БЧ-1978) были посвящены рассмотрению товарно-денежных отношений, которые к тому времени были изучены слабее, чем аграрные. При составлении информационного письма Оргкомитет исходил из необходимости расширить направления исследований с помощью мультидисциплинарного подхода, привлекая к участию в конференции специалистов различного профиля. Привлечение специалистов, которые работали не только с традиционными письменными документальными источниками, но и с любыми другими – археологическими, нумизматическими, эпиграфическими, позволило существенно расширить источниковедческую базу исследований товарно-денежных отношений. При этом организаторы стремились в первую очередь разрабатывать хронологически и территориально сопоставимые вопросы и материалы, непременно одни и те же для разных отрезков времени и регионов Ближнего и Среднего Востока. Две конференции БЧ заложили прочный фундамент для обобщающих исследований по предложенной организаторами тематике. Впоследствии материалы этих двух лет БЧ составили основу двух специализированных сборников статей [Бартольдовские чтения, 1976; Бартольдовские чтения, 1978; Бартольдовские чтения, 1979; Бартольдовские чтения, 1980].

Программа двух лет включала и группу вопросов, рассмотрение которых позволило бы выявить общие признаки и локальные варианты состояния товарно-денежных отношений на отдельных отрезках времени и провести их периодизацию. Можно сказать, что разработанная Оргкомитетом программа

предопределила направления работы БЧ, которые впоследствии стали постоянно действующей конференцией. Ведущей темой пятого года (БЧ-1981) стали письменные памятники по истории Ближнего и Среднего Востока [Бюллетень, 2010, с. 33–79]. Участникам конференции предлагалось провести дополнительный анализ «старых» письменных памятников, уже введенных в научный оборот, и рассмотреть новые источники. Вводилась тематика художественной литературы как источника, а также обобщающих палеографических исследований. С тех пор восточное историческое источниковедение, его теория и методы стали постоянной темой для обсуждения (1981, 1984, 1987, 1990, 1993 гг.). Определенным исключением из этого правила стали БЧ-1982, основной тематикой которых были заявлены отношения духовенства и власти на Востоке [Бюллетень, 2010, с. 40–45]. Неизменной частью чтений стала рубрика «Новое о В. В. Бартольде», которая до конца сохраняла преемственность с исходной программой середины 1970-х гг.

Примечательно, что ко всем конференциям БЧ, кроме самой первой, были подготовлены сборники тезисов докладов и сообщений. Авторы докладов старались кратко, но предметно отразить в них основные результаты своих изысканий, поэтому девять книжек изданных тезисов БЧ по существу являются предварительными публикациями их будущих статей [Бюллетень, 2010, с. 79–101] и до сих пор сохраняют научную ценность.

Вскоре после распада СССР традиция проведения БЧ прервалась, и, несмотря на ряд попыток, их долго не удавалось оживить.

Возобновленные в ноябре 2022 г. Бартольдовские чтения предлагали для рассмотрения методы восточного исторического источниковедения, комплексные исследования новых и доисследования уже известных письменных памятников, вопросы специальных и вспомогательных исторических дис-

циплин – дипломатики, нумизматики, эпиграфики, сфрагистики, палеографии, ономастики, исторической географии, хронологии, генеалогии, метрологии, а также археографии рукописных письменных памятников. Продолжением и расширением традиции БЧ стало предложение рассмотреть историю отечественного и мирового восточного источниковедения в персоналиях и историографию стран и народов Востока.

Итогом активного обсуждения предложенных тем стала настоящая коллективная монография. Материалы доработанных докладов распределены в ней по четырем большим главам – «Источниковедение истории Востока», «Мемуары и источники личного происхождения в востоковедных исследованиях», «Специальные исторические дисциплины», «История и культура Центральной Азии», внутренняя структура которых представлена в алфавитном порядке авторов. Надеемся, что она станет достойным продолжением заложенной основателями БЧ традиции анализа и обсуждения письменных памятников и источников по истории Востока.

**«ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср
ва-л-Кахира» Ибн Тагриберди как источник изучения
периода мамлюкского правления в Египте**

Г. А. Гафгазлы

Институт востоковедения
имени акад. З. М. Буниятова НАНАз

Тюрк по происхождению Юсуф ибн Тагриберди ал-Атабайи является автором ценного труда о государстве мамлюков. При изучении личности автора стало известно, что он родился в Каире в 812 году хиджры (1409/1410), его прозвище Абу-ал-Махасин, полное имя – Джамал ад-Дин Юсуф ибн Тагриберди ал-Атабей ал-Яшбугави аз-Захири. Его отец, Амир Сейфаддин Тагриберди, мамлюк анатолийского происхождения, его фамилия на турецком языке записана как Танриберди/Тагриберди [Çuhadar Mustafa ve Yiğit İsmail, 1999, с. 385–386]. На седьмой странице первого тома «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва-ал-Кахира» написано об Ибне Тагриберди следующее: «Эта великая книга охватывает годы 872 (по хиджры), начиная с исламских завоеваний 20-го года хиджры, и составителем является рожденный и смертный Джамал ад-Дин Юсуф ибн Тагриберди ал-Атабайи ал-Кахирали» [Ибн Тагриберди, 1963, т. 1, с. 7].

Мать Юсуфа ибн Тагриберди также тюркского происхождения, а его отец был одним из свободных людей, занимавших особое положение во дворце мамлюков. Его отец, Амир Сейфаддин Тагриберди, служил солдатом при мамлюкском султане ал-Малике аз-Захире Баркуке (1382–1399), откуда

он получил нисбу аз-Захири [Ибн Тагриберди, 1984, т. 1, с. 318]. Амир Сейфаддин Тагриберди прибыл в Египет как вестник после подавления восстания Миндаша, поэтому султан Баркук повысил его должность и назначил главой группы безопасности (раас нубати ан-нуваб) [Коратман, 1989, с.21]. Позже Амир Сейфаддин Тагриберди стал наместником Алеппо [Ибн Тагриберди, 1984, т. 1, с. 318]. После смерти султана Баркука его сын ал-Малик ан-Насир Фарадж (1399–1412), сменивший его, повысил Сейфаддина Тагриберди до должности атабая воинов (атабай ал-асакир) [Ибн Тагриберди, 1984, т. 1, с. 318] и одновременно назначил на должность наместника (наиба) Дамаска, которую могли занимать величайшие эмиры того времени [Ибн Тагриберди, 1984, т. 1, с. 318]. В Дамаске Сейфаддин Тагриберди сражался против армии Амира Тимура и был вынужден вернуться в Египет вместе с мамлюкским султаном. После отступления армии Тимура из Дамаска он во второй раз стал наместником Дамаска [Ибн Тагриберди, 1984, т. 1, с. 318]. Однако Амир Тагриберди был обвинен в государственной измене при исполнении своих обязанностей и, опасаясь наказания, бежал и скрывался в туркменских селах Сирии. Амир Тагриберди, некоторое время живший в этих деревнях, был помилован мамлюкским султаном Фараджем (1405–1406). В то время султан Фарадж женился на Фатиме, дочери амира Сейфаддина Тагриберди. После женитьбы, в 1410 году, Амир Тагриберди в третий раз был назначен наместником Дамаска. 28 апреля 1412 года скончался Амир Сейфаддин Тагриберди [Ибн Тагриберди, 1963, т. 1, с. 10].

Когда отец Юсуфа ибн Тагриберди умер в Дамаске в 1412 году, ему было два или три года. По просьбе своих сестер он приехал в Каир из Дамаска, а так как был тестем султана и сыном великого эмира, то не остался сиротой. Его взяла на попечение старшая сестра Хаджар, которая была замужем за Насреддином ибн ал-Адимом Мухамма-

дом, ханафитским кади. В 1416 году, после смерти мужа сестры, она снова вышла замуж за Джалаладдина Абдурахмана ал-Булгуни, который был главным кади, и маленький Юсуф попал под их опеку. Таким образом, Юсуф ибн Тагриберди получил свое первое исламское образование у этих двух личностей [Ибн Тагриберди, 1963, т. 1, с. 11]. После смерти ал-Булгуни в 1421 году Ибн Тагриберди продолжил образование под покровительством мамлюков, изучал различные науки, а также брал уроки военного дела и участвовал в военных учениях [Ибн Тагриберди, 1963, т. 1, с. 11].

Сын придворного служащего Юсуф Ибн Тагриберди своим положением во многом обязан сёстрам, которые были замужем за известными людьми того времени. Участвуя во многих встречах, организованных во дворце мамлюков, он был живым свидетелем тех событий. Так, систематические встречи с мамлюкскими султанами, такими как Барсбай (1422–1438), Чахмак (1438–1453), Инал (1453–1461) и Хошгадам (1461–1467), тесный с ними контакт, участие в охотничьих церемониях и в организуемых во дворце встречах с учеными и писателями позволили ему создать данный труд. Помимо всего вышеперечисленного, он был близким другом султана Чахмака и его сына ал-Макама ан-Насира Мухаммада. Через некоторое время султан Чахмак женил сына Мухаммада на одной из племянниц Ибн Тагриберди [Мухаммед Мустафа, 1949, с. 31].

Ибн Тагриберди, который начал свое образование с заучивания Священного Корана, изучал юриспруденцию у ханафитских юристов, таких как Кади ал-Кудата (в переводе кади кадиев) Шамс ад-Дина ар-Руми, фикх у Кади ал-Баги и Кади ал-Кудата Бадр ад-Дина Махмуда ал-Айни, Нахв и литературу у Кивам ад-Дина Мухаммада бин Мухаммада и Шахабаддина Ахмада бин Омаршаха ад-Дамаски, а маани («значение») и баян («речь») у Мухиддин Кафияджи. Он присутствовал

на занятиях таких ученых, как Ибн Хаджар аль-Аскалани, Джалал ад-Дин Абу Саадат ибн Захира и Ибн Арабшах, гади Мекки, и изучал науку хадисов и определение источника хадисов от различных ученых-хадисоведов. Кроме этих наук Ибн Тагриберди, изучавший суфизм, астрономию, медицину, математику и музыку, также в совершенстве овладел арабским, персидским и турецким языками [Аль-Ханбали, 1986, т. 9, с. 472].

Среди предметов, которые он изучал, любимым была история. Он был учеником таких историков, как ал-Макризи (ум. 1441) и ал-Айни (ум. 1451), которые были известны еще при его жизни и особенно предпочитали методы и стиль ал-Макризи [Ибн Тагриберди, 1997, с. Б].

Ближе к концу своей жизни Ибн Тагриберди построил большой мавзолей рядом с мавзолеем султана ал-Малика ал-Ашрафа Инала в Каире и подарил этому мавзолею свои работы и книги. Юсуф ибн Тагриберди скончался 5 июня 1470 года и был похоронен в построенной им гробнице [Брокельман, 1993, с. 90].

Известно, что Ибн Тагриберди посвятил своё произведение «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира» сыну мамлюкского султана Чахмака (ум. 1453) Мухаммаду. Работа охватывает обширный период, начиная с мусульманского завоевания Египта в 641 году до 1468 года, и состоит из шестнадцати томов. Произведение расположено в хронологическом порядке по времени пребывания султанов у власти. В начале каждого раздела приводится полное имя и прозвище султана, затем повествуется о важных событиях, происходивших во время его правления, и причина его отстранения от власти. В конце некоторых разделов приводится информация об известных личностях, живших и умерших в тот период, а при необходимости также описываются важные события, происходившие в соседних с Египтом странах. При описании тех событий Ибн Тагриберди обращался к источ-

никам, написанным до него. Так, в своем произведении он часто ссылаясь на работы средневекового историка, своих учителей ал-Макризи (ум. 1441), ал-Айни (ум. 1451), Ибн Хаджара (ум. 1449), Ибн Арабшаха (ум. 1450). Ближе к концу произведения повествования обретают более краткий характер, события описываются обобщенно и менее красочно, чем события прошедших веков.

При внимательном рассмотрении произведения «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира» можно увидеть, что это историческое произведение содержит ряд особенностей. Во-первых, произведение является очень ценным с исторической точки зрения, происходившие события даны в хронологическом порядке, объясняются иногда до мельчайших подробностей. Вторая особенность произведения характеризуется тем, что в каждой главе рассказывается о правителе того времени, о его пребывании на престоле и мнениях о нем после его отречения. Третья особенность произведения, как мы упоминали ранее, заключается в том, что иногда в конце каждой главы даются краткие сведения о выдающихся личностях, живших в тот период. Еще одной особенностью произведения является его политический характер. Таким образом, когда автор говорил о некоторых дворцовых традициях, он показывал, соответствовали ли они дворцовому этикету, действовали ли по правилам протокола, высказывал свое личное мнение о некоторых событиях, происходивших во дворце. Именно из-за этой особенности становится ясно, что произведение было написано для сына султана или по его заказу.

Ибн Тагриберди заявил во введении к работе, что написал ее по собственному желанию, без просьбы какого-либо султана или эмира, но ближе к концу работы он признал, что написал работу при поддержке эмира Мухаммада, сын мамлюкского султана ал-Малика аз-Захира Чакмака. Главной

целью автора было закончить произведение во время правления амира Мухаммада и подарить его ему, но это не удалось, так как султан умер в молодом возрасте.

В произведении также упоминаются архитектурные, строительные или работы по благоустройству, связанные с тем периодом, или бедствия и болезни, произошедшие в этот период. При этом автор не ограничился описанием событий, происходивших только в Египте, а затронул также важные события, происходившие за его пределами, начиная с более раннего периода. В этом отношении труд «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва аль-Кахира» является ценным источником для изучения домамлюкской истории Ближнего Востока.

Одной из уникальных особенностей произведения является то, что в конце каждой главы «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира» Ибн Тагриберди представлял полную информацию о подъеме и падении уровня Нила. Подобные сведения также нашли отражение в трудах таких историков, как Ибн Абдулхахим, Ибн Зулак, Гудай, Мусаб-бихи, Ибн Муяссар, Ибн Айбак и Макризид. Из-за этой особенности Ибн Тагриберди получил звание также и историка реки Нил. При описании истории реки Нил автор ссылался на труды таких историков, как Ибн ад-Дайя, Изз ад-Дин ибн аль-Асир, Абу Шама, Ибн Василь, Ибн Касир, Ибн аль-Джаузи, Сафади, Шихаб ад-Дин Ахмад ан-Нувайри, Бирзали и Захаби. Состояние реки он описывал следующим образом: «В этом году река Нил – в прошлом году уровень воды был на семь локтей и восемь пальцев. В этом году уровень воды поднялся на восемнадцать локтей и семнадцать пальцев» [Ибн Тагриберди, 1963, т. 10, с. 116].

Более того, в своем труде «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира» Ибн Тагриберди описывал тюркские племена и государства. В произведении рассказывается о сражениях с монголами, взаимоотношениях с Азербайджаном,

в том числе представлены сведения о государстве Караго-юнлу.

Следует отметить, что Ибн Тагриберди, ссылаясь на труды предшествующих ему историков, иногда выражал свое отношение к описанным в этих трудах событиям. Так, он либо интерпретировал событие по-другому, либо добавлял больше информации, чем произведение, на которое ссылался, либо иногда заявлял, что автор неправильно объяснил событие из-за незнания им тюркского языка. По этой причине иногда можно увидеть перечисленные характеристики при сравнении «Китаб ас-сулук ли марифати дуваль аль-мулюк» Макризид [Макризи, 1138], «Китаб икд аль-джумани фи тарих ахль аз-заман» Бадраддина ал-Айни [Аль-Айни, 2009] и работы Ибн Хаджара аль-Аскаляни «Инбау аль-гумр би абнаи аль-умр» [Аль-Аскаляни, 1998]. Например, если мы посмотрим на отношения между государством мамлюков и османами, кара-монголами или Тимуром в произведении ал-Макризид, то можно увидеть, что эти события более сжато представлены в произведении Ибн Тагрибарди «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира». Причину этого, вероятно, можно понять, как желание автора избежать повторения или то, что событие не имело большого значения для мамлюков.

Ибн Тагриберди вообще не ссылался на произведение Бадраддина ал-Айни «Китаб икд ал-джумани фи тарих ахль аз-заман», когда писал об отношениях между мамлюками и кара-монголами. В обоих произведениях эти отношения показаны автором оригинально.

При сравнении произведения «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира» с произведением Ибн Хаджара «Инбау ал-гумр би абнаи ал-умр» можно увидеть, что сведения обоих произведений соответствуют только части, связанной с Амиром Тимуром.

Труд Ибн Тагрибарди «Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира» о мамлюкском государстве после Ма-

кризи, которого он с большим уважением упоминал в своих произведениях и обращался к нему как «наш шейх», насыщен ценными и богатыми сведениями. Таким образом, указанный труд затрагивает такие интересные и ценные темы, как наука, образование, повседневная жизнь султанов в государстве мамлюков, важные события из их жизни, александрийская тюрьма, свадьба, траурный обряд, другие традиции, дворцовая этика и др. Помимо всего этого, средневековый аспект произведения раскрывается в различных поэтических произведениях, использованных в каждом томе.

Три архаических мотива малайских хроник

Л. В. Горяева

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Произведения традиционной малайской историографии XIV–XIX вв., рассматриваемые в их совокупности, можно отнести к жанру так называемых «беллетризованных хроник». В европейском литературоведении этот термин используется достаточно широко применительно к сочинениям нового и новейшего времени (см. [Гринберг, 1972, с. 13]). В востоковедении подобное жанровое определение уместно, например, в отношении классической китайской книжной эпопеи («яньи»), в том числе таких сочинений, как «Путешествие на Запад» У Чэнэна и «Троецарствие» Ло Гуаньжуна [Рифтин, 1970, с. 179–250].

В регионе островной Юго-Восточной Азии (Нусантары), также именуемой Малайским миром, эти сочинения были тесно связаны с традицией местной государственности и носили соответствующие названия, например: «Родословия султанов» (*Sulalat-us-salatin*), более известные как «Малайские родословия» (*Sejarah Melayu*), «Повесть о Банджаре» (*Hikayat Banjar*), «Перакские родословия» (*Silsilah Perak*) и т.п. Самое раннее из этих сочинений – «Повесть о раджах Пасея» (*Hikayat Raja-raja Pasai*) – относится к XIV в., а самые поздние тексты этого жанра датируются I половиной XX в. В последних, как правило, описаны сравнительно недавние события, и по понятной причине эти сочинения лишены каких-либо черт архаики.

Хроники занимают особое место в ряду жанров малайской классической (или, как ее теперь принято называть, «традиционной») литературы, относящихся как к «сфере красоты» (волшебство-авантюрные романы, романтические и аллегорические поэмы), так и к «сфере пользы» (дидактические трактаты, исламские учительные сочинения, историография). В рамках этой второй группы их принято выделять в особую категорию [Брагинский, 1983, с. 249–275]. Исследователи подчеркивали и чисто малайский характер хроник, в отличие от большинства произведений нарративного жанра, восходящих к индийским, яванским или персидским прототипам [Maxwell, 1881, p. 499].

Начало малайской историографии, как и малайской письменной традиции в целом, связано с приходом ислама и арабской письменности, адаптированной для малайского языка (aksara Melayu-Jawi). В ряде хроник островной Юго-Восточной Азии нашли свое отражение мифы и легенды, имевшие хождение в устной форме на всем протяжении Нусантары, от Малакского полуострова и Суматры до Филиппин. Их создатели, малайцы-мусульмане, чьи имена по большей части не сохранились, обычно открывали свое повествование легендой о чудесном происхождении основателей местной династии. Затем следовал рассказ о деяниях нескольких поколений их потомков вплоть до времени создания окончательной письменной версии памятника.

На примере упомянутой выше хроники – «Повести о раджах Пасея» – архаические мотивы, и прежде всего мифы о происхождении правящих династий Нусантары, уже рассматривались нами ранее [Горяева, 2015, с. 43–46]. В данной статье список источников и география мифов о происхождении представлены шире и не ограничены ни пределами Малайского архипелага, ни собственно жанром письменной хроники.

Первым из исследователей, предложившим систематическое описание мифов о происхождении, стал британский ученый Уильям Максвелл (1846–1897), в течение двух десятков лет работавший редактором «Журнала Королевского Азиатского общества (Отделение-на-Проливах) /Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society». Его перу принадлежит, в частности, объемная статья «Принцесса из пены и бамбуковый раджа» [Maxwell, 1881, p. 499–523], где Максвелл описал все известные ему мифы о происхождении, встречающиеся как в письменной, так и в устной традиции архипелага.

Внимание автора было сосредоточено по преимуществу на областях, находившихся в то время в зоне влияния Великобритании: Малаккском полуострове и севере Калимантана, хотя и не только на них. За почти полтора столетия, прошедшие со времени публикации статьи, круг опубликованных текстов существенно расширился, и указанные мотивы стало возможным обнаружить еще в целом ряде малайских письменных источников¹. Наконец, что не менее важно, исследования по фольклору архипелага (по большей части отнюдь не академического характера), публикуемые в интернете в последние годы, позволяют взглянуть по-новому на представленный Максвеллом материал.

Как явствует из заглавия статьи британского исследователя, в центре его внимания находится распространенный мотив о детях, появившихся на свет из бамбука или речной пены. Однако не менее важным элементом мифа о происхождении является *мотив белой крови* как признака божественной природы героя.

Рассмотрим более широкий круг текстов и представим в виде таблицы все три указанных мотива. Как можно заметить, они нашли свое отражение не только в самых ран-

¹ В статье использован наиболее полный из имеющихся интернет-ресурсов малайских письменных памятников XIV–XIX вв. – Malay Concordance Project [<https://mcp.anu.edu.au/>].

них беллетризованных хрониках, но и в более поздних текстах, а также в устной традиции Юго-Восточной Азии – как островной, так и материковой².

источник	бамбук	пена	белая кровь
<i>Повесть о раджах Пасея / Hikayat Raja Pasai</i>	+	+	
<i>Повесть о Серу Раме / Hikayat Seri Rama</i>	+	+	
<i>Повесть об Аче / Hikayat Aceh</i>	+	+	
<i>Повесть о Меронге Махавангсе / Hikayat Merong Mahawangsa</i>	+	+	
<i>Повесть о Патани / Hikayat Patani</i>	+	+	+
<i>Малайские родословия / Sejarah Melayu</i>		+ ³	
<i>Повесть о Банджаре и Кота-Варингине / Hikayat Banjar dan Kota Waringin</i>	+		
<i>Повесть о Сиакке / Hikayat Siak</i>	+		
<i>Сказание о Кутее / Cerita Kutai</i>	+	+	
<i>Перакские родословия / Silsilah Perak</i>		+ ⁴	
<i>История низовьев Баруса / Tambo Barus Hilir</i>	+		
<i>Келантанские родословия / Sejarah Kelantan</i>	+	+	
<i>Драгоценный дар / Tuhfat an-Nafis</i>	+		
Легенда о Даме-с-Белой-Кровью, Пхат-талунг			
(ю.-в. Таиланда)	+		
Легенда о Махсури, сев. Кедах	+		

² В таблице письменные источники обозначены курсивом, а устные – прямым шрифтом. Ссылки на интернет-ресурсы, посвященные легендам, даны в библиографии.

³ Речная пена становится принцессой, а пена/слюна из пасти быка – раджей. Комм. см. [Ревуненкова, 2008, с. 142–143].

⁴ Пена из пасти быка становится раджей.

источник	бамбук	пена	белая кровь
Легенда о Принцессе Белой Крови (Перак)	+	+	+
Легенда о Путри Чик Сити Фатимах, Паханг	+		
Легенда о Путри Седаро Путих, Бенгкулу (Суматра)			+ ⁵
Легенда о Воине Белой Крови, защитившем о-ва Серибу (ю.-в. Суматры) от пиратов	+		
Легенда о Датук Белой Крови, защитнике Джамби (Центр.Суматра) от голландцев	+		
Легенда о Царе Белой Крови, Лампунг (Юж.Суматра), сыне мусульманского святого Сунана Гунунг Джати	+		
Легенда о Воине Белой Крови, защитнике о.Пангганг (между Суматрой и Явой) от пиратов, уроженце юга Сулавеси	+		
Легенда о двух женах Бравиджайи, правителя Маджапахита, найденных им на западе Калимантана (Борнео)	+	+	
Легенда о девушке из пены, юг и восток Калимантана (Борнео)	+		

Как можно заметить, «бамбуковый» и «пенный» мотивы примерно в одинаковой мере представлены в рассмотренных нами письменных источниках (8 и 10 вхождений соответственно), тогда как мотив белой крови представлен шире (17 вхождений) и чаще звучит в устном предании. География последнего весьма обширна и простирается от юга современного Таиланда до Суматры, Явы и Калимантана. Согласно доступным для нас данным, северной границей распространения мотива белой крови можно, по-видимому, считать юг Сиама, а точнее, Пхатталунг, расположенный на берегу Си-

⁵ Только имя указывает на белую кровь

амского залива, к северу от Патани [Gesick, 1995, p. 41, 62, 84]. В «Повести о Патани», как видно из таблицы, этот мотив соседствует с мотивами бамбука и пены. Отметим также, что все три мотива одновременно встречаются в устных преданиях *оранг асли*, коренного населения полуостровной Малайзии (по преимуществу у семангов) [Maxwell, 1881, p. 501–504].

Мотив «белой крови» – возможно, в силу его менее «сказочного» характера, в отличие от рождения из бамбука или пены, – устойчиво присутствует в устной традиции позднейших времен. В числе персонажей, обладающих этим свойством, выступает, например, один из *вали сонго*, девяти святых проповедников ислама на Яве, – султан Бантена и Чиребона Сунан Гунунг Джати (1448–1568). Он отправляется через пролив, на юг Суматры, чтобы помочь местному правителю справиться с бесчинствующими там разбойниками, и ставит условие: платой за его услугу должно стать принятие ислама жителями Южного Лампунга. Одержав победу, герой женится на дочери правителя, рождается сын, но вскоре дела влекут Сунана Гунунг Джати назад, на Яву. Спустя немало лет его сын отправляется вслед, чтобы вновь обрести отца. Чтобы проверить, правда ли юноша – его сын, герой делает надрез у него на лбу, и выступившая белая кровь служит подтверждением его отцовства.

Упомянем также прославленного Воина Белой Крови (Pendekar Darah Putih), жившего в начале XX в. Уроженец Южного Сулавеси, он приехал на о. Панганг, расположенный в Яванском море, севернее Батавии (Джакарты), и там проявил себя как герой, защищая остров от морских разбойников и произвола голландских властей. По легенде, после кончины Воина у его могилы вырос куст с белыми цветами, обладающими целебными свойствами. Место упокоения героя и поныне почитается местными жителями и является туристической достопримечательностью.

Наконец, Вождь Белой Крови (Datuk Darah Putih), чья память чтится в Джамби, на западе Суматры, – военачальник, которому его правитель приказывает отразить нападение голландцев. Он одерживает победу, но война приобретает новый оборот, и героя ранят. Второе наступление врага отброшено, но Вождь погибает, оплаканный семьей и соратниками.

Обращает на себя внимание устойчивость сюжета о Герое-с-Белой-Кровью, который в разные эпохи сражается на стороне сил добра – сначала против «злодеев вообще», разбойников, которыми от века кишело морское пространство Нусантары, а затем и против голландцев, нового воплощения неизменного фольклорного «антагониста». Развиваясь в рамках устной традиции, образ этот претерпевает существенную трансформацию. Из мифического персонажа небесного происхождения, призванного основать династию и править на земле, Герой-с-Белой-Кровью становится воителем, защитником своей страны и верным слугой ее государя.

Источники, перечисленные выше, как и сама таблица, не исчерпывают, разумеется, всей темы «белой крови», как и прочих архаических мотивов, присутствующих в малайских нарративных источниках, письменных и устных. Более подробное исследование позволило бы, в частности, нарисовать некую «карту сюжетов» и показать, каким образом они распределялись по территориям Юго-Восточной Азии – как островной, так и материковой, а возможно, и выйти за ее пределы. Отдельного внимания заслуживает вопрос, в какой мере чётка граница между письменным и устным «историческим» нарративом, особенно в малайском контексте.

Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК) как источник по истории присоединения Крыма к России в 1783 г.

О. М. Курникова

ФГБУН Институт востоковедения РАН

В результате победы России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., отказа от власти и престола крымского хана Шахин-Гирея в феврале 1783 г. и манускрипта, изданного императрицей Екатериной II 8 апреля 1783 г., Крым вошел в состав Российской империи.

28 июня 1783 г. указом Екатерины II все население Крыма стало российскими подданными.

В июне 1783 года было создано Крымское Земское Правительство. Командующим русскими войсками в Крыму на тот момент являлся генерал граф Антон Богданович де Бальмен, на смену которому в августе 1783 г. был поставлен генерал барон Осип Андреевич Игельстром.

В конце 1783 г. было организовано Таврическое областное правление, в состав которого входили как представители земского правительства, так и представители от крымских татар. По указу императрицы Екатерины II от 02 февраля 1784 г. образована Таврическая область, состоявшая из Крымского полуострова и Тамани, управляемая генерал-губернатором князем Григорием Александровичем Потёмкиным.

Итак, земли Крыма вошли в состав Российской империи и требовали немалых усилий, для того чтобы стать полноценной частицей империи.

Надо отметить, что приобретение территорий Крымского полуострова стало для России долгожданным и желанным, поэтому новоприобретенному краю было уделено много внимания и забот, выделены значительные средства для восстановления и приведения его в порядок, так как вследствие военных действий города Крыма были почти полностью разрушены и разорены. Григорий Александрович Потёмкин издал множество указов и предписаний в отношении Крымского полуострова в совершенно разных областях, затрагивающие всевозможные аспекты жизни края.

Земли и доходы Крыма, ранее принадлежавшие турецкому султану, крымскому хану, теперь перешли к России, первоочередной и важнейшей задачей, стоявшей перед князем Григорием Александровичем Потёмкиным, была необходимость проведения подробного и детального описания новоприобретённых территорий, составления статистических, топографических документов: карт как всего полуострова, так и отдельно городов.

14 августа 1783 г. граф де Бальмен получил указание от князя Г. А. Потёмкина о необходимости предоставления статистических сведений о городе Кефе (нынешней Феодосии), которая являлась столицей османского эялета Кефе на протяжении трех столетий с 1475 по 1774 г. [Мурзакевич, 1881, с. 280].

15 октября 1783 г. от князя Григория Александровича Потёмкина следует новое распоряжение барону Осипу Андреевичу Игельструму: «Как уже опасность заразы в Крымском полуострове притупляет свою жестокость, а при добрых с вашей стороны распоряжениях нет сомнения, и о совершенном ее истреблении, то по сему сближению с жителями рекомендую в.п. доставить ко мне следующие известия:

1) О числе состоящих во всем Крымском полуострове церквей христианских, не исключая и разрушенных, а назначая сие только в описании, 2) О числе всех христиан-

ских деревень в Крыму оставшихся по выходе христиан, исчисля также, совсем ли, или еще не до конца оные разорены и сколько в оных домов. – Нужно мне также сведение о всех вообще селениях татарских, показав сколько оных и к которому дистрикту какие принадлежат. Новость настоящего состояния татар требует всей с ними деликатности, особливож при таковых извещениях, дабы не привести их оными в сумнительство и опасение, в чем я и полагаюсь на известное в.п. благоразумие. Препровождаю здесь записки о разных в доход Ханской зборах, по которой в.п. через людей сведущих постарайтесь узнать: какую сие зборы составляли годовую сумму и меня о том уведомяте...»¹ [Мурзакевич, 1881, с. 286].

Далее в требовании князя Потёмкина содержались еще некоторые вопросы, например, о доходах края, о налогообложении и другие.

Барон Осип Андреевич Игельстром предоставил князю Г. А. Потёмкину детальные статистические материалы касательно состояния Крымского полуострова: «Ведомость, какия именно состоятъ в крымском полуострове каймаканствы, кто именно, в котором каймаканом состоит, сколько в каждом каймаканстве кадылыков, а во всяком кадылыке сколько деревень. Декабрь 17 дня 1783 г.»; «Ведомость о числе домов в городах Крымского полуострова татарских и жидовских»; «Ведомость о числе христианских деревень, оставшихся после христиан с показанием в них числа дворов в таком и сколько в котором городе христианских домов, состоит»; «Ведомость о числе церквей христианских в крымском полуострове целых и разрушенных» и др. [Лашков, ЗООИД, 1888, с. 92–156].

На основе статистических ведомостей барона О. А. Игельстрема было создано «Камеральное описание Крыма 1784 г.». Этот документ получил заглавие: «Регистр разным письмам,

¹ Здесь и далее в цитатах сохранена орфография и пунктуация источника

изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 г. – июня 1784 г.» [РГВИА, Ф. 52, Оп. 1, Д. 336; Лашков, ИТУАК, 1887, 1888, 1889].

Структура данного документа была построена по системе вопрос-ответ. Барон О. А. Игельстром адресует список вопросов своим подведомственным лицам: администрации края, каймакам, высшим чиновникам, например, казнадару, директору монетного двора и др. На основе собранной информации были подготовлены следующие подробные сводные материалы о положении новых земель, включенных в состав России:

«1) Где расположены войска и под чьим начальством таких где коменданты и кто именно.

2) Список членам Крымского Правительства.

3) Исчисление о всех доходах крымских при хане Шагин-Гирее, писанное 27 числа Ноября прошлого 1783 году.

4) При ней четыре перевода с регистром о тех деньгах и четыре объяснения, взятых с словеснаго объявления, означенные №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12.

13). Перевод с регистра о выделанной монете при хане Шагин-Гирее и какое объяснение взятое с словеснаго показания означены номерами 13 и 14.

15) Какое имело содержание Крымское духовенство.

16) Перевод с письма Ширинскаго бея касательно до содержания духовных.

17) Перевод с регистра, по которому означается каждому из духовных какое давалось денежное жалованье.

18) Четыре оклада пошлинам один для Кефинской таможи, другой Перекопским и Арабатским воротам, третий на Карас-Базар и четвертый на Бахчисарай означенные номерами 18, 19, 20 и 21.

22) О числе и разделении уездов в Крымском полуострове и кто именно, и где каймаканами находятся.

23) Шесть регистров, изъясняющих имена деревень в каких оныя Каймаканствах и Кадылыках означены номерами 23, 24, 25, 26, 27 и 28.

29) О числе домов татарских и жидовских в городах.

30) О числе христианских деревень и о их названиях с показанием числа дворов.

31) Ко сему исчислению деревень христианских два перевода означенныя номерами 31 и 32.

33) О числе церквей христианских.

34) О числе мечетев.

35) Пополнение о числе деревень в одном Кадылыке Карасу-базарскаго Каймаканства и в целом Кефинском Каймаканстве.

36) Пополнение же о числе деревень христианских и дворов в городе Кефе.

37) Пополнительное исчисление церквей христианских.

38) Пополнительное исчисление мечетев.

39) О киргизах, жительствующих за перекопской линией.

40) Список начальствующих в селениях оных киргизов також и моллам в каждом ауле.

41) Список мурзам по их поколениям.

42) Перевод с письма Ширинаскаго бея Мехмедши с регистром о жаловании для земских служителей.

43) Перевод с регистра означающего какое было от хана Шагин-Гирея, кому давано помесечно жалованье.

44) Перевод с другаго регистра, означающего годовое жалованье от хана Шагин-Гирея производимаго.

45) Тариф для таможен по образу бывшаго при последнем хане правления.

46) Ордер мой о карантинах.

47) Бывшему здесь правительству предложение об язве.

48) О числе Каймаканам велено было мне рапортовать.

49) Как поступать с выезжающими из Крыма татарами.

50) О приходящих и отходящих кораблях, как рапортовать и какая ведомости присылать.

61) Как осматривать пришедшие корабли.

62) В какие времена какая ведомости его светлости князю Григорию Александровичу были посланы.

63) Регистр кому какое жалованье из таможенных сборов производится» [РГВИА, Ф. 52, Оп. 1, Д. 336, Л. 1–4; Лашков, 1887, с. 22–24].

Подготовленное бароном Игельстромом «Камеральное описание Крыма 1784 г.» по своему содержания представило собой документ, значительно превышающий требования запроса князя Потёмкина.

В него вошли не только сведения о состоянии дел Крымского полуострова в различных его аспектах, но оно ещё содержало, например, и рекомендации об установлении таможенных тарифов, описание мер по предупреждению заразных заболеваний, назначение годового жалованья земским служащим и многие другие сведения, которые давали возможность российскому правительству получить реальные представления о новоприобретённых территориях и разрабатывать стратегию по дальнейшему благоустройству и развитию данного региона.

Сейчас вышеописанный документ хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве, а в XIX в. учёные, занимающиеся исследованием истории и археологии Крыма, начинают объединяться в различные общества для изучения, систематизации и публикации исторических документов, а также для сохранности археологических памятников Крыма.

Так в 1887 г. в Симферополе была создана Таврическая учёная архивная комиссия. Эта организация объединяла как знаменитых учёных, краеведов, исследователей Крыма, так и любителей истории и древностей Крымского полуострова. Такие комиссии создавались в дореволюционной

России в разных областях и регионах по Положению Комитета министров «Об учреждении учёных архивных комиссий и исторических архивов», утверждённому в 1884 году императором Александром III. Всего было образовано 39 губернских учёных архивных комиссий, в том числе и Таврическая.

Основной задачей комиссии представлялась цель наладить делопроизводство, систематизировать документацию в государственных организациях и архивах. Члены комиссии входили в неё на добровольных началах, и обязательным членом комиссии был губернатор края. Руководились комиссии как местными органами власти, так и Академией наук.

Таврическая учёная архивная комиссия стала седьмой по счёту из создаваемых комиссий и изначально не имела своего помещения и размещалась в губернской земской управе.

Деятельность комиссии состояла из открытых заседаний, на которых члены комиссии и приглашенные гости представляли вниманию аудитории свои доклады, также на этих заседаниях решались организационные вопросы. Обязательно велись протоколы и составлялись отчёты, которые также публиковались. Комиссия занималась сбором сведений о древних исторических памятниках, организацией их охраны и реставрации, разбором архивных документов, составлением археологических карт и т. д.

Начинают издаваться «Известия Таврической учёной архивной комиссии» (ИТУАК), в которых публиковались архивные документы и материалы по Крыму разных временных периодов.

С 1887 по 1920 г. было издано 57 номеров этого сборника, где печатались статьи исследователей истории и археологии Крымского полуострова и исторические источники. Немало архивных документов по истории Крыма было опубликовано в материалах этого сборника Таврической учёной архивной комиссией (ТУАК).

Таким образом, русский историк, архивист Фёдор Фёдорович Лашков на страницах ИТУАК опубликовал «Камеральное описание Крыма 1784 г.», чем сделал этот документ более доступным для изучения и использования. Издано «Камеральное описание Крыма 1784 г.» во втором, третьем, четвёртом, шестом, седьмом и восьмом номерах за 1887, 1888 и 1889 годы [Лашков, 1887, 1888, 1889].

Как уже упоминалось выше, князь Григорий Александрович Потёмкин прилагал немало усилий для обустройства Крыма в различных областях. В сообщении члена комиссии Г. К. Кириенко говорится, что «в архивах Губернского Правления хранились 11 книг большого формата, включавших в себя ордера князя Григория Александровича Потёмкина с 1784 по 1791 года, и ордера преемника Потёмкина графа Платона Александровича Зубова с 1792 по 1796 года. Эти ордера содержат в себя распоряжения Потёмкина и Зубова, данные правителям Таврической области Каховскому и Жегулину, и представляют наглядный материал по истории Крыма» [Кириенко, 1888, с. 1]. Из них мы видим, как обустроивался край, что происходило на полуострове, какие меры предпринимались, чтобы превратить Крым в одно из лучших мест Российской империи, какими идеями и замыслами был полон Григорий Александрович Потёмкин и его последователи [Кириенко, 1888, 1889, 1890].

Много ордеров князя Потёмкина посвящено вопросам заселения Крыма христианским населением. В Крым переселяли крестьян из внутренних районов России, отставных солдат. Охотно принимали в Крыму поляков, болгар, немцев, греков и представителей других народов, исповедовавших христианство. Внимание уделялось тому, как переселенцы размещены, сколько дано им скота, земли, как они обживаются на новом месте.

Особое место в ордерах князя Потёмкина занимают указания о взаимодействии с местным населением, испо-

ведущим ислам. В его указах прослеживается в первую очередь стремление сохранения спокойной обстановки и поддержания безопасности на полуострове ввиду вновь обострившихся политических отношений между Россией и Османской империей и назревающей войны. Поэтому Россия проводила политику переселения турок из Крыма, а также татар, не желавших становиться подданными Российского государства, а с теми, кто решил остаться жить в Крыму все же пытались устанавливать дружественные отношения, предлагая выгодные условия в различных сферах жизнедеятельности, а также обещая неприкосновенность их верованиям и восстановление культовых сооружений. Сведения о заботе о населении Крымского полуострова других национальностей – армянах, греках, евреях – также содержится в ордерах князя Потёмкина.

Особое место среди указов Григория Александровича Потемкина занимают документы, где даны распоряжения о возрождении и активном развитии сельского хозяйства. Крымский полуостров славится своими климатическими особенностями, благодаря которым многочисленные отрасли сельскохозяйственной деятельности могут процветать и приносить огромный доход в государственную казну. Правительство всячески способствовало и предоставляло разного вида льготы для развития виноградарства, садоводства, огородничества, табаководства, животноводства и других отраслей сельского хозяйства.

В ордерах содержатся указания по благоустройству городов Крыма, строительству дорог, развитию торговли и ремёсел, улучшению бытовых условий жителей Крыма. Об этих и многих других планах по благоустройству новоприсоединённого Крымского полуострова можно узнать из распоряжений правителей данной территории, которые публиковались членами Таврической учёной архивной комиссии на станицах «Известий».

В заключение хочется добавить, что в Известиях Таврической учёной архивной комиссии во многих номерах сборника в конце печаталось приложение с личным составом членов Таврической учёной архивной комиссии.

Так, в выпуске № 53 за 1916 год [ИТУАК, 1916, с. 253] и № 55 за 1918 год [ИТУАК, 1918, с. 386] мы находим, что с 3 сентября 1916 года Василий Владимирович Бартольд являлся действительным членом Таврической учёной архивной комиссии, о чем свидетельствует «Протокол заседания Таврической Учёной Архивной Комиссии, заседание 3-го сентября 1916 г. Под председательством председателя Комиссии А. И. Маркевича, присутствовали члены: М. В. Агапов, И. Ф. Александров, Л. Е. Галкин, А. Я. Гидалевич, Л. В. Жирицкий, И. С. Кабан, А. Ф. Кудрицкий, И. В. Ларионов, Ф. Ф. Лашков, А. Н. Маркевич, Х. Х. Мецгер, свящ. А. Я. Михайловский, прот. А. П. Сердобольский, А. И. Царик, П. В. Чиннов, правитель дел П. В. Маслов и гости: Н. Д. Полонская и Е. А. Барт.

XX. Председатель Комиссии предложил в ее члены: академика-ориенталиста, профессора Василия Владимировича Бартольда...

Постановлено: избрать ... <В.В. Бартольда – О.К.> в действительные члены Комиссии в настоящем заседании» [ИТУАК, 1919, с. 273–274].

В протоколе заседания комиссии от 13 октября 1916 года записано:

«III. Доложено письмо академика В. В. Бартольда с выражением благодарности за избрание его в члены Комиссии. Постановлено: записать в протокол» [ИТУАК, 1919, с. 278].

Краткое собрание ханских ярлыков русским митрополитам: уникальная информация о выплатах Золотой Орде с русских земель

С. А. Маслова

Институт Российской истории РАН

Система зависимости русских земель от улуса Джучи (Золотой Орды) – сложное явление, важнейшим элементом которого являлись налогово-даннические отношения. Одним из важнейших источников, повествующем о налоговых обязательствах русских земель, является краткое собрание ханских ярлыков русским митрополитам.

Краткое собрание было создано в конце XIV – начале XV вв. В это время в московском митрополичьем доме на русский язык были переведены шесть грамот ордынских правителей. В состав краткого собрания входят: 1) ярлык хана Тюляка, выданный в 1379 г. митрополиту Михаилу; 2) грамота ханши Тайдулы, выданная в 1347 г.; 3) ярлык Менгу-Тимура, выданный в 1267 г.; 4) грамота Тайдулы, выданная в 1351 г. митрополиту Феогносту; 5) ярлык хана Бердибека, выданный в 1357 г. митрополиту Алексею; 6) грамота Тайдулы, выданная в 1354 г. митрополиту Алексею; 7) заключение от составителя собрания.

Традиционно все документы собрания называются «ярлыками», но это не совсем корректно. Ярлык – письменный указ, приказ, повеление, предписание собственным подданным или главам зависимых стран, исходящий от хана. Документы, принадлежащие лицам не ханского происхождения, ярлыками

не являются [Усманов, 1979, с. 7–8]. Таким образом, грамоты ханши Тайдулы ярлыками называться не могут.

Оригиналы ярлыков, выданных русскому духовенству, не сохранились. Исследователям доступен только их перевод на русский язык. Однако это обстоятельство не меняет того факта, что ярлыки являются одним из самых информативных источников о выплатах русских земель в пользу Золотой Орды. Они содержат целый перечень налогов, собираемых с русских земель, а также список монгольских должностных лиц, которые имели отношение к сбору выплат.

В ярлыках упомянуты такие наименования податей как «война», «дань», «дар», «запрос», «тамга», «корм», «мзда», «питье», «подвода», «поплужное», «почестие», «пошлина», «ям». Некоторые из этих названий встречаются только в ярлыках – «война», «питье» и «поплужное». Среди налоговой терминологии ярлыков краткого собрания есть наименования, которые встречаются и в других источниках, однако в качестве податей, взимаемых в пользу Золотой Орды, они фигурируют только в ярлыках. Таковыми являются «корм», «подвода» и «почестье».

Война в качестве особой ордынской повинности встречается только в ярлыке Менгу-Тимура 1267 г.: «Дань ли или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, война кто чего ни попросить и рькли были дати, кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили. Тако молвя по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просясть; ям, война, тамга не дають» [ПРП, 1955, с. 467].

В историографии не предложена развернутая характеристика этой подати. Краткая справочная информация приведена в виде комментария к термину в издании ярлыков в третьем выпуске «Памятников русского права». В публикации «война» названа поставкой рекрутов во время военных действий [ПРП, 1955, с. 477]. В «Словаре русского языка

XI–XVII вв.» термин трактуется как «повинности, поборы, связанные с ведением войны» [Словарь, 1975, с. 310].

В источниках русского происхождения поставки русских рекрутов, а также какие-либо поборы, связанные с походами монголов, не зафиксированы. Русские летописи рассказывают об участии русских войск в боевых действиях совместно с ханскими войсками. Во второй половине XIII в. русские отряды несколько раз принимали участие в военных кампаниях монголов.

В 1258 г. Бурундай «посла же послы к Данилови река идоу на Литвоу оже еси мирень поиди со мною» [ПСРЛ, 2001, стб. 846]. Даниил не принял участие в походе. Вместо него к монголам направился его брат Василько [ПСРЛ, 2001, стб. 846].

В 1277 г. Ногай требовал от князей южных земель Руси, Льва Даниловича Галицкого, Владимира Васильковича Волынского и Мстислава Даниловича Луцкого, войск для похода на Литву: «Присла оканьнии и безаконьнии Ногаи послы своя с грамотами Тегичага Коутлоубоугоу и Ешимоута ко Лвови и Мьстиславоу и Володимѣрю тако река всегда мь жалоуете на Литвоу осе же вы даль есмь рать и воеводу с ними Мамьшѣя поидете же с ним на вороги своѣ» [ПСРЛ, 2001, стб. 876]. Князья отправились в поход.

В 1277 г. многие русские князья, среди которых упомянуты Глеб Василькович, Константин Борисович, Федор Ростиславич, Андрей Александрович и «инии князи мнози с бояры и слугами», приняли участие в походе Менгу-Тимура на ясов, в результате которого был взят город Деяков [ПСРЛ, 1913, с. 75].

В 1285 г. вновь Ногай прислал требование русским князьям присоединиться к монгольскому походу: «пришедшоу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебоузѣ с нимь на Оугры в силѣ тяжьцѣ во бещисленомъ множествѣ вѣлѣша же с собою поити Роускимъ княземъ» [ПСРЛ, 2001, стб. 888]. По причине болезни в походе не участвовал Вла-

димир Василькович. Вместо себя он отправил племянника Юрия Львовича [ПСРЛ, 2001, стб. 888].

В 1286 г. требование повторилось: «Телебоуга же посла ко Заднѣпрѣскимъ княземъ и ко Волыньскимъ ко Лвови и ко Мѣстиславоу и к Володимѣроу веля имъ поити с собою на воиноу» [ПСРЛ, 2001, стб. 892].

Во всех этих случаях речь идет не о предоставлении русских людей монголам или присутствии некоторого количества русских войск в составе монгольской армии. Согласно летописным известиям, русские военные отряды возглавлялись князьями. Им поступал прямой приказ выступить на стороне монголов. Летописи свидетельствуют о том, что этот приказ имел целью не только укрепить боевую мощь монгольской армии, но также подтвердить лояльность русских правителей. Князья были вынуждены подчиняться.

Привлечение воинских контингентов покоренных регионов – известная практика монгольских правителей. Китайская хроника «Юань-ши» повествует о том, что Субедей «набрал войско из хабичи, гэрун-ко'уд и прочих, [из числа которых] каждый пятидесятый человек последовал за ним» [ЗОВ, 2009, с. 231]. В походе Хулагу на Багдад участвовал правитель Киликийский Армении Гетум [Гандзакеци, 1976, с. 227]. Сохранились ярлыки правителей империи Юань и государства Хулагуидов. В этих ярлыках какие-либо обязанности по поставке воинских контингентов отсутствуют.

В ярлыке Менгу-Тимура «воина» представляется вставкой, призванной увеличить число разнообразных повинностей, от выполнения которых освобождались представители русского духовенства.

Корм – содержание представителей государственной власти.

В качестве ордынской подати корм упомянут только в ярлыках Менгу-Тимура, Бердибека и Тюляка, а также в грамоте Тайдулы 1351 г.

Ярлык Менгу-Тимура: «Тако молвя по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просятъ; ям, война, тамга не дають» [ПРП, 1955, с. 467].

Ярлык Бердибека: «Так есмы млъвили – и кая дань ни будеть или пошлина, не емлют у них, ни подвод, ни кормов, ни пития, ни запросов, ни почестия не въздають» [ПРП, 1955, с. 469].

Ярлык Тюляка: «Тако есмы възмолвили: ино никакова дань, ни которая пошлина, ни подвода, ни корм, ни питье, ни запрос, ни даров не дадутъ, ни почестья, не въздають никакова» [ПРП, 1955, с. 465–466].

Грамота Тайдулы: «А пошлина ему не надобе, ни подвода, ни корм, ни запрос, ни каков дар, ни почестия не въздаст никакова, ни люди его» [ПРП, 1955, с. 468].

В источниках русского происхождения нет сведений о предоставлении монгольским чиновникам подати под названием «корм». Однако русские князья были обязаны обеспечить приезжавших монгольских послов. Самое раннее известие об этой обязанности зафиксировано в договоре великого князя Василия Дмитриевича с серпуховско-боровским князем Владимиром Андреевичем 1390 г.: «а что ординьская тягость и коломеньский посолъ, коли еси былъ в своей очинѣ, а то намъ по розочту. А володимерьский послы, какъ ты выѣхал и своѣ очины, а тотъ ти проторъ не надобѣ» [ДДГ, 1950, № 13, с. 38].

В качестве повинности корм известен с домонгольских времен. Он отмечен в ряде статей Ипатьевской летописи: рассказ о событиях 1018 г.: «И рече Болеславъ: ‘разведете дружину мою по городомъ на кормъ’» [ПСРЛ, 2001, стб. 130]; запись под 1152 г.: «И не даша Петрови ни повоза, ни корма» [ПСРЛ, 2001, стб. 462]; известие о действиях Даниила Романовича в 1234 г.: «И прия землю Галичьскоую, и разда города бояромъ и воеводамъ, и бѣаше корма оу нихъ много» [ПСРЛ, 2001, стб. 771].

Договоры великих князей с Новгородом, а также жалованные грамоты князей монастырям свидетельствуют о том, что в период монгольского господства корм сохраняет свое значение содержания представителей княжеской администрации [ГВНП, 1949, № 83, с. 141–142; № 84. С. 142; АСЭИ, 1964, № 190, с. 204; ПРП, 1953, с. 198; АСЭИ, 1964, № 116. С. 152–153]. В актовом материале с конца XIV в. корм оговаривается в качестве содержания русских воинских контингентов [ДДГ, 1950, № 15, с. 41; № 37, с. 106; № 59, с. 187, 190; № 63, с. 202, 205]. В значении содержания русских феодалов и их представителей корм отмечен во многих грамотах XV в. [АСЭИ, 1952, № 50, 55, 76 и др.; АСЭИ, 1958, № 49, 66, 76 и др.; АСЭИ, 1964, № 13, 21, 34 и др.; АФЗХ, 1951, № 5, 6 и др.; АФЗХ, 1956, № 1, 3, 4 и др.].

В источниках русского происхождения корм как побор в пользу представителей монгольской власти не фигурирует. Однако в этом значении он отмечен в ярлыках ордынских правителей конца XIV в. – Тохтамыш и Тимур-Кутлуга. Ярлык Тохтамыша 1392 г. гласит: «Отныне и впредь на Сюткель [подать], ‘салык’ называемую, пусть не налагают; подводы и корма пусть не домогаются» [Григорьев, 1981, с. 128]. Ярлык Тимур-Кутлуга 1398 г.: «Кормов и фуража [от них] пусть не домогаются» [Григорьев, 1981, с. 127].

Такая повинность как «корм», отмеченный в ярлыках ордынских правителей, выданных русским митрополитам, не является домыслом переводчика ярлыков. Подобная подать действительно существовала и по-тюркски называлась *susun* [Григорьев, 1981, с. 127].

Питье, «питие» в качестве ордынской подати зафиксировано только в ярлыках Бердибека и Тюляка. Ярлык Бердибека: «Так есмы мльвили – и кая дань ни будеть или пошлина, не емлют у них, ни подвод, ни кормов, ни пития, ни запросов, ни почестия не въздають» [ПРП, 1955, с. 469]. Ярлык Тюляка: «Тако есмы възмолвили: ино никакова

дань, ни которая пошлина, ни подвода, ни корм, ни питье, ни запрос, ни даров не дадут, ни почестья, не въздають никакова» [ПРП, 1955, с. 465–466].

В других источниках питье в качестве подати в пользу как ордынской, так и русской администрации не фигурирует. Единственное упоминание питья, имеющее отношение к русско-монгольскому взаимодействию, содержится в Ипатьевской летописи. В 1245 г. Даниил Галицкий ездил к Батыю. Батый спросил русского князя: «Пьеши ли черное молоко, наше питье кобылии коумоузъ» [ПСРЛ, 2001, стб. 807]. Даниил ответил, что ранее не пил, но если будет ханская воля, то выпьет, что и был вынужден сделать [ПСРЛ, 2001, стб. 807].

Питье в тексте ярлыков следует сразу за кормом и представляется вставкой, специально внесенным термином, по смыслу дополняющим термин «корм».

Подвода – транспортная повинность. По мнению И. А. Гурлянда, «подвода» представляла собой обязанность предоставлять только лошадей, без транспортных средств [Гурлянд, 1900, с. 26, 40]. До монгольского нашествия существование подобной подати не фиксируется. Первое упоминание подводы относится к ярлыку Менгу-Тимура [ПРП, 1955, с. 467]. Подвода также обозначена в грамотах Тайдулы, Бердибека и Тюляка [ПРП, 1955, с. 468, 469, 465].

В период зависимости подвода собиралась в пользу представителей русской администрации. Самое раннее упоминание подводы в источниках русского происхождения отмечено в указной грамоте великого князя Андрея Александровича на Двину 1294–1304 гг.: «а ватамманъ Ондрѣи Критцкыи, отъ дають с погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма како поидеть с моря с потками с данными по данничу пути, дадять ему корму и подводы, по пошлинѣ, с погостовъ» [ГВНП, 1949, с. 141–142]. Упоминание «пошлины» в документе свидетельствует о существовании более ранних

договоренностей о предоставлении подвод, которые до наших дней не сохранились.

В качестве княжеской подати подвода фиксируется в значительном количестве актов XIV–XV вв. [АСЭИ, 1964, № 190, с. 204; ГВНП, 1949, № 84, с. 142; ПРП, 1955, с. 198; АСЭИ, 1964, № 116, с. 152; АСЭИ, 1964, № 4, с. 16; № 238, с. 259; АСЭИ, 1952, № 29, 30, 44 и др.; АСЭИ, 1958, № 76, 79 и др.; АСЭИ, 1964, № 13, 21, 22 и др.; АФЗХ, 1951, № 5, 71 и др.; АФЗХ, 1956, № 1, 3, 4 и др.]. В качестве выплаты ордынским чиновникам подвода отмечена только в документах краткого собрания ярлыков. Однако ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлуга свидетельствуют, что транспортная повинность в пользу ордынских чиновников существовала и называлась *ulaq* [Григорьев, 1981, с. 128; Григорьев, 1984, с. 127; Усманов, 1993, с. 235, 241].

Поплужное в качестве выплаты Золотой Орде упоминается только в ярлыке хана Менгу-Тимура [ПРП, 1955, с. 467].

Термин «поплужное» не встречается в источниках XIII–XV вв. В XVI в. зафиксировано существование «поплужной пошлыны». В грамоте царя Федора Ивановича Афанасию Ивановичу Вельяминову 1589 г. эта выплата фигурирует как одна из податей посадского населения Сольвычегодска: «Да съ тѣхъ же сохъ дани и запросу ... и за засечное, и за ямчужное дѣло, и за поплужную пошлыну ... тридцать четьре рубли и семь алтынъ четьре денги» [Архив, 1915, т. 32, с. 659].

По смыслу поплужное соответствует подати под названием «рало». Рало в качестве налога с пахотного орудия или земельного участка, обрабатываемого этим орудием, упоминается в двух новгородских берестяных грамотах XII–XIII вв. № 663 («Милоке, Уенеге, Будиша заплатили поло гривне Коростокине рала» [Янин, 1993, № 663, с. 53]) и № 805 («Оже ти съвьрьжеть Шишакъ рало, посьли же с – на житище – отрокомъ, оти орють орогъ» [Янин, 2004, № 805, с. 32]). В раннем летописании наименова-

ние «рало» встречается в качестве единицы обложения: «И рече вятичемъ: ‘кому дань даете?’ Они же рѣша: ‘Козаромъ по щягю отъ рала даемъ’» [ПСРЛ, 1997, стб. 65]. В монгольское время существовала подать под названием «поральское серебро»: «А на поральское серебро наклада взяти Климьте на Борьке 13 ногате и гривна» [ГВНП, 1949, № 105, с. 163]. В XV в. в новгородских документах фиксируются такие выплаты как «поралье», «поральное», «поральское» [ГВНП, 1949, № 89, с. 146; № 101, с. 156; № 234, с. 253; № 191, с. 226]. В XV в. известна другая подать, взимавшаяся с окладной единицы, сохи, – «посоха» [АСЭИ, 1952, № 518, с. 393; АСЭИ, 1964, № 109, с. 146]. Все эти подати фигурируют в качестве выплат в пользу русских феодалов и к Золотой Орде отношения не имеют. Поплужное представляется искусственным термином, внесенным в текст ярлыка Менгу-Тимура.

Почестье в качестве выплаты Золотой Орде встречается только в грамотах ордынских правителей Тайдулы, Бердибека и Тюляка [ПРП, 1955, с. 468, 469, 465–466]. В других источниках XIII–XV вв. почестье не упоминается. Однако в качестве подати почестье фигурирует в двух документах домонгольского времени.

Одно из известий относится к комплексу смоленских документов XII в., состоящему из трех грамот – уставной грамоты князя Ростислава, подтвердительной грамоты епископа Мануила и дополнительной грамоты. Почестье несколько раз упомянуто в дополнительной грамоте, устанавливающей размеры поступлений с ряда городов Смоленской земли. В документе почестье выступает частью погородья, подати с городского населения [ПРП, 1953, с. 51]. Есть основания полагать, что почестье выплачивалось епископу, возможно, в качестве платы за проведение службы [Алексеев, 1980, с. 24–25]. Также почестье фигурирует в новгородской берестяной грамоте № 1059 (вторая половина XII в.): «От Пе-

ренега къ Гълочануу. Възми почестѣе, акъ тѣ мѣловишь съ мною, въсади же и семъ ... Кълико въземоу, въдамъ азъ» [Янин, 2015, № 1059, с. 160–161].

Точно установить значение почестья не представляется возможным. В двух ордынских ярлыках из трех, в которых фигурирует почестье, эта выплата следует после дара. Представляется, что почестье выступает дополнением к дару, как питье выступает дополнением к корму. В этом случае почестье предстает добровольным подношением представителям ордынской администрации.

Рассмотренные выше термины обозначали названия налогов, однако в кратком собрании ханских ярлыков содержится также термин, который не являлся наименованием выплаты, но выступал в качестве обобщенного обозначения ордынских платежей. Речь идет о термине «мзда».

Мзда в качестве ордынской выплаты фигурирует только в грамоте Тайдулы 1347 г.: «Не надобе им мзда, ни какая пошлина ни емлют у них ничего, занеже о нас молитву творять» [ПРП, 1955, с. 466]. В других источниках мзда в качестве ордынской выплаты не упоминается. В домонгольское время обнаружено два упоминания мзды. Одно – в качестве выплаты врачу в Русской правде («Или будетъ кровавъ или синь надражень ... аще ли себе не можетъ мстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а личью мзда» [ПР, 1940, с. 79]), второе – в качестве взятки в Новгородской первой летописи («И створше вѣче на Ярославли дворе, и поидоша на владыцнѣ дворѣ, рекуче: ‘того дѣля стоить тепло дѣлго, выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а сам сѣлъ, давъ мзду князю’» [НПЛ, 1950, с. 67, 272]).

В монгольское время упоминание мзды обнаружено в псковском летописании. В рассказе о строительстве Троицкого собора в Пскове в 60-е годы XIV в. мзда фигурирует в качестве оплаты труда: «мастеромъ дѣлу мзды 400 рублев дара и добрѣ потчиваху ихъ» [ПЛ, 1955, с. 103]. В известии

о заключении мира между Новгородом и Витовтом в 1426 г. мзда упомянута в качестве выкупа. Город заплатил «мзды тысячу рублевъ» за своих пленных [ПЛ, 1941, с. 37].

Мзда не являлась особой выплатой в пользу Золотой Орды. В грамоте Тайдулы мзда упомянута в качестве обозначения поборов в пользу Золотой Орды в целом.

Таким образом, реальное существование таких податей, взимаемых в пользу Золотой Орды, как война, питье, поплужное и почестье, сомнительно. Эти наименования представляются дополнением, внесенным переводчиком ярлыков с целью увеличения числа поборов, от уплаты которых освобождалось русское духовенство. Другие наименования выплат, корм и подвода, предстают реально существовавшими выплатами.

Краткое собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам, не просто перечисляет некоторое количество налоговых наименований, но предоставляет уникальные сведения о выплатах, собираемых с русских земель в пользу Золотой Орды, т.к. содержит термины, мало или вовсе не встречающиеся в других источниках.

**«База данных тем и сюжетов арабо-мусульманских
династийных хроник IX–X вв.» и традиции
Бартольдовских чтений**

Д. В. Микульский

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Над упомянутой в заглавии статьи «Базой данных...» я работаю уже более сорока лет – с марта 1982 г. Именно тогда, вскоре после защиты кандидатской диссертации, мне пришла в голову идея первоначально расписать на карточки содержание *всех* доступных памятников арабо-мусульманской династийной историографии IX–X вв., а затем на этой основе создать некую грандиозную монографию, которая стала бы основой грядущей вожаделенной докторской диссертации. Период девятого – десятого столетий был избран вот почему. С одной стороны, создававшиеся в ту пору историографические памятники современны сочинениям великого арабского историка и мыслителя ал-Мас‘уди (ум. 956) – он также работал именно в рамках этой композиционной модели, а с другой стороны, именно тогда произошло становление двух основных форм арабо-мусульманской историографии – погодной (анналистической) и династийной. Первоначально «База данных» существовала в виде весьма объемной картотеки, а впоследствии была преобразована в электронный вид.

Что же представляет собой «База данных...»? Это указатель тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник указанного периода. Данный указатель в его нынешнем виде ограничивается темами и сюжетами, касающимися истории мусульманской общины, не охватывая материалов, относящихся к истории домусульманской (хотя в «бумажной»

картотеке эти материалы зафиксированы). Подобная База данных создана, насколько нам известно, в отечественной, да и в мировой арабистике впервые.

Арабо-мусульманские династийные хроники – такие сочинения, в которых история мусульманской общины представлена в соответствии с периодами правлений государей – первоначально пророка Мухаммада, а затем халифов¹.

Понятие «арабо-мусульманские династийные хроники» обнимает труды, составленные не только мусульманами, но также и историками-христианами, жившими в странах Халифата и писавшими по-арабски.

В предлагаемой вниманию пользователей «Базе данных...» фиксируются темы и сюжеты, почерпнутые из следующих основных хроник данного жанра, составленных в IX–X вв²:

№ / п	Издание хроники	Арабское название и символ, которым обозначается хроника
1.	[Ибн Кутайба]. Китаб ал-ма‘ариф ли-Ибн Кутайба Аби Мухаммад ‘Абдаллах ибн Муслим (213 х. (828 м. – 282 х. (889 м.). Хаккаках ва каддам лах Сарват ‘Уккаша. Каир. Матба‘ат Дар ал-кутуб, 1960.	<i>Китаб ал-ма ‘ариф</i> ; KM

¹ См. о династийной историографии в культуре мусульманских народов: [Rosenthal, 1968, p. 87–93]. Арабо-мусульманские исторические сочинения, составленные в анналистической форме, рассмотрены тем же автором на страницах 71–86 его труда. Смею утверждать, что, по крайней мере, в отечественной арабистике приоритет выделения памятников династийной историографии, как особой жанрово-композиционной формы, принадлежит одному из основоположников российской научной арабистики профессору В. Ф. Гиргасу (1835–1887). В «Очерке арабской словесности» [Гиргас, 1894] Владимир Федорович отмечал, что в рамках средневековой арабской историографии существовали две композиционные модели – погодное изложение событий и изложение «по династиям, сменявшим друг друга на поприще истории» (с. 216). О В. Ф. Гиргасе и его «Очерке...» см.: [Микульский, 2021 (б), с. 735–757].

² О сочинениях, охваченных «Базой...», и их авторах-составителях (№№ 1,3,5,6) см.: [Микульский, 2006, с. 30–32]; о труде ал-Мутаххара ал-Макдиси (ал-Мукаддаси; № 4) см.: [Крачковский, 2004, с. 226–229].

№ /п	Издание хроники	Арабское название и символ, которым обозначается хроника
2.	Abu Hanîfa ad-Dînaweri. Kitâb al-ahbâr at-tiwâl. Publi� par V. Guirgass. Leide. E. J. Brill, 1888	<i>Китаб ал-ахбар ат-тивал</i> ; КАТ
3.	A.b.a. Ya‘qub b. Ga‘far b. Wahb b. Wadih al Katib al Ya‘qubi al-‘Abbasi. Tarih. Tome II. Beirut – Lebanon. Dar Sader publishers. P.O.B. 10, б.г.	<i>Та’рих ал-Йа‘куби</i> ; Т
4.	The Book of Creation and History. By Motahhar b. Tahir al-Maqdisi, sometimes regarded as the work of ABU ZAID AHMAD B. SAHL al-BALKHI. Edited by PROF. CL. HUART. Offset reproduction from the Publications de l’�cole des langues orientales vivantes, Paris, 1899. Vol. 4–6. Teheran. M. H. Asadi’s Publications Series, no. 3	<i>Китаб ал-бад’ ва-т-та’рих</i> ; КБТ
5.	Kitab al-‘Unvan. Histoire universelle. �crite par Agapius (Mahboub) de Menbidj. �dit�e et traduite par Alexandre Vasiliev, Professeur � l’Universit� de Dorpat (Юрьевъ). Second partie (II) // Patrologia Orientalis. Tome VII. – Fascicule 4. Firmin-Didot et Co Primeurs-�diteurs. Libraire de Paris 56, Rue Jacob. [1912].	<i>Китаб ал-‘унван</i> ; КУ; христианская хроника
6.	Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Pars posterior ... Coniuncta opera ediderunt L. Cheicko s.j., B. Carra de Vaux, H. Zayyat. Beryti – Parisiis – Lipsiae. E Typographeo Catholico – Carolus Poussielgue, Bibliopola; 15, Rue Cassette, 15 – Otto Harrassowitz, MDCCCXCIX (1909)	<i>Китаб ат-та’рих ал-маджму’ ‘ала-т-тах-кик ва-т-тасдик</i> ; ТМ; христианская хроника

Помимо этих памятников в «бумажную» картотеку были также включены сохранившиеся сочинения ал-Мас‘уди (ум. 956), *Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар* и *Китаб ат-Танбих ва-л-ишраф* и раздел, посвященный арабомусульманской истории, из адабного свода Ибн ‘Абд Раббихи (ум. 940) *ал-‘Икд ал-фарид*³, однако в силу пограничного характера этих памятников между собственно историографией и *адабом* («изящной словесностью») часть картотеки, где было зафиксировано их содержание, в конечный вариант «Базы...» не вошла.

Для регистрации каждого сообщения в Базе данных отводится отдельная электронная «карточка». Она подразделяется на две части.

В первой из них, представляющей собой совокупность колонок, фиксируются «выходные данные» сообщения: источник (в виде символа), глава (в виде имени/прозвания главы мусульманской общины, которому она посвящена, и порядкового номера главы в памятнике), порядковый номер сообщения в главе, страница источника, где расположено данное сообщение, объем текста сообщения в строках (с точностью до 0,5 строки), жанр данного сообщения и тема сообщения (например, «личные качества и деяния главы мусульманской общины», «хаджж главы мусульманской общины», «присяга главе мусульманской общины», «назначение наследника халифской власти», «деяния доблестных мужей», «репрессии», «чудеса и природные явления»).

Вторая часть предназначена для фиксации собственно содержания сообщения. Поскольку картотека, лежащая в основе настоящей «Базы данных...», создавалась в 1982–1995 гг., а отдельные ее слои подвергались переделке в 2005 и 2009 гг., характер записи содержания сообщения формировался постепенно – от первоначально краткой до впоследствии весьма

³ См.: [Микульский, 2006, с. 33–41, 10, 15, 17, 18, 21]; [Микульский, 2017 (6), с. 424–425].

подробной, близкой к переводу. В силу этого в «Базе данных...» содержание сообщений отражено по-разному.

В жанровом отношении «База данных...» обнимает так называемые сжатые сообщения, беллетризованные сообщения, речения, послания, некрологические сообщения, стихотворные цитаты, коранические цитаты, авторские ремарки, анекдоты и новеллы.

Конец-край работы над «Базой...» уже виден: все материалы, почерпнутые из доступных источников, введены в «Базу...». Она в настоящей ее форме включает в себя более 4000 фрагментов различных жанров, которые составляют текстовой объем в 55,6 а.л. Доступна на сайте ИВ РАН в виде вордовского файла.

В 2021 г. был завершен «Аннотированный указатель имен собственных и династий», которые упоминаются в «Базе...». Объем этого указателя занимает более 16,0 а.л.

В 2022 г. была закончена работа над «Аннотированным указателем географических, топографических астрономических объектов» (его объем – более 3,0 а.л.).

С конца 2022 г. началась работа над «Аннотированным поисковым предметно-терминологическим указателем».

Впереди составление аннотированных указателей этнических названий и названий упомянутых в «Базе...» сочинений.

Должен сказать, что на довольно раннем этапе работы над «Базой...» (тогда она была просто, как я уже сказал, «бумажной» картотекой), в 1990 г., я представил предварительные результаты моей работы на Бартольдовских чтениях того года – сделал сообщение о предсказаниях исторических событий в рассматриваемых мною памятниках [Микульский, 1990, с. 50–51]. Сообщение мое (скажу без ложной скромности) вызвало живейший интерес коллег. Тогда же со многими из них мне посчастливилось познакомиться, а то и подружиться. Это касалось не только москвичей, но также ленинградцев и азербайджанских, украинских и грузинских востоковедов.

Среди последних, в частности, была родительница будущего президента Грузии М. Н. Саакашвили Г. Г. Аласания.

Надо сказать также, что характером нашего мероприятия интересовались и технические сотрудники пансионата – об этом, в частности, расспрашивал меня тамошний спортивный тренер, с которым я познакомился на теннисных кортах. Дело в том, что, отправляясь на научную конференцию, я, как и подобает заправскому спортивному научному работнику, взял с собой снаряжение для игры в большой теннис.

Словом, дебют мой в Бартольдовских чтениях прошел на славу. Поэтому через некоторое время (уже в начале постсоветского периода) я получил весьма лестное предложение поступить на работу в Отдел памятников письменности народов Востока нашего Института, где я продолжаю трудиться и до сего дня.

Если обернуться назад, что следует сказать, что о Бартольдовских чтениях я узнал еще в середине 1980-х гг. от своего друга и коллеги Н. И. Серикова, который и до сего дня трудится в нашем отделе, хотя и проживает за границей. В те дня Н. И. Сериков завершал работу над кандидатской диссертацией и, отмечу с гордостью, порой консультировался со мною по поводу прочтения некоторых средневековых арабских исторических сочинений. Мой друг рассказал мне, что чтения проводятся в пансионате Академии Наук СССР в Звенигороде, что съезжаются специалисты по восточному источниковедению со всего Советского Союза. Душа и подлинный организатор конференции – Д. Д. Васильев (мне посчастливилось познакомиться с ним еще прежде в связи с подготовкой и осуществлением одной из моих первых публикаций [Миккульский, 1983, с. 190–214]⁴). Сама же идея Бартольдовских

⁴ Должен признаться, что, как это часто бывает, десять авторских экземпляров, полученные мною от Д. Д. Васильева, разошлись неизвестно куда. К счастью, располагаю ксерокопией своей статьи. Сам же сборник сделался библиографической редкостью, и найти еще один экземпляр для себя самого мне так и не удалось. Много лет спустя кандидат исторических наук В. А. Кузнецов, тогда еще аспи-

чтений родилась у покойной Е. А. Давидович вскоре после того, как они с ее супругом Б. А. Литвинским переселились, по приглашению академика Б. Г. Гафурова, из Душанбе в Москву и поступили на работу в наш Институт. Елена Абрамовна рассказывала мне, что ей приходилось серьезно дорабатывать тексты тезисов и статей по докладам коллег из Средней Азии и вести по этому поводу с ними обширную переписку. Материалы, связанные с этой стороной деятельности Е. А. Давидович, хранились в ее домашнем архиве и, по ее мнению, могли бы послужить важным источником по истории отечественной востоковедной науки. Менее всего хлопот Елене Абрамовне доставляли труды сотрудниц среднеазиатских научных и учебных заведений татарской национальности, ибо они в наибольшей степени усвоили принципы академического востоковедения. Эти коллеги, с которыми у Елены Абрамовны сложились не только профессиональные, но и дружеские отношения, очень дорожили возможностью участвовать в конференции, так как, увы, чувствовали себя дома отчасти ущемленными, дискриминированными сравнительно со специалистами титульных национальностей – такова была реальная обстановка в научных кругах среднеазиатских республик.

Уже работая в Отделе памятников письменности народов Востока, я принял участие в следующей сессии Бартольдовских чтений, которая была проведена в 1993 г. сугубо силами сотрудников нашего отдела, вдохновленных Е. А. Давидович. Доклад мой не основывался на материалах будущей «Базы...», однако получился, я надеюсь, серьезным [Микульский, 1993, с. 34–36]. Среди выступлений, сделанных на конференции, запомнились доклады коллег по Отделу В. Н. Настича и Т. А. Денисовой. Одним из немногих «внешних» участников была покойная профессор Б. Х. Кар-

рант, сослался на мой опус в одной из своих статей к кандидатской диссертации. Сборник со статьями он нашел в Кабинете Востока Исторической библиотеки.

мышева. Она, среди прочего, рассказала о том, какую роль в ее творческой судьбе сыграли Бартольдовские чтения.

Что же до «Базы...», то она с течением времени была не только приведена в электронную форму, но и стала источником ряда публикаций – в том числе об арабо-мусульманской воинской этике [Микульский, 2021 (а), с. 113–129], о речах и проповедях в структуре текста изучаемых памятников [Микульский, 2017 (а), с. 293–295], об образах византийцев и арабов в этих сочинениях [Микульский, 2020 (а), с. 119–125], о том, каких образом в материалах «Базы...» отражен военнo-юридический принцип предоставления амана [Микульский, 2012, с. 99–105]. Мною были также опубликованы академические переводы новелл, зафиксированных в «Базе...» [Микульский, 2020 (б), с. 160–188]. Помимо того, на нашем отдельском семинаре были сделаны доклады об участниках исторического процесса второго плана, фигурирующих в «Базе...», и о женщинах, упоминающихся в арабо-мусульманском историческом предании.

Навыки научной работы, обретенные в ходе составления «Базы...», проявились и в других моих научных трудах.

Надеюсь однажды довести «Базу...» до такого уровня, который позволит издать ее в виде книги.

Все упомянутые этапы работы над «Базой...» в значительной мере связаны с тем докладом на Бартольдовских чтениях, который был сделан в 1990 г. Так что смею надеяться, что и «База...», и другие мои источниковедческие публикации, осуществленные с тех пор, тесно связаны с плодотворными традициями Бартольдовских чтений.

Некоторые особенности налогообложения городского центра и аграрной периферии согласно османскому налоговому реестру санджака Тебриз 1728 г.

Ш. М. Мустафеев

Международная Тюркская академия

Более глубокое изучение роли города в жизни ближневосточного мусульманского общества, переживавшего социально-экономический регресс как в результате глобальных исторических изменений, так и под влиянием внутренних факторов, остается одной из актуальных проблем современного востоковедения. Речь идет особенно о XVIII в., когда постепенное отставание Ближнего Востока от стремительно развивавшейся Европы становилось очевидным и для политических элит в самой Азии и когда проявились первые признаки стремления этих элит к некоторым реформам и внесению определенных новшеств, заимствованных из западных практик, в жизнь своих стран. Так, именно в первой половине XVIII в. мы видим нескрываемый интерес высших слоев Османской империи к атрибутам европейской светской жизни, наиболее полно выразившийся в так называемую «эпоху тюльпанов». Чуть позже в Иране Надир-шах Афшар проводил реформы в своей армии, заимствуя ряд элементов из практики европейских армий и т.д. Как экономический подъем Запада и постепенное превращение Азии в периферию капиталистической мир-системы влияли на социальную трансформацию ближневосточного общества? Каково было экономическое положение городских центров на Ближнем

Востоке в этот период? Как соотносились доходы государственной казны от налогообложения городского и аграрного хозяйств и в какой степени ближневосточный мусульманский город продолжал выполнять свою функцию «концентрации и распределения прибавочного продукта» [Большаков, 1984, с. 10]?

На данные вопросы нелегко ответить, прежде всего потому, что не всегда имеется в наличии достаточное количество аутентичных источников и статистических данных. Тем более является удачей, когда имеющиеся архивные материалы дают возможность осветить ряд важных аспектов экономической истории некоторых ближневосточных городов. К счастью, мы располагаем рукописью османского налогового реестра (*дефтера*) области (*ливы, санджака*) Тебриз 1728 г., уникального архивного документа, содержащего ценную информацию о населении, количестве налогоплательщиков, производственных единицах и фискальных порядках города Тебриз и подчиняющейся ему сельской периферии в период османского правления в 1720-е годы. В статье делается попытка на основе количественных данных из этого реестра дать сравнительный анализ налогообложения городского и сельского хозяйства санджака Тебриз в указанный период.

Активное участие в международной торговле, соединявшей «между собой отдаленные населенные пункты мира», было важной чертой ближневосточных обществ в средние века [Blades, 2019, p. 5]. В этот период Тебриз представлял собой один из крупнейших узловых и перевалочных пунктов (эмпорий), расположенных на стратегической магистрали разветвленной сети так называемого Шелкового пути. Этот город играл весьма существенную роль в глобальной торговле между Азией и Европой и временами конкурировал даже с египетской Александрией, являвшейся ключевым портом, откуда восточные товары, особенно специи, попадали на рынки западных стран. О весомом значении Тебриза для

европейской торговли свидетельствует, в частности, признание венецианца Марино Санудо Старшего в первой половине XIV в., полагавшего, что экспорт специй из этого города мог бы полностью покрыть потребность европейских стран [Карпов, 1990, с. 110–112].

Тебриз исторически являлся также важным политико-административным центром на Ближнем Востоке. Он стал приобретать особый политический вес примерно с X в. Начиная с сельджукской эпохи в XI – начале XIII столетий многие могущественные государства мусульманского мира, возникшие на т.н. «центральных мусульманских землях», формировались вокруг ядра с центром в городе Тебризе. Достаточно напомнить о государстве Атабеков Азербайджана в XII – начале XIII в., монгольской империи Ильханидов во второй половине XIII – первой половине XIV в., сменивших ее постмонгольских государствах Джелаиридов в XIV в., Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу в XV в., державе ранних Сефевидов в XVI в. В исторических хрониках этот город часто назывался «столицей Азербайджана» [Ibn Kemal, 1991, p. 340]. О его политическом значении, торговом и финансовом могуществе отзывались многие европейские путешественники от Рубрука и Марко Поло до Клавихо, Контарини и других.

Однако ситуация стала драматическим образом меняться во второй половине XVI в., особенно в XVII в. Глобальные исторические события Нового времени, связанные с Великими географическими открытиями, началом торгово-экономического доминирования Европы и постепенным упадком традиционных империй в Азии, привели к потере Тебризом былого значения, постепенной деградации его политического и экономического статуса. Этому способствовали также продолжительные кровопролитные войны между Османской империей и Сефевидской державой, получившие форму религиозного противостояния между суннитами и шиитами и самым разрушительным образом сказавши-

еся на хозяйственной жизни и демографическом положении Азербайджана, а также всего Южного Кавказа и Ирана.

Окончательный развал Сефевидского государства под ударами афганских войск в 1722 г. привел к разделу исторических земель Азербайджана между Россией и Османской империей. Прикаспийские области от Дербента до Гиляна были включены в состав России в результате «персидского похода» Петра I в 1722–23 гг., остальные провинции оказались в составе Османской империи. Этот раздел был закреплен Стамбульским договором от 12 июня 1724 г. между Россией и Османской Портой. Тебриз был завоєван османской армией во главе с Кёпрюлюзаде Абдулла-пашой в 1725 г.

В данном случае нас интересуют не столько военно-политические события, хорошо известные из исторических хроник и научных исследований, сколько характер социально-экономических отношений в Тебризе и окружавшей его сельской периферии в период османского правления во второй половине 1720-х гг. Практика включения новых территорий в состав Османской империи предполагала на первом этапе осуществление их административного деления в соответствии с османскими административно-правовыми нормами. Это предусматривало создание провинций (*эялет*), которые, в свою очередь, делились на более мелкие единицы – *санджаки* (или *лива*), *нахие* и *каза*. Соответственно, в новообразованных административных единицах формировался местный военно-бюрократический аппарат.

Второй неременной мерой новых властей была организация фиска и обеспечение налоговых сборов. Для этого на новоприсоединенных территориях со стороны уполномоченных центральным финансовым ведомством чиновников проводилась перепись податного населения и объектов фиска. Ее результаты находили отражение в налоговых или «пространных» реестрах (*муфассал дефтер*), в которых приводился перечень всех населенных пунктов, поименный

список проживавших в них налогоплательщиков мужского пола, основных объектов налогообложения, номенклатура фискальных сборов и их объем. Х. Иналджик называет эти дефтеры «главным инструментом османского правления» [Inalcik, 1954, p. 105]. Данный тип архивных документов содержит исключительно ценную информацию для изучения социально-экономической истории земель, некогда входивших в состав Османской империи в Восточной Европе, на Балканах, в Анатолии, на Кавказе, в Иране и арабском регионе [Gümüşçü, 2008, p. 911–912].

Между тем надежность налоговых реестров в качестве источников статистических данных для изучения социально-экономической истории Османской империи в целом или ее отдельных провинций порой подвергается сомнению со стороны ряда специалистов. К примеру, американский ученый Х. У. Лоури, который остроумно и не без юмора ввел в османистику особый термин «дефтерология», с осторожностью оценивал возможность полноценного использования этого типа архивных документов в исторических исследованиях. По его мнению, османские налоговые реестры не отражают результаты «всеобщей переписи», как их порой пытаются представить в своих работах некоторые историки, а содержат лишь перечень налогооблагаемого населения и объектов фиска по отдельным административным единицам. Иными словами, составители реестров не имели задачи описания в целом всего хозяйственного потенциала и трудовых ресурсов империи. В этом заключается одна, но не единственная из тех «ловушек и ограничений» (*pitfalls and limitations*) [Lowry, 1992, p. 7–8], которые ожидают исследователя, воспринимающего эти реестры в качестве источника исчерпывающей статистической информации по социально-экономической истории той или иной области.

Кроме того, эти реестры составлялись лишь для тех провинций империи, где была внедрена т. н. «тимарная система»,

представлявшая собой основу земельных и рентных отношений в Османской империи в т.н. классический период. Именно в тех областях, в которых земельный фонд находился в непосредственной собственности государства и где правительство регулировало процесс налогообложения податного населения и систему распределения изымаемой ренты среди служилой военно-бюрократической прослойки, и возникала необходимость участия чиновников фиска в этом процессе. Именно в целях учета налоговых поступлений и их распределения составлялись разные типы реестров, наиболее детальными из которых считались вышеупомянутые провинциальные «пространные реестры». На сегодняшний день известно около полутора тысяч таких реестров, хронологически относящихся к XV–XVIII вв. и географически охватывающих регионы от Восточной Европы до арабских областей империи.

Вместе с тем, все разнообразие земельных и рентных отношений в Османской империи не ограничивалось лишь «тимарной системой». Существовали и иные типы поземельных отношений, в которых роль государства не была столь прямой и ограничивалась лишь юридическим контролем над надлежащим исполнением существующих правовых норм участвующими сторонами. Те османские провинции, в которых не была внедрена «тимарная система», оставались вне охвата «пространными реестрами». В этом отношении можно согласиться с мнением Х. У. Лоури о том, что названные факторы в определенной мере ограничивают возможность использования налоговых реестров в качестве универсальных источников для изучения социально-экономической истории империи.

Однако раздаются и другие голоса специалистов по «дефтерологии», полагающих, что столь скептические суждения о данном типе источников в вопросах «количественных исследований» (*quantitative study*) кажутся чрезмерно категорич-

ными [Coşgel, 2004, p. 89]. По их мнению, все перечисленные Х. У. Лоури «ограничения» в возможностях использования османских налоговых реестров в качестве исторических источников не являются чем-то исключительно присущим именно этому типу документов. Они универсальны для материалов по средневековой истории и других регионов, включая европейские страны. Так, специалисты, занимающиеся историей сельского хозяйства средневековой Британии, признают, что архивных документов по данной проблематике, относящихся к периоду от 1450 по 1800 г., недостаточно как в количественном, так и содержательном отношении, и это приводит к тому, что остается немало белых пятен в изучении тех или иных научных вопросов [Orbay, 2017, p. 796]. Тем не менее это не помешало активному включению этих материалов в научный оборот, что существенно обогатило наши знания о жизни средневекового английского общества. Точно так же чрезмерный скепсис в отношении османских налоговых реестров, содержащих колоссальный объем уникальной информации, может лишь помешать дальнейшим научным исследованиям. Более продуктивным решением проблемы является поиск новых методологических подходов к возможностям использования данного типа источников [Coşgel, 2004, p. 88]. Иными словами, наряду с учетом т. н. «ловушек и ограничений» при правильном подходе и обращении к соответствующей методологии османские налоговые реестры вполне могут быть использованы в качестве достоверных источников для изучения социально-экономической истории той или иной области империи.

Учитывая вышесказанное, отметим, что наличие пространного реестра санджака Тебриз является тем более большой удачей, что документальных источников по социально-экономической истории Азербайджана и Ирана данного периода сохранилось крайне мало в силу ряда причин. Реестр состоит из двух томов общим объемом около 750 рукописных

страниц и хранится в Османском архиве при Президенте Турецкой Республики в Стамбуле под номером 904 и 908. Рукопись написана особым почерком арабского алфавита, называемым *сиякат*. Налоговый реестр Тебриза является уникальным источником, благодаря которому появляется возможность изучения не только особенностей османской фискальной практики на завоеванных землях, но и социальных отношений, городской жизни, аграрного производства, исторической демографии и топонимики Тебриза в 20-е гг. XVIII столетия.

Прежде всего следует затронуть вопрос о демографическом состоянии санджака Тебриз в указанный период. Подчеркну, что в реестре дан перечень лишь налогооблагаемого населения, т. е. людей мужского пола, достигших совершеннолетия и относящихся к категории налогоплательщиков. При этом если крестьяне различались между собой по своему имущественному и семейному положению, то горожане-налогоплательщики в целом оценивались со стороны османской администрации как единая социальная группа.

Если начать с сельских налогоплательщиков, то среди них выделялись следующие категории, которые особо отмечены в реестре. Во-первых, по семейному положению все крестьяне делились на женатых и холостых. В соответствии с этим статусом с них взимались различные налоги. Женатые крестьяне также различались по имущественному положению в зависимости от размера земельного надела, который они арендовали у государства для обработки. Наиболее зажиточная категория обладала земельным наделом не менее 1 *чифта*¹. Следующая категория была беднее, и эти крестьяне

¹ Под «чифтом» в османском земельном праве подразумевался участок земли, достаточный для обработки одной парой волов, и в зависимости от качества земли его размер варьировался от 60 до 150 дёнюмов, т. е. примерно в 6,6–14 га [Inalcık, 1959, p. 582]. Считалось, что обладание одним «чифтом» земли могло позволить одному крестьянскому домовладению прокормить себя и выплатить годовую ренту в казну в качестве платы за «аренду» земли у государства [Gümüşçü, 2016, p. 181].

имели около половины *чифта*. Следующая таблица показывает количественный состав крестьянства провинции Тебриз по отдельным категориям.

Таблица 1.

Количество крестьян-налогоплательщиков

Категории крестьян	Количество душ	%
Обрабатывающие 1 <i>чифт</i> земли (<i>çift</i>)	2 713	11,6
Обрабатывающие 0,5 <i>чифта</i> земли (<i>nim çift</i>)	2 214	9,5
Малоземельные женатые крестьяне (<i>bennâk</i>)	8 114	34,7
Безземельные холостые крестьяне, работающие в хозяйстве отца (<i>müçerred</i>)	4 409	18,8
Безземельные женатые крестьяне (<i>caba</i>)	5 928	25,3
Всего	23 378	100

Таким образом, первое, что бросается в глаза в таблице, – это относительно небольшая численность крестьян-налогоплательщиков, зарегистрированных в довольно обширном по своей площади санджаке Тебриз. Их общее количество лишь немногим превышало 23 тыс. человек. Согласно принятым в османской демографии принципам, для подсчета приблизительного общего количества населения той или иной провинции сумма женатых налогоплательщиков умножается на 5 по примерному количеству членов средней семьи. Если следовать данному правилу, то общая численность крестьянского населения в провинции Тебриз к 1728 г. составляла всего лишь около 100 тысяч человек.

Второй момент, который следует отметить исходя из таблицы, – это то, что основную массу крестьян-налогоплательщиков составляли малоземельные либо без-

земельные крестьяне. Их было приблизительно 80% от общего количества. Крестьяне, имевшие в своем распоряжении землю размером в 1 *чифт* или пол-*чифта*, составляли лишь около 20% от общего числа крестьян. Это означало, что приблизительно только пятая часть всего крестьянства санджака Тебриз обладала землей и средствами, достаточными для того, чтобы прокормить свою семью в течение года и выплатить налоги в государственную казну. Такова была ситуация в одной из наиболее богатых и обладавших наиболее плодородными и пригодными для агрокультуры землями областей бывшей Сефевидской державы.

Что же касается городов этого санджака, то единственным населенным пунктом, условно обладавшим данным статусом, являлся Тебриз. Как и в большинстве традиционных ближневосточных городов, сочетавших в себе ремесленное и аграрное производство, в Тебризе занятие городского населения сельским хозяйством также имело немаловажное значение. Вместе с тем данные налогового реестра показывают, что из всех сфер аграрного производства горожане в большей мере были заняты выращиванием фруктовых и бахчевых, а не зерновых или технических культур. И главное, в самом Тебризе налоговые поступления от торговли и ремесленного производства многократно превышали доходы от аграрного сектора. Это дает нам основание квалифицировать Тебриз как сравнительно крупный город, жители которого в основном были заняты торговлей и ремеслом, но частично также и некоторыми видами сельского хозяйства.

Все прочие населенные пункты в санджаке Тебриз с относительно значительной численностью населения, как то Деххаркан, Маранд, Зенуз, Тасудж и другие, представляли собой лишь большие по размерам аграрные центры. Их жители занимались в основном аграрным производством и, судя по данным реестра, выплачивали в казну крестьянские налоги. Иными словами, они были отнесены к кате-

гории крестьян, хотя в некоторых из этих населенных пунктов и существовали небольшие ремесленные предприятия и рынки.

В целом, как указано выше, горожане-налогоплательщики в османском налоговом праве рассматривались как относительно однородная социальная группа, различаясь лишь по вероисповеданию. Численность налогооблагаемого городского населения Тебриза согласно османскому реестру 1728 г. отражена в нижеследующей таблице.

Таблица 2.

*Численность налогооблагаемого населения
города Тебриза*

Категории населения по вероисповеданию	Численность горожан-налогоплательщиков	Приблизительная общая численность вместе с семьями	%
Мусульмане	5 687	29 504	89,6
Христиане	610	3 165	9,6
Иудеи	54	280	0,8
ВСЕГО	6351	32949	100

Расчет общего количества населения города Тебриза в данном случае велся по аналогии с данными о численности сельского населения. Т.е. учитывалось примерное соотношение женатых (81,2%) и холостых мужчин (18,8%), и в зависимости от этой пропорции рассчитывалась общая численность горожан. Следует оговориться, что приведенные здесь данные являются приблизительными, не учитывают освобожденные от налогов (*муаф*) категории горожан, о численности которых мы, к сожалению, не располагаем информацией. Тем не менее эти цифры дают предварительное представление о реальной демографической ситуации в городе.

Исходя из вышеприведенных данных, нельзя не отметить катастрофическое снижение численности населения Тебриза в третьем десятилетии XVIII в. по сравнению с предыдущими столетиями. Начиная с XIV в. не только мусульманские, но и многие европейские авторы отмечали феноменальное торгово-ремесленное значение города, его финансовое могущество и многочисленность его жителей. Даже во второй половине XVII в., за несколько десятилетий до составления османского реестра Тебриза, французский коммерсант и путешественник Жан Шарден, хорошо знавший этот город, оценивал численность его населения примерно в 550 тысяч человек, хотя некоторые горожане пытались его уверить, что в Тебризе проживало более 1 миллиона жителей. Впрочем, Шарден не доверял этим сведениям [The Travels, 1686, p. 355–356]. Тем не менее, даже с учетом того, что французский коммерсант мог несколько преувеличить общее количество населения Тебриза, сравнение его информации со статистическими данными результатов османской переписи 1728 г. не могут не удивлять. Такое резкое снижение количества населения свидетельствовало о глубоком хозяйственном и демографическом упадке одного из самых значительных урбанистических центров мусульманского мира, каковым являлся Тебриз в средние века. И следует подчеркнуть, что спад в экономике переживал не только Тебриз – такое положение было общим для многих городов Ближнего Востока в этот период.

В чем могла быть причина столь резкой и глубокой деградации? Только ли в том, что защитникам Тебриза, отчаянно оборонявшим город от османской армии, было позволено покинуть его и переселиться в Ардебиль после падения города в 1725 г.? Или можно ли объяснить причины этого явления лишь последствиями катастрофического землетрясения, пережитого Тебризом в 1721 г., т.е. примерно за пять-шесть лет до осуществления переписи османскими властями? Надо

подчеркнуть, что оно было одним из самых разрушительных природных катаклизмов во всей многовековой истории города. Во время землетрясения, по свидетельствам источников, значительная часть Тебриза превратилась в руины, погибли тысячи людей [Melville, 1981, p. 166–167].

Следует отметить, что Тебриз в разные времена пережил немало подобных катаклизмов и всегда довольно быстро оправлялся от ран и восстанавливал свое значение как крупного городского центра с развитой торговлей и ремеслом. На этот же раз упадок города был настолько глубоким, что он никогда более не мог возродить свое бывшее величие, превращаясь постепенно в типичный деградирующий мусульманский город Ближнего Востока. Не менее важным фактом является то, что сельская периферия Тебриза, безусловно, пострадала меньше от последствий землетрясения 1721 г. Однако относительная малочисленность и бедность крестьянского населения провинции свидетельствует о том, что перед нами последствия не столько военных событий или катастрофических природных явлений, сколько общего процесса хозяйственной деградации. В этом плане нельзя не согласиться с мыслью Л. Блейдс и К. Пэйка о том, что «ключевая причина сокращения населения мусульманских городов по сравнению с христианскими связана с утратой мусульманским миром роли «посредника» после усовершенствования технологий мореплавания, инициированных европейцами в XV–XVI веках» [Blades, 2019, p. 10].

К сожалению, мы не располагаем статистическими данными об общем объеме городского хозяйства, а также того или иного вида торговли или ремесленного производства, поскольку наш источник не предоставляет подобной информации. Однако можно приблизительно судить об этом по размерам взимаемых сборов и налогов, поскольку полагаем, что между ними существовали определенные пропорции. Т.е. мы исходим из предположения, что чем больше был объем

торговли и ремесленного производства и доходов с них, тем больше должен был быть и размер налога, взимаемого казной. Точно так же у нас нет точной информации об объеме аграрного производства, и мы вынуждены оперировать в этом вопросе лишь данными о размерах налоговых сборов с крестьян.

Если судить по косвенным данным, предоставляемым налоговым реестром, то наиболее доходной частью городского хозяйства в Тебризе являлись таможенные сборы с торговли. Следует оговориться, что в этот период в Османской империи основные источники финансовых доходов государства, как правило, отдавались в откуп (*ильтизам*) отдельным лицам или группе коммерческих партнеров и, соответственно, назывались «мукатаа». В реальности под последним термином не всегда имелись в виду доходы с одной конкретной категории налогов. Специфика османской фискальной системы заключалась в том, что каково бы ни было название этих «мукатаа», они могли включать в себя группу налогов и сборов, взимаемых откупщиками из источников разного происхождения. Государство было заинтересовано в максимальных поступлениях налогов в казну, и откупная система казалась ей оптимальным способом обеспечения денежного притока, даже если ее повсеместное внедрение было чревато негативными последствиями в будущем. Как верно подмечено некоторыми специалистами по экономической истории Османской империи, несмотря на частые попытки центральных властей вводить фискальные новшества, доходы казны в XVII–XVIII веках оставались низкими. Причиной этого были не низкие налоговые ставки или неспособность собирать эти налоги, а то, что большая их часть, иногда более половины общих налоговых поступлений, удерживалась различными посредниками, в первую очередь откупщиками в провинциях [Karaman, 2010, p. 597]. Подсчитано, что в XVIII в. примерно две трети чистых налоговых поступле-

ний оседали в карманах откупщиков, финансовых чиновников и других высокопоставленных представителей правящей прослойки, и только одна треть доходила до центральной казны [Karaman, 2010, p. 609].

Итак, таможенные сборы в городе Тебризе и ряде других населенных пунктов провинции, где имелись таможенные пункты, составляли 4560 тысяч османских *акче* в годовом исчислении. Эта была довольно внушительная сумма. Правда, следует отметить, что в эту сумму входили также таможенные сборы и других крупных городов Азербайджана, не входивших по османскому административному делению в санджак Тебриз – такие как Марага, Урмия, Ардебиль.

Следующими статьями крупных поступлений казны от городского хозяйства Тебриза были сборы от торговли текстилем – 1900 тысяч *акче*, и выделенные в отдельную статью сборы от транзита и торговли шелком и шелковыми тканями – 1200 тысяч *акче*. Взимались также сборы и налоги с других объектов торгового и ремесленного назначения, такие как налоги на ткацкие станки, таможенные сборы с продажи табака, сборы за функционирование городских рынков, красильной мастерской и другие. В целом, как видно из таблицы 3, государственная казна ежегодно получала от различных отраслей городского хозяйства Тебриза около 9321 тысячи *акче*.

Таблица 3.

*Налоговые поступления
с городского хозяйства Тебриза*

Откупы (<i>мукаата</i>)	Сумма в османских <i>акче</i>
Откуп таможенных поступлений (<i>Mukataa-i gümrük</i>)	4560 тыс.
Откуп поступлений от транзита и торговли тканей (<i>Mukataa-i mizan-i harir</i>)	1920 тыс.
Откуп поступлений от транзита и торговли шелком (<i>Mukataa-i tamga-i akmişe ve kirbas</i>)	1200 тыс.

Откупы (мукатаа)	Сумма в османских акче
Откуп поступлений от налогов на ткацкие станки (<i>Mukataa-i rüsum-i destgahat-i akmişe ve kirbas</i>)	480 тыс.
Откуп таможенных поступлений с табака (<i>Mukataa-i gümrük-i duhan ve tembekü</i>)	300 тыс.
Откуп поступлений от сборов на взвешивание товаров (<i>Mukataa-i resm-i kantar</i>)	180 тыс.
Откуп поступлений от красильной мастерской (<i>Mukataa-i boyahane</i>)	180 тыс.
Откуп поступлений от рыночных сборов и сборов для рыночного надзирателя (<i>Mukataa-i bac-i bazar ve ihtisab</i>)	120 тыс.
Другие поступления	419 тыс.
Итого	9359 тыс.

Следует отметить, что некоторые доходы государственной казны от неаграрной сферы поступали не только от города Тебриз, но и ряда других округов, в которых имелись ремесленные предприятия в населенных пунктах городского типа либо крупных селах. Большей частью эти доходы поступали от сдачи в откуп налоговых сборов с ремесленных предприятий – как правило, красильных мастерских и крупных мясных давок, а также различного рода рыночных сборов.

Для того, чтобы получить более полное представление о некоторых деталях хозяйственной жизни и особенно норм налогообложения населения санджака Тебриз, лучше обратиться к конкретному примеру. Любопытные сведения в этом отношении дают статистические данные по округу (*нахие*) Деххаркан, поскольку процентное соотношение налоговых поступлений в этом округе от аграрного и не аграрного сектора совпадает со среднестатистическими данными по всему санджаку Тебриз. Сам Деххаркан представлял собой довольно крупный населенный пункт городского типа, не раз упоминаемый в различных средневековых историче-

ских источниках. Согласно османскому реестру 1728 г., в это время здесь отмечено 1 223 налогоплательщика, из которых 1 186 человек являлись мусульманами и 37 – христианами. Выясняется, что значительная часть городского населения занималась сельскохозяйственным производством. Общий годовой доход государственной казны от аграрного хозяйства горожан составлял 233 тыс. *акче*. В частности, объем производства пшеницы колебался в объеме 1 400 османских киле, что составляло приблизительно около 35 тонн. При пересчете в денежный эквивалент налоговые поступления от этого вида сельскохозяйственного продукта достигали 56 тыс. *акче*. Годовое производство ячменя было вдвое меньше пшеницы – 7 тыс. киле или около 17–18 тонн, что облагалось налогом в 22 тыс. *акче*. Горожане, занимавшиеся сельскохозяйственным производством, производили также другие виды продуктов – зерновых и технических культур, а также фруктов и овощей. Все это в целом облагалось годовыми налогами в пользу казны в объеме чуть больше 230 тыс. *акче*.

Интересно отметить, что в этот период в округе Деххаркан довольно значительного объема достигло и производство табака, так что налоговые сборы с этого вида продукции сдавались казной в откуп за 120 тыс. *акче*. Причем, как зафиксировано в налоговом реестре, в каком бы селе округа ни производился табак, половина налоговых доходов от него поступала в пользу владельца земли, а вторая половина – в пользу т.н. владельца хасса (крупного лена), которыми могли быть как сам султан, так и высшие чины центральной или провинциальной администрации. В то же время в округе существовали, как указывалось выше, и такие ремесленные предприятия, как красильные мастерские и мясные лавки, сборы от которых государство сдавало в откуп частным лицам за 120 тыс. *акче* годового взноса в казну. Определенный небольшой доход – около 5 с половиной тыс. *акче* казне приносила и сдача в откуп различных видов рыночных сборов.

В то же время львиную долю аграрной продукции в округе Деххаркан, естественно, производило не городское население, а крестьяне. Здесь, согласно налоговому реестру, насчитывалось 53 деревни. Среди них были как крупные села, например, Гавган, в котором отмечено 480 налогоплательщиков и годовой доход с которого исчислялся почти в 100 тыс. *акче*, так и совершенно мелкие деревни типа Учтепе, в которой доход от четырех налогоплательщиков едва достигал 2,5 тыс. *акче*.

В целом общий годовой доход центральной казны от округа Деххаркан достигал приблизительно 1 160 тыс. *акче*. Из них на долю аграрного сектора приходилось около 89%, а ремесленного производства – примерно 11% от общей суммы. Таким образом, мы видим, как хозяйственная жизнь людей в небольшом населенном пункте городского типа, каким предстает перед нами Деххаркан в 1728 г., сочетала в себе преобладающее занятие сельским хозяйством с некоторыми видами ремесленного производства. При этом, безусловно, преимущественной сферой экономических занятий людей являлся аграрный сектор, что нашло отражение и в объемах налогообложения.

Следующая таблица дает представление о соотношении доходов от аграрного и не аграрного производства в округах ливы Тебриз.

Таблица 3.

Доходы от округов (nahiye) санджака Тебриз

№	Округа	Доход от аграрной сферы (в акче)	%	Доход от не аграрной сферы (в акче)	%	Общий доход (в акче)
	Сердсахра	730 978	80	183 500	20	914 478
	Хитай	203 418	99	2 000	1	205 418

№	Округа	Доход от аграрной сферы (в акче)	%	Доход от не аграрной сферы (в акче)	%	Общий доход (в акче)
1	Сердсахра	730 978	80	183 500	20	914 478
2	Хитай	203 418	99	2 000	1	205 418
3	Шеха	50 000	90	5 000	10	55 000
4	Видехр	314 867	62	194 000	38	508 867
5	Рудкат	159 845	95	8 500	5	168 345
6	Деххаркан	1 029 240	88,5	131 500	11,5	1 160 740
7	Дизеджруд	270 179	99	3 000	1	273 179
8	Мехранруд	903 190	99,5	5 000	0,5	908 190
9	Уджан	337 954	99	2 500	1	340 454
10	Аббас	358 428	99	2 500	1	360 928
11	Ханымруд	121 172	99	1 500	1	122 672
12	Алан-Берагуш	388 209	99	3 500	1	391 709
13	Бедустан	206 995	99	2 000	1	208 995
14	Мевазихан	174 629	99	2 000	1	176 629
15	Арванак (Гуни)	1 184 614	86	192 000	14	1 376 614
16	Маранд	288 357	89	34 960	11	323 317
17	Зенуз	214 364	99	2 000	1	216 364
18	Тасудж	263 873	50	260 990	50	524 863
	ИТОГО	7 147 312	88,5	1 036 450	11,5	8 068 417

Итак, данные, отражающие доходы государственной казны от городского и сельского хозяйства всего санджака Тебриз, свидетельствует о том, что ремесленное производство и особенно торговля являлись более крупным источником налоговых поступлений по сравнению с аграрным сектором. Доходы

казны от городского хозяйства составляли около 53,6% от общих поступлений, в то время как доходы от сельского хозяйства оставались на уровне 46,4%. И следует подчеркнуть, что эти данные относятся к периоду, когда город Тебриз, как указывалось выше, пережил завоевание османской армией и до этого катастрофическое землетрясение, был частично разрушен, потерял значительную часть своего населения и, соответственно, переживал упадок экономической жизни. Можно предположить, что экономическое и демографическое состояние Тебриза до этих событий было гораздо лучше, и, соответственно, соотношение между доходами городского и сельского хозяйства было значительно выше в пользу города.

Этот вывод может показаться весьма неожиданным для характеристики традиционного ближневосточного общества, исторически базирующегося на аграрной экономике. Однако, как видно, торговые магистрали, особенно международная караванная торговля, исторически связанная с маршрутами Шелкового пути, продолжала играть особую роль в жизни государств Евразии даже в период их постепенного упадка. Как отмечают Л.Блейдс и К.Пэйк, для мусульманских ближневосточных обществ «торговля, особенно международный обмен на дальних расстояниях, были движущей силой экономического процветания в средневековый период» [Blades, 2019, p. 9]. Торговые магистрали конструировали экономическое, геополитическое и культурное пространство, в рамках которого формировались и функционировали эти государства. Все более или менее значимые военно-политические события – альянсы, конфликты и войны между ведущими империями в Евразии в той или иной степени детерминировались стремлением к контролю над основными маршрутами международных торговых магистралей.

Город Тебриз, в средние века занимавший одну из ключевых позиций на традиционной торговой магистрали с востока

на запад, обладал экономическим могуществом и политической значимостью в течение нескольких столетий, когда сухопутные караванные пути сохраняли свое стратегическое значение в мировой торговой системе. Однако упадок международной караванной торговли в результате экспансии европейской колониальной системы привел к постепенной деградации традиционных восточных обществ. Османский налоговый реестр санджака Тебриз 1728 г. зафиксировал положение, когда наблюдался общий экономический кризис местного общества, деградация и обнищание крестьянства, но город по инерции все еще сохранял преимущество в качестве таможенного центра на торговых маршрутах и места концентрации и перераспределения прибавочного продукта.

Некоторые источники монгольской летописи XVIII века «Хрустальные четки» Рашипунцага

М. А. Овчинникова

ФГБУН Институт востоковедения РАН

«Хрустальные чётки» (монг. «Bolor erike», соврем. монг. «Болор эрих») – монгольское историческое сочинение, состоящее из 5 разделов или глав¹ (записанных в десяти тетрадях²), написанное в XVIII веке баринским³ летописцем⁴ Рашипунцагом⁵ [Рашипунцаг, 2006, с. 3–4]. Сочинение охватывает историю монголов от начала рода борджигин⁶ до конца правления Лигдэн-хана⁷ и имеет ряд характерных особенностей, выделяющих его среди других трудов по истории монголов.

¹ Соврем. монг. бүлэг.

² Соврем. монг. дэвтэр.

³ Барин – одно из южно-монгольских племён. Согласно с «Сокровенным сказанием монголов» род баринов берёт своё начало от Баридая – сына Бодончара [Козин, 1941, § 41].

⁴ Термин «летопись» используется применительно к монгольским историческим сочинениям XIII–XIX веков, хотя они и не представляют собой запись исторических событий по годам и имеют свои характерные черты, отличающие их от жанра летописей в классическом его понимании. «Термин “монгольская летопись” вполне утвердился в востоковедной науке. <...> Под термином “летопись” объединяют сочинения, написанные в XVII–XIX вв. на монгольском языке и посвященные истории монголов в целом – от начала их появления на исторической арене до времени, более или менее близкого к написанию того или иного сочинения» [Цендина, 2007, с. 11–12]. Авторы таких сочинений соответственно называются летописцами.

⁵ Имя летописца имеет тибетское происхождение. Тиб. bKra shis phun tshogs] (1755 г. – неизвестно). Начало составления летописи датируется исследователями 1774 годом, завершение – 1775 годом [Rasipungsuy, 1985, с.~1], [Bawden, 1970, с. 225].

⁶ Борджигин – монгольский род, основателем которого был Бодончар. Чингис-хан принадлежал к этому роду.

⁷ Лигдэн-хан – великий монгольский хан династии Северная Юань (1603–1634).

Рашипунцаг принадлежал к высшему сословию, провёл много лет в Пекине, владел монгольским, китайским, тибетским и маньчжурским языками, состоял на государственной службе при маньчжурском дворе. Благодаря этим факторам он имел доступ к многочисленным источникам по истории Монголии на разных языках. И хотя Рашипунцаг был баринцем, гордившимся монгольскими историей, культурой, всегда встававшим на их защиту, при написании «Хрустальных чёток» он преимущественно опирался на китайские труды. Это обусловлено тем, что в его распоряжении было очень малое число сочинений, написанных на монгольском языке самими монголами. Большинство доступных Рашипунцагу источников были составлены на языках народов, либо в какой-то момент истории завоёванных монголами, либо находившихся под угрозой нападения (китайцы, тибетцы, маньчжуры). Многие источники передавали события через призму негативного отношения к монголам. Беспристрастные информаторы и историки встречались нечасто. С этими трудностями сталкивался Рашипунцаг, так как излагая историю своего собственного народа, своих предков, перед которыми благоговел, ему приходилось пользоваться преимущественно немонгольскими источниками. Сам Рашипунцаг писал в начале своей работы, что, поскольку не осталось больше «наших древних монгольских писаний», более не представляется возможным узнать, «что и как происходило» на самом деле [Rasipungsuy, 1985, с. 8].

Большинство использованных Рашипунцагом трудов он упоминает в самом тексте своего сочинения (преимущественно в «аналитических вставках»⁸). По некоторым названиям сразу можно определить источники, которые за ними стоят. К при-

⁸ Аналитические вставки – личные критические рассуждения Рашипунцага на тему исторических событий, персонажей и источников, обладающие характерными стилистическими особенностями и имеющие чёткую структуру. Всего в тексте «Хрустальных чёток» встречается более 50 аналитических вставок.

меру, очевидно, что «Дай Юань улсын гол судар» («Основное сочинение о династии Дай Юань») – маньчжурское переложение «Юань ши». Однако за названием «Нэвтэрхий толь» («Энциклопедическое зеркало» или «Вразумляющее зеркало») могут скрываться разные сочинения, так как это не название какого-то конкретного труда, а отдельный жанр. Для установления подобных сочинений нужно провести сопоставительный анализ отрывков «Хрустальных чётков» с аналогичными отрывками из других вероятных источников.

Деление на китайские, монгольские и тибетские источники в данной статье носит довольно условный характер. Рашипунцаг пользовался как оригинальными текстами некоторых китайских сочинений, так и переводами на маньчжурский язык. Есть монгольские сочинения, написанные на монгольском языке, а есть монгольские сочинения, написанные на тибетском. Существуют сочинения, изначально написанные на санскрите и переведённые на тибетский, при этом переведённые не дословно, а в авторской обработке, с комментариями и дополнениями и получившие распространение на территории Монголии именно в таком виде. Поэтому определение принадлежности сочинений к той или иной литературной традиции вызывает трудности. В данной статье к китайским источникам были отнесены все сочинения, написанные на китайском языке, а также перевод одного из них на маньчжурский язык; к монгольским – написанные на монгольском; к тибетским – написанные на тибетском, переведённые на тибетский с санскрита и ставшие широко известными в Тибете и Монголии именно в переводе, а также одно сочинение, написанное на монгольском известным тибетским религиозным деятелем.

Китайские источники

Основным китайским источником, на который опирался Рашипунцаг, было сочинение XIV века «Юань ши»⁹ или

⁹ Кит. 元史.

«История династии Юань», а также его маньчжурская переработка (сокращённый перевод «Юань ши» на маньчжурский язык). Рашипунцаг упоминает их под следующими названиями: «Дай Юань улсын гол судар» («Основное сочинение о династии Юань»), «Юань улсын тусгай судар бичиг» («Специальное сочинение о династии Юань»), «Хятадын тэмдэглэсэн Юань улсын гол судар» («Записанное китайцами основное сочинение о династии Юань»).

«Юань ши» – китайское компилятивное историческое сочинение о династии Юань, составленное коллективом авторов под руководством учёного и литератора Сун Ляня в 1369–1370 гг. В четырёх разделах «Юань ши» содержатся сведения о событиях правления императоров династии Юань, описание монгольской культуры и истории от периода правления Чингис-хана до Тогон-Тэмур¹⁰, сведения о других народах. «История династии Юань» пользовалась огромной популярностью среди многих монгольских летописцев. В XVII веке один из разделов «Юань ши» («Основные записи», соврем. монг. «Уг тэмдэглэл») был переведён на монгольский язык. В 1636 г. к власти в Китае пришла маньчжурская династия Цин, первый император которой приказал перевести некоторые разделы «Юань ши» на маньчжурский язык. Переводы были представлены правителю в 1644 г., а также были изданы ксилографически в Пекине в 1646 г. [Дай Юань гурун-и судури, 2013, с. 9] под названием «Дай Юань улсын бичиг».

Следующим китайским источником является сочинение XII века «Цзы чжи тун цзянь ганму»¹¹ – дополненная комментариями версия летописи XI века под названием «Цзы чжи тун цзянь»¹², то есть «Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало». Рашипунцаг приводит этот источник под

¹⁰ Тогон-Тэмур – последний император монгольской династии Юань (1333–1370).

¹¹ Кит. 資治通鑑綱目.

¹² Кит. 資治通鑑.

следующими названиями: «Ган му»¹³, «Хятад хэлнээс манжчилсан нэвтэрхий толь бичиг» («Переведённое с китайского на маньчжурский сочинение «Вразумляющее зеркало»»), а также просто «Нэвтэрхий толь» («Вразумляющее зеркало»).

«Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало» («Цзы чжи тун цзянь») – компилятивное историческое сочинение по истории Китая, составленное коллективом авторов под руководством историка Сыма Гуана в 1065–1084 гг. Описывая события 11 периодов китайской истории от периода Сражающихся царств¹⁴ до эпохи пяти династий и десяти царств¹⁵, это сочинение охватывает период длиной приблизительно в 1400 лет и является одним из самых обширных китайских исторических трактатов.

«Цзы чжи тун цзянь ганму» – дополненная комментариями версия «Цзы чжи тун цзянь», написанная в 1172 г. Автором сочинения значителен неоконфуцианский философ Чжу Си, хотя в действительности за составление были ответственны его ученики. «Ганму» иногда описывается исследователями как «сжатая» версия «Цзы чжи тун цзянь», однако она содержит историческую критику, а также дидактическую и идеологическую риторику, отсутствующие в оригинальной летописи. Впоследствии сочинение было переведено на маньчжурский язык по указу императора Сюань (девиз правления – Канси, года правления – 1661–1723). Рашипунцаг мог пользоваться как этим переводом, так и китайским оригиналом.

Также Рашипунцаг упоминает расширенную версию «Цзы чжи тун цзянь ганму» под названием «Цзы чжи тун цзянь ганму суй бянь»¹⁶. Летописец приводит этот труд под назва-

¹³ Кит. 綱目 – «текст и комментарий», сокращённая версия названия «資治通鑑綱目».

¹⁴ Период Сражающихся царств – период истории Китая (V в. до н.э. – 221 г. до н.э.).

¹⁵ Эпоха пяти династий и десяти царств – период истории Китая от свержения династии Тан до установления династии Сун (907–960).

¹⁶ Кит. 續編 – «продолжение». Кит. 資治通鑑綱目續編.

ниями «Сюй Бянь» или «Сюй Бянь бичиг» («Сочинение Сюй Бянь»). Это сочинение было составлено в 1708 г. и являлось продолжением «Ганму». В нём была описана история Китая с возникновения империи Сун (960 г.) до конца существования империи Мин (1644 г.).

Также много раз в «Хрустальных чётках» встречается упоминание сочинения под названием «Дайчин улсын бүгд хууль», то есть «Свод законов империи Цин¹⁷». Л. С. Пучковский также переводит это название как «Сочинение под названием «Свод законов Дайцинского государства»» [Пучковский, 1957, с. 49]. Вероятнее всего, за этим названием скрывается свод законов «Циньдин Дай Цин хуэйдянь»¹⁸ или просто «Дай Цин хуэйдянь», то есть «Свод уложений династии Великая Цин». Это был один из нескольких сводов законов, в котором находились предписания, касавшиеся функций всех правительственных учреждений. Тексты подобных сводов подвергались постоянным редакциям. Первая «версия» «Дай Цин хуэйдянь» была подготовлена в 1646 г. и представляла собой видоизменённый и отредактированный свод законов предыдущей династии в Китае (Мин).

Помимо этого, Рашипунцаг ссылается на сочинения «Лунь Юй»¹⁹ («Суждения и беседы») и «Чжун юн»²⁰ («Срединное и неизменное») – две из четырёх частей «Сы Шу»²¹, то есть «Четверокнижия». Автор приводит их под названиями «Луван үй» и «Жүн жүн». Этот свод конфуцианских канонических текстов, лежавший в основе классического китайского образования на протяжении многих столетий, был составлен

¹⁷ Империя Цин – государство, которым правила маньчжурская династия Цин, и включавшее в себя собственно Китай, Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Тибет и Синьцзян («Китайский Туркестан»).

¹⁸ Кит. 大清會典.

¹⁹ Кит. 論語.

²⁰ Кит. 中庸.

²¹ Кит. 四書.

в IV–III веках до н.э. и избран в XII веке известным китайским учёным-философом Чжу Си в качестве текста-введения в конфуцианское учение.

Другим источником, которым пользовался и который упоминал Рашипунцаг, было «Саньго яньи»²² или «Троецарствие». Летописец называет его «Гурван улсын бичиг», то есть «Сочинение о трёх царствах». Этот исторический роман был написан в XIV веке Ло Гуань-Чжуном с опорой на записи придворных историков и содержит 120 глав по истории Китая, начиная с периода Сражающихся царств и заканчивая междоусобными войнами и объединением земель династией Цзинь²³.

Монгольские источники

Одним из основных монгольских источников, использованных Рашипунцагом, было сочинение «Алтан хурд(эн) мянган хигээст бичиг», то есть «Сочинение «Золотое колесо с тысячью спиц»», написанное монгольским историком Дхарма-гуши (или Дхарма Ширэгэту-гуши).

Полное название «Золотого колеса с тысячью спиц» – «Ясная история принадлежащих к золотому роду – сочинение в девяти главах под названием «Сердечная радость для относящихся к золотой кости» или «Золотое колесо с тысячью спиц»». Это сочинение было написано в 1739 г. Оно разделено на шесть тетрадей и девять частей (глав) и содержит в себе повествование о зарождении вселенной и её устройстве, появлении на ней людей и царей, об индийских и тибетских царях, о прародителях монголов, о жизни Чингис-хана, его сыновей и внуков, а также историю монгольских ханов до Лигдэн-хана, родословную десяти сыновей Даян-хана²⁴,

²² Кит. 三國演義.

²³ Империя Цзинь – государство на территории Китая, существовавшее в 265–420 гг. (не путать с чжурчжэньским государством Цзинь, существовавшим на территории северного Китая с 1115 по 1234 г.).

²⁴ Бату-Мункэ Даян-хан – великий хан Монгольской империи (1464–1517/1543).

происхождение некоторых ойратских²⁵ племён и т.д. В колофон «Золотого колеса с тысячью спиц» входит «поучение Пятого далай-ламы и других мудрецов» [Пучковский, 1957, с. 47], в котором описывается важность изучения истории своих предков.

В ордоском списке «Хрустальных чёток» (изданном в 1959 г.) обозначается дата проведения одной из подготовительных работ Рашипунцага к написанию «Хрустальных чёток»: в 1767 г. он снял копию с сочинения «Мянган хигээст» («С тысячью спиц», то есть сокращённое название «Золотого колеса с тысячью спиц») [Пучковский, 1957, с. 48].

Другой монгольским источник, неоднократно упоминающийся в тексте «Хрустальных чёток», называется «Мэргэд гарахын орон нэрт тогтоосон даяг» (часто сокращается исследователями до «Мэргэд гарахын орон»), то есть «Источник мудрецов: тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма» или «Энциклопедия под названием «Место появления мудрецов»» [Пучковский, 1957, с. 49]. Это сочинение было составлено в 1741–1742 гг. по приказу императора Хунли (девиз правления – Цяньлун, годы правления – 1735–1796) группой учёных лам во главе с гэгэном Джанджа-хутухтой Ролби-Дорджэ²⁶. «Источник мудрецов», хотя и является терминологическим словарём, составленным в качестве вспомогательного материала для перевода на монгольский язык тибетского Данджура²⁷, содержит изложение разнообразных вопросов философии буддизма, что делает его важнейшим памятником махаянского буддизма в Тибете и Монголии. «Источник мудрецов» состоит из введения и 11 разделов.

²⁵ Ойраты – западно-монгольский этнос.

²⁶ Джанджа-хутухта Ролби-Дорджэ (тиб. ICan-skya Rol-pa'i rdo-rje) (1717–1787) – известный монгольский лама и учёный, был одним из редакторов перевода Данджура на монгольский язык. Также в 1758–1759 гг. им был составлен намтар VII далай-ламы Лобсан-галсан-джамцо (1708–1757).

²⁷ «Данджур» – вторая часть тибетского буддийского канона, комментарии к первой части – «Ганджуру».

Тибетские источники

Несколько раз Рашипунцаг упоминает сочинение под названием «Зурхний толт», то есть «Сердечный покров» или «Оправа сердца». Однако в монголистике известно несколько сочинений с таким названием, некоторые исследователи даже считают, что «Зурхний толт» стало самостоятельным названием жанра грамматических монгольских сочинений.

Первым трудом, носившим название «Зурхний толт», было орфоэпическое сочинение Сакья-пандиты Гунга-Джалцана²⁸, написанное по разным датировкам либо в 1237, либо в 1243 г. В этом грамматическом сочинении обобщается развитие монгольской письменности, а также вводятся новые письменные знаки. Сакья-пандита приспособил дополнительные знаки уйгурского алфавита для обозначения монгольских звуков, а также сформировал фонетические правила уйгурского письма. И хотя это сочинение получило широкую известность и является важным источником по истории монгольской письменности, в нём отсутствуют какие-либо исторические сюжеты. Таким образом, становится ясно, что Рашипунцаг точно не мог сослаться на этот труд в своей аналитической вставке, рассматривающей приглашённых при Чингис-хане, Угэдэе (сыне Чингис-хана), Годане (сыне Угэдэя) и других ханах из Тибета в Монголию тибетских лам [Rasipungsuy, 1985, с. 201–202].

Также существуют работы, комментирующие труд Сакья-пандиты, которые иногда дают под сокращённым на-

²⁸ Сакья-пандита Гунга-Джалцан (1182–1251) – один из величайших и известнейших политических и религиозных тибетских деятелей, долгое время проживший при дворе монгольского князя Годана (сына Угэдэя, внука Чингис-хана). Он был шестым настоятелем монастыря Сакья (главный монастырь одноимённой школы тибетского буддизма; основан, как и само направление, в 1073 г. в округе Шигадзе Тибетского автономного района Китая), одним из «отцов-основателей» школы Сакья. Считается воплощением бодхисаттвы Манджушри (Манджушри – духовный наставник все буддистов, воплощение высшей мудрости, ученик Будды Шакьямуни). Написал большое количество важнейших трудов по философии буддизма. В поздних тибетских источниках можно встретить записи о том, что именно он создал монгольскую классическую письменность.

званием «Зурхний толт»²⁹. Одним из таких сочинений является «Зурхний толтын тайлбар», то есть «Комментарий к «Зурхний толт» («Сердечному покрову»)). Эта работа была написана монгольским учёным Чойджи-Одсером в 1308–1311 гг. и стала продолжением оригинального труда Сакья-пандиты. «Развивая дальше учение своего предшественника о звуковой системе монгольского языка, Чойджи-Одсер <...> ввёл многие тибетские понятия для обозначения звуков и букв, а также их дистрибуции; <...> впервые сформулировал правила гармонии гласных, имеющие важное значение в фонологической системе монгольского языка. Эти правила сингармонизма, несколько уточненные в последующих работах, существуют и поныне» [Орловская, 1993, с. 89]. Сочинение Чойджи-Одсера состоит из трёх глав, в первой из которых повествуется о распространении буддизма в Монголии, изобретении Сакья-пандитой Гунга-Джалцаном монгольской письменности, а также квадратного письма – Пагба-ламой Лодой-Джалцаном. Во второй главе «даны классификация звуков и букв, рассмотрены вопросы фонетики монгольского языка, лексики, синтаксиса, стилистики, объяснены основы орфографии» [Раднаев, 2012, с. 34]. В третьей главе поднимаются вопросы «толкования звуков монгольского языка на основе элементов (махбодь), взятых из древнеиндийской философии» [Раднаев, 2012, с. 34]. Вероятнее всего, Рашипунцаг ссылался на первую главу «Комментария к «Сердечному покрову»» Чойджи-Одсера.

Однако Рашипунцаг точно использовал другое сочинение Сакья-пандиты Гунга-Джалцана, а именно – «Сайн угт эрдэнийн сан судар»³⁰, то есть «Сочинение «Драгоценное

²⁹ К примеру, работа «Сердечный покров», написанная Данзандагбой, «Азбука из ста знаков «Сердечный покров»», написанная неизвестным автором XVIII–XIX вв., «Сутра под названием «Сердечный покров»», написанная Тогум, и др. Описания этих сочинений не приводятся, чтобы не перегружать текст работы иррелевантной источниковедческой информацией.

³⁰ Это – название, которое приводит Рашипунцаг. Санскр. Subhashitaradnanidhi-nama-shastra, тиб. Legs bar bshad pa'i rin po chen gter zhes byas pa zhugs so.

собрание добрых слов»» или «Сутра, именуемая «Драгоценная сокровищница благих наставлений»». Сокращённое название – «Драгоценная сокровищница благих наставлений/назидательных речений/изящных изречений» или «Субхашита»³¹. Это сочинение представляет собой собрание нравоучительных афоризмов или сентенций, включающее в себя 457 четверостиший и колофон, в котором Сакья-пандита указывает, что писал свою работу в монастыре Сакья. Либо в конце XIII века, либо в начале XIV века текст «Субхашиты» был доставлен в Пекин ко двору монгольских императоров. Там был осуществлён перевод с тибетского языка на монгольский, от которого, к сожалению, до наших дней дошли лишь несколько фрагментов. Существуют и другие переводы «Субхашиты» на монгольские языки. Их авторами являются «Урадский Мэргэн-гэгэн Лубсамдамбиджалцан (XVIII в.), Чахар-гэбши Лубсан-Цултэм (1779 г.)» [Музраева, 2021, с. 505]. «Отдельные образцы монгольских переводов «Субхашиты» были включены Ц. Дамдинсурэном в «Сто образцов монгольской литературы»» [Музраева, 2021, с. 506]. В XVII веке (в период расцвета переводческой деятельности монголов), а именно – в 1660–1661 гг. ойратский учёный Зая-Пандита³² осуществил ещё один перевод «Субхашиты» на ойратский. Рукопись этого перевода дошла до наших дней. Этот перевод был очень близок к тибетскому оригиналу и получил широкое распространение. Установить, какой версией текста (тибетским оригиналом или монгольским переводом, и если переводом, то каким именно) пользовался Рашипунцаг, не представляется возможным,

³¹ Первое слово в санскритском названии сочинения, а также литературный жанр или литературная форма санскритских стихотворений, в основу которых входят афоризм, совет, житейская мудрость, урок, загадка и пр. Именно название «Субхашита» чаще всего применяется к данному сочинению в европейской тибетологической традиции.

³² Зая-Пандита Намкай Гьямцо (1599–1662) – величайший ойратский учёный-переводчик XVII века. Был главным распространителем буддизма школы гелуг в Джунгарии, создателем ойратского алфавита под названием «ясное письмо». Написал множество текстов, поэм, перевёл множество буддийских сочинений.

но ввиду того, что летописец владел тибетским языком, кажется более вероятным, что он обращался к оригинальному тексту Сакья-пандиты.

Также Рашипунцаг упоминает источник под названием «Бодовагийн номлосон «Үлгэрийн ном эрдэнэ»», то есть ««Книга притч – собрание драгоценностей», написанная Потобой» или просто «Книга примеров»³³. Это тибетское дидактического сочинение, популярное как среди тибетцев, так и среди монголов, написанное Потобой Ринченсалом (1031–1103 гг.) – последователем буддийской тибетской школы кадампа, одного из учеников Атишы³⁴. Потоба выступил основателем монастыря Пото. Логично предположить, что Рашипунцаг использовал оригинал «Книги примеров».

Помимо этого, Рашипунцаг использовал сочинение под названием «Хутагт дээд Алтан гэрэлт эрхит судар», то есть «Сутра золотого блеска»³⁵. Эта известнейшая сутра махаянского буддизма была написана в Индии на санскрите. В ней описывается путь избавления от страданий, благословляемый буддами четырёх сторон света. Впоследствии были осуществлены переводы на тибетский, монгольский, китайский, японский и многие другие языки. Название сутры происходит от одной из её глав, в которой бодхисаттва видит во сне большой барабан, который лучится светом, символизирующим учение дхармы и Будды. В XVII веке сутра была переведена Зая-Пандитой на ойратский с тибетского языка, а в середине XVIII века этот перевод был издан ксилографическим способом. Существуют и другие переводы сутры на тибетский и монгольский. Неизвестно, какой версией сутры пользовался Рашипунцаг – вероятнее всего, тибетской.

³³ Тиб. *dpe chos*.

³⁴ Атиша Дипанкара Шриджняна (982–1054) – индийский проповедник, учёный, переводчик, один из величайших учителей и распространителей махаянского буддизма на территории Тибета, основатель буддийской школы кадампа.

³⁵ Санскр. *Suvarnaprabhasottamasutrendrarajah*, тиб. *phag pa ser o dam pa do de'i wang po'i gyal po she ja wa theg pa chen po'i*.

Рашипунцаг был образованным человеком, находился на государственной службе, владел монгольским, китайским, тибетским и маньчжурским языками. Это позволило ему обращаться к разнообразным историческим и дидактическим сочинениям. Перечень работ, на которые опирался Рашипунцаг, представляет собой наиболее широкий круг источников, использованных при написании монгольских летописей XVIII в. В частности, летописец часто ссылался на китайские сочинения, что, во-первых, повлияло на структуру и стиль «Хрустальных чёток», а, во-вторых, выделяет их среди других произведений по истории монголов XVIII и предшествовавших веков, для которых нехарактерно использование такого большого числа китайских работ.

Таким образом, при написании «Хрустальных чёток» Рашипунцаг чаще всего прибегал к китайским сочинениям, а именно – к «Истории династии Юань» и её маньчжурскому переложению, а также «Цзы чжи тун цзянь ганму» и «Цзы чжи тун цзянь ганму суй бянь»; реже он использовал «Свод уложений династии Великая Цин», «Четверокнижие», «Троецарствие». Среди монгольских источников, использованных летописцем, были «Золотое колесо с тысячью спиц» Дхарма-гуши и «Источник мудрецов», среди тибетских – «Комментарий к «Сердечному покрову»» Чойджи-Одсера, «Шастра, именуемая «Драгоценная сокровищница благих наставлений»» Сакья-пандиты, «Книга притч – собрание драгоценностей» Потобы, «Сутра золотого блеска». Важно отметить, что список использованных Рашипунцагом источников не ограничивается перечисленными в этой статье и требует дальнейшего уточнения и исследования.

Особенности перевода малайских средневековых правовых источников

С. В. Тхор

ФГБУН Институт востоковедения РАН

«Малаккский кодекс» (*Undang-undang Melaka*) и «Морской кодекс» (*Undang-undang Laut*) являются ранними рукописными памятниками юридического характера на малайском языке и важнейшими историческими источниками о жизни малайского общества в XV–XVI вв. Малайские правовые кодексы имеют явно выраженный конфессиональный характер и наряду с местными адатными и индо-буддийскими нормами содержат нормы мусульманского права. «Малаккский кодекс» и «Морской кодекс» были составлены в эпоху Малаккского султаната (1400–1511), стремительное развитие которого было обусловлено уникальным географическим положением на пересечении основных международных морских торговых путей и все большим распространением ислама в регионе. Малаккский двор являлся центром классической письменной малайской культуры. Однако точное время создания кодексов неизвестно. «Малаккский кодекс» начал составляться при султане Мухаммаде Шахе (1424–1444) и был закончен в период расцвета Малаккского султаната при султане Музаффаре Шахе (1445–1458) [Liaw, 1976, p. 36]. Составление «Морского кодекса» было завершено ко времени правления последнего малаккского султана Махмуда Шаха (1488–1511) [Winsted, 1956, p. 38].

Кодексы были несколько раз адаптированы и признаны в качестве основных в Кедахе, Паханге, Джохоре, Риау и Понтианаке. Наличие более пятидесяти списков свидетельствует о важном значении кодекса в регионе. «Кодекс Негри», «Кодекс Джохора», «Кодекс Паханга» и «Кодекс Кедах» являются локальными изводами «Малаккского кодекса». «Малаккский кодекс» повлиял на формирование сходных правовых сводов у соседних филиппинских народов. В кодексах содержатся наиболее распространенные в регионе правовые нормы. Первостепенное место в текстах занимает выделение особого правового статуса верховного правителя. Подробно разъясняется деятельность административного аппарата, судопроизводства, торговые и семейно-брачные отношения. В кодексах подробно регламентируется деятельность судей. Отдельное внимание уделяется правовому регулированию отношений на море, основное – регулированию уголовных правонарушений.

Перевод данных малайских средневековых правовых источников на русский язык актуален и предполагает решение целого ряда сложностей, связанных, во-первых, с особенностями малайской письменности и рукописной традиции в XV–XVII вв., а во-вторых, с большим количеством в тексте различных по происхождению юридических терминов.

Малайский язык ещё в доисламский период традиционно был языком письменной культуры значительной части Нусантары¹, о чем свидетельствует древнемалайская эпиграфика [См.: Ал-Атгас, 1974, с. 88–99; Парникель, 1980]. С приходом в регион ислама малайский язык стал официальным языком новой религии, так как семантически был пригодным для создания новой литературно-богословской традиции [См.: Дорофеева, 2001, с. 21]. Новая роль малайского языка означала соприкосновение его с языками ислама, в результате появилось около 2000 арабских и 200 персидских заимствований [См.:

¹ «Нусантара» (*Nusantara*) – историко-культурное понятие, обозначающее область проживания малайско-индонезийских народов.

Дорофеева, 2001, с. 153]. Вся малайская раннемусульманская литература была написана на «джави» – арабописьменном малайском языке, сохранившемся в основном в классических рукописных литературных памятниках. «Джави» обычно называют, как и нарративные источники этого периода, классическим малайским языком (XV – первая половина XIX вв.). Арабская орфография «джави» всегда отличалась крайней вариативностью и, будучи плохо приспособленной для передачи малайской звуковой системы, во все времена давала переписчикам или авторам широкое поле для произвольного с ней обращения. Все это лишило орфографию «джави» права быть абсолютно надёжным критерием установления истории текста. Нередко язык произведений отражал языковые нормы, сложившиеся в более ранний период в более ранних центрах письменности (в Малакке и Пасее), а сами нарративные источники создавались в Джохоре и Риау, продолжая более раннюю языковую традицию. Это связано с тем, что на протяжении многовековой истории классического малайского языка центры его развития перемещались из Пасея (XIV в.) в Малакку (XV–XVI вв.), а после завоевания Малакки португальцами – в Джохор и Аче (XVI–XVII вв.).

«Малаккский кодекс» и «Морской кодекс», будучи одними из самых ранних по времени создания рукописей, не сохранили первоначального текста. Дошедшие списки, относящиеся большей частью к XIX веку, демонстрируют очень глубокие различия в языке – от классического малайского языка до почти современного. Большинство зарубежных исследователей изучали «Малаккский кодекс» и «Морской кодекс» как два отдельных правовых памятника. При этом особое внимание исследователей получил «Морской кодекс». В 1845 г. многотомный труд Дж. М. Пардессю включил в себя текст «Морского кодекса», отредактированный и переведенный на французский язык [См.: Pardessus, 1828–1845]. В 1956 г. Р. О. Винстедт и П. Е. Йосселин де Йонг опубликовали «Мор-

ской кодекс» с подстрочным переводом на английский язык [См.: Winsted, 1956]. Перевода «Малаккского кодекса» на западноевропейские языки не существовало вплоть до 1839 г., когда Т. Дж. Ньюболд опубликовал свой двухтомный труд «Политический и статистический отчет Британских Поселений в Малаккском проливе», во втором томе которого он поместил перевод текста «Малаккского кодекса» на английский язык, используя список, состоящий из восьмидесяти одной статьи [См.: Newbold, 1839]. В 1855 г. Дж. Р. Логан опубликовал еще один перевод «Малаккского кодекса» под названием «Перевод малайских законов княжества Джохор» [См.: Logan, 1855]. Текст рукописи «Малаккского кодекса» был впервые издан С. Ван Ронкелем [См.: Ronkel, 1919]. Для этого издания он использовал десять списков, используя Cod. Or. 1705 (1) как базовый текст. Это издание стало поворотным в изучении кодекса, так как впервые текст малайских законов стал широкодоступным для исследователей. В 1948 г. Дж. Е. Кемпе и Р. О. Винстедт опубликовали кодекс из Паханга под названием «Малайский Кодекс, собранный для Абд ал-Гафура Мухайюддина Шаха, Султана Паханга 1592–1614 A.D.» [См.: A Malay legal digest, 1948].

Самый значительный вклад в изучение кодекса внес сингапурский исследователь Ляо Йо Фан, который издал «Малаккский Кодекс» в 1976 г. [См.: Liaw, 1976]. Это издание стало наиболее фундаментальным, так как в нем были собраны и классифицированы более сорока пяти известных списков кодекса, что стало значительным шагом вперед в изучении малайских юридических памятников. Для издания Л. Й. Фан отобрал лучший, по его мнению, список из самой репрезентативной группы (Cod. or 1705 (I), а также Cod. or. 1706 (1), Cambridge Or. 1364 и Dublin No. 1638), однако морская часть кодекса не была включена в это издание, что нарушило первоначальную структуру памятника. Исследователь ограничился лишь романизированной транскрипцией текста

на оборотных страницах издания и неточным, местами сокращенным переводом на английский язык, что затруднило прочтение целого ряда слов и словосочетаний. В тексте много пропусков и лакун, что приводит к сложностям в понимании смыслового содержания ряда статей.

В своем издании 1976 г. Л. Й. Фан фиксировал отсутствие конечных гласных, прежде всего, *vav* и *ya*: *t. h.* для *tahu*, *j. a. d.* для *jadi*; обозначение нейтрального /ə/ алифом: *d. a. r.* для *dəra* «издевательство, насилие»; отсутствие внутри корня сочетания гоморганных «носовой-взрывной»: *b. t. l.* для *bantal* «подушка»; смешение букв *syin* и *sin*, *kaf* и *ga*: *shahbandar* для *sahbandar* «шахбандар, начальник порта», *kadai* для *gadai* «отдавать в заклад», *b. a. n. i. k.* для *berniaga*, что толкуется исследователем как форма префикса *ba-* вместо – *bər-* [См.: Liaw, 1976, p. 41–43]. Часть языковых (орфографических) черт он ошибочно посчитал свойственными только этому памятнику, не встречаемыми в других рукописях, и объяснил это местным диалектальным влиянием (например, замыкание хамзой, передающей гортанную смычку, некоторых слов с открытыми конечными слогами – *minta* «просить», «лишнее» вставление *h* – *melukahi* «ранить» и другие) [См.: Дорофеева, 2001, с. 137].

В 2003 г. Л. Й. Фан опубликовал текст обнаруженной им ранее не известной рукописи «Малаккского кодекса» из Апостольской библиотеки Ватикана (VAT.IND.IV) с транслитерацией на малайском языке и факсимиле рукописи на джави [См.: Liaw, 2003]. В переиздании 2016 г. «Морской кодекс» был впервые опубликован как неотъемлемая часть «Малаккского кодекса» [Undang-undang, 2016]. Л. Й. Фан использовал рукопись из Апостольской библиотеки Ватикана в качестве основной, считая ее более ценной, нежели списки, которые он использовал в первом издании 1976 г., так как она содержит самые ранние из всех известных на сегодняшний день тексты «Морского кодекса» и «Малаккского кодекса»

(снятие копий было завершено в 1656 г. и 1676 г. соответственно).

При переводе средневековых малайских правовых источников на русский язык наибольшие сложности возникают с переводом многочисленных арабских вставок. В текстах кодексов неоднократно встречается традиционная мусульманская преамбула на арабском языке, содержащая изложение шахады – свидетельства о единстве Бога и о пророческой миссии Мухаммада, а также славословия в адрес Аллаха, Пророка и его сподвижников: «Именем Аллаха Милосердного. Слава Аллаху, Господину миров и последствия для богобоязненных. Молитва и приветствие Посланцу его и Господину нашему Мухаммеду, его сородичам и сподвижникам его всем вместе» (*Bismi 'llahi 'r-rahim. Al-hamdu li 'llahi rabbi 'l-amin wa 'l-'akibatu li 'l-muttakin. Wa 's-salatu wa 's-salamu 'ala rasulihī sayyidina Muhammad wa alihi wa sahbihi ajma in*) [См.: Тхор, 2005, с. 212]. В тексте «Малаккского кодекса» содержится большое количество терминов на арабском языке и используются различные мусульманские правовые термины, в том числе *muhsan* (мужчина или женщина зрелого возраста в здравом уме и имевшие отношения в законном браке), *madu* (вторая, третья или четвертая жена), *mujbir* (представитель невесты), *khīar* (расторжение брака), *fasah* (отмена брака по решению кади по просьбе жены), *talak* (право мужа на развод), *iddah* (период, во время которого разведенные и вдовы не могут вступить в повторный брак), *kafir* (неверный, неверующий) и другие. Регулярно встречаются прямые ссылки на источники мусульманского права – на «закон Аллаха» (*hukum Allah*), на «сунну» и на «кияс» (*kias*), в «Морском кодексе» упоминается «шариат» (*shari 'at*). Наиболее часто арабская терминология встречается в тех статьях «Малаккского кодекса», которые освещают действие норм мусульманского права (семейного, имущественного, торгового и частично

уголовного), в «Морском кодексе» содержится много бугийских морских терминов.

При переводе средневековых малайских правовых источников возникают трудности, связанные с особенностями перевода с архаичного малайского языка на современный русский язык из-за специфики грамматики малайского языка. Сильно формализованный и полный юридических терминов XV века текст, отражающий исторические реалии прошлого, не всегда позволяет найти адекватные современные формулировки. Затруднения вызывает перевод целого ряда малайских терминов (например: *negeri* и *negeri besar*², *ditazirkan*³, *hukum Judah*⁴, *senawi*⁵).

В тексте встречается множество формализованных оборотов, которые усложняют поиск русских эквивалентов при условии сохранения стиля памятника, однако облегчают понимание структуры текста и его внутреннюю логику. Например: *tiada perkataan lagi* («не сказано более об этом [случае в законе] ни слова»), *pada segala negeri dan dusun dan anak sungai teluk rantau* («во всех поселениях, и в сельской местности, и в притоках рек, и заливов, и их берегов»), *dengan tiada bersalahan lagi* («нет [в этом случае] никаких более расхождений»), *itu-lah hukum pada segala jong dan balok* («таков закон для всех джонок и балоков») и другие. Или, например, статья 9.2: *Adapun hukum di laut itu atas nahkoda, maka tiada dadat ia membunuh melainkan jika ada ia mengambil isteri orang yang di dalam perahu iyu, harus ia dibunuh nakhoda itu, tetapi hendaklah segera mufakatkan warisnya akan gantinya. Demikianlah umpamanya* («Что касается закона, [действию-

² *Negeri* – в досл. пер. с санскрит.: «поселение, город-государство». Используется для обозначения любого поселения, города или земли.

³ *Tazir* – в досл. пер. с мал.: «порицание, принуждение, приговор». Возможно, имеется в виду дисциплинарное наказание в шариате та'зир.

⁴ *Hukum Judah* – возможно, имеется в виду закон, регламентирующий наказания за сквернословие.

⁵ *Senawi* – в досл. пер. с мал.: «пассажиры лодки, которые оплачивают свой проезд или провоз своего груза, помогая грести веслами».

ющего] в море, [то он передан] капитану, но он не может казнить [никого], за исключением только [случая, если], кто-либо забрал себе жену человека, находящегося в лодке, [только в этом случае] капитан должен казнить его. Но [в этом случае ему] следует немедленно [получить] согласие [на работу] того, кто его заменит [в выполнении его обязанностей]. Таким образом, к примеру [следует поступить]») [См.: Тхор, 2005, с. 225].

Возникают сложности при переводе с малайского языка терминологии, обозначающей различные виды наказаний. Особенно при переводе таких телесных наказаний, как *digocoh* («жестокое избиение» за непозволительное употребление «запретных» слов), различного рода членовредительства – *dipotong tangannya* («отрезание руки» за нанесение рабом пощечины свободному, за кражу), *ditanggalkan giginya* («вырывание зубов», например, за оскорбление), *dibelah lidanya* («рассечение языка»), *dikupas kulit kepalanya* («снятие скальпа», например, за продажу письменных повелений от имени правителя), *dicoreng mukanya* («изрезание кожи лица» – например, за обман бендахары) и различные виды избиения палками или кнутом (*dipalu*, *didera*, *dipalu dengan hukum dera palu*), которые назначались судьей в зависимости от степени тяжести преступления. Затруднительно интерпретировать наказания в виде актов общественного унижения, а также прилюдного порицания и покаяния (*menyembah lakinya di hadapan majelis orang yang banyak*, *disuruh taubat*, *ta'zir*, *disuruh maki di hadapan orang banyak*), которые, вероятно, были одними из самых социально значимых мер наказаний в малайском обществе, носили исправительный характер для нарушителя и дисциплинарный для всех остальных. Наиболее распространено было прилюдное покаяние (прилюдно покаяться, стоя на коленях, полагалось за ухаживания за чужой женой, за обвинение во внебрачной связи, даже если самой связи не было, за вероотступничество), прилюдное

оскорбление (*disuruh maki di hadapan orang banyak*), например, за продажу приказов вельмож или шахбандара, а также общественное порицание (*takzir*) с провозом нарушителя по всем рынкам. К общественному порицанию приговаривали за лжесвидетельство – вымазывали лицо и провозили по всем рынкам (статья 38.4). Если хозяин дома, который по закону обязан следить за пьяным гостем, допустил его гибель, то если он не мог выплатить из-за бедности два тахила с четвертью, его также провозили «под удары гонга по всей местности» (статья 18.5). Самый серьезный вид публичного наказания полагался за соучастие в воровстве. Все соучастники воровства «должны [подвергнуться] исправительному наказанию, что означает быть поднятым на белого буйвола с положенным китайским цветком и зонтом, накрывающим (голову), на лицо наносится известь и древесный уголь с куркумой, и под удары гонга чананг провозят по всей местности» (статья 11.1). За украденные фрукты вора также провозили по всей местности и при этом подвешивали украденное к его шее, если оно не было съедено или продано (статья 11.2).

Таким образом, основными особенностями перевода малайских средневековых правовых источников на русский язык является специфика классического малайского «джави», наличие в кодексах многочисленных вставок на арабском языке, специфика доступных нам текстов кодексов, которые изданы не в оригинальном виде, а также с наличием многочисленной юридической терминологии мусульманского, индо-буддийского и адатного происхождения.

Тюркоязычная историческая литература Дагестана: особенности жанра

И. А. Чмилевская
ФГБУН Институт востоковедения РАН

Литература на тюркских языках наравне с арабо- и персоязычной была распространена в Дагестане в период позднего средневековья и нового времени. Под тюркскими языками в контексте исследуемого региона мы подразумеваем азербайджанский, северокавказский тюрки, записанные на базе арабской графики, к которым с начала XX в. добавились кумыкский и ногайский (на них говорили, конечно, и ранее, но письменной традиции не было).

Вопрос о своеобразии и особенностях тюркоязычной литературы Дагестана хорошо изучен, несмотря на небольшое количество ученых-историков и филологов, занимавшихся им. В основном исследования в рамках этой темы вел Г.М.-Р. Оразаев: он издал ряд монографий, среди которых «Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках» [Оразаев, 2003], где опубликованы факсимиле некоторых тюркоязычных исторических источников XVII–XX вв. с переводом, транслитерацией и научным комментарием. Из-под его пера вышли также фундаментальная работа «Памятники тюркоязычной деловой переписки Дагестана XVIII в.» [Оразаев, 2002] и множество статей сходной тематики. В монументальном труде А. Р. Шихсидова и коллектива авторов «Дагестанские исторические сочинения» также рассматриваются некоторые вопросы,

связанные с распространением тюркоязычной литературы в регионе.

Тем не менее особенности дагестанской тюркской исторической литературы как жанра до сих пор описаны не были. За многочисленными публикациями источников фактически отсутствует аналитический подход к материалам. В этой небольшой статье мы попробуем прикрыть эту лакуну, для чего необходимо, во-первых, описать и классифицировать существующие исторические сочинения, во-вторых, выявить общие закономерности в их структуре и, наконец, детально рассмотреть наиболее показательны из них в качестве примера.

Общие сведения об источниках

Важный вопрос, который следует задать при работе с дагестанскими тюркоязычными историческими сочинениями, – почему они были написаны на тюркских языках? Ведь их авторы, в большинстве случаев алимь, владели арабским языком, который был более распространен в дагестанской мусульманской ученой среде. Одно из предположений – традиция написания исторических сочинений и ее канон пришли в Дагестан из Османской империи, чему мы находим косвенное подтверждение во многих текстах, например, «Тарихи Эндирей», где автор – Адильгирей Исмаилов сообщает о том, что с детства увлекался историческими сочинениями, написанными на «турецком, татарском, ногайском, крымско-татарском языках» [Шихсаидов, 1993, с. 203]. Также это предположение подтверждается ссылками на османских авторов, среди которых встречаются Эвлия Челеби, Ахмед Джевдет и другие. Тюркоязычные источники: рукописи, литографии и старопечатные книги – не являются редкостью в сохранившихся частных и меченых коллекциях, в них мы находим и исторические сочинения [Подробнее см.: Оразаев, 2012, с. 32–37; Исаев, 1989, с. 68–117].

Тюркоязычные исторические сочинения Дагестана можно разделить на две неравномерные по численности группы. К первой, большой группе, отнесем хроники (*таварихи*) отдельных селений, политических образований и городов, соответственно, «Цахур-наме», «Тарихи Какашура», «Тарихи Эндирей» (автор *Адилгерей Исмаилов*), «Тарихи Кызларкала» (история г. Кизляра, *Абдул-Гусейн Ибрагимов-Кизлярский*), знаменитое сочинение «Дербент-наме» (*Мухаммед Аваби Акташи из с. Эндирей*) и прочие [Подробнее см: Оразаев, 2012]. Вторая группа, более малочисленная, представляет собой общие сочинения по истории Дагестана: «Тарих Дагестан», «Асар-и Дагестан» (*Хасан ал-Алкадари*), «История революции и гражданской войны в Дагестане» (*Магомедкади Дибиров*) и проч. К обеим группам можно отнести сочинение «История Кавказа и селения Карабудахкент» (*Джамалутдин Карабудахкентский*), далее остановимся на нем подробнее.

Дагестанские исторические сочинения на тюркских языках довольно различны по своей структуре, но общие особенности прослеживаются: повествование в первой группе источников обычно ведется с периода основания селения/города и описания обстоятельств, приведших к этому, также внимание уделяется местным правителям и особенностям социального строя, нередко повествование доходит до периода правления Шамиля, например в «Тарихи Эндирей», однако это едва ли можно назвать общей чертой для всех источников. В текстах второй группы в основном описываются последовательно строительство Дербента, хазарские войны, распространение ислама, укрепление местных династий, Золотоордынский период, нашествие Тимура, восстание имама Шамиля. Конечно, в зависимости от источников содержание меняется, но указанные события обычно не исключаются.

Другой способ классифицировать сочинения связан с временем их составления и идеями, которые закладывались в них авторами. Так, несложно заметить, что в более ранних сочи-

нениях (XVIII–XIX в.), например, «Дербент-наме» большая роль отведена морализаторской идее о главенстве ислама над другими религиями. Текст в основном строится на борьбе мусульман с неверными (*кафирами*), на фоне которой разворачивается остальная сюжетная линия. Многие ссылки в тексте невозможно восстановить, достоверность исторических событий имеет меньшее значение, чем их эмоциональная окраска. Конечно, эти тексты в значительной степени тенденциозны. Более поздние сочинения (с кон. XIX – нач. XX в.) имеют несколько заметных отличий: во-первых, в них прослеживается явный фокус на личности основателя, правителя или важного для исторического повествования героя – так, почти все сочинение «Тарихи Кызларкала» посвящено деятельности Татархана. Роль ислама отходит на второй план: заслуги персонажа в первую очередь связаны с его достижениями, а не праведностью. Ссылки в текстах более выверенные, и их значительно проще сопоставить с оригиналом: например, в сочинении «История Кавказа и Селения Карабудахкент» приводятся цитаты на османском и арабском языках с указанием авторов.

Третий возможный вариант классификации сочинений связан с целью их составления. Сделать полноценное заключение здесь сложнее, поскольку не всегда можно доподлинно понять мотив написания того или иного текста на тюркском языке. Однако если мы рассмотрим небольшую рукопись «Тарихи Какашура», то с легкостью сможем сделать предположение о том, что она была составлена скорее всего для того, чтобы оправдать или сделать легитимным распределение земель в конкретном селении. Такой формат вполне характерен и для дагестанских арабоязычных источников, например, полулегендарное повествование о том, каким образом и между кем были распределены территории, встречается в сохранившемся списке рукописи Гидатлинских ‘адатов. Некоторые тексты, как «Дербент-наме», были составлены

по приказу правителей. Другие тексты, как «Тарих Дагестан», в более масштабной исторической ретроспективе выстраивают легитимные генеалогии правящих династий. Также не стоит игнорировать тот факт, что история родного края могла быть личным интересом авторов, особенно это касается поздних текстов. Этот фактор также может объяснять выбор тюркского языка для написания работы.

История Кавказа и селения Карабудахкент

Наиболее удачный источник для детального рассмотрения – сочинение-аульная хроника «История Кавказа и селения Карабудахкент» алима Джамал ад-Дина Карабудахкентского (1858–1947). Сочинение, написанное между 1917 и 1927 гг., представляет собой развернутое повествование об истории, культуре и быте дагестанцев в период с VI до середины XVIII в. Автор использовал классические работы арабских и османских историков – ат-Табари (X в.), Ибн Арабшаха (XV в.), Ахмеда Джевдета (XIX в.) и других. Интересной особенностью текста является факт, что историю родного селения автор рассматривает в контексте общей истории Дагестана (для исследованных тюркоязычных дагестанских исторических сочинений такой подход скорее необычен).

Рукопись дошла в нескольких списках, числом не менее десяти [Оразаев, 2003, с. 7–9]. Автограф был написан на арабском, но параллельно с ним был составлен вариант на кумыкском, который в значительной степени отличается от арабской версии (он короче и меньше освещает общую историю). Исследовавший этот текст Г. М.-Р. Оразаев предположил, что кумыкский список – это перевод, выполненный зятем автора – Н. А. Казиевым. Однако, проведя сравнительный анализ кумыкских глосс, написанных Джамал ад-Дином, а также арабоязычной и кумыкской версии текстов, мы можем смело заключить, что оба текста были составлены

одним автором¹. Казиев лишь дополнил исходный вариант актуальными сносками и пояснениями (например, он ссылается на работы историка А. П. Новосельцева о Хазарском каганате, М. И. Артамонова и проч.). В этом эссе рассмотрим кумыкский вариант сочинения².

Итак, рукопись поделена на 12 небольших разделов. Первые три части посвящены событиям до основания селения. Как и в других подобных сочинениях, упоминаются: начало строительства Дербентской стены, хазарские войны, основание Дербента. Далее автор переходит к легендарному во многом повествованию о происхождении кумыков от пророка Ноя, обстоятельствам их переселения на Кавказ и исламизации их и прочих народов Дагестана. Затем упоминается возникновение Золотой Орды и ее роль в общесульманской истории, обращение Орды в Ислам, появление ее наместников в Дагестане и распространение ордынских законов и источников права, в том числе подробно описывается «Яса». Золотая Орда в тексте характеризуется довольно положительно, я склонна связывать это с тем, что Джамал ад-Дин предполагал происхождение карабудахкентской элиты *карачи-беков*³ от золотоордынских наместников. Другой фрагмент текста коротко описывает завоевания Тимура. Следующая часть довольно примечательна – она включает в себя генеалогию шамхальского рода, выводя его происхождение от Чингизидов. Джамалутдин очень критично описывает методы управления шамхалов в Дагестане, как и их моральный облик, что, конечно, связано с тем, что Карабудахкент

¹ Г. М.-Р. Оразев был в первую очередь специалистом по тюркским текстам и не имел полноценной возможности сравнить источники (перевод арабского текста не издан), также в его распоряжении не было найденных нами выписок автора на кумыкском языке.

² Рукопись хранится в частной коллекции. Переписана на аджаме. Переписчик – Х. К. Гаджиев из с. Нижний Дженгутай, дата переписки указана дважды, на с. 1–1384 г.х. (1965 г.) и на с. 20–1384 г.х. (21 июня 1965 г.). Палеографические особенности рукописи [см.: Оразев, 2003, с. 12].

³ О карачи-беках подробнее см.: [Почекаев, 2009; Алиев, 2011].

перманентно пытался выйти из-под власти шамхальства Тарковского⁴ и обрести независимость.

Лишь последний сравнительно небольшой фрагмент посвящен непосредственно селению Карабудахкент, повествуя о племенах, образовавших селение, географических особенностях, основании селения Карбудаг-Атайем, также постулируется, что селение было основано раньше шамхальства. Остальная часть фрагмента посвящена *карачи-бекам* и немного свободным общинникам-узденям. Заметим, что хронологический вектор сочинения не доходит до событий после основания селения, т. е. автору было важнее показать, *кто* населял Карабудахкент, и отразить социальные отношения внутри селения.

Что касается обстоятельств и целей записи источника, то в тексте рукописи упоминается, что сочинение было написано по просьбе некоего заинтересованного в истории человека, который, можно предположить, был из карабудахкентской элиты. Что объяснило бы поношение шамхалов, большое внимание золотоордынскому происхождению *карачи-беков* и описанию обстоятельств их появления в Карабудахкенте. Стоит отметить также ярко выраженный национальный аспект в сочинении. Значительные фрагменты текста посвящены происхождению и расселению кумыков. Что, в общем-то, логично для периода создания рукописи, когда национальные вопросы уже актуализировались в обществе. В других дагестанских тюркоязычных исторических источниках такие пассажи, скорее, не встречаются.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд выводов о дагестанских тюркоязычных сочинениях как жанре: в более ранних по хронологии текстах значительная роль отводится исламу и его распространению в регионе, повество-

⁴ Это прослеживается в тексте арабоязычной рукописи Карабудахкентских адатов: [ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН].

вание задается векторами «хороший», «плохой», «верный», «неверный» и т. п., достоверность описываемых событий не так важна, как их моральная составляющая, используемые автором источники не идентифицируются. В более поздних текстах религия уступает роли личности, сочинители ссылаются на источники с указанием авторов, больше внимания стараются уделять достоверности событий, что, конечно, связано с распространением в эпоху модерности исторической науки в Дагестане.

Сюжетно тексты, посвященные одному селению, в основном ведут повествование с момента его основания до эпохи Шамиля, общие тексты по истории Дагестана начинаются с основания Дербента, продолжаясь арабо-хазарскими войнами, распространением ислама и также доходят в основном до периода Шамиля. Конечно, встречаются и исключения, коих, наверное, большинство.

У исследуемых тюркоязычных исторических источников больше различий, чем сходств. Ввиду их небольшого количества, отсутствия сходной структуры и хронологического разброса я бы заключила, что тюркоязычные исторические источники в дагестанской жанровой традиции едва ли составляют отдельный жанр. Они являются единичными и представляют собой скорее ответвление от арабоязычных исторических сочинений. Что, в общем-то, подтверждается текстом рукописи «История Кавказа и селения Карабудхкент», которая изначально была записана на арабском языке.

Глава II.

МЕМУАРЫ И ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ВОСТОКОВЕДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Научная деятельность литературоведа-тюрколога Г. С. Амантая (1907–1938)

Р. Ю. Аккубеков
ИИЯЛ УФИЦ РАН

Амантаев (Амантай) Габдулла Сахибгареевич (Табульдин) родился 23 декабря 1907 года в деревне Верхний Кунакбай Кипчакской волости Оренбургского уезда Оренбургской губернии (ныне Переволоцкий район Оренбургской области) в семье хальфы (учителя). После окончания начальной школы родной деревни в 1917 г. отец его определяет на учебу в Оренбургское медресе «Хусаиния», где активный и любознательный Габдулла становится признанным лидером среди учащихся. В литературных вечерах, проводимых в г. Оренбурге, знакомится с башкирскими поэтами Ш. М. Бабичем и Х. А. Габитовым. Начинает увлекаться стихосложением. Все же любознательного Габдулла не удовлетворяет учеба в медресе «Хусаиния», и он поступает учиться в русскую школу с. Покровка. Год проучившись, переходит в семилетнюю школу в д. Юлдашево. В эти тяжелые годы смуты и разрухи, устроенной политикой продразверстки, в январе 1920 г. от тифа умирает отец. В 1921 г. от голода гибнут мать, двое младших братьев и сестра. Оставшись один, рано повзрослевший от потерь, Габдулла уже с юных лет вступает во взрослую

самостоятельную жизнь. Он стремится быть в первых рядах в строительстве новой, лучшей жизни. В 1921 г. четырнадцатилетний Габдулла, обладающий лидерскими качествами, избирается секретарем Ток-Чуранского кантокома комсомола. Участвует в подавлении кулацких восстаний. В этот период сменяет свою фамилию Табульдина на Амантаева. Здесь судьба сводит его с общественным деятелем М. А. Бурангуловым (1888–1966), возглавлявшим в то время Ток-Чуранский кантон.

Стремившегося к знаниям Габдулла председатель кантокома направляет на учебу в Башкирский институт народного образования в г. Оренбург. Открывшееся учебное заведение размещалось в историческом здании башкирского народа – Караван-сарая. Вместе с ним здесь учатся, ставшие его друзьями на всю жизнь С. Агиш, Б. Имашев, Г. Хайри, К. Азнабаев и многие другие. Это учебное заведение стало настоящей кузницей башкирских национальных кадров.

Через два года пользующегося большим авторитетом среди товарищей молодого секретаря, обладающего ораторскими и организаторскими способностями, назначают заведующим отделом национальных меньшинств при Оренбургском губкоме. К себе в заместители он приглашает своего друга Мусу Джалиля (1906–1944), знавшего его еще с учебы в медресе «Хусаиния».

Вскоре его, как хорошо зарекомендовавшего себя комсомольского лидера, приглашают на работу в Уфу, в Башобком КСМ. В 1926 г. он участвует делегатом в VII Всесоюзном съезде комсомола, проходившем в г. Москве. В 1926 г. становится членом ВКП(б). В 1926–1928 годах возглавляет республиканские молодежные газеты «Молодой пролетарий» («Йяш юксыл»), «Молодежь Башкортостана» («Башкортостан йяштыре»). Руководит отделом печати обкома комсомола [НА РБ, ф. 122, оп. 36, д. 110]. В сентябре 1928 г. Башкирский обком ВКП (б) направляет его на учебу в г. Ле-

нинград (Санкт-Петербург). В 1928 г. Г.Амантай поступает в Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе. В то время основным направлением института была подготовка специалистов по восточным языкам для Наркомата иностранных дел и работников внешней торговли, а также научных работников для вузов и академических учреждений. В связи с этим больше внимания уделялось восточным языкам и социально-экономическим дисциплинам. Здесь он слушает лекции по истории Востока известного востоковеда академика В. В. Бартольда, ираниста С. Э. Бертельса, тюрколога Х. Джавдет-заде, Н. К. Дмитриева и др. Все же молодого поэта, уже в 1927 году выпустившего первый сборник стихов «Песни борьбы», больше интересовали поэзия и литература. В 1930 г., проучившись два года, Габдулла Амантай переводится в Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), где его принимают на 2-й курс. За 1930–1931 учебный год он экстерном заканчивает два курса – второй и третий. В ЛИЛИ готовили специалистов-литературоведов, младших научных сотрудников научно-исследовательских учреждений, младших преподавателей вузов. Здесь преподавали известные ученые-востоковеды В. В. Струве, И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели и др. Как видно по документам, студент Амантаев учился хорошо. За отличную учебу и ведение общественной работы неоднократно получал премии от профкома института. В период учебы проявивший себя активный студент Габдулла избирается секретарем ячейки ВКП(б) Восточного отделения ЛИЛИ. Кроме того, вне вуза руководит Восточной секцией ЛАПП (Ленинградская ассоциация пролетарских писателей), входит в правление землячества студентов Башкирии, а также является председателем секции Дома народов Востока [СПФ АРАН, оп. 1, д. 38]. В том же году студента Г. Амантая без отрыва от учебы как хорошего специалиста с 1 ноября

1931 г. по 15 января 1932 г. по приглашению Комакадемии командировуют в Москву. Ему поручается в короткий срок написать монографическую работу по башкирскому языку, фольклору, театру и дооктябрьской истории развития Башкирии. Данная работа в Комакадемии была написана и сдана им в срок. На сегодняшний день, часть сохранившейся монографии «О культурно-национальном строительстве в Башкирии. Форма управления в Башкирии до революции» хранится в Архиве Российской Академии наук г. Москвы (фонд Института литературы и искусства Коммунистической академии) [АРАН, Ф. 358, оп. 2, д. 361].

После досрочного окончания института в 1932 г. подающий большие надежды выпускник, хорошо владеющий русским, турецким, арабским, узбекским и казахским языками, был оставлен в аспирантуре. В период учебы на талантливого аспиранта обращает внимание известный тюрколог, академик А. Н. Самойлович и приглашает его на работу в Институт востоковедения АН СССР.

С 10 мая 1932 г. приказом директора Института востоковедения академика С. Ф. Ольденбургоа Г. Амантаева принимают на работу сотрудником -го разряда среднеазиатского кабинета [СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, (т. 1.), д. 2135] и включают в коллективную тему «История джадидизма в Узбекистане». А по желанию он выбирает самостоятельную тему: «Башкирская советская литература».

Габдулла одновременно с энтузиазмом приступает к работе и над кандидатской диссертацией «Ш. Бабич и его творчество». Начинает изучать жизнь и творчество башкирского поэта Ш. Бабича, делать выписки его стихов из газет и журналов.

В этот короткий промежуток времени работы в ИВ Г. Амантаев близко знакомится с крупнейшими тюркологами того времени – академиком А. Н. Самойловичем (1880–1938), С. Е. Маловым (1880–1957) и многими дру-

гими [Амантай, 2007, с. 228]. В личном деле Г. Амантая сохранилась и положительная характеристика, данная руководителем Среднеазиатского кабинета Института Востоковедения академиком А. Н. Самойловичем. В ней он Габдуллу Амантаева отмечает как ценного трудолюбивого специалиста: ...«Сверх программы, будучи по национальности башкиром, ведет исследовательскую работу по советской башкирской литературе. Товарищ Амантаев Г. С. достаточно подготовлен методологически и обладает необходимыми фактическими знаниями и навыками в приемах научной работы, являясь таким образом весьма ценным сотрудником Кабинета» [СПФ АРАН, ф. 152, оп.1 (1931), д. 38].

Довелось ему общаться в Институте и с известным общественным деятелем, одним из лидеров башкирского национального движения Ш. А. Манатовым (1892–1936), в то время обучающимся в аспирантуре Института востоковедения. Ш. А. Манатов с 1 октября 1932 г. по направлению ЦК ВКП (б) и по представлению С. Ф. Ольденбурга был зачислен в аспирантуру по арабскому отделению Института востоковедения, научным руководителем был назначен И. Ю. Крачковский [СПбФ АРАН, ф. 222, оп. 2, д. 671]. Шариф Манатов в совершенстве владел и турецким языком. В 1919 г. Ш. Манатов по заданию ЦК ВКП (б) на год был послан в Турцию для оказания помощи в создании коммунистической партии, был членом президиума Анкарского комитета турецкой компартии и соредактором газеты «Ени дунья» («Новый мир»). Имел научные публикации [Манатов, 1922, с. 354–359].

1 февраля 1933 г. ИВ АН СССР торжественно отмечает двойной юбилей академика С. Ф. Ольденбурга – 70-летие со дня рождения и 50-летие научной деятельности. Институт востоковедения преподнес своему директору подарочный альбом с пожеланиями и с фотографиями

сотрудников и аспирантов. В этом альбоме под номером 91 с личной росписью хранится и фото научного сотрудника, молодого тюрколога, подающего большие надежды, Г. С. Амантаева. Фото Ш. А. Манатова зарегистрировано под номером 69, внизу фото также личная подпись. Шариф Манатов обозначен как арабист [СПбФ АРАН Ф. 208. Оп. 2. Д. 25].

22 марта 1933 г. Башнаркомпрос ходатайствует об откомандировании Амантаева на работу в качестве директора НИИ национальной культуры. Г. Амантаев, оставив на некоторое время свою семью в Ленинграде, возвращается в Уфу. В период учебы Г. Амантаев в г. Ленинграде (Санкт-Петербург) проживал с семьей по адресу: Васильевский остров, 10 линия, д. 23, кв. 17. Здесь у него родился сын Альберт [СПФ АРАН, ф. 152, оп. 1 (1931), д. 38].

Фото Г. С. Амантаева из подарочного альбома ИВ АН СССР. 1933 г.

Приехав обратно, Г. Амантаев 16 апреля 1933 г. согласно распоряжению секретариата ЦК ВКП(б) выбывает из штата

ИВ АН СССР. 20 апреля 1933 г. он, забрав семью, направляется на работу в Уфу [СПФ АРАН, ф. 152, оп.1 (1931), д. 38, л. 5].

С 1 мая 1933 г. Амантаев назначается директором Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры (ныне ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН) [НА УФИЦ РАН, ф. 3, оп. 1, д. 1].

К своей новой работе он приступает с большим воодушевлением. В первую очередь им была налажена тесная связь с научными учреждениями Ленинграда и Москвы. В институт неоднократно ездил читать лекции профессор Н. К. Дмитриев [Директора, 2007, с. 10]. Летом 1934 г. из Москвы для участия и руководства с экспедиционной группой Института был приглашен тюрколог К. К. Юдахин [Директора, 2007, с. 10].

В Институте начали работать композиторы С. Х. Габяши, Г. С. Альмухаметов, А. С. Ключарев, И. В. Салтыков, художник М. Д. Усманов, писатели Д. И. Юлтый, А. М. Тагиров, языковеды Г. Я. Давлетшин, Т. Г. Баишов и мн. другие.

В Башкирское НИИ национальной культуры были приняты на работу политические ссыльные академик М. К. Любавский (сосланный в Уфу за сокрытие личного архива Николая II), профессор И. И. Соколов (сосланный в Уфу как «церковный монархист»). Сотрудничал с Институтом и профессор А. Г. Пригожин (сосланный в Уфу за участие в контрреволюционной троцкистской организации).

Ежегодно Институт начал организовывать научные экспедиции в различные районы республики. По воспоминаниям Т. Г. Баишева, организацией экспедиций Г. Амантай непосредственно занимался сам. Договаривался о подвозах членов экспедиции, планировал встречи с администрацией районов по поводу организации маршрута, обеспечения транспортом. В большинстве ездили на лошадях, иногда и пешком. В некоторых экспедициях Габдулла Сахибгареевич принял личное участие.

Г. Амантай одним из первых обратился к изучению башкирского фольклора и проблем его взаимосвязи с литературой. Им были разработаны принципы сбора и публикации башкирского устно-поэтического творчества.

Его научно-теоретические, научно-методические работы «Краткое пособие по сбору фольклорных материалов», «Фольклор и литературный язык», «Жанры башкирского фольклора», «О башкирских пословицах», «Башкирские загадки», «Фольклорные материалы», изданные в 1934–1936 гг., не потеряли своей значимости и сегодня. В 1937-м году им был подготовлен к изданию сборник «Башкирский фольклор», но из-за ареста остался неопубликованным.

Институт в период 1933–1937 гг. под редакцией Г. Амантая подготовил и издал значительное количество книг, терминологических словарей [Математические термины, 1934].

Несмотря на напряженную работу, он с 1934 г. – доцент Башкирского государственного педагогического института, преподает башкирскую литературу и фольклор. В составленной им программе 60 часов отводилось дореволюционной литературе, 40 часов – послереволюционной [Перевозкин, 1937].

Он готовит и издает учебники для национальных школ, учебные пособия и программы для студентов. В них он публикует и свои литературно-критические статьи о башкирских писателях, таких как А. Тагиров, Д. Юлтый, Ш. Бабич, Х. Габитов, Ф. Туйкин, и дает их произведениям свою оценку. В этот же период его избирают секретарем правления Союза писателей Башкортостана. Он активно занимается художественным творчеством, пишет стихи, становится одним из первых башкирских поэтов, пишущих для детей. В последующем работает и над эпическими поэмами. До нас дошли только отрывки поэм «Колгайша», «На пути борьбы» и др. В 1934 г. на I Всесоюзном съезде писателей в Москве выступает с докладом о башкирской драматургии.

Его литературно-критические статьи печатаются и во все-союзных изданиях.

В 1934–1936 гг. он – редактор журнала «Октябрь», где публикует и свои статьи. Особое значение имеет работа Г. Амантая «Принципы определения национальной литературы» [Амантай, 1934, с. 1–7]. В ней автор дает отпор существовавшим в то время высказываниям, что только Октябрьская революция дала письменность башкирскому народу и толчок на развитие башкирской национальной литературы. Г. С. Амантаев как литературовед-тюрколог приводит имена и произведения башкирских просветителей и сэсэнов: С. Юлаева, М. Акмуллы, Т. Ялчыгула, Ш. Тамьяни, Г. Чокорья, С. Якшигулова и многих других башкирских писателей, которые писали свои произведения арабской графикой на языке тюрки. В статье «Принципы определения национальной литературы» Г. Амантай открыл много важных теоретических сторон работы по изучению истории башкирской литературы с древнейших времен до советского периода. Этот научный труд Г. Амантая в условиях господства культа личности в дальнейшем стал одним из пунктов обвинения в буржуазном национализме.

В июле 1937 г. Г. Амантай пишет письмо председателю квалификационной комиссии Института востоковедения АН СССР А. Н. Самойловичу с просьбой разрешить защиту кандидатской диссертации по совокупности опубликованных работ и назначить срок защиты. Летом большинство сотрудников ИВ были в отпусках, а ученый совет собирался только осенью. 2 октября 1937 г. директора Института востоковедения А. Н. Самойловича, находящегося в то время на отдыхе в Кисловодске, арестовывают по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Японии. После длительных допросов он признает себя виновным по всем пунктам и приговаривается к расстрелу с конфискацией имущества. 13 февраля 1938 г. приговор был

приведен в исполнение. Письмо Г. Амантая так и осталось без ответа.

Черные тучи сгущаются и над Габдуллой Сахибгареевичем. Репрессии башкирских писателей Х. Г. Габитова, Д. И. Юлтыя, А. М. Тагирова и многих других еще более осложнили ситуацию. Его научно-литературные работы, посвященные творчеству Х. Г. Габитова, Д. И. Юлтыя, А. М. Тагирова, стали дополнительным поводом для нападок. Ему ставилась в вину засоренность аппарата Института классово чуждыми элементами. Сотрудничество и принятие на работу в Башкирский НИИ национальной культуры политических ссыльных академика М. К. Любавского, профессора И. И. Соколова, профессора А. Г. Пригожина, И. В. Салтыкова также легли в основу обвинений.

На заседании бюро Башобкома ВКП (б) 26 августа 1937 г. был рассмотрен вопрос «О состоянии научно-исследовательского института языка и литературы и ошибках товарища Амантаева».

В решении было отмечено: т. Амантаева за «допущение политической близорукости в отношении к врагу Пригожину, протаскивание антипартийных националистических взглядов в вопросах башкирской национальной литературы, допущение политических ошибок в трудах НИИЯЛИ...» с работы снять.

21 сентября 1937 г. бюро Кировского РК ВКП (б) под руководством секретаря райкома Буренкина принимает решение об исключении Г. Амантая из рядов партии «как буржуазного националиста», популяризатора и покровителя врагов народа, буржуазных националистов, троцкистов, бухаринцев. 29 сентября 1937 г. постановлением Президиума ЦИК БАССР за не обеспечение руководства института Г. С. Амантаев был снят с должности директора института и выведен из состава БашЦИК. 1 октября 1937 г. Амантаев прекращает исполнение обязанностей директора БНИЯЛ. Наступает время тяжелых

ожиданий. В ночь на 4 октября 1937 г. Г. С. Амантаева арестовывают.

На заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза ССР, состоявшейся 10 июля 1938 года в Уфе, Г. С. Амантаев был обвинен в преступлениях по статьям 58–2, 58–8 и 58–11 УК РСФСР. На суде виновным себя не признал, обвинения посчитал ложными и отказался от данных во время следствия под пытками показаний. Суд приговорил его к расстрелу с конфискацией имущества. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Амантаев Габдулла Сахибгареевич был реабилитирован 3 октября 1957 года. За короткий срок его руководства в институте были заложены основы научной работы в области филологии и истории Башкортостана, собран значительный фольклорный материал. Время руководства Г. Амантая можно по праву считать золотым периодом развития института.

Дипломатическая деятельность башкирских дворян Бекчуриных

И. С. Игдавлетов
ИИЯЛ УФИЦ РАН

С периода правления Петра I Средняя Азия начинает представлять большой интерес в юго-восточной политике России. Обширный регион привлекает внимание как в торгово-экономическом отношении, так и в военно-стратегическом плане.

Петр I, даже при активной западной внешней политике, стремясь к выходу к Балтийскому морю, не упускал из виду огромные восточные границы. Он хорошо понимал, какие экономические выгоды получит Россия, если в торговом отношении сможет стать «посредницею» между Азией и Европой [Соловьев, 1963, с. 345]. С правления Петра I в истории российской восточной внешней политики наступает новая эпоха не только в отношении Дальнего Востока, но и в отношении исламского мира [Бартольд, 1977, с. 391].

Планы проникновения в Среднюю Азию в первой четверти XVIII в. через Персию и Сибирь не имели успеха. Экспедиции во главе с И. Д. Бухгольцем и А. Бекович-Черкасским закончились неудачами. В итоге правительство решает выбрать другой путь, через Башкирию.

Основание нового города Оренбурга на границе со степью сыграло большую роль в развитии двухсторонних отношений. В том числе активизировались торгово-экономические связи с ханствами Средней Азии. В последующем присое-

динение казахских жузов к России уже давало новые возможности для государства. Казахские земли имели значение «ключа и ворот всем азиатским странам и землям» [Витевский, 1889, с. 136].

Оренбург, основанный в первой половине XVIII века на юго-восточной окраине Российской империи, имел важное стратегическое значение. В последующем до окончательного присоединения казахских жузов и среднеазиатских ханств город становится центром юго-восточной внешней политики государства. Многие вопросы установления дипломатических и торгово-экономических отношений с соседними странами решались в Оренбурге.

Развивая дипломатические и торгово-экономические отношения с казахами и среднеазиатскими ханствами, российское правительство начинает активно привлекать и башкир. Давние торгово-экономические связи, одна религия, близость языка, культуры и традиций с казахами и другими народами Средней Азии способствовали налаживанию контактов с южными соседями. Башкиры часто привлекались в качестве переводчиков, купцов, послов и т. д.

В числе активных участников юго-восточной внешней политики Российской империи были и представители нескольких поколений из рода Бекчуриных.

Во-первых, следует отметить Мирсалима Бекчурина, о котором сохранилось мало сведений. Известно, что он был переводчиком восточных языков, титулярным советником, являлся помощником пакгаузного инспектора Оренбургской таможни. Кроме этого, его часто привлекали к решению торгово-экономических и дипломатических вопросов с казахами и странами среднеазиатского региона.

В 1803 г. была организована дипломатическая миссия в Бухару под руководством поручика Я. П. Гавердовского. Посольство имело государственное значение и основательно подготавливалось. Поездка была организована для

поймки Валита Хамитова, тептяря из деревни Иштеряповой Уфимской округи. Хамитов в Бухаре организовал подделку фальшивых ассигнаций и дешево продавал их в основном астраханским армянам и хивинцам. 16 сентября 1802 г. на заседании Комитета министров, когда в присутствии Александра I министр коммерции Н. П. Румянцев сообщил неприятные вести об изготовляемых в Бухарском ханстве ассигнациях, члены комитета решили «употребить все меры, чтобы того человека, на которого падает подозрение, оттуда вывести» [Халфин, 1974, с. 61–62]. Поймка изготовителя фальшивых ассигнаций больше послужила поводом – целью посольства, как отмечает руководитель Я. П. Гавердовский, «кроме особенных поручений, клонилась более к открытию выгод коммерции и к доставлению сведений о стране сей, Европе малоизвестной...» [История Казахстана, 2007, с. 17]. Об ответственности миссии говорит и тот факт, что инструкции давали министр коммерции Н. П. Румянцев, министр внутренних дел В. П. Кочубей, генерал-квартирмейстер П. К. Сухтелен, профессора Императорской Академии наук, а перед выездом в Оренбург Я. П. Гавердовский был лично принят императором Александром I.

В состав этого посольства в Бухару входил также Мирсалим Бекчурин. Еще до отправления ему поручалось решить некоторые организационные вопросы.

Так, для сопровождения посольства до Бухары необходимы были «известные по своей силе начальники киргизского народа», через кочевья которых будет пролегать путь каравана, чтобы они снабдили верблюдами для перевозки вещей и обеспечили их безопасность. Приглашать казахов и в то же время разведывать все обстоятельства, «касающиеся до проезда степи, послан был в феврале месяце известный по своей опытности переводчик Оренбургской торговой таможни, титулярный советник Бекчурин...» [История Казахстана, 2007, с. 158].

Всего в дипломатической миссии насчитывалось около 50 человек; кроме основных обязанностей, некоторым членам были даны дополнительные поручения. Я. П. Гаввердовский пишет, что «Переводчику Бекчуруну были отданы в зависимость киргизцы, составляющие наших путеводителей. Он вместе с ними должен был заботиться об удобности и безопасности в дороге, так как все сие ему известно уже было из первой его в степь поездки» [История Казахстана, 2007, с. 159]. Также Мирсалим Бекчурин выполнял другие поручения руководителя группы в ходе следования каравана. Кроме него в составе посольства был еще один переводчик, коллежский асессор Кукляш Биктяшев, который должен был примечать «обряды и обыкновения народов». Возможно, это отец или родственник Кукляшева Салихьяна Бикташевича, известного башкирского языковеда, педагога-просветителя.

Во второй половине XIX в. в итоге успешных военных походов обширные территории Средней Азии – Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства были присоединены к Российской империи.

Одним из участников среднеазиатских походов во второй половине XIX в. был сын Бекчурина Мирсалима – Бекчурин Мирсалих Мирсалимович, известный башкирский просветитель, переводчик, педагог, ученый-лингвист и фольклорист.

Бекчурин Мирсалих, выпускник Оренбургского Неплюевского военного училища, получивший специальность переводчика, часто привлекался к участию в решении дипломатических вопросов с казахами и ханствами Средней Азии.

В 1865 и 1866 годах при командующем войсками Оренбургского военного округа генерал-адъютанте Н. А. Крыжановском М. М. Бекчурин два раза был в Средней Азии в качестве переводчика восточных языков. Участвовал во всех походах, организованных под личным руководством Н. А. Крыжановского. Находился рядом с ним при штурме

городов Ура-Тюбе и Джизак, по его поручению вел переговоры со среднеазиатскими властями.

В последующем, в 1872 г. М. Бекчурин опубликовал свои наблюдения под названием «Туркестанская область: заметки статского советника Бекчурина...». Статьи, вошедшие в данный сборник, были уже изданы в разных журналах. В предисловии к сборнику автор отмечает «Вошедшие в состав настоящего сборника статьи были уже напечатаны прежде в различных правительственных изданиях, в настоящее же время издаются вместе...» [Бекчурин, 1872, с. 1].

Эти материалы дают интересные сведения о регионе второй половины XIX в. Лично участвуя в переговорных процессах со среднеазиатскими властями, он не пишет о ходе переговоров, а акцентирует внимание на изложении экономического развития этого обширного региона. Одновременно вносит предложения для улучшения торговли между Россией и ханствами Средней Азии. Например, для улучшения развития торговли он предлагает скорее построить железную дорогу от Оренбурга до Самары и Моршанска [Бекчурин, 1872, с. 49]. Особенно сведения экономического характера были ценными для правительства в этом стратегическом регионе, где пересекались важные транзитные торговые пути.

Бекчурин М. подробно характеризует города и крепости Ходжанд, Нау, Ура-Тюбе, Замин, Джизак и Чим-Курган. Описывает этнический состав указанных городов, основные занятия населения, торговлю, дороги, расстояние между городами, отношения между соседними городами и странами и т. д.

После возвращения из похода в Среднюю Азию, в 1867 г. в качестве главного переводчика Мирсалих Бекчурин сопровождал депутацию жителей Туркестанской области, вместе с которой был командирован в Санкт-Петербург для их представления августейшим особам [Семёнов, 2017, с. 159].

По стопам отца и деда пошел и Мирюсуф Мирсалихович Бекчурин, который после окончания курса в Неплюевском кадетском корпусе в 1867 г. участвовал в Бухарском, Хивинском и Кокандском походах.

В одном из среднеазиатских арабографичных источников упоминается о начальнике администрации города Маргилане Бекчурине. Казахский ученый Т. К. Бейсембиев приводит интересные сведения о Бекчурине как представителе новой русской администрации из исторической хроники «*Тасниф-и гариб*», написанной на тюрки. В документе сообщается, что служившие в городе Маргилан Бекчурин, Томич и Баранов были лучшими начальниками, не брали взяток и достойно относились к подданным [Бейсембиев, 2009, с. 132]. Т. К. Бейсембиев дату указывает 1876 г. и не называет имени Бекчурина. Скорее, здесь речь идет о Мирюсуфе Бекчурине, так как Мирсалих Бекчурин был в Средней Азии только в 1865 и 1866 гг.

История развития взаимоотношений башкир с мусульманским миром, в частности с казахами и народами Средней Азии, имела давние традиции. Мусульмане края, совершая хадж или направляясь по торговым делам, вступали в тесное взаимодействие с исламским миром.

Религиозный фактор имел большое значение, и российская дипломатия старалась это учитывать, направляя в Казахстан и страны Средней Азии башкир. В свою очередь, привлечение башкир способствовало установлению доверительных отношений с соседями, поскольку, кроме веры, большую роль в этом процессе играла близость языка и культуры.

**Травелоги, письма и статьи Рабиндраната Тагора
как свидетельство политической вовлеченности
индийского классика**

Е. П. Лекарева

Санкт-Петербургский государственный
университет

Период конца XIX – начала XX в. ознаменовался множеством качественных перемен в первую очередь в политической жизни Индийского субконтинента, оказавших влияние не только на последующий ход развития истории Индии и сопредельных стран, но и существенным образом поменявших образ мышления людей и поставивших их перед необходимостью отвечать на вызовы времени и делать выбор, за который придется нести ответственность в будущем. Происходящее вызывало глубокую обеспокоенность у известного индийского классика Рабиндраната Тагора (1861–1941), который всегда с пристальным вниманием следил за событиями не только в Индии, но и во всем мире, и тотчас же откликался на любые дурные предзнаменования, способные, по его мнению, в будущем обернуться бедой.

Еще с юношеских лет будущего лауреата Нобелевской премии отличали глубокая любознательность, предполагающая не поверхностное и дробное, а тщательное и вдумчивое изучение сути предметов и явлений во всей их неделимой полноте, и активная, если еще не политическая, то по крайней мере жизненная позиция. В 1878 году семнадцатилетний Р. Тагор впервые покидает Индию и отправляется со стар-

шим братом Сатъендранатхом в Англию для изучения права [Гнатюк-Данильчук, 1961, с. 14]. Путевые заметки тех лет, изданные под заглавием «Письма путешественника в Европу» («*Īurōṇ prabāṣīr patra*»), состоят из тринадцати писем, написанных на современной литературной форме бенгальского языка (*calit bhāṣā*), и являются заслуживающим внимания источником по истории жизни и быта английского народа того времени, представленной глазами человека, принадлежащего к совершенно иной культуре. Несмотря на то, что травелог по большей части посвящен описанию уникальных впечатлений писателя от пребывания в самом сердце страны, которая вершит судьбу его родной Индии, тем не менее некоторые наблюдения автора о политической жизни Англии того времени заслуживают рассмотрения.

Так, молодого Р. Тагора, которому выпала возможность присутствовать на заседании английского Парламента, глубоко поразило безразличие членов Палаты общин по отношению к Индии: на речь ирландца О’Доннела, критикующего Закон о прессе в Индии и ряд других проектов, парламентарии не обратили практически никакого внимания и все его предложения тотчас же отвергли. Р. Тагор пишет, что когда в Палате начались обсуждения, посвященные Индии, почти все члены отправились обедать или на прогулку и вернулись только ко времени голосования. Он тут же добавляет, что «часто патриотизм оказывается побежденным партийностью» [Ṭhākura, 1986, P. 42]: многие парламентарии не имеют собственного мнения относительно того или иного вопроса и часто слепо следуют идеологии своей партии, а сама идея голосования при такой системе теряет всякий смысл [Волгина, 2018, с. 694].

Изучение юриспруденции не вызвало большого интереса у Р. Тагора, поэтому вскоре он вернулся домой, однако зерно сомнений относительно благословенного правления Британской короны в Индии, оброненное во время пребывания

в Англии, дало свои всходы. В 1893 году в семейном журнале Тагоров «Почитание» («Sādhana») появляется статья писателя «Англичане и индийцы» («Inrāj ō bhāratbāsi») [Tḥākur, 1941, p. 651]. Начиная с размышлений о том, что нет ни одной нации на земле, лишенной каких-либо изъянов, Р. Тагор приходит к выводу о том, что если говорить об англичанах, то «главной ошибкой, которая неминуемо приведет их к несчастью, является отсутствие чувства прекрасного, абсолютное нежелание сблизиться с теми, кого они взяли под свое покровительство, и понять их, а также привычка смотреть на мир исключительно через призму своих традиций» [Tḥākur, 1941, p. 379]. Писатель заключает, что именно эта отчужденность английской нации по отношению к Индии и индийцам является главным бичом их колониальной политики, который оборачивается столькими бедами и несчастьями [Tḥākur, 1941, p. 380–381].

Вместо того, чтобы пойти навстречу и уступить в чем-то, попытаться понять истинную природу индийцев, англичане щедро осыпают их упреками и оскорблениями, которые «наряду с чаем, лепешками и яйцами стали неотъемлемой частью их завтрака» [Tḥākur, 1941, p. 387]. Безмолвие и покорность индийцев в ответ они принимают за верный признак трусости, им невдомек, что мужчины в Индии не могут позволить себе необдуманные и безрассудные поступки, ведь они ответственны перед своими семьями [Tḥākur, 1941, p. 386]. И чем дальше англичане отдаляются от индийцев, тем труднее для них будет помочь им и воздать по справедливости [Tḥākur, 1941, p. 387]. Кроме того, колониальная администрация поощряет разжиганию межрелигиозной вражды и даже не пытается решить эту проблему [Tḥākur, 1941, p. 392].

Тем временем, обращает внимание Р. Тагор, управление таким огромным государством – непростая задача, оно требует сдержанности, опыта и благоразумия. Но английская правительственная машина – раба своего величия, она накрепко

связана своей сложностью, и для того, чтобы хоть немного повернуться, ей приходится делать множество движений [Tḥākur, 1941, p. 382].

Затем писатель обращается к лидерам Индийского национального конгресса, резко критикуя их за неэффективность политического поведения [Bandōpādhyāy, 1997, p. 1711]. «С каким *оружием* [выделение мое – *Е. Л.*] мы вышли сегодня на поле битвы? Вооружившись всего лишь речами и прошениями? Какими доспехами мы собираемся защищать себя? Масками и личинами? Долго ли мы продержимся и добьемся ли хоть каких-нибудь результатов?» [Tḥākur, 1941, p. 398].

Р. Тагор отмечает, что у соотечественников часто «возникает желание скрыть изъяны и несовершенства, не искореняя их», а это доказывает, что Индия пока не готова к полноценной национально-освободительной борьбе [Tḥākur, 1941, p. 399]. В завершение писатель заключает, что верный путь Индии к благополучию – в распространении образования на местных языках, истинная гордость – в осознании своей человечности, подлинный успех – в твердости, преданности и самопожертвовании, все остальное пустое [Tḥākur, 1941, p. 402–403]. Отныне эта мысль будет красной нитью проходить через все его творчество.

Еще более непримиримой критика колониального режима становится в цикле лекций «Национализм», прочитанных Р. Тагором в 1916 году в Токийском университете, а также отчасти в дневнике из этой поездки под названием «Путешественник в Японию» («Jārān-yātrī», 1919–1920), который написан главным образом на судне Тосямару по пути туда и насчитывает 15 записей.

Заходя издалека и начиная свою речь с размышлений об отвлеченной природе такого важного уже не только для неутомимого Запада, но обретающего все большую значимость и для постепенно пробуждающихся ото сна и бездей-

ствия стран Востока, понятия как нация, Р. Тагор постепенно подводит слушателей к главному тезису о том, насколько губительным может оказаться бездумное поклонение «кроваждному демону национализма» [Bandōpādhyāy, 1997, p. 1714], возведенному в культ империалистической Европой [Tagore, 1918, p. 44].

Не умаляя достижений Японии в деле строительства всеобщего благополучия и процветания, писатель, тем не менее, не может не предупредить жителей Страны восходящего солнца об опасностях, таящихся на избранном ими пути. Духовная слепота национализма и патриотизма, навязываемая Западом, не принесет цивилизациям Востока ничего хорошего, ибо их жизненная сила – в высоких идеалах духовности и человечности, отказ от которых чреват гибелью [Tagore, 1918, p. 78].

На первый взгляд, несколько удивительной может показаться эта глубокая обеспокоенность писателя по отношению к происходящему в Японии, которая после почти пятисотлетнего правления самураев вернулась к императорской власти и вступила на путь модернизации и индустриализации, взяв за основу пример Запада, – идея, к слову, привлекавшая и самого Р. Тагора, который видел в объединении первозданной духовности Востока и неутомимой энергии Запада источник гармонии и всеобщего блага. В дневнике из Японии находим следующую запись: «Япония научилась у Запада труду, но сохранила свою манеру трудиться. Именно поэтому в глубине души я питаю надежду, что в этой стране окажется возможным *гармоничное сосуществование восточной духовности и западной предприимчивости* [выделение мое – Е. Л.]. Если это действительно произойдет, они подарят всему миру идеал совершенства» [Thākur, 1919/1920, p. 49].

Однако по мере того, как Япония продвигалась по этому пути, она, по мнению Р. Тагора, все более теряла себя. Вероятно, намекая на победу в японо-китайской войне (1894–1895)

и последовавшую вскоре за ней масштабную милитаризацию страны, он пишет: «Пусть Япония и выиграла войну на море с Китаем, но неужели ей было невдомек, насколько по-варварски жестоко и бесчеловечно вонзать шипы этой победы во все уголки страны?» [Thākur, 1919/1920, p. 102]. И далее: «Среди азиатских стран именно Япония однажды вдруг осознала, что Европу можно остановить только с помощью той же силы, благодаря которой она поработила весь мир. В противном случае попадешь под колеса ее машины и уже никогда не поднимешься» [Thākur, 1919/1920, p. 108]. Едва поняв это, она начала с неумолимой скоростью перенимать мощь Запада, – артиллерию, искусство маневра, заводы и фабрики, административное и судебное устройство, законы, – пока наконец не научилась говорить с ним на его же языке: «Япония обладала богатством человечности, созвучием героизма и красоты, глубиной самообладания и безграничной силой самовыражения, однако западные цивилизации не проявляли к ней никакого уважения, пока она не показала им, что кровавые ищейки Сатаны вскармливаются не только в псарнях Европы, но могут разводиться и в Японии и питаться человеческим горем и страданиями» [Tagore, 1918, p. 83].

Однако в этой погоне за призрачным успехом очень легко потерять себя, и писатель просит Страну восходящего солнца не забывать об этом: «Я совсем не призываю Японию отказаться от приобретения современного оружия для самозащиты. Однако не следует увлекаться больше, чем того требует инстинкт самосохранения. Важно понимать, что настоящая сила не в оружии, а в том, кто им владеет, и что если человек в погоне за могуществом множит оружие ценой собственной души, ему угрожает гораздо большая опасность, чем его врагу» [Tagore, 1918, p. 77].

Безусловно, подобная резкая критика действий Японии не могла не вызвать глубокого возмущения у тех, кто стоял у руля правления в стране: японские националистические

крути тут же объявили Р. Тагора «поэтом покоренного народа» [Тагор, 1961, с. 120]. И если с судна Тосямару его пришли встречать сотни японцев, то провожали спустя три месяца уже единицы.

Несмотря на то, что в работах отечественных японоведов визит Р. Тагора в Японию в 1916 году либо практически не упоминается, либо описывается в положительном ключе, с некоторыми наблюдениями, сделанными в них, нельзя не согласиться. Так, в предисловии к труду «Человек и мир в японской культуре» японовед Т. П. Григорьева отмечает, что «Тагор был одним из тех, кто понимал Японию» [Человек и мир, 1985, с. 5]. Представляется, что именно это понимание побудило писателя высказать свое мнение относительно происходящего в стране, с которой его родную Индию связывали столетия соседства, а также предостеречь друга от вступления на опасный путь, и тот факт, что почти два десятилетия спустя волна шовинизма все-таки захлестнула Страну восходящего солнца и бросила свою тень на ее историю, говорит о том, что смутные предчувствия Р. Тагора оказались небезосновательными. В беспокойном 1937-м милитаристские круги Японии сами обратятся к писателю с приглашением вновь нанести дружественный визит в их страну, надеясь таким образом заручиться его поддержкой в оправдании своих действий в Китае, однако он решительно откажется от какой-либо поездки: «Я питаю подлинную любовь к японскому народу и именно поэтому мне было бы очень больно, если бы пришлось воочию увидеть, как правители вашей страны посылают японцев в соседнюю страну для совершения бесчеловечных актов, которые навеки покроют позором ваши имена в истории человечества» [Рабиндранат Тагор, 1961(а), с. 32].

В 1930 году происходит заветная поездка Р. Тагора в Советский Союз, планировавшаяся и откладывавшаяся по разным причинам в течение нескольких лет. Как отмечал он сам

в «Письмах о России» («Rāśiyār ciṭhi»), написанных по большей части уже после отъезда из нашей страны и состоящих их четырнадцати писем: «Единственная цель, которую я преследовал, отправляясь в Россию, – посмотреть, насколько это возможно в короткие сроки, каким образом там происходит процесс распространения образования среди простого населения, а также каких успехов они смогли достичь» [Tḥākur, 1945, p. 54]. Писатель был восхищен достижениями советского народа, которые ему удалось увидеть во время своего недолгого пребывания в столице Советского Союза.

Подробно описывая слаженную работу советской системы образования, здравоохранения и сельского хозяйства, на которых, по мнению Р. Тагора, и зиждутся не только благосостояние страны, но и ее независимость (и политическая, и духовная, надо заметить), он с горечью отмечает, как далека Индия от достижения этого идеала, в которой туберкулёз посетил почти каждый дом, а большая часть людей не то что об образовании, а даже о возможности питаться вдоволь и помыслить не может. При этом от взгляда писателя не ускользает и обратная сторона советской действительности, а именно нездоровое стремление власти подавить любого рода индивидуальность и инакомыслие, что, как считает Р. Тагор, мало чем отличает большевиков от фашистов [Tḥākur, 1945, p. 82–83]. Но беда в том, что «вылитый по шаблону человек долго не протянет – если живой человеческий ум и знания существуют порознь друг от друга, то однажды шаблон с треском разобьется вдребезги, или же человеческий разум зачахнет, а сам человек превратится в заводную куклу» [Tḥākur, 1945, p. 3–4]. Писатель предрекает в завершение: «Возможно, в эту болезненную эпоху большевизм действительно несет исцеление, но действие его не может продолжаться вечно. Тот день, когда смена доктора подойдет к концу, станет поистине праздником для больного» [Tḥākur, 1945, p. 111–112]. Поэтому совершенно неудивительным кажется тот факт, что «Письма

о России» были переведены на русский язык и опубликованы лишь в 1957 году, и то не полностью: по идеологическим соображениям из издания были изъяты тринадцатое письмо и послесловие, весьма неоднозначные по своему содержанию [Serebriany, 2014, P. 213–216].

Однако не ради критики престарелый Р. Тагор решился на эту дальнюю поездку. В одном из писем он объясняет: «Моей главной целью было увидеть светлую сторону [их действительности]. И то сияние, что я увидел, поразило меня – недвижимое пришло в движение» [T̥hākur, 1945, p. 57].

Новый виток бесконечных поисков в попытках найти ответы на многочисленные вопросы приходится на 30-е годы XX века. В 1932 году, невзирая на возраст и все чаще дающие о себе знать проблемы со здоровьем, престарелый Р. Тагор все же откликается на предложение персидского шаха Резы Пехлеви нанести дружественный визит и отправляется в Иран. Путешествие продолжается немногим более месяца, но, как признается впоследствии сам писатель в одной из одиннадцати записей дневника «Путешественник в Персию», становится особенно памятным для него.

Пытаясь переосмыслить многотысячелетнюю историю человечества, испытывающего сейчас цивилизационный кризис, Р. Тагор надеется найти в ней ответ на не дающий покоя уже много лет вопрос о том, как сохранить в себе человека, способного с достоинством ответить на вызовы времени и не потерять себя. Как писатель признается впоследствии одному из жителей Персии, он приехал в их страну, чтобы «увидеть подлинного сына Персии» [T̥hākur, 1963, p. 25]. Вероятно, потому что вопрос, кто есть «подлинный сын Индии», по-прежнему оставался для него без удовлетворяющего ответа. Бремя конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. тяжким грузом легло на плечи Индии, которой предстояло справляться с насилием революционного террора и коммунизма, волной прокатившихся по стране.

Возможно, в условиях этого духовного и идейного кризиса Р. Тагор надеялся найти ответы на мучавшие его вопросы в Персии, в которой благодаря скромной, но неутомимой деятельности шаха и его соратников восстановлены мир, государственность и политическая самостоятельность, положен конец религиозной вражде и нетерпимости, улучшаются условия жизни населения, из затворничества постепенно выходят женщины, – идеал, к достижению которого в Индии так стремился писатель. По его мнению, все это оказалось возможным благодаря одной удивительной способности этой страны: «Персия едина всем своим существом, – пишет он, – в ее культуре нет и намека на разобщенность. Подвергнувшись удару, она пошатывается, но никогда не раскалывается» [Thākur, 1963, p. 71]. Именно поэтому страна выстояла под властью и арабов, и тюрков, и моголов, и афганцев.

Упомянув как-то в беседе с главным министром Персии, что путь преобразований, по которому сейчас движется их государство, однажды, возможно, сможет послужить образцом и для Индии, Р. Тагор получает ответ, который будет беспокоить его еще долгое время: «“Видите ли, – ответил он мне, – Индия и Персия находятся в совершенно разных условиях. Решить наши проблемы в разы проще, потому что нас связывает национальная, религиозная и языковая общность”. После того как он ушел, я еще долго размышлял над тем, что единство – это самая первая и основная наша необходимость. Слепая вера нашего мусульманина замыкает его общество на самом себе и препятствует взаимодействию с теми, кто находится за его пределами; слепая вера нашего индуиста выделяет каждому строго определенное место в его обществе и к тому же нетерпима ко всему чужому. Эти две непримиримые общины и есть Индия. Они словно два брата-близнеца, чьи спины срослись. Когда один делает шаг вперед, другому приходится отступить назад. Их невозможно

ни полностью разделить, ни сделать единым целым» [T̥hākur, 1963, p. 78–79].

Возможно, еще большее смятение в душе Р. Тагора породил другой разговор. Накануне отъезда писатель получил приглашение нанести визит от вождя персидских бедуинов. Во время ужина они также коснулись темы конфликтов между индуистами и мусульманами Индии. Высказывая свое мнение об этом, глава племени заметил: «Истоки той вражды между индуистами и мусульманами, что сейчас имеет место в Индии, уходят корнями в умы ваших образованных людей» [T̥hākur, 1963, p. 105]. Идея, абсолютно немыслимая для Р. Тагора, который видел в образовании одно из первостепенных и решающих условий для обретения независимости. Поездка в Персию породила больше вопросов, чем ответов, поиски которых продолжатся далее и найдут свое отражение в последнем и самом критикуемом современниками романе Р. Тагора «Четыре части», вышедшем в 1934 году.

Наконец, в 1940 году выходит известная статья писателя «Кризис цивилизации» («Sabhyatār saṅkaṭ»), которая считается его своего рода «политическим завещанием» [Ивбулис, 1981, с. 337]. Обернувшись назад и окидывая взглядом пройденный путь, престарелый Р. Тагор подводит его итоги и излагает собственное видение будущего Индии. Он вспоминает, какое глубокое уважение испытывал в юности к английскому народу и как верил в его гуманность. Его разочарование было тем более горьким, когда он осознал безграничное холодное безразличие этой цивилизованной нации по отношению к индийскому народу [T̥hākur, 1948, p. 637].

В то же время Р. Тагор отказывается терять надежду на то, что лучшие из представителей английской нации, чья литература так вдохновляла его в юности, спасут от угасания величие и человечность своего народа [T̥hākur, 1948, p. 639].

Несмотря на то, что сейчас Европа кружится в безумном танце бесчеловечности и насилия, писатель по-прежнему

беззаветно верит в светлое будущее как своей многострадальной Индии, так и всего человечества: «Настанет день, когда поворот колеса судьбы заставит англичан покинуть принадлежащую им индийскую империю. Но какую Индию оставят они после себя, какую ужасающую нищету! <...> Я верю, что после катаклизма, когда атмосфера очистится, начнется новая незапятнанная страница истории, и, может быть, восход начнется с Востока, там, где встает солнце. Придет день, когда несломленный человек вступит на путь победы, сметая все преграды, для того чтобы вернуть былую славу. Я считаю преступлением думать, что человечность может потерпеть окончательное поражение», – заключает он [Тягор, 1957, с. 420].

Таким образом, становление и формирование политических воззрений Р. Тагора не было поступательным и линейным: он то возвращался к своим старым взглядам, то принимал новые – идейные искания бенгальского классика наглядно проявляются в его творчестве. Представляется, что особую роль в формировании его политического мировоззрения сыграли поездки по миру. Рассматривая каждую из них в первую очередь как возможность почерпнуть что-то новое и полезное из опыта других стран и обменяться идеями с зарубежными коллегами, чтобы, вернувшись, попытаться претворить их в жизнь в Индии, Р. Тагор тем не менее никогда не забывал о своей негласной гуманистической миссии и до последнего нёс в мир идеи ненасилия и человечности. С другой стороны, даже когда его позиция в отношении ненасилия была, казалось бы, ясна и однозначна, вероятно, где-то в глубине души все еще оставались сомнения, действительно ли это именно тот путь, который может привести Индию к независимости. Это противоречие между высоким гуманизмом и активной политической позицией находит свое отражение в языке Р. Тагора: возможно ли устранить преграды, не применив силы? Или выйти с оружием мира на поле битвы?

Мемуары князя Л. А. Ухтомского как источник по истории Крымской войны и обороны Севастополя 1853–1856 гг.

М. Р. Рыженков

ФГБУН Институт востоковедения РАН

С источниками мемуарного характера чаще имеют дело историки, работающие в биографическом жанре, поскольку личные документы могут быть скупы на информацию и остаются лишь письма и воспоминания современников. По части «критики источника» тут встречаются довольно категоричные суждения. «Доверять мемуарам нельзя – это золотое правило. Доверять, строго говоря, нельзя ничему: ни письмам, ни дневникам, ни воспоминаниям, ни показаниям, ни стенограммам, ни телеграммам, ни протоколам – доверять можно только той информации, которая подтверждается из двух, а лучше из трех или четырех независимых источников. Но эти источники не всегда есть...» [Варламов, 2020, с. 558]. Но бывает и так, что существует некоторое количество мемуарных источников об одном и том же значительном историческом явлении, как, например, революция или война. Тогда критика источников обеспечивается тем, что все они описывают одни и те же события, только под разным углом зрения, в зависимости от занимаемого автором положения в служебной иерархии, рода войск, степени удаленности или близости к самим боевым действиям и личного в них участия.

Существенные различия имеются между дневниками и воспоминаниями. Записи в дневник делаются «по горячим

следам», когда описываемое событие еще не вполне ясно самому автору. Сведения могут быть неполными, а иногда искаженными поспешным донесением или слухами, которые впоследствии опровергаются. Но дневниковые записи передают сиюминутное настроение автора, а зафиксированные слухи, какими бы маловероятными они ни были, показывают настроение современников, их надежды и разочарования. Со всем другое дело воспоминания, написанные иногда спустя несколько десятилетий после описываемых событий. Во-первых, мемуарист знает все произошедшее потом и с высоты своего знания судит о последствиях тех или иных решений и действий. Во-вторых, на мемуариста не может не оказывать влияния оценка описываемых событий и действующих лиц, сложившаяся в обществе ко времени написания мемуаров. К таким источникам относятся дневники и воспоминания участников Крымской войны, в том числе мемуары старшего адъютанта командира Севастопольского порта, тогда лейтенанта 44-го флотского экипажа (впоследствии вице-адмирала) князя Л. А. Ухтомского.

Леонид Алексеевич Ухтомский (1829–1909) происходил из старинного княжеского рода, одной из младших ветвей Рюриковичей, хотя в послужном списке в графе происхождения скромно указано «из дворян Калужской губернии», по месту рождения. В семье не было морских традиций, но так случилось, что Леонид и его младший брат Эспер Алексеевич (также участник обороны Севастополя) посвятили свою жизнь морской службе. Как видно из его полного послужного списка [РГАВМФ, ф. 417, оп. 5, д. 2265, л. 9–22 об.], в 1842 г. 13 лет от роду Ухтомский был принят в Морской кадетский корпус пансионером, т.е. с оплатой обучения (в отличие от казеннокоштного), через два года был принят «в комплект» на казенное содержание, а еще через год стал гардемаринном (кадетом старшего класса). В 1847 г. его производят в первый офицерский чин мичмана с опре-

делением на Черноморский флот в 44-й флотский экипаж. С 1848 по 1854 г. он каждую кампанию проводит в плавании на фрегате «Коварна» по Черному морю под командой адмиралов П. С. Нахимова и В. А. Корнилова. В апреле 1853 г. его производят в лейтенанты.

После высадки союзников в Крыму и начала осады Севастополя Ухтомский командует ротой в составе 44-го флотского экипажа на Малаховом кургане. За храбрость и мужество в боях он в ноябре 1854 г. получает свой первый орден св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, но также получает контузию в голову. В апреле 1855 г. его назначают старшим адъютантом штаба командира Севастопольского порта, каковым до своей гибели был адмирал Нахимов. На этой должности Ухтомский оставался до конца войны, только в ноябре 1856 г. его переводят на такую же должность в Николаев, в штаб заведующего морскими силами. За свое участие в обороне Севастополя он был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

В 1857–1860 гг. он продолжал служить на Черном море, командуя последовательно яхтой «Аю-Даг» и пароходом «Ординарец». В декабре 1860 г. его переводят на Балтийский флот, где он командует винтовыми лодками «Луч» и «Секира», в 1862 г. его производят в капитан-лейтенанты. Со 2 февраля по 15 марта 1863 г. Ухтомский был прикомандирован к штабу наместника в Царстве Польском генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, чем объясняется наличие среди его наград медали «За усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.». В 1863–1866 гг. он командует на Балтике броненосной лодкой «Стрелец». В мае 1866 г. его переводят в Каспийскую флотилию с назначением начальником Астрабадской станции, где он отличился «благоразумными распоряжениями по освобождению двух матросов, находившихся в плену у туркмен с 1859 г.», за что получил «высочайшее благоволение», а также был награжден персидским орденом

Льва и Солнца 2 ст. В 1869 г. его производят в капитаны 2 ранга и переводят на Балтийский флот в состав 8-го флотского экипажа, а в 1871 г. назначают командиром Архангельского порта. В 1871–1885 гг. он совершает неоднократные плавания по Белому морю, Северному ледовитому океану, в том числе к архипелагу Новая земля. В 1872 г. его производят в капитаны 1 ранга, а в 1883 г. за отличие по службе – в контр-адмиралы. В 1885 г. его снова переводят на Каспий, где назначают директором маяков и лоций Каспийского моря и командиром Бакинского порта. 30 октября 1889 г. высочайшим приказом о чинах военных князь Ухтомский был произведен в вице-адмиралы с увольнением в отставку с мундиром и пенсией.

Л. А. Ухтомский обладал литературным даром, был постоянным автором «Морского сборника». Опубликовал большое количество статей и очерков, выпустил объемное сочинение «Новая Земля. Этнографический этюд» (СПб, 1883). К написанию своих воспоминаний об обороне Севастополя он обращался не раз, тем более что сохранял черновые дневниковые записи 1853–1856 гг., но при жизни так и не смог что-либо из них опубликовать. В 1902 г. он писал: «Я старый моряк. Мне скоро будет 73 года; я давно в отставке; теперь проживаю в г. Смоленске; уже моря давно не видел, и только гравюры Севастопольского рейда и морские виды Айвазовского напоминают мне прошлое» [Русская старина (б), 1911, с. 161]. В 1903 г. с отставным вице-адмиралом познакомился и сблизился военный юрист и писатель А. В. Жиркевич, который стал частым гостем в доме князя в Смоленске и в загородном имении Васьково. Как писал впоследствии Жиркевич, летом 1908 г., незадолго до своей кончины, князь сам предложил передать ему старые дневники и черновые заметки для обработки и опубликования, что тот и сделал частично, отрывками, в 1911 г., уже после смерти автора, в нескольких выпусках Русской старины. В письме 1908 г.

князь писал: «Что касается того, были ли печатаемы мои воспоминания об обороне Севастополя, сообщу вам следующее. В конце обороны я дал маленькую заметку моему приятелю А. Е. Влангали, когда он уехал из Севастополя в С.-Петербург, и она была напечатана в одной из петербургских газет, но в какой – не припомню. Смысл заметки был тот, что впоследствии наши потомки будут приходить на развалины Севастополя и благоговейно вспоминать его славных защитников. В 1855 и 1856 годах, находясь в Николаеве, я привел в порядок свой севастопольский дневник и просил моего товарища Я. И. Коростовцева передать мою полную рукопись в редакцию Морского сборника, где она и затерялась. Когда вышла История обороны Севастополя Тотлебена, меня просили написать кое-что от моряков. Тогда я написал несколько слов в Морской сборник. Отзыв этот был неприятен Тотлебену. Затем, в последнее время, т.е. лет шесть тому назад, лейтенант Белавенец писал мне из Севастополя и просил написать что-либо об адмирале Нахимове для биографии последнего. Я кое-что написал, но в печати ничего не было. Еще раньше я отправил в Севастопольский музей мой черновик дневника обороны. Вот и вся история моих заметок о Севастополе. Так что, вы смело можете печатать, где хотите» [Русская старина (а), 1911, с. 580]. Таким образом, можно сделать вывод, что воспоминания Л. А. Ухтомского существовали в нескольких вариантах: наиболее ранняя рукопись «затерялась» в редакции Морского сборника, другая рукопись, названная автором «черновиком дневника обороны», была передана им в Севастопольский музей и, наконец, какой-то вариант вместе с дневниками был передан в 1908 г. А. В. Жиркевичу.

Здесь нужно сказать несколько слов о Севастопольском музее и о его роли в сохранении рукописных источников о героической обороне в 1854–1855 гг. В августе 1869 г. Севастополь посетил наследник престола цесаревич Алек-

сандр Александрович (будущий император Александр III). Он поддержал идею создания музея Севастопольской обороны, а через год обратился через «Правительственный вестник» с воззванием, которое было перепечатано многими газетами Российской империи и призывало всех знающих что-либо достоверное о севастопольской защите присылать все то, что кто-либо имеет «писанного о Севастополе, или то что он знает и помнит и может написать. Веденные во время осады дневники, записки, воспоминания или письма о севастопольской обороне, простой рассказ малейшего эпизода ее или подвига, или того что кто-либо помнит, как очевидец, без стеснения формами и формальностями – вот что нужно! Одно лишь условие должно быть свято соблюдено – истина!» [Правительственный вестник, 2018, с. 1–12]. На имя цесаревича стали поступать рассказы, воспоминания, письма, записки и дневники. Они стали главным основанием для созданной позже рукописной коллекции.

Дальнейшая судьба рукописей точно по документам не прослеживается, но по косвенным признакам (тиснение на кожаных переплетах, рукописные пометы на некоторых из них), они, очевидно, были переданы в Музей Севастопольской обороны (или Севастопольский музей), где хранились в рукописном отделе библиотеки. Там, судя по ссылкам в примечаниях, с ними работали А. М. Зайончковский и Е. В. Тарле. С некоторыми структурными изменениями музей просуществовал до Великой Отечественной войны, когда его экспонаты были эвакуированы сначала в Баку, а затем в Ульяновск. После войны большая их часть была возвращена в Севастополь в открывшийся в 1948 г. Военно-исторический музей Черноморского флота¹. В то же время рукописи дневников и воспоминаний участников Крымской войны и обороны Севастополя (по меньшей мере, некоторые из них) было решено передать в профильные архивы. Так, в 1944 г. в Центральный

¹ С 31.12.2020 г. Музей Черноморского флота является филиалом Центрального военно-морского музея им. Петра Великого.

государственный военно-исторический архив СССР (ныне Российский государственный военно-исторический архив – РГВИА) поступил комплекс рукописей, который после обработки был распределен по ряду фондов личного происхождения. По неясной сейчас причине мемуары морского офицера князя Ухтомского не были переданы в ЦГА ВМФ, а сохранились в РГВИА вместе с другими, «сухопутными» материалами. В настоящее время в личном фонде Ухтомского имеются всего две единицы хранения, представляющие собой два рукописных варианта воспоминаний, различающиеся по содержанию и объему. Более полный вариант [РГВИА, ф. 174, оп.1, д. 2], по-видимому, представляет собой тот самый «черновик дневника обороны», пересланный автором в Севастопольский музей, эвакуированный во время Великой Отечественной войны. Помимо действующей нумерации, на листах рукописи имеются номера, проставленные красным карандашом, свидетельствующие о том, что некогда рукопись входила в состав чрезвычайно объемной связки (№№ 14717–14904). Не исключено, что такие связки могли формироваться в музее при подготовке к эвакуации из Севастополя.

Автор называет свои записки дневником, но в действительности это воспоминания с датировкой в хронологической последовательности. Ухтомский сам пишет: «Дневник мой начинается с 1 сентября 1854 г., но предшествовавшие месяцы так ясны в моей памяти, что и ныне через 18 лет, я могу припомнить это...» [РГВИА, ф. 174, оп.1, д. 2, л. 1]. Таким образом, можно заключить, что данные воспоминания, пусть и на основе более ранних дневников, составлялись после 1872 г. В другом варианте воспоминаний тот же автор пишет: «Нужно сознаться, что вскоре после Крымской войны старались забывать Севастополь и его защитников, даже старались умалить их. Да мы и смирялись с тем, радуясь новым реформам, оставившим в тени славное и недавнее прошлое. Но в нынешнее время внимание Наследника к исто-

рии обороны Севастополя повернуло туда же и общественное мнение, тем поощряя нас взяться за перо» [РГВИА, ф. 174, оп.1, д.2, л. 1 об.].

Оценивая воспоминания Ухтомского с позиций внутренней критики источника, надо признать, что они производят противоречивое впечатление. Очевидно, что они составлены из очень различных по степени достоверности фрагментов. С одной стороны, автор стремится донести до читателя то, что он видел своими глазами, максимально следуя за своими дневниковыми записями по горячим следам. С другой стороны, он хочет создать наиболее полную картину героической обороны Севастополя, т.е. выступить в качестве не просто участника и наблюдателя, а историка, но сознает недостаток собственных наблюдений и знаний. Для восполнения этого недостатка он обращается к рассказам других свидетелей, включая их в свой текст, иногда, но не всегда, ссылаясь на источник таких рассказов. С учетом того, что работа над данной редакцией воспоминаний проходила почти два десятилетия спустя после самих событий, к достоверности сообщаемых сведений нужно относиться с осторожностью. В тех же случаях, когда Ухтомский пишет о том, что видел своими глазами, его описания вполне заслуживают доверия, поскольку в основном подтверждаются другими источниками. Особенно яркие характеристики он дает главным героям обороны Севастополя – адмиралам В. А. Корнилову и П. С. Нахимову, которых имел возможность близко наблюдать в плаваниях еще до войны на фрегате «Коварна», а затем в осажденном Севастополе. Несмотря на большую разницу в возрасте и служебном положении, у лейтенанта Ухтомского сложились почти приятельские отношения с Нахимовым, что не представляется невероятным, учитывая доступность и открытость характера адмирала, отмечавшуюся практически всеми мемуаристами. Назначенный в апреле 1855 г. старшим адъютантом штаба командира Севастопольского

порта вице-адмирала Нахимова, он был свидетелем гибели последнего. Достоинства воспоминаний Ухтомского, как одного из ближайших соратников легендарного адмирала, были высоко оценены историками впоследствии: выдержки из воспоминаний неоднократно публиковались в сборниках документов, посвященных П. С. Нахимову [Нахимов, 1954, с. 429–432; Нахимов, 2003, с. 233–237], и цитировались во многих исторических трудах. Рукопись воспоминаний, как видно из контрольного листа архивного дела, активно использовалась историками Крымской войны, но в полном виде воспоминания князя Л. А. Ухтомского только готовятся в настоящее время к публикации.

**Арабская строительная эпиграфика дагестанского
селения Храх**

З. Ш. Закарияев

ФГБОУ ВО «Дагестанский
государственный университет»

Высокогорное дагестанское (лезгинское) селение Храх находится на крайнем юге Дагестана, вблизи Главного Кавказского хребта. Территориально оно расположено в Ахтынском районе, в Муглахском ущелье, в 19 км к юго-востоку от райцентра Ахты. Высота селения над уровнем моря составляет около 2000 м. Храх покинут жителями в середине 60-х гг. XX в. и ныне находится в развалинах. Эпиграфика селения была совершенно не изучена. В рамках научно-исследовательского проекта по комплексному исследованию эпиграфических памятников Ахтынского района нами изучены и надписи селения Храх. Подавляющее большинство из сохранившихся надписей селения составлено на арабском языке. Необходимо отметить, что значительная часть надписей Храха утрачена, поскольку жилые и общественные постройки селения давно разрушены. В настоящей статье представлены результаты исследования четырех надписей, которые были составлены во второй половине XIX в. по случаю строительных и ремонтных работ. Практика составления памятных арабских надписей во время строительства или ремонта мусульманских культовых сооружений (мечетей, минаретов), частных жилых домов, общественных или хозяйственных построек была весьма распространена в Даге-

стане. Орфография арабских текстов надписей приводится без изменений.

В окрестностях селения Храх сохранился арочный мост (Рис. 1), в стену которого вмонтировано две плиты с надписями. Обе надписи датированы 1293 г. *хиджры* (мусульманское летоисчисление). В кладку левой части моста вмонтирована прямоугольная плита, которая установлена на бок. Строительная надпись помещена внутри двойной рамки (Рис. 2). Высокий рельеф, почерк *наسخ*.

(١) قد بنى هذه
(٢) هندسة لعنقا
(٣) داشدمير مع
(٤) تعب لا هنا
(٥) هيبا نلسلا
(٦) اة فغه لعملا
(٧) الله اتمن نمتا
(٨) ٦٦٢١ هندسة رف هيلد

Перевод:

- «1) Построил (*бана*) этот
- 2) мост мастер (*уста*)
- 3) Дашдемир со
- 4) своими четырьмя братьями
- 5) ради благодеяния (*ихсан*) своему отцу,
- 6) желая прощения грехов (*магфира*)
- 7) Милостивым [Аллахом], – да будет милость Аллаха
- 8) над ним! В 1293 г.».

1293 г. *хиджры* соответствует 27.01.1876–15.01.1877 г. Упоминаемый в надписи Даштемир был жителем селения Храх. В Посемейном списке сел. Храх от 1850 г. значится Дашдемир, сын Цару (род. около 1844 г.), у которого тогда было два брата: Рамазан (род. около 1840 г.) и Айдемир (род. около 1848 г.). Их отец Цару, сын ‘Ашур-‘Али, родился около 1820 г. [ЦГА РД, ф. 130, оп. 1, д. 2]. Арабоязычная эпиграфия сына Дашдемира по имени Умуд, датированная

1315/1897–98 г., обнаружена нами на сельском кладбище. Житель Храха по имени Даштемир отмечен в строительной надписи термином *уста*, который является производным от арабского *уstad*. В эпиграфике Дагестана для обозначения профессионального ремесленника, например, мастера-строителя, использовали и другие варианты этого термина – *устаз*, *усда*, *усдад*. В средневековых дагестанских строительных надписях для обозначения звания строителя-профессионала почти всегда применялся термин *уstad* [Шихсаидов, 1984, с. 418].

В правой части моста на вытянутую плиту с отколотым краем нанесен текст из пятнадцати строк (Рис. 3). Плита установлена на бок. Низкий рельеф, почерк *наsx*. В центре плиты имеется широкая поперечная полоса с елочным орнаментом. После вступительной мусульманской формулы *басмала* следуют два *айата* из коранической суры «Калам» (68:51–52) и мусульманская формула *салават*. Коран здесь и далее цитируется в переводе М.-Н.О. Османова [Коран, 2010].

(١) بِسْمِ اللّٰهِ

(٢) مِيعًا نَمِيعًا

(٣) وَانْ يَكَادِ

(٤) اِعْفَ زَيْنًا

(٥) لِحَبْلِ لَّيْقَانِيَا

(٦) اِعْمَدْ لِهَمْ

(٧) نِجَافِيقِ عَزْنَا

(٨) نِجَافِيقِ عَزْنَا

(٩) عَزْنَا

(١٠) نِجَافِيقِ عَزْنَا

(١١) اَللّٰهُمَّ صَلِّ

(١٢) عَ لِمَعْمَدِ رَحْمَةً

(١٣) وَعَلَى اٰلِ مُحَمَّدٍ

(١٤) وَسَلِّمْ

(١٥) ٧٦٦١

Перевод:

- «1) Во имя Аллаха,
- 2) Милостивого, Милосердного.
- 3) Воистину, готовы
- 4) неверные
- 5) повергнуть тебя [наземь] взглядами [злыми],
- 6) когда слышат они
- 7) назидание (т. е. Коран) и восклицают:
- 8) «Воистину, одержимый он!»
- 9) Но [Коран] – не что иное, как
- 10) наставление для обитателей миров.
- 11) О, Аллах! Благослови
- 12) Мухаммада,
- 13) семейство Мухаммада,
- 14) и да приветствуй!
- 15) 1293 г.».

1293 г. *хиджры* соответствует 27.01.1876–15.01.1877 г. Практика включения указанных *айатов* Корана из суры «Ка-лам» в тексты строительных надписей отмечена нами и в дру-гих селениях Ахтынского района Дагестана.

У развалин Пятничной мечети (Джума-мечети) найден полукруглый каменный люнет с надписями (Рис. 4). Судя по содержанию надписей, раньше люнет был установлен в стене Джума-мечети. В круглых медальонах, сопровождающих основной текст, врезаны имена Всевышнего, пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов. Основной текст из пяти строк врезан в полукруглое поле в нижней части плиты почерком *наسخ*.

- (١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
- (٢) وَمَا جَاءَا عَبْدَهُمَا مِنْ رَبِّهِ
- (٣) الْقُرْآنُ الْخَرِيفُ تَارِيخُ النَّبِيِّ
- (٤) وَلَمْ يَلِدْ وَلَمْ يَكُنْ لَهُ
- (٥) ٩١٦١ هـ

«1) ...1316 г. Да будет совершаться в мечети пятикратная молитва.

2) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Воистину, готовы неверные повергнуть тебя [наземь] взглядами [злыми], когда слышат они назидание [т.е. Коран] и восклицают: «Воистину, одержимый он!». Но [Коран] – не что иное, как наставление для обитателей миров.

3) Отремонтировала (*джаддада*) эту благословенную мечеть община селения Храх (*джама 'ат карйат ал-Храхи*). А писец (*катиб*) этого камня – мулла Фард-‘Али (*Ферзали*), сын *хаджжи*

4) Халидина. Будьте благонравными и входите в нее! Мир вам!».

1316 г. *хиджры* соответствует 21.05.1898–10.05.1899 г. Надпись подчеркивает роль сельской общины в восстановлении мечети. Отсутствие *нисбы* (указание на происхождение) при имени писца указывает на его происхождение из селения Храх. Для дагестанской эпиграфики на арабском языке это характерно в ситуации, когда упоминаемое лицо является местным жителем. Обычно в строительных надписях *нисба* отмечается в тех только случаях, когда строитель не является жителем данного селения [Шихсаидов, 1984, с. 237, 421]. В Посемейном списке сел. Храх от 1886 г. значится Ферзали, сын Хаджи, который родился около 1870 г. [ЦГА РД, ф. 21, оп. 5, д. 57]. Вероятно, это и есть резчик-каллиграф рассматриваемой надписи. В тексте он отмечен термином *мулла*. Этот термин, восходящий через перс. *молла* к араб. *маула* в значении «господин, повелитель, владыка», обозначает знатока мусульманского ритуала, служителя культа; грамотного, ученого человека [Халидов, 1991, с. 170]. В Самурском регионе Южного Дагестана, где и расположен Храх, этот термин употреблялся в форме *малла*. Мулл в каждом селении региона было столько, сколько и мечетей. Муллы избирались

общиной (*джама‘атом*) [Описание, 1965, с. 30]. Перед именем отца резчика имеется термин *хаджжи*, который указывает на совершение им обрядов *хаджжа* – мусульманского паломничества в Мекку.

Строительные надписи сел. Храх составляют часть сохранившихся здесь эпиграфических памятников, которые представлены также жанром надписей-эпитафий.

Рисунок 1. *Арочный мост в окрестностях селения Храх.*

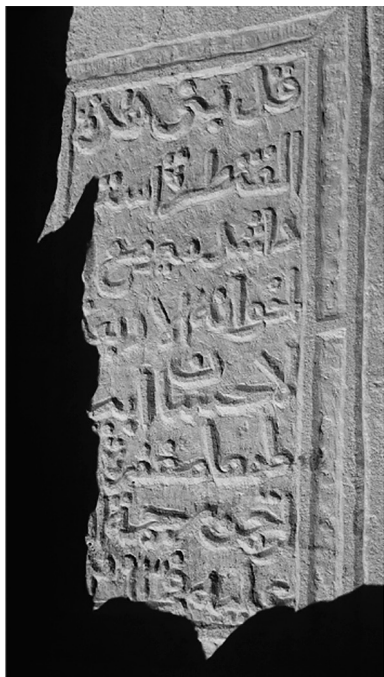

Рисунок 2. Надпись о строительстве моста. 1876–1877 гг.

Рисунок 3. Надпись с айатами Корана в стене моста.
1876–1877 гг.

Рисунок 4. Надпись о строительстве Джума-мечети
в 1898–1899 гг.

Рисунок 5. Надпись о ремонте мечети в 1898–1899 гг.

**Тюркские чунгулы ~ чумулы, чигили и бурятские
цонголы ~ сонголы: исследование исторической связи
названий***

Б. З. Нанзатов,

В. В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН

Введение

В составе тюркоязычного народа сарыг-югур (желтые уйгуры, *юйгу*, кит. *юй-гу* 裕固), проживающего на территории пров. Гань-су (甘肅) Китайской Народной Республики (КНР), известно племенное название, зафиксированное как *чоңыл* [Малов, 1912, с. 96; Малов, 1957, с. 144], *чуңыл* [Малов, 1957, с. 146], *джуңыл* [Тенишев, 1962, с. 62], *᠘ᠡᠵᠢᠨᠠᠯ* [Лэй Сюань-чунь, 1992, с. 291]¹, *ᠰᠠᠨᠭᠢᠯ* ~ *ᠰᠣᠨᠭᠢᠯ* [Nugteren, Roos, 2001, p. 139]. Э. Р. Тенишев сопоставил его с монгольским *цонгол*, бурятским *чонгол* (ссылаясь на сообщение Т. А. Бертагаева о существовании группы населения с таким названием в Селенгинском аймаке Бурят-Монгольской АССР – ныне Селенгинский район Респ. Бурятия) [Тенишев, 1962, с. 62]. В другой работе по *юйгу* Э. Р. Тенишев дал это название в перечне «племен и родов монгольского

* Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243–5); проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241–1).

¹ Фонетическая транскрипция отражает позиционную реализацию [i] > [э], о чем см.: [Hahn, 1998, p. 398].

происхождения» [Тенишев, 1965, с. 648]. В статье Х. Нугтерена и М. Рооса сделано замечание о связи этого сарыг-югурского названия с известным в более ранние исторические времена *čonǰil* [Nugteren, Roos, 2001, p. 134, note 3]. Среди туркмен *теке* и *багаджа* зафиксировано подразделение (тире) *чуңул* [Атаниязов, 1988, с. 131].

Упомянутое племенное наименование в монгольской среде известно в следующих вариантах: бур. письм.-монг. *čvngγvɮ* coekgol [Пучковский, 1957, с. 135, 221, 246], множ. *čvngγvɮ-nud* coekgol pod [Летописи, 1936, с. 15; Цыдендамбаев, 1972, с. 331, 335], в записях XVIII в.: «Цынголова роду» (Род. падеж.), Цонголов (1729 г.), «Цонголова роду» (род. падеж.; 1731 г.) [Русско-китайские отношения, 2006, с. 380, 409], «Цонголова рода» (Род. падеж; 1729 г.) [Комиссия Куломзина, 1898 [прилож.], с. 133 (прилож. №№ 81, 82)], *Zóngol* [Pallas, 1776, S. 11], «Зонголоховский Аймак» [Георги, 1779, с. 40]; собственно бур. южн. *цонгоол* [Будаев, 1992, с. 22] (см. еще: Нанзатов, Содномпилова, 2019, с. 113–116, карта на с. 114)], бур. зап. (в устных преданиях) *сонгоол* [Балдаев, 1970, с. 329] (см. также: [Нанзатов, 2018, с. 96–97, карта на с. 84–85], множ. **сонгоод* (орфогр. *сонгоот*) [Балдаев, 1970, с. 299, 300]. В составе населения Монголии зафиксированы группы *цонгоол* и *сонгоол* [Цэрэнханд Гэлэгжамцын, 2005, 91, 130-р тал.], из которых первое является самоназванием, вторая форма употребляется другими группами бурят, носителями так называемых традиционных диалектов («сакающих» в отличие от «цакающих», т. е. письм.-монг. /č/ > /ts/ > бур. /s/). На территории Чахарского северного (правого) хошууна (кит. Ча-ха-эр ю-и цянь-ци 察哈爾右翼後旗) городского округа Уланчаб (кит. У-лань-ча-бу 烏蘭察布) Автономного района Внутренняя Монголия КНР проживают несколько семей, относящихся к роду *чонгоол* [Нацагдорж, 2010, с. 149]. Н. Н. Поппе зарегистрировал

у баргузинских эвенков подразделение («род») *čaŋgaŋ'ir*, и, хотя не смог найти об их происхождении каких-либо местных сведений, сопоставил их с названием *čoŋgōl* у селенгинских бурят [Поппе, 1933, с. 39].

Ниже будет рассмотрено соотношение этих наименований в историческом и лингвистическом контекстах.

*čigil < *čijal ~ čuŋul > čumul²*

Племенное название, о котором сказано в статье Х. Нугтерена и М. Рооса, зафиксировано в истории степной Евразии, по меньшей мере, к IX в. Тем не менее, П. Пельо реконструировал звучание названий известных с танского времени племен западно-тюркского ареала *чу-ми* 處蜜/密 (< *t's' iwo-miēt) как *čomul ~ čömül, čümül, *čömil и, менее уверенно, *чу-юэ* 處月 (< *t's' iwo-ngiwt) < *čigil [Pelliot, 1929, p. 222]. По системе Э. Дж. Пуллиблэнка, 處蜜/密 *chü-mi* < ран. ср.-кит. *tshia~mjit / mit, позд. ср.-кит. *tʃʰia~ / tʃʰya~mjit / mit [Pulleyblank, 1991, p. 60, 213], < *čumid, *čumil (ср. второй иероглиф в передаче слова *basmil*: ба-си-ми 拔悉蜜, 拔悉密); 處月 *chü yue* < ран. ср.-кит. *teʰia~nyat, позд. ср.-кит. *tʃʰia~ / tʃʰya~nyat [Pulleyblank, 1991, p. 60, 388] < *čunaδ. В тибетских текстах из Дунь-хуана (敦煌) задействованные иероглифы имеют следующие соответствия в транскрипции: кит. 處 = тиб. čhi; кит. 密 = тиб. 'byr, 'byir, byir, 'byi; кит. 月 = тиб. 'gwar [Csongor, 1960, p. 134, 136, 138].

Э. Шаванн локализовал *чу-юэ* 處月 на территории района Цзинь-мань 金滿, к востоку от совр. Урумчи, к северу от хребта Богдо-Ула (кит. Бо-гэ-да-шань 博格達山), *чу-ми* 處蜜/密 – к западу от них, в долине р. Манас-Гол (кит. Ма-на-сы-хэ 瑪納斯河) [Chavannes, 1903, p. 31, note 31, p. 176, note 3; Грумм-Гржимайло, 1926, с. 260, примеч. 1, 2].

² Привлечение дополнительных материалов позволило скорректировать наши взгляды, озвученные ранее на конференции «Бартольдские чтения» (Институт востоковедения РАН, Москва, 11 ноября 2022 г.).

Цэнь Чжун-мянь, однако, помещает первых в долине р. Кунгес, притока р. Или [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 194–201; Малявкин, 1989, с. 44, 174–176, коммент. 263]³. В 652 г. эти два племени, принявшие сторону западно-тюркского самопровозглашенного *Ышбара кагана (А-ши-на Хэ-лу 阿史那賀魯), среди прочих вторглись на территорию [округа] Тин-чжоу 庭州 (Бешбалык), Цзинь-лин 金嶺 (Алтай), уезд Пу-лэй 蒲類 (Баркуль), после чего подверглись ответной наступательной операции со стороны войск империи Тан [Chavannes, 1903, p. 62, note 2; Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 38–39].

Другая гипотеза предлагает реконструкцию названий одного из трех карлукских племен: *чи-сы* 熾侯 < *čigil? [Pelliot, 1929, p. 222–223; Pritsak, 1951, S. 271, Anm. 4], однако иначе получается при учете варианта записи *чжу-сы* 朱斯 [Ecsedy, 1964, p. 83, 96, note 13; Ecsedy, 1980, p. 30, note 18, p. 35, note 44]. По системе Э. Дж. Пуллиблэнка, 熾侯 *chì-sì/qí* < ран. ср.-кит. *tɕʰiʰ/tɕʰiʰ-zi 'zi' / gi/gi, позд. ср.-кит. *tɕʰi 'tɕʰyǎ-ʃhr / kʰi [Pulleyblank, 1991, p. 56, 293, 245], < *čüi(e), *čük(i); 朱斯 *zhū-sī* < ран. ср.-кит. *teüǎ-siǎ/si, позд. ср.-кит. *tɕuǎ-sz [Pulleyblank, 1991, p. 413, 291], < *čüs(i), *čüz(i). Известно сопоставление этой транскрипции с тюрк. *jüz* 'сто' [Востров, Муканов, 1968, с. 17]⁴.

Оба названия упоминаются у Махмұда ал-Кāшгарй: как جىكل и جىمل соответственно [Maḥmūd al-Kāšgarī, 1982, p. 82 и др.]. Сэр Г. У. Бэйли, исследовавший и опубли-

³ Г. Е. Грумм-Гржимайло пытается, опираясь на соответствующий отрывок из «Синь Тан шу» (цз. 218), доказать, что изначально *чу-юэ* 處月 и *чу-ми* 處蜜/密 вовсе жили в районе оз. Балхаш (куда и вернулись впоследствии), позже передвинувшись на восток, в южную Джунгарию [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 273, примеч. 1]. Это, однако, не вытекает ни из использовавшихся им переводов Н. Я. Бичурина, ни Э. Шаванна [Бичурин, 1950, с. 357–358; Chavannes, 1903, p. 96].

⁴ Впрочем, один из предводителей племени *чу-юэ* 處月 носил имя Чжу-е Гу-чжу 朱耶孤注 [Chavannes, 1903, p. 62, note 1], пиньин. *zhū-yé gū-zhù* < ран. ср.-кит. *tɕʰiʰ/tɕʰiʰ-jia kə-teüǎ, позд. ср.-кит. *tɕʰi 'tɕʰyǎ-ʃhr-jia kuǎ-tɕyǎ [Pulleyblank, 1991, p. 56, 363, 110, 415], < *čüjǎ quǎ. От него ведут свое происхождение тюрки *ша-то* 沙陀 [Chavannes, 1903, p. 96 ff., 310]. Ю. А. Зуев, читая второй иероглиф как се (что допустимо), видит здесь передачу тюрк. *jüz* [Зуев, 1998, с. 54].

ковавший ряд хотано-сакских текстов X в., предложил идентифицировать этноним *чумул* в формах *simūda-*, *simūda-* (где замена *ci-* > *si-* и отражение иноязычного /l/ посредством хот-сак. /d/) [Bailey, 1939, p. 87]. В дальнейшем Дж. Хамильтон, обнаруживший форму *šimul* в древнеуйгурских документах из Турфана, выдвинул гипотезу о том, что названия *šigil* и *šimul* являются формами одного и того же слова. Он связал появление этих названий в Восточном Туркестане с временами малых *юэ-чжи* 月氏, отождествив с ними еще название племени *чжун-юй* 衆熨, которые в отчете Ван Янь-дэ 王延德 (981 г.) делятся на «больших» и «малых», а также с упоминаемыми в других источниках *чжун-юнь* 仲雲, *чжун-юнь* 衆雲, *чжун-вэнь* 種棍, населявших территории к юго-западу от Ша-чжоу 沙州 (Дунь-хуан) [Hamilton, 1958, p. 152–153; Hamilton, 1977(b), p. 520–521] (см. также: [Малявкин, 1974, с. 89, 169, коммент. 772]). Поскольку в одном из древнеуйгурских манихейских документов из Турфана (U 184r) встречается форма *šimulī* (посессив 3 л. ед. ч.; ср.: кит. *чу-юэ* 處月) и ниже топоним (?) *čamili* (письм. *c'myly*) в сочетании *čamili tay bodunī* (см.: [Zieme, 1975, S. 64–65 (Text 29), Komment. 665, Anm. 22, Tafel XXXIX: U 184r]), это, согласно Дж. Гамильтону, говорит о сосуществовании тюркской и хотанской форм одного этнонима, позже перенесенного также на название местности между оз. Лоб-Нор и наньшаньским хребтом, недалеко от дороги в Хотан [Hamilton, 1977(a)]. Позже сэр Г. У. Бэйли, ранее дополнивший этот перечень еще зафиксированным в документах из Нийя, выполненных письмом кхарошти, словм о *simola*, антропонимом в истории Крораины (кит. Лоу-лань 樓蘭, историческое политическое образование на юго-востоке от Хотана во II в. до н.э. – V в. н.э.), дополнил этот перечень именем *simolga* и формой этнонима *šimūda-*, предложив буквальное значение 'warriors' < хот-

сак. *kaŋ*, *čām* ‘to stride out as warriors’, ‘to stride proudly, run’ [Bailey, 1979, p. 71, 139; Bailey, 1985, p. 7–8].

Все упоминания искомых имен в древнеуйгурских и хотано-сакских текстах X в. относятся к территории между Ша-чжоу 沙州 и Гань-чжоу 甘州, в том числе в так называемом свитке Штайль-Гольштейна, датированном 925 г. [Pulleyblank, 1954]. Кроме отмеченной в ряде древнеуйгурских документов X в. формы *čunŋul* (ркуп. *čwnkwł*) (к цит. выше работам см. еще: Hamilton J., 1986б, p. 107, 108, 301 (№ 19: Pelliot Oïgour 5), 110, 113, 302 (№ 20: Pelliot Oïgour 15))), в одном из них встречается форма этнонима *čwmwlr*, т.е. *čumullar*, во множественном числе [Hamilton, 1986, p. 121, 123, 305 (№ 22: Pelliot Oïgour 9)].

Название *čigil* достоверно впервые фиксируется в памятнике древнетюркской рунической письменности периода уйгурской династии, надписи Могойн Шинэ Усу, где упомянут, судя по всему, на 753 г. (хотя и в неясном контексте) *čigil totoq* (Южная сторона, стк. 11(35)) – *тоток* племени *чигиль* [Ramstedt, 1913, S. 31, 60]⁵.

Информация китайских, древнеуйгурских, хотано-сакских, арабских и персидских источников обобщена в ряде классических работ [Бартольд, 1963, с. 315, примеч. 2, с. 380, примеч. 1; Бартольд, 1968, с. 71–72, 85, 102, 146, 204–205; Ĥudūd al-‘Ālam, 1970, p. 95, 275–276, 285, 287, 291, 297–300, 319, note 2, p. 482; Hamilton, 1977(a); Golden, 1992, p. 164–165, 195, 197, 199–201, 214, 222; Golden, 2015, p. 508–511, 526–527, 528, 532, 535]. Ниже мы будем следовать им.

Следующее по хронологии упоминание, но без каких-либо локализаций дает, вероятно, арабская историографическая традиция. В тексте географического труда

⁵ ...*bir jegirminč aj jegirmikā qara buluq öŋ[di]n soqaq jülü anta čigil totoq ...* [...] ‘в одиннадцатый месяц, в двадцатый [день] от Кара Булука спереди (= на востоке) [расположенного] Сокак йул/йол [= ‘сайгачий ключ (?), сайгачья тропа (?)’] тогда чигиль(ский) тоток... [...]’. – *Перевод авторов статьи.*

Ибн Хурдāзбиха дается перечень тюркских (*ал-атрак*) племен, среди которых названы **чигиль*: الجغل *[*'l-ǰ.ǧl] < ркп. الجفر [*'l-ǰ.fr] [BGA, VI, p. ٣١, note h; Marquart, 1903, S. 77]⁶, и он, как предполагается, может относиться ко второй половине VIII в. [МИТТ, I, с. 144, примеч. 1; Арабские источники о тюрках, 1993, с. 43–44, 124, примеч. 15]. Подобный список с близким написанием идентифицируемого имени приводится в Мешхедском списке сочинения Ибн ал-Фақūха (а затем также у ал-Мас'ūdū, ал-Идрūsī, Йāqūtа), и, как заметил уже А. З. Велиди (Тоган), он заимствован именно у Ибн Хурдāзбиха [Zeki Velidi Togan, 1948, S. 12] (см. также: [Ибн Хордадбех, 1986, с. 66, 185, примеч. 259; Şeşen, 2001, s. 186, 193, 44, 101, 136; Golden, 1992, p. 273]). Передача мягкорядного слова через написание с арабским *зайн* (غ) не противоречит традиции, известной не ранее XII в., когда передний /g/ стали последовательно передавать посредством *кяф* (ك) [Róna-Tas, 1999, p. 225].

В первой «Записке» («Рисāла») 'Абū Дулафа, посвященной описанию путешествия из Бухары в Китай, начатого ок. 331 г. х. / 941 г. н. э., народ *جكل* помещен между страной печенегов и владений Бутра хана; по сообщению этого автора, они не имеют правителя и полностью зависимы от тюркских племен [Marquart, 1903, S. 76]. Там же есть сообщение о наличии среди *جكل* немногих христиан [Бартольд, 1964, с. 286–287].

На основе сведений «Худūd ал-'āлам» страну *чигиль* (جكل) можно локализовать к северу от карлуков, на западной стороне оз. Иссык-куль, их город – *سيكول*, что, вероятно, передает **isīq köl* [Hudūd al-'Ālam, 1970, p. lxvii, 54, 97, 98, 99, 298–299]. Следуя Гардūзī (чьи сведения восходят к тому же первоисточнику), *чигиль* (جكل) фиксируются на пути из Навūkата в Панджūkат (Бешбалык?), по обе

⁶ Р. Шэшэн читает Cifri/el-Cifr как الجفري [*'l-ǰ.qry] и видит здесь Çağrı: [Şeşen, 2001, S. 18, 186].

стороны оз. Иссык-куль, при этом одна часть их, живущая на пути из Нав̄иката в Барсх̄ан, в местности Яр (يار), по южную сторону оз. Иссык-куль, управляется человеком с титулом *таксин* (تكسين) [Бартольд, 1973, с. 31–32 (перс. текст), 51 (рус. перев.), 40 (перс. текст), 61 (рус. перев.); Martinez, 1982. Т. II. Р. 132, 193 (J1), 142, 215 (U1); Hudūd al-‘Ālam, 1970, р. 297–298]⁷. Анонимная хроника «Муджмал ат-тавар̄иҳ ва’л-қысас» указывает титул правителя *чигил* как *تكسين جكل* [Бартольд, 1898(б), с. 19, 20]. Марвазӣ упоминает как составную часть девяти подразделений (فريق) карлуков три подразделения *чигиль* (ثلاث جكليتة) [Marvazī, 1942, р. 31 (англ. перев.), 106 (коммент.), *19 (араб. текст); Golden, 2015, р. 509].

В персидской версии географического труда ал-Истахрӣ упоминается область с названием *جكل* [МИКК, I, с. 29, примеч. 25]. Ал-Мукаддасӣ (ок. 985 г.) упоминает город *جكل*, описывая его как небольшой город «на расстоянии человеческого голоса от Тараза». Он окружен стенами, в нем есть мечеть [Волин, 1960, с. 80, примеч. 46, с. 81–82]. *Джикиль* как один из городов тюрок возле Тараза упоминает ал-Сам‘анӯ в «Китāб ал-āнсāб» [Волин, 1960, с. 86]. Подобные сведения позже дает мамлюкский географ ‘Абӯ’л-Фидā’ [Волин, 1960, с. 90].

Опубликованный А. фон Ле Коком манихейский документ Т. II. D. 171 [МК. III. 198] в первой части содержит текст сочинения под названием *iki jiltiz nom*, которое, как установлено Э. Шаванном и П. Пельо, является переводом китайского сочинения «Эр цзун цзин» 二宗經 [Chavannes, Pelliot, 1913, р. 140–145], во второй – повествование об обращении в манихейство правителя племени *чигиль* по имени

⁷ Как отметил П. Б. Голден, исправление А. П. Мартинес на чтение тегин у Гардзӣ напрасно [Golden, 1992, р. 200, note 59]. О титуле *tāksin* (ср.: *tüksin* تكسين ‘титул начальника третьего ранга от правителя’ [Maḥmūd al-Kāšgarī, 1982, р. 329–330], согд. *t(’)ksyn*, < кит. *тэ-цзинь* 特進 (позд. ср.-кит. **thādk-tsin*), см.: [Lurje (in press)].

Arslan Il-tirgük и его народа⁸. Он также был властителем *Altun Aryu uluś*, под чем надо понимать, видимо, народ оседло-земледельческой области Аргу (в Семиречье), правителем городов *Qašu, Jägänkänt, Ordo känt, Čigil baliq* (см.: [Gabain (von), 1949, S. 50–51]). В заключительной части текста он назван *Altun Aryu Talas uluś xanī ordo čigil känt ärkligi uluḡ türkdün praśdanki čigil arslan il tergük* ‘Алтун Аргу (и) Таласа народа хан, Ордо- и Чигиль кента правитель, всех тюрок великий [в учении] Чигиль Арслан Иль Тергюк’ [Le Coq (von), 1911, S. 27, 44–45, Anm. 21; Radloff, 1912, С. 768–769, 771, 774]⁹. Текст написан неким учителем (*Maḡistak*) по имени *Ayduq*, звавшимся *Maḡ iśoyazd*, во времена жившего в Тохаристане (*toḡrī*) *Možak Mār vahman hiar jazd tojn* (по Й. Маркварту, ‘en Izad Vahuman zum Helfer habend’). А. фон Габэн, следуя личному сообщению О. Прицака, указавшему на возможные пределы составления документа между 766 и 840 гг., датирует его примерно 780 г. [Gabain (von), 1949, S. 54]. Однако уже в работе Э. Шаванна и П. Пельо было замечено, что употребление слова *q(i)taḡ* для обозначения соответствующей страны вряд ли возможно, по меньшей мере, до 924 г., а в целом они предложили датировку ок. 1000 г. [Chavannes, Pelliot, 1913, p. 141, note 1]. Ф. Рыбацки также указывал на X–XI вв. [Rybatzki, 2000, p. 265–266].

По замечанию В. В. Бартольда, «название *чигиль*, с тех пор забытое, в XI в. применялось к большому числу турецких народностей», и представители этого племени играли, по-видимому, одну из ведущих ролей в державе Караханидов [Бартольд, 1968, с. 71].

В «Кутадгу билиг» Йўсуфа Ҳафс-Ҳаджўба ал-Баласағўнў встречается бейт *nāgū ter ešitgil biliglig čigil*

⁸ Д. Немет ссылается на этого свидетельство, разбирая случаи исключения происхождения этнонимов от личных имен [Németh, 1991. 64. o.], но не говорит больше.

⁹ О слове *pr(a)śdank* см. у А. фон Габэн. Ср. санскр. *praśtha-* ‘bestor, vorderster’, элемент *-tan*, вероятно, из-за кит. *фу-до-дань* 拂多誕 [Gabain (von), 1949, S. 51–52].

/ *biligsiz ešitgil bojun bir egil* ‘что говорит, слушай, обладающий знаниями чигиль: / не обладающего знаниями слушай – шею склони’ (далее приводится речь) [Arat, 1947, S. 350 (стих 3491)]. Имеется в виду совет преступить свою гордыню, вняв совету чигиля. В той же поэме *tilin ädgü sözlä ešimsinmägil / basınan bolurlar biligsiz čigil* [Arat, 1947, S. 447 (стих 4448)], ‘языка добрыми словами не обращай как с равными [с ними], / угнетенными становятся не обладающие знаниями чигили’. Вторая строка трактуется в ДТС как «они – забитое, невежественное простонародье», откуда выводится вторичное значение слова *čigil* ‘перен. простолюдин, простонародье’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 145]. Такие характеристики являются, надо думать, намеком на кочевнический быт чигиль.

Махмūd ал-Кāшғарī относит جكل к говорящим на «чистом тюркском языке» [Maḥmūd al-Kāšğarī, 1982, p. 83]. В их языке, так же, как среди некоторых из кыпчаков, йе-меков, сувар и болгар, речи ذ заменяется на ز [Maḥmūd al-Kāšğarī, 1982, p. 85; Golden, 2015, p. 508, note 29], то есть караханидско-уйгурскому [δ] соответствует [z].

Часть из них локализуется на р. Или, как и *тухсы* [Maḥmūd al-Kāšğarī, 1982, p. 125], которые ниже называются отдельным племенем в местности Қайās, но также упомянуты *тухсий чикил* (تخسی جكل) [Maḥmūd al-Kāšğarī, 1982, p. 320], где можно предположить ошибочное отождествление этнонима تخسی с титулом تكسين [Maḥmūd al-Kāšğarī, 1982, p. 329–330], как это следовало бы из данных Гардзӯи (см. выше).

Название чигиль носили три группы (*ṭawā'if*) тюрков. Во-первых, группа кочевого населения в Қуйās (ср. выше Қайās), небольшом селении «по ту сторону» Барсғана. Во-вторых, селение близ Тарāза, название которого объясняют «народной» этимологией в связи с походом Алек-

сандра Великого в страну Аргу, увязшего в дороге и сказавшего будто бы по-персидски *'in žikil 'ast* ‘как грязно! Мы не выберемся отсюда!’, после чего приказавшего построить здесь крепость جکل; поселившиеся там впоследствии тюрки получили по этому месту имя جکلي. Огузы в те времена, жившие рядом с этой крепостью, часто воевали с ее жителями, и народы, одевавшиеся как جکل, называли этим словом. Огузы обобщенно называли всех тюрков, живущих от Аму-Дарьи до Китая, словом جکیل, что, по замечанию Махмұда ал-Кāшғарū, неправильно. Третье – группа селений (*qurā*) в Кашғаре [Maḥmūd al-Kāšğarī, 1982, p. 301; Волин, 1960, с. 84]¹⁰.

В «Сийāсат нāма» дважды упоминаются *чигиль* (в разном написании: جکليه и چکليان), второй раз – косвенно противопоставленные жителям Мавераннхара, но вместе с ними как угнетенные подданные «ханов Туркестана» [Сиасет-намэ, 1949, с. 104, 325, коммент. 173, с. 135, 330, коммент. 232; Бартольд, 1963, с. 380, примеч. 1]. Ибн ал-Асūr упоминает *чигиль* (الخليله) в связи с восстанием в Самарканде против Сельджуков в 1089–1090 гг. [МИКК, I, с. 62].

«Худūd ал-‘āлам» упоминает среди поселений к востоку от Панджўката (здесь – Бешбалыка, см. об этом: [Ḥudūd al-‘Ālam, 1970, p. 267–269, 271–273]) топоним جملکت [ǰ.m.l.k.t], что, согласно В. Минорскому, соответствует *Caṃmaiḍi Baḍaiki* одного хотано-сакского документа и *janbalīq* Махмұда ал-Кāшғарū [Ḥudūd al-‘Ālam, 1970, p. 94, 272, note 3, p. 275; Hamilton, 1977(a), p. 377–378]. При этом В. Минорский считает менее возможным отождествить два последних топонима с приводимым далее в персидском источнике названием другого поселения جمليکت [ǰ.m.lyk^as] [Ḥudūd al-‘Ālam, 1970, p. 95, 275–276], с чем не согласен,

¹⁰ В тексте Махмұда ал-Кāшғарū о Қайās говорится, что это три крепости (там они названы) [Maḥmūd al-Kāšğarī, 1984, p. 238], видимо, местность недалеко от Алмалыка, к югу от р. Или: [Бартольд, 1968, с. 146].

видимо, П. Б. Голден, тем не менее, вслед за В. Минорским и сэром Г. У. Бэйли, отмечающий, что здесь речь идет о **Ĉömüli-kath*, где *kaθ* – согд. ‘город’ < *kanθ* (> тюрк. *kend/kent*) [Golden, 2015, p. 527, note 128]. Упоминание в «Худūd ал-‘āлам» [Hudūd al-‘Ālam, 1970, p. 93] в качестве топонимов Большого и Малого جرمكان, Дж. Р. Хамильтон поправляет на جونكون*, что передает, вероятное **ĉiŋiŋ* и отражено в кит. *чжун-юнь* 仲雲 (и других транскрипция, см. выше) [Hamilton, 1977(a), p. 357–358]. Соответствие /l/ ~ /n/ засвидетельствовано в разных языках, взаимодействовавших в районе Лоб-нора, в том числе в отношении самого его названия [Hamilton, 1977(a), p. 364, note 28].

Что касается جمل, то Махмūd ал-Кāшгарū характеризует их как кочевников, имеющих свой язык, но также знающих тюркский [Maḥmūd al-Kāšgarī, 1982, p. 83; Golden, 2015, p. 527, 528]. Ниже он перечисляет их в одном ряду с племенами *йагма*, *тухсы*, *кыпчак*, *йабаку*, *татар*, *кай* и *огуз* как заменяющих в речи ڭ на ڭ, т.е. произносящих звук, соответствующий караханидско-уйгурскому /δ/ как /j/ [Maḥmūd al-Kāšgarī, 1982, p. 85]. Заметим, что сарыг-югурский язык относится к z-языкам (с точки зрения соответствия /j/ ~ /d/ ~ /δ/ ~ /z/ ~ булг. /r/ ~ якут. /t/), то есть как и язык племени *чигиль*, но не *чумул*.

На карте Махмūd ал-Кāшгарū [Maḥmūd al-Kāšgarī, 1985, p. 23 faxim.] селение *чумул* помещено между рр. Йамār (Обь?)¹¹ и Иртыш, недалеко от Отыюкена, что, в любом случае, затруднительно для локализации. Они неоднократно упоминаются в приводимых Махмūd ал-Кāшгарū стихах как «неверные» враги Караханидов наряду с *йабаку* и *басмылами* [Maḥmūd al-Kāšgarī, 1982, p. 301, 344; Бартольд, 1968, с. 207; Golden, 2015, p. 527, 532, note 152].

Сопоставление зафиксированных форм *ĉigil*, *ĉiŋul* и *ĉitul* оправданно фонетически. В языке древнетюркских

¹¹ Обсуждение см.: [Golden, 2015, p. 508, note 142].

памятников переход *-ŋ* > *-m* закономерен в соседстве с огубленными гласными [Erdal, 2004, p. 117], которые, видимо, исходя из этих примеров, могут быть датированы уже довольно рано. Деназализация /ŋ/ > /g/, отмеченная уже с VIII в. [Hamilton, 1977(b), p. 510 ff.] (*-g* > *-ŋ* замечено после носовых согласных) и характерная для ряда тюркских языков [Сравнительно-историческая грамматика, 1984, с. 200, 340–341, 343], позволяет считать вторичной форму *čigil* (< **čiŋil* ~ **čiŋiŋil*), подтверждающей также вторичность огубленного характера гласного первого слога (видимо, под влиянием носового согласного (см.: [Erdal, 2004, p. 94]), ср. хот.-сак. *čimuḍa-*, *čimuḍa-*).

Мусульманские источники позволяют очерчивать ареал распространения конкретных носителей имени *чигиль* до Кашгара, но в расширенном понимании – и далее на восток. Между тем есть основания думать, что в качестве топонима слово **čigil* в округе Дунь-хуана в каком-то виде сохранилось вплоть до XV в. Цинский лингвист второй половины XVIII в. Цянь Да-синь 錢大昕 в своем сочинении «Ши-цзя-чжай янь-синь лу» 十駕齋養新錄 трактует *чи-цзинь* 赤斤 как название из монгольского языка эпохи Юань в значении ‘уши’ (эр 耳) (цит. по: [Ло Чжу-фэн, 1986, с. 1276]), что, очевидно, соответствует письм.-монг. *čikin*, халх. *чих(эн)*, бур. *шэхэн*, калм. *чикн*, даг. *чики*, бао. *чiхoң*, дунс. *чыкэң*, мнгр. *čigi* ‘ухо, уши; (перен.) ушко, чека; слух’ (см.: [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015, с. 143]). Это наблюдение принадлежит А. Серрюи, который восстанавливает как *čigil mongols* название минского гвардейского управления *Чи-цзинь мэн-гу-вэй* 赤斤蒙古衛, упоминая один исторический эпизод 1483 г., зафиксированный в «Мин ши» [Serruys, 1963, p. 439; Мин ши, цз. 330, с. 276]. Центром этого управления была территория Дунь-хуан 燉煌, соответствующая танскому округу Гуа-чжоу 瓜/瓜州 и юаньскому округу Ша-чжоу 沙州 [Малявкин, 1981, с. 34,

133–134, коммент. 141]. Под управление династии Мин эта территория попала в 30-й год эры правления хун-у 洪武 (1398). Ведомство *Чи-цзинь мэн-гу-вэй* 赤斤蒙古衛 было учреждено в 9-й месяц 2-го года эры правления юн-лэ 永樂 (05.09–03.10.1404) для 500 человек под руководством некоего Та-эр-ни 塔爾尼, провозгласившего себя сыном канцлера (丞相) Ку-чжунь 庫準, ушедшего от ойратов и покорившегося империи Мин; в 1410 г. за проявленную лояльность тысяча домохозяйств получили статус гвардии [Мин ши, цз. 330, с. 23а-24а]. Они делились на три группы. Ку-чжунь 庫準 имел трех сыновей: от жены-тибетки (или тангутки: *си-фань* 西番) был Та-эр-ни 塔爾尼, от жены-монголки были два сына Со-хэ-чжэнь 索和珍 и Гэ-гу-цзя 格古嘉. Потомки Та-эр-ни 塔爾ни, состоявшие из тибетцев, составляли левый фланг; монголы под руководством потомков Со-хэ-чжэнь 索和珍 составляли правый фланг; отдельно была центральная группа. Они имели смуты между собой, заставляя вмешиваться минское правительство [Мин ши, цз. 330, с. 25а-25б], однако длительное время выполняли функцию пограничной стражи. В 1513 г. Чи-цзинь 赤斤 был разграблен турфанцами, после чего его население переселено в Нань-шань 南山 округа Су-чжоу 肅州, а в 1528 г. управление гвардии было упразднено [Мин ши, цз. 330, с. 27б-28а].

Передача *чи-цзинь* 赤斤 (пиньин. *chì-jīn* < ран. мандарин. **tʃhi*~*kin*) [Pulleyblank, 1991, p. 57, 156] является довольно точной передачей письм.-монг. *čikin*, и если это «народное» объяснение, отражающее переосмысление названия местности, то заслуживают объяснения переходы интервокального */g/ > /k/ и финального */l/ > /n/. Первое явление было бы возможно при нахождении [g] в сильной позиции, чтобы он не смог выпасть в результате стяжения гласных, что подтверждает вторичность /g/ (< /ŋ/). Конечный -n может быть объяснен либо теми же местными особенностями,

что и появление формы **čijul* (см. выше)¹², либо при допущении, что исходный **-l* был интерпретирован носителями монгольских языков как аффикс множественности **+(X)l* (если он когда-нибудь существовал, см.: [Рорре, 1955, р. 177]).

«Тārūх-и Кāшгār» упоминает личное имя Чигиль у одного из кыпчакских биев в Кашгаре ок. 1670 г. [МИКК, I, с. 222]. Формально сопоставимые по звучанию слова в наименовании топонимов известны в других частях Евразии. Насколько они имеют отношение к анализируемому племенному названию *čigil*, однозначно сказать трудно¹³.

В любом случае две гомогенные формы – *čijul* < **čijil* > *čigil* и *čumul* (< *čijul*) сосуществовали, по меньшей мере, во второй четверти VII в. уже как наименования разных коллективов.

**čijul* > *čongöl*

Развитие формы **čijul* отражено в письм.-монг. *čvγγul* > халх., бур. селенг. *tsongöl*, бур. зап. *songöl*, чахар. *čongöl* (удвоенное написание гласного второго слога связано с бытовавшей практикой так орфографически обозначать ударные слоги)¹⁴. Различия в степени лабиализации гласных

¹² О развитии /l/ > /n/ в конце слова в тюркских языках см.: [Сравнительно-историческая грамматика, 1982, с. 356 (примеры из новоуйгурского)].

¹³ М. Фуат заде (Кёпрюлю) приводит название поселения چیکیل в Малой Азии [Köprülüzade, 1925, s. 208, dipnot 3]. Д. Намет со ссылкой на него передает это название как *Čikil* [Németh, 1991, 75. o.]. Ф. Сюмер отмечает в староосманских источниках XV–XVI вв. топонимы на территории Малой Азии, которые он приводит в орфографической форме *Çigil* [Sümer, 1972, s. 28, 211]. Т. Гюленсой приводит в составе топонимов формы *Çeğel*, *Çeğil(li)*, *Çiğil*, *Çiğli* [Gülensoy, 1995, s. 12, 13]. Х. Янковский рассматривает топоним *Čikil* на территории Крыма, но ставит под сомнение его связь с *Čigil*: развитие [k] > [g] можно было бы объяснить особенностями кыпчакского консонантизма, но обратный процесс [g] > [k] для тюркских языков неизвестен [Jankowski, 2006, р. 404–405], если – следует добавить, он не обусловлен влиянием орфографии арабской письменности, как, напр., др.-тюрк. *tegin* > арабографич. تگین > тур. *tekin*.

¹⁴ В письменной традиции наиболее часто, хотя не систематически это проявляется при передаче русских заимствований [Шагдаров, 1967, с. 41, 43, 46; Цыдендам-

в двух форм (тюркской и монгольской) могут быть объяснены двумя способами.

Как в частности для сарыг-югурского, где фиксируется вариативность употребления наименования *чоңыл* ~ *чуңыл* (см. выше), так и в целом для языков кыргызской группы характерно колебание в начале слова [u] ~ [o], в том числе перед сонантом [ŋ] [Сравнительно-историческая грамматика, 2002, с. 480]¹⁵.

Другое объяснение предполагает изменение вокализма на монгольской основе. Как писал еще Н. Н. Поппе, «в цонгольском говоре гласному *и* других говоров обычно соответствует *и*, но в ряде случаев *о*. Это второе соответствие наблюдается, как можно установить, всегда в тех словах, которые в языке старой монгольской письменности имеют в обоих первых слогах *и*...» [Поппе, 1938, с. 21] (ср.: [Porre, 1955, р. 31]). Среди классических примеров – цонг. селенг. *осо* [osɔ], цонг. *усу* [usɔ], бур. лит. *уһан* [uhɔn], халх. *ус* [usɔ], письм.-монг. *usun* ‘вода’; цонг. селенг. *н’отог* [n’otɔg], бур. лит. *нутаг* [n’utɔg], халх. *нутаг* [nutɔg], письм.-монг. *nituγ*, *nutuγ* ‘кочевье, родное место’. В таком случае для письм.-монг. *čwnkywl* можно было бы исходно предполагать чтение **čiγγul*, а не **čoγγol* (поэтому выше мы обозначили огубленный гласный символом /ʊ/), закономерно отраженное в цонгольском говоре, восходя к форме с узким [u] в обоих слогах.

Согласно Г. Д. Санжееву, такую особенность цонгольского вокализма можно было бы свести к «прежнему, исконному, расхождению между древними монгольскими диалектами, на основе концентрации которых сложились современные монгольские языки» [Санжеев, 1953, с. 75].

баев, 1972, с. 550], однако известны случаи замены удвоенным гласным краткого гласного оригинальных монгольских слов [Цыдендамбаев, 1972, с. 559].

¹⁵ Для сарыг-югурского языка характерно соответствие общетюрк. [u] > [ʊ], [o] > [ʊ], при этом, как отмечал еще С. Е. Малов, оно выдерживается непоследовательно [Малов, 1957, с. 158].

Еще Б. Я. Владимирцовым был отмечен характерный для халхасского языка открытый характер [u], ближе к [ũ] [Владимирцов, 1929, с. 159–160], потому, следуя В. И. Рассадину, произношение среди цонголов, являвшихся выходцами из Монголии (а также соседствующих с ними тугнуйских (то есть мухоршибирских) бурят, носителей локального варианта хоринского говора), может объясняться как остаточное явление «окающего» произношения [u] [Рассадин, 1982, с. 10–11, 36], характерного также для других монгольских языков: даурского, дербетского говора калмыцкого языка и некоторых диалектов Внутренней Монголии (см.: [Рассадин, 1982, с. 9–12]). Качество гласного второго слога объясняется ассимилирующим влиянием первослогового гласного [Рассадин, 1982, с. 36, 33–34]. Н. Н. Поппе допускал объяснять нерегулярное, в отличие от цонгольского, проявление [u] > [o] (напр., в калмыцком и аларском говоре бурятского языка) заимствованным характером таких слов [Рорре, 1955, р. 31].

Следуя Ц. Б. Будаеву, эта характеристика относится к селенгинским цонголам (не к кяхтинским и бичурским) (ср.: [Будаев, 1965, с. 168, примеч. 1, 2]), что он объясняет влиянием соседствующих с ними здесь сартулов [Будаев, 1965, с. 156]. Между тем сартульское «оканье» имеет несколько иной характер, распространяясь на конечные гласные, где письм.-монг. /u/ > бур. сарт. /o/ после слога с /u/ (< письм.-монг. /u/) [Будаев, 1987, с. 92–93], будучи связано с ослаблением гласного последнего слога [Рассадин, 1982, с. 33–34].

Позже Ц. Б. Будаев предположил следующую логику развития второслогового «оканья» южно-бурятских говоров (сартульский, цонгольский): $y > y^o > y^o > o$, отраженное, напр., в письм.-монг. *хусун* > цонг. *хусу* > *хусу^o* > *хусуо* > *хусо* > *хосо* ‘береза’, письм.-монг. *тугул* > цонг. *тугул* > *тугу^oл* > *туг^oол* > *тугол* > *тогол* ‘теленка’ [Будаев, 1978, с. 33, 34]. Исследователь считал это явление поздним, раз-

вившимся после переселения носителей южных говоров из Монголии. В дальнейшем он добавил к этому довод, что в записях бурятских слов XVIII в. зафиксированы формы *заго*, *зон* (< письм.-монг. *јауи/н*) ‘сто’ [Будаев, 1992, с. 67], объяснив таким образом общей закономерностью случаи развития «оканья» в словах с неогубленным и огубленным гласным первого слога.

И. Д. Бураев, следуя соображению, что по законам сингармонизма в бурятском языке при первослоговом /u/ в последующих слогах должен следовать /a/, на примере спорадического проявления «так называемого оканья» в эхирит-булагатском говоре предлагает такую логику: первослоговый /u/ > /o/, ассимилируя последующий /a/ > /o/ [Бураев, 1987, с. 90–91]. Аналогично В. И. Рассадин объясняет ассимилирующим влиянием первослогового этимологического /o/ ассимиляцию в хоринском непевослоговых /u/ > /o/ и /a/ > /o/ [Рассадин, 1982, с. 30]. И. Д. Бураев упоминает «оканье» цонголов как распространяющееся в основном на непевые слоги, противопоставляя ему аналогичный процесс, проходящий более последовательно, в говоре мухоршибирских бурят [Бураев, 1987, с. 91]. В итоге исследователи так или иначе склонны считать мухоршибирское «оканье» следствием влияния цонголов [Будаев, 1978, с. 34; Бураев, 1987, с. 91].

Таким образом, есть фактически две точки зрения на природу цонгольского «оканья», первая из которых рассматривает его как самостоятельно развившуюся внутреннюю особенность, вторая предполагает ее возникновение вследствие влияний соседствующих групп населения.

Ослабление напряжения гласных непевых слогов в монгольских языках, хотя зафиксированное уже в XIII–XIV вв., получило интенсивное развитие, в том числе в особенности халхаском и калмыцком (где, в отличие от бурятского, привело к редукции гласных), по наблюдениям Ц. Б. Будаева,

не ранее XVIII в., то есть после переселения носителей южнобурятских говоров на Селенгу [Будаев, 1992, с. 63–64]. Об особенностях говора цонголов косвенно могут свидетельствовать записи их имен: имя брата Окин дзайсана в 1688–1690 гг. передается русскоязычными документами как Серень Секулай (1688), Серен Секулай, Цырен Сокулай, Серень Сокулай, Цырен Сохулай или Цохулай [Сборник документов, 1960, с. 357, 358; Материалы по истории русско-монгольских отношений, 2000, с. 173, 175, 192, 196, 208, 244, 275–276, 476 (указатель)], Цырен Цокулай [Русско-китайские отношения, 1990, с. 64, 71], соответствуя, как выяснил Ц. Б. Нацагдорж, письм.-монг. *čerij čökür*; разных форм имени тайши Цонгольского рода уже на 1729 г. в русскоязычных документах одного времени известны как Лопсон, Лупсан, Лупцан, Лапсан, Лапсон, Лопсан (< тиб. *blo-bzang* ལྷོ་བཟང་) [Русско-китайские отношения, 1990, с. 380, 469, 471, 520 (указатель); Комиссия Куломзина, 1989, с. 133 (прилож. №№ 81, 82), 25 (прилож. № 27)].

Нас это интересует только в связи с возможностью объяснить превращение исходного **čiŋul* в *čoŋɣol* и далее в *tsoŋɣol*.

По разным документам, прибытие цонголов на Селенгу и вхождение в подданство российского царя датируется временем после 1688 г. (возможно, несколькими волнами) [Цыдендамбаев, 1972, с. 246; Будаев, 1992, с. 14 сл.; Нацагдорж, 2006]. По мнению Цонгоола Б. Нацагдоржа, местом их исхода была территория Шилин-гола; согласно другой точке зрения, эта миграция была вторичной, в то время как изначально территория расселения цонголов находилась в долине р. Куды¹⁶. Среди кудинских бурят представители

¹⁶ В докладе Xuronghua “Oral History of Barag Communities in Chakhar Right Rear Banner in Inner Mongolia” на конференции “Mongols at the edges of Mongolia”, состоявшейся в Канберре 9 ноября 2018 г., говорится, что в устных преданиях Прибайкалье упоминается как прародина цонголов. В сделанном на той же конференции докладе Uchralt Otede “Fragment History of Barag: Memory, Imagination and Truth”, основанном на письменных источниках,

рода *сонгоол*, живущие на р. Мурин в составе I Ашибагатского административного рода (ул. Сонгольский и Дархатский, Эхирит-Булагатский район, Иркутская обл.), отмечаются как немногочисленные и, согласно преданиям, считаются пришлыми с Селенги или из Монголии [Балдаев, 1970, с. 350, 351]. В преданиях баргузинских бурят имя Сонгоот (так записано) носит один из сыновей Хоридой мэргэна, легендарного родоначальника хори, от его третьей жены, ушедший будто бы в Монголию [Балдаев, 1970, с. 299, 300].

Ц. Б. Нацагдорж отнес формирование цонголов к периоду не ранее 1637 г., считая их остатками подданных Цогту тайджи, погибшего в сражении с хошуутами у оз. Кукунор [Нацагдорж, 2006, с. 333]. Исследователь обращает внимание на то, что тибетцы и амдосцы называют оз. Кукунор как *Tsong gol*. Согласно полученным им сведениям от венского тибетолога Э. Штайнхеллнера, тибетское название озера – *mTsho-sngon*: «Тибетцы теперь называют область Цинхай (Кукунор) Цонгон или цонгол. А в одном из диалектов тибетского, точнее, на амдосском это звучит как Цонгол» [Нацагдорж, 2006, с. 334]¹⁷. Таким образом, Ц. Б. Нацагдорж связывает наименование цонголов с названием местности, откуда они пришли. К этому следует добавить, что тиб. *mtsho sngon po* མཚོ་སྟོན་པོ་, собственно, буквально означает ‘голубое озеро’ [Powers, Templeman, 2020, p. 2].

Это любопытное сопоставление, однако, не может быть соотнесено с формой *ᠰᠣᠩᠭᠣᠯ*, где развитие письм.-монг. /č/ > /ts/ еще не произошло, являющейся не только орфографической, но и произносительной: по данным самого Ц. Б. Нацагдоржа, она сохранена у цонголов, живущих среди чахарского населения. Есть основания считать, что

также говорится о происхождении цонголов из Прибайкалья. Ср.: [Нанзатов, 2018, с. 96, примеч. 285].

¹⁷ Орфография и пунктуация сохранены.

развитие /č/ > /ts/ произошло уже в период пребывания цонголов в российском подданстве. В среде баргузинских эвенков возникновение наименования *čaŋgal'ir* (< монг.) может быть поздним: появление представителей бурятской среды, с которыми связано происхождение некоторых эвенкийских административных родов, на Баргузине по документам произошло не ранее второй половины XVII в., в большинстве своем буряты переселились сюда после середины XVIII в. [Поппе, 1933, с. 18]. Этим промежутком можно датировать развитие /č/ > /ts/. Постпозиционная энклитика в цонгольском *-tsō* 'in, within', соответствующая бур. *-soo*, неизвестная больше ни в каких монгольских языках, является очевидным заимствованием из бурятского на стадии, когда уже состоялось развитие **-čoo* > *-tsoo*, не ранее и не позднее, потому что в цонгольском есть фонемы /č/ и /s/ [Clark, 1979, p. 17]. В эту логику укладывается интерпретация употребления в сказании баргузинских эвенков, записанном Н. Н. Поппе в 1925–1926 гг., наименования *čayaŋ kân* (< письм.-монг. *čayaŋ qayan*) '(российский) царь' (букв. 'белый хан') как заимствованного от бурят не ранее их первых контактов с русскими (в 20-е гг. XVII в.) и, вероятно, до конца периода 1680–1720 гг. [Clark, 1979, p. 19, 24–25, note 29]. В записях Г. Ф. Миллера (1735 г.) уже нерегулярно выступает дальнейшая стадия развития /ts/ > /s/ [Будаев, 1992, с. 49]. И все же, исходя из зафиксированных монгольских заимствований в говоре баргузинских эвенков, нельзя четко определить, как бы передавался бур. /ts/ (< письм.-монг. /č/).

Кроме двух родовых групп *Galžōhir* (ср. бур. *Galžūd*) и *Asiwagat* (ср. бур. *Ašabagad*), родоначальники которых пришли на Баргузин (по преданиям из Тунки и Курунчина¹⁸ соответственно) во второй половине XVII в. [Поппе, 1933,

¹⁸ Очевидно, речь идет о Курумчинской долине, расположенной в долине р. Мурин.

с. 40–43], в русскоязычных документах есть сообщение о попытке обосноваться в 1683 г. на Баргузине групп бурят, появившихся в 1680 г. под Нерчинском из Монголии. Тогда иркутский воевода Иван Власов желал «свести тех брацких людей юрт с полтора ста на Байкал озеро на Олхон остров», чтобы компенсировать численность плательщиков ясака вместо местных групп, ушедших до этого с Ольхона через Селенгу в Монголию [Румянцев, 1949, с. 40]. Остальные группы приходили на Баргузин из среды иркутских бурят после 1740 г.

Как отмечает Ц. Б. Нацагдорж, упомянутое в «Бичихан запискэ» в связи с подданством цонголов у империи Цин *гүл шапа хошуун* (*gülü sir-a qosiyun*) означает «истинно желтое знамя» – одно из восьми военно-административных подразделений маньчжурских знаменных войск, созданных из монгольских племен еще ок. 1636 г. Сам Ц. Б. Нацагдорж связывает цонголов именно с «желтым знаменем с каймой», сформированным в 1675 г. среди чахаров [Нацагдорж, 2006, с. 323–325]. Оно включало десять сомонов – пять наследственных и пять простых, связанных с группами монгольских племен, в разное время принимавших подданство империи Цин. В том числе в его состав был в 1700 г. переведен наследственный сомон баргутов, годом ранее созданный в составе «истинно желтого знамени» [Serruys, 1978, р. 64–65; Нацагдорж, 2006, с. 326–327]¹⁹. Информант Ц. Б. Нацагдоржа из чахарских цонголов сообщает, что его предки принадлежали к Баргутскому сомону [Нацагдорж, 2010, с. 154, 155]. Это намекало бы на то, что оставшиеся после миграций 1688–1694 гг. цонголы должны были быть включены в состав баргутского сомона.

Вопросы, связанные с миграциями, поднимают большой пласт проблем и требуют отдельного исследования. Мы ограничимся здесь тем, что констатируем факт прихода

¹⁹ В цит. статье А. Серрюи приводятся сведения о создании баргутских сомонов среди других знамен.

на рр. Селенга и Чикой в конце XVII в. сообщества, чье название звучало как **tsoŋɣol* – с инициальным [ts] (< **[č]*) и выраженным [o], восходящим к диалектному произношению исходного [u].

Выводы

По меньшей мере к середине VII в. наблюдается сосуществование на территории северной части Восточного Туркестана двух племенных сообществ, названия которых, **čunɣil* (~ **čigil*) и **čumil* ~ **čumul*, восходят к одной праформе. Вторичная форма *čigil* задокументирована в середине VIII в. В X в. сосуществование форм **čunɣul* и **čumul* в отношении населения на территории между Ша-чжоу 沙州 (Дунь-хуан) и Гань-чжоу 甘州 подтверждено древнеуйгурскими, хотано-сакскими и мусульманскими (арабскими и персидскими) источниками; название *čigil* соотносится древнеуйгурскими текстами, видимо, с населением западной части Семиречья и подвластных его правителю прилегающих территорий, мусульманскими источниками – с названием группы племен, расселенных по обе стороны западной части оз. Иссык-куль. В XI в. название *čigil* известно как наименование двух групп племен – на территории р. Или и в Кашгаре, а также среди огузов – как широкое наименование племен, живущих на территории от Аму-Дарьи до Китая. Название *čumul* носит какое-то чужеродное для тюрков-мусульман население, соотносимое с конкретным сообществом, для которого тюркский язык – вторичен. Оба названия никак не соотносятся друг с другом. Формы *čigil* и **čunɣul* сохранялись в Восточном Туркестане значительное время, в том или ином виде будучи отмечены в личной ономастике и топонимике, а, исходя из современных материалов о сарыг-уйгурах и туркменах, и в виде племенного названия. Именно оно отражено в письм.-монг. *čunɣul*, давшем название племенной группы

цонгоол (бур. *сонгоол*), известной среди бурят и монголов Внутренней Монголии.

Можно основательно утверждать, что сохранение за какой-то частью населения Восточного Туркестана названия **čuniŋ*, по меньшей мере со второй четверти VII в. до сего дня, безусловно, свидетельствует о его исторической преемственности, не отрицая ни сложности этногенетических процессов, связанных с миграциями и изменениями племенного состава политических образований на этих территориях, ни связанных с ними изменений в языковой принадлежности тех или иных групп населения. Носители названия **čuniŋ*, уже без какой-либо связи с теми, кто именовался **čigil* в Средней Азии, приняли участие в этногенезе сарыг-югуров и затем бурят. Когда, как и при каких обстоятельствах часть исторических **čuniŋ* сделали *čonɣol*, чтобы затем, к концу XVII в., стать известными в Южной Бурятии как цонголы, требует дальнейших изысканий.

Испанские прозвища толедских мосарабов в XII и XIII вв.

О. В. Тихонова

ВУМО им. Александра Невского

Описание архива. *Архив толедских мосарабов*¹ XII и XIII вв. был расшифрован, переведен с арабского на испанский и опубликован в четырех томах Анхелем Гонсалесом Паленсией в 1926–1930 гг. Архив представляет собой собрание из 1175 правовых документов, регистрирующих имущественные сделки между частными лицами, а также между частными лицами и церковными организациями. Хронологические рамки документов: 1083–1315 гг. Почти все документы написаны по-арабски, что свидетельствует о том, что в г. Толедо этот язык был официальным даже в начале XIV в. (1315 г.)², 230 лет спустя после отвоевания

¹ *Мосараб, мосарабский* (исп. *mozárabe* < араб.-исп. *musta'rabí* < название жителей от араб. *musta'rab* 'арабизированный' под влиянием *árabe* 'арабский') – (1) (прил., сущ.) (о человеке) принадлежавший к испанскому населению, облагавшемуся налогом в соответствии с мусульманским правом и проживавшему в мусульманской Испании до конца XI в., сохраняя христианскую религию, церковь и судопроизводство (исп. 1. *adj. Dicho de una persona: De la población hispánica que, consentida por el derecho islámico como tributaria, vivió en la España musulmana hasta fines del siglo XI conservando su religión cristiana e incluso su organización eclesiástica y judicial. U. t. c. s.*) [DLE: *mozárabe*]¹). В русской традиции распространилось не вполне корректное произношение слов **мосараб*, **мосарабский* с ударением на второй слог по аналогии с ударением в испанском слове *mozárabe*. С таким произношением нельзя согласиться: испанское слово *mozárabe* (исп. *мосара́б*, *мосара́бский*) происходит от слова *árabe* (исп. *ара́б*, *ара́бский*), а в русском языке слова *ара́б*, *ара́бский* принято произносить с ударением на второй слог (а не на первый, как в испанском). Таким образом, слова *мосара́б*, *мосара́бский* следует произносить с ударением на третий слог.

² Напомним, что официальным языком христиан Испании была латынь до конца XII в. Но с начала XIII в. в документы кастильской канцелярии стали проникать

г. Толедо христианами (1085 г.). А. Г. Паленсиа склоняется к тому, что толедские христиане говорили на арабском в течение XII–XIII вв. и даже в XIV в. [Palencia, 1930, p. 129].

Архив неоднократно становился объектом внимания историков, особенно историков-арабистов. *Архив толедских мосарабов* – важный источник лексики на алхамиадо (текстов на испанском языке в арабской графике). Ценность этого архива для испанистов-историков отмечал ещё И. Ю. Крачковский [Крачковский, 1937, с. 12]. В арабских документах встречается значительное число испанских слов, записанных в арабской графике (на алхамиадо). Архив вызывает интерес не только у филологов-романистов, изучающих проблемы исторической фонетики испанского языка, но и представляет важный источник с точки зрения испанской лексикологии, культурологии и историографии [Galmés de Fuentes, 1983].

В текстах архива встречаются следующие группы слов на алхамиадо: 1) испанские топонимы; 2) христианская ономастика; 3) обозначения церковных должностей; 4) названия христианских праздников; 5) обозначения некоторых придворных должностей; 6) обозначения родственных связей; 7) прозвища мосарабов; 8) ряд других слов, использовавшихся в быту.

элементы разговорного романского языка, на тот момент уже преобладавшие в бытовых памятниках письменности. Ссылаясь на В. Ф. Шишмарева, В. П. Григорьев относит появление первого письменного канцелярского памятника на народном языке ко времени правления Фердинанда III (годы правления: 1230–1252). Фердинанд III признал официальным языком королевской канцелярии кастильский: «В правление Альфонса X Мудрого документы на латинском уже не редактировались, и было установлено, что романский язык Толедо является нормативным и образцовым. Известно, что, согласно приказу Альфонса Мудрого, эдикты леонских городов редактировались по-кастильски». Считается, что Альфонс X также повелел перевести на разговорный романский фуэрос (исп. *fueros* – записи прав и привилегий) Бургоса и других городов; а также законы готов и другие документы и привилегии, так как пришло время «законам издаваться на народном языке» [Григорьев, 2013, с. 25].

Лексические особенности

В докладе анализируются испанские слова, встречающиеся в испанских прозвищах мосарабов. В основном это слова, используемые для описания внешности людей или их профессиональной деятельности. Прозвища толедских христиан встречаются на испанском и на арабском языках: из 249 прозвищ 202 – на испанском, 47 – на арабском.

Некоторые прозвища встречаются как на испанском, так и на арабском (три примера)³:

Алхамидао мосарабов: обозначение прозвищ мосарабов на арабском и на испанском				
Араб.	Транслит. по DIN	Алх.	Транслит. по DIN	Транскрип. на исп./Перевод
الجسم	<'lǧsm>	الغرضه	<'lǧrðh>	Al Gordo '(исп., араб.) толстяк'
الفخم	<'lqħm>			
فرعالا	<'l'qr'>	قلبه	<qlbh>	Calvo '(исп., араб.) лысый'
الاجعد	<'l'ǧ'd>	كرشبه	<kršbh>	Crespo '(исп., араб.) курчавый'

Также присутствует ряд смешанных форм, когда часть прозвища представлена на испанском, а часть – на арабском (шесть примеров):

³ Архив записан магрибским почерком: *īā'* (ى) <y> в конечном начертании обычно пишется без точек, а в начальном и срединном – с точками; *ḫā'* (ـهـ) <ḫ> пишется с одной точкой внизу, *kāḫ* (ق) <q> – с одной точкой наверху.

Алхамидао мосарабов: обозначение смешанных прозвищ мосарабов (на арабском и испанском)		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
المشرف مغسه	<'lmšrf mǧsh>	(араб.) Almojarife (исп.) Migoso '(араб.) сборщик налогов (исп.) дружелюбный'
بوفة دى شابله الحوات	<bwqt dy š'blh 'lhw't>	(исп.) Boca de Sábalo el (араб.) Pescador '(исп.) рот рыбы бешенки (араб.) рыбак'
الخراہ فی سافہ	<'lhr'h fy s'qh>	(араб.) Aljaro fi (исп.) Seco '(араб.) <i>coced</i> (исп.) <i>сухой</i> '
البشکیری الحناط المسلم	<'lbskyry 'lhn't 'lmslm>	(исп.) Al Bosquíri (араб.) al Hanat (al Muslim) '(исп.) лес- ной (?) (араб.) лесник (?), (мусульманин)'
بشقیر الحناط	<bsqyr 'lhn't>	
العنق یرہ	<'l'nq yrh>	(араб.) Cuello (исп.) Hierro '(араб.) шея (исп.) железная'

Морфологические особенности

Испанские слова при этом часто сопровождаются арабским определенным артиклем al-, который, как и в арабском, пишется слитно с определяемым словом. Из 202 испанских прозвищ мосарабов 34 записаны с арабским определенным артиклем al-, в семи примерах – с существительными женского рода:

Алхамиадо мосарабов: араб. опред. артикля al-		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
البشكيرى	<'lbskyry>	Al Bosquirí '(исп.) лес- ной (?)'
البروسال	<'lbrws'l>	Al Brusel '(исп.) из Брюсселя'
القبسوده	<'lqbswdh>	Al Cabezudo '(исп.) большеголовый'
الفانه	<'lq'nh>	Al Cano '(исп.) седой'
الفرمان	<'lqrm'n>	Al Carmán (?) (cormano) '(исп.) двою- родный брат'
القریه	<'lqrbh>	Al Corvo '(исп.) ворон'
القوبه	<'lqwbbh>	Al Cubo '(исп.) ведро'
الكوسيج	<'lkwsyğ>	Al Cusich (?)
الجفرمان	<'lğfrm'n>	Al Coframén (?) '(исп.) (имеющий отношение к) церковному брат- ству, приходу'
الجفح	<'lğfh>	Al Chafah (?) '(исп.) небрежный (?)'
الدوك	<'ldwk>	Al Duque '(исп.) гер- цог'
الفكاک	<'lfk'k>	Al Fecac (?)
الفلبق	<'lqlbq>	Al Galápagos '(исп.) черепаший'
الغرضه	<'lğrdh>	Al Gordo '(исп.) тол- стяк'
المشيطه	<'lmšiṭh>	Al Majito (?) '(исп.) миленький'

Алхамидао мосарабов: араб. опред. артикля al-		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
الملاطه	<'lml'th>	Al Mellado '(исп.) щербатый'
المرجان	<'lmr'ġn>	Al Merchán '(исп.) торговец'
المج	<'lmġ>	Al Mocho '(исп.) тупой'
المنجال	<'lmnġ'l>	Al Monchel (?)
المنج	<'lmnġ>	Al Monje '(исп.) монах'
البَرْتَانَه	<'lbbart'nh> ⁴	Al Porteño '(исп.) привратник'
الرغسون	<'lrġswn>	Al Ragusón '(исп.) собиратель тростника (?)'
الرزيه	<'lrzyh>	Al Ruzio (?)
الصفطين	<'lšqtyn>	Al Sacatín '(исп.) перегонный куб'
الشفوبيانه	<'lšqwby'nh>	Al Segobiano '(исп.) из Сеговии'
الشندينه	<'lšndynh>	Al Sendino '(исп.) идущий по тропе (?)'
الظرلج	<'lzrlġ>	Al Tralech (?)

Во всех этих случаях (в применении к существительным м.р. ед. ч.) можно предположить, что слово, транслитерируемое как <'l>, – это не арабский определенный артикль *al-*, а испанский определенный артикль *el* (м.р., ед. ч.). Такое утверждение не лишено оснований, однако слово <'l>

⁴ Редкий пример употребления в Толедском архиве ташдида в испанских словах и особенно огласовки.

встречается перед существительными не только мужского рода, но и женского. В этом случае однозначно используется арабский артикль *al-*, не меняющий форму (в арабском языке) при употреблении как с существительными мужского рода, так и женского:

Алхамидао мосарабов: араб. опред. артикля <i>al-</i> с исп. сущ. ж. р. ед. ч.		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
الغليفة	<'Iglyqt>	Al Gallega '(исп.) из Галисии'
المطيرش	<'Imtyrš>	Al Maitrés (?) '(исп.) метресса'
المردومة	<'Imrdwmt>	Al Mayordoma '(исп.) мажордом, управляющая'
النبارة	<'Inb'rt>	Al Navarra '(исп.) из Наварры'
الربية	<'lrbyt>	Al Rubia '(исп.) светло-волосая'
الشرانة	<'lšr'nt>	Al Serrana '(исп.) жительница гор'
الترسارة	<'ltrs'rt>	Al Tercera '(исп.) третья'

В большинстве указанных слов на конце используется арабский аффикс *-ta*. Например, прозвище *La Gallega* (исп. *жительница Галисии/родом из Галисии*) в транслитерации написано с этим арабским аффиксом: <'Iglyqt>. Это же прозвище в мужском роде *Gallego* записано с аффиксом *-h*, используемым для передачи конечного *-o*: <glyqh>:

Алхамиадо мосарабов: араб. опред. артикль al- с исп. сущ. ж. р. ед. ч.		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
الغليفة	<'lgyqt>	Al Gallega '(исп.) из Галисии'
غليفة	<glyqh>	Gallego '(исп.) гали- сийский'

Тем не менее окончательно решить вопрос в пользу транскрипции слова <'l> как арабского определенного артикля *al-*, а не испанского определенного артикля *el* (м.р., ед. ч.) в случае использования с существительными м.р. ед. ч. нельзя, так как встречается и женская форма определенного артикля *la* (ж.р., ед. ч.) (один пример):

Обозначения испанских прозвищ мосарабов с использованием исп. опред. артикля la (ж. р., ед. ч.)		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
لبيدة	<lbbdt>	la Bóveda (?) '(исп.) погреб'

А также множественная форма *las* (ж.р., мн. ч.) (три примера):

Обозначения испанских прозвищ мосарабов с использованием исп. опред. артикля las		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
لس اسفونالس	<ls 'sqwn'ls>	las Escunelas '(исп.) ихуны (?)'

Обозначения испанских прозвищ мосарабов с использованием исп. опред. артикля las		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
دلس فاليش	<dls f'lyš>	de las Filias '(исп.) дочерей'
لس موسىش	<ls mwsš>	las Mozas '(исп.) девушки'

И если во множественном числе артикль пишется раздельно с определяемым словом, то в единственном – слитно, как и артикль, транслитерируемый как <'l>. Таким образом, можно утверждать, что последний может быть как арабским определенным артиклем *al*-, так и испанским определенным артиклем *el* (м.р., ед. ч.).

Испанский суффикс -s (мн. ч.) встречается в прозвищах неоднократно. Обычно он передается арабской буквой *шйн* (ش) <š> (десять примеров):

Алхамнадо мосарабов: испанский суффикс -s (мн. ч.)		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
بجيفش	<bš>	Bachicos '(исп.) низкоросленькие (?)'
بالافشش	<b'l'qštš>	Belecastos '(исп.) пре-красно чистые'
فيدش	<qydš>	Caídos '(исп.) упавшие'
فوره فاشش	<fwrh q'sš>	Faura Casas '(исп.) (?) дома'
دلس فاليش	<dls f'lyš>	de las Filias '(исп.) дочерей'
لس موسىش	<ls mwsš>	las Mozas '(исп.) девушки'

Алхамиадо мосарабов: испанский суффикс -s (мн. ч.)		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
لازارانش	<l'zr'nš>	Lazarenos (?) '(исп.) лаза- ревы'
ماتة موروش	<m'tt mwrwš>	Mata Moros '(исп.) убийца мавров'
بونش شيش	<bwnš š'yš>	Bonas Sayas '(исп.) хоро- шие юбки'

При этом в суффиксе *las* конечная -s передается арабской буквой *сйн* (س) <s>.

Встречаются примеры использования буквы *сйн* (س) <s> для транслитерации испанского суффикса -s в существительных (два примера):

Алхамиадо мосарабов: испанский суффикс -s (мн. ч.)		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
لس اسفونالس	<ls 'sqwn'ls>	las Escunelas '(исп.) ихуны (?)'
بونش سايس	<bwns s'ys>	Bonas Sayas '(исп.) хорошие юбки'

Буквы *шйн* (ش) <š> и *сйн* (س) <s> встречаются и для передачи суффикса -s в одних и тех же словах (один пример):

Алхамиадо мосарабов: испанский суффикс -s (мн. ч.)		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп./ Перевод
بونس سايس	<bwns s'y>	Bonas Sayas '(исп.) хорошие юбки'
بونس شيش	<bwnš š'y>	

Суффикс -es/-is (-ez/-iz) транслитерируется также с использованием обеих арабских букв – *шйн* (ش) <š> и *сйн* (س) <s> (три примера):

Алхамиадо мосарабов: -es/-is (Р. п.)		
Араб. / Алх.	Транслит. DIN	Транскрип. на исп. / Перевод
يوانش	<yw'nš>	Juanes '(исп.) сын Хуана'
صيرفيس	<šyrfyš>	Sirfis (?)
ارغوناس	<'rgwn's>	Aragonés '(исп.) из Арагона'

Орфографические особенности

Особенности обозначения гласных. Алхамиадо мосарабов следует нормам орфографии арабского языка, поэтому тексты мосарабов неогласованы. Тем не менее в испанских словах встречается обозначения гласных. Для этого используются буквы арабского алфавита, обозначающие полусогласные звуки: 'алиф (ا) <'> *йā* (ي) <y> *вāв* (و) <w>:

Алхамиадо мосарабов: гласные	
Араб. буква	Алх.
'алиф (ا) <'>	a, e
йā' (ي) <y>	i, e

Алхамиадо мосарабов: гласные	
Араб. буква	Алх.
<i>wāw</i> (و) <w>	<i>u, o</i>

Обычно эти буквы используются для обозначения ударных гласных. Из 202 испанских слов, встречающихся среди прозвищ мосарабов, в 164 словах этими буквами обозначены ударные гласные, в 38 – безударные. В некоторых словах обозначены и ударные, и безударные гласные:

Алхамиадо мосарабов: гласные				
Араб. буква	Алх.	Транслит. по DIN	Совр. исп.	Источник
'алиф (ا) <'>	انبرشاريه	<'nbrš'ryh>	aniversario	№ 1126
йā' (ي) <y>				
<i>wāw</i> (و) <w>	افو	<'qw>	ego	№ 1123b

Для обозначения конечных гласных используются буквы *xā'* (خ) <h> и *mā' марбūṭa* (ة) <t> (конечный вариант буквы *mā'*):

Алхамиадо мосарабов: конечные гласные	
Араб. буква	Алх.
<i>xā'</i> (خ) <h>	-o
<i>mā' марбūṭa</i> (ة) <t>	-a

В текстах встречается большое количество примеров обозначения конечных гласных этими буквами:

Алхамиадо мосарабов: обозначение конечных -о, -а			
Алх.	Транслит. по DIN	Совр. исп.	Источник
ابطيشة	<'btyšt>	abadesa	№ 580
انبرشاريه	<'nbrš'ryh>	aniversario	№ 1126

Редкие буквы в алхамиадо мосарабов. Транскрипцию ряда прозвищ толедских мосарабов А. Г. Паленсия оставляет под вопросом. Несомненно, слова, определяемые исследователем как неарабские, не входят в состав классического арабского словаря, однако нельзя отнести их и к испанским словам. Вероятно, эти слова могли бы входить в словарный состав андалусского диалекта арабского. К этой группе можно отнести ряд слов, орфография которых позволяет предположить их принадлежность именно к арабскому, а не испанскому языку. В частности, для орфографии алхамиадо мосарабов нетипично использование следующих букв, большая часть которых нехарактерна ни для алхамиадо морисков, ни для португальского алхамиадо: $\dot{x}\bar{a}'$ (ح) <h>, $\dot{x}\bar{a}'$ (خ) <h>, 'айн (ع) <'>, $\dot{c}\bar{a}'$ (ث) <t>, а также $\dot{x}\bar{a}'$ (ه) <h> не в конечной позиции. Наличие этих букв заставляет предположить арабское происхождение реставрируемого слова:

Арабские буквы, не характерные для алхамиадо мосарабов		
Араб. буква	Примеры	Лат. буква
Согласные (только арабские слова)		
$\dot{x}\bar{a}'$ (ح) <h>	3	h
$\dot{x}\bar{a}'$ (خ) <h>	2	j
$\dot{z}\bar{a}'$ (ظ) <z>	1	t

Арабские буквы, не характерные для алхамиадо мосарабов		
Араб. буква	Примеры	Лат. буква
Согласные (редкие в испанских словах)		
‘айн (ع) <‘>	1	(a) безуд.
сā’ (ث) <ṭ>	0	-
ḍād (ض) <ḍ>	3	d
зāль (ذ) <ḏ>	3	d
сād (ص) <ṣ>	3	s, z
зāй (ز) <z>	8	ç, z

Орфография слов на испанском языке в арабской графике. С точки зрения истории испанского языка наибольший интерес представляет фонетическая форма испанских слов, в частности, выбор арабских букв для передачи звуков испанского языка, записываемых латинскими *t, d; c(a/o/u), qu, g(a/o/u)*; а также для передачи сибиллянтов, обозначаемых буквами *s/-ss-, -s-; ç/c(i/e), z; x; j, g(i/e), ch*, особенно тремя последними.

Чередование қāф (ق) <q> / кāф (ك) <k> / гайн (غ) <ğ>. В Толедском архиве буква қāф (ق) <q> в основном используется для передачи звуков, обозначаемых латинскими *qu, c(a/o/u)* (54 примера), хотя в более позднем алхамиадо морисков с этой целью в основном используется буква кāф (ك) <k>. В архиве мосарабов буква кāф (ك) <k> тоже встречается в этой функции (24), но вдвое реже, чем қāф (ق) <q>. Буква қāф (ق) <q> также встречается для обозначения звуков испанского языка, передаваемых латинской *g(a/o/u)* (8), и в этой функции чередуется с буквой гайн (غ) <ğ> (13), для которой эта функция основная в алхамиадо морисков:

Алхамиадо мосарабов: <i>kāḥ</i> (ك) <q> / <i>kāḥ</i> (ك) <k> / <i>ḡayn</i> (غ) <ḡ>					
	Алх. мор.	<i>kāḥ</i> (ك) <q>	<i>kāḥ</i> (ك) <k>	<i>ḡayn</i> (غ) <ḡ>	Всего
qu/c(u)	<i>kāḥ</i> (ك) <k>	54	24	-	78
g(u)	<i>ḡayn</i> (غ) <ḡ>	8	-	13	21
Всего		62	24	13	99

Чередование *tā'* (ت) <t> / *ṭā'* (ط) <ṭ> / *ḍāḥ* (ض) <d>.
 В Толедском архиве буква *tā'* (ت) <t> в основном используется для передачи звуков, обозначаемых латинской *t* (14 примеров), как и в алхамиадо морисков. Кроме того, с этой целью используется *ṭā'* (ط) <ṭ> (15 примеров), не характерная для алхамиадо морисков. Буква *ṭā'* (ط) <ṭ> также используется для передачи звуков, обозначаемых латинской *d* (3 примера) и в этой функции чередуется с буквой *ḍāḥ* (ض) <d> (19 примеров), которая обычно используется для передачи звуков, обозначаемых латинской *d* в алхамиадо морисков:

Алхамиадо мосарабов: <i>ṡā'</i> (ط) <ṡ> / <i>mā'</i> (ت) <t>							
	<i>mā'</i> (ت) <t>	<i>ṡā'</i> (ط) <ṡ>	<i>ḡā'</i> (ظ) <ḡ>	<i>ḍāḥ</i> (ض) <d>	<i>ḡāḥ</i> (ج) <ḡ>	<i>ḍāḍ</i> (ض) <ḍ>	Всего
t	14	15	1	-	-	-	30
d	-	3	-	19	3	3	28
Всего	14	18	1	19	3	3	58

Редко в архиве используются буквы *ḡā'* (ج) <ḡ> для обозначения звуков, передаваемых латинской *t* (1 пример), а также *ḡāḥ* (ج) <ḡ>, *ḍāḥ* (ض) <ḍ> – для звуков, обозначаемых латинской *d* (по 3 примера).

Чередование шйн (ش) <š> / сйн (س) <s> / зйй (ز) <z> / сәд (ص) <ṣ> / сә' (ث) <ṭ> / джйм (ج) <ğ>.

Алхамиадо мосарабов: обозначение сибилантов							
	шйн (ش) <š>	сйн (س) <s>	зйй (ز) <z>	сәд (ص) <ṣ>	сә' (ث) <ṭ>	джйм (ج) <ğ>	Всего
s	45	21	-	2	-	-	68
x	3	-	-	-	-	-	3
ç, c(i/e)	-	4	6	-	-	-	10
z	-	10	2	1	-	-	13
ch	-	-	-	-	-	31	31
j	-	-	-	-	-	4	4
g(i/e)	-	-	-	-	-	-	0
Всего	48	35	8	3	0	35	129

Несмотря на наличие чередований, статистически видна норма обозначения сибилантов в алхамиадо мосарабов:

Обозначение сибилантов: шйн (ش) <š> / сйн (س) <s> / зйй (ز) <z> / сәд (ص) <ṣ> / сә' (ث) <ṭ> / джйм (ج) <ğ>				
Араб. буква	Назв.	Транслит. по DIN	Алх. мос. XI-XIII	Алх. мор. XIV-XVII вв.
сйн (س) <s>			s,	-
			z	-
			ç, c(i) (редко)	ç, c(i) /tʃ/*

Обозначение сибилантов: <i>шйн</i> (ش) <š> / <i>сйн</i> (س) <s> / <i>зай</i> (ز) <z> / <i>сād</i> (ص) <ṣ> / <i>джйм</i> (ج) <ğ>				
Араб. буква	Назв.	Транслит. по DIN	Алх. мос. XI-XIII	Алх. мор. XIV-XVII вв.
<i>шйн</i> (ش) <š>			s	s-, -ss- /s/*
				-s- /z/*
			x (<i>редко</i>)	-x /ʃ/*
<i>сād</i> (ص) <ṣ>			z (<i>редко</i>)	(араб.)
			s (<i>редко</i>)	
<i>зай</i> (ز) <z>			ç (<i>редко</i>)	-
			z (<i>редко</i>)	z /dʒ/*
<i>джйм</i> (ج) <ğ>			ch	-
			j, g(i) (<i>редко</i>)	j, g(i) /ʒ/*
<i>джйм</i> + <i>ташдид</i> (ج) <ğğ>			(араб.)	ch /tʃ/*

Система обозначения сибилантов в алхамиадо мосарабов несколько отличается от системы морисков [Тихонова, 2022]. В частности, для обозначения испанских звуков, на письме передаваемых латинскими *s*, *ss*, *-s-*, используется не только буква *шйн* (ش) <š>, но и *сйн* (س) <s>; а для передачи звуков, обозначаемых латинской *z*, в большинстве случаев используется буква *сйн* (س) <s>, а не *зай* (ز) <z>. Буква *джйм* (ج) <ğ> обозначает не только звуки, передаваемые латинскими *j*, *g(i/e)*, но и сочетанием *ch*.

Таким образом, арабские и романские слова, встречающиеся в архиве для обозначения прозвищ алхамиадо, позволяют, с одной стороны, уточнить этимологию роман-

ских слов, в том числе реконструировать фонетическую форму слов, с другой стороны, – проследить грамматическую (морфологическую и синтаксическую) и лексическую интерференцию, которую испытывали романские слова при контакте с арабским языком.

**К истории эстампажного копирования
древнетюркских рунических надписей конца
XIX – начала XX вв.
(по материалам фонда Центральной Азии и Сибири
ИВР РАН)¹**

А. А. Туранская
Институт лингвистических исследований РАН

В результате завершившейся в 2021 г. инвентаризации и предварительной каталогизации всех единиц хранения Фонда Центральной Азии и Сибири Института восточных рукописей РАН были атрибутированы 460 эстампажей древнетюркских енисейских и орхонских памятников рунической письменности². Копии эти представляются крайне значимыми для исследования памятников, поскольку являются оттисками, наиболее близкими к моменту обнаружения надписей. Принимая во внимание тот факт, что памятники древнетюркской рунической письменности подвержены постепенному разрушению как в результате естественных причин (эрозия пород, несмотря на все меры по консервации и музеефикации), так и внешних воздействий, ранние копии даже при сравнительном несовершенстве использованных методик копирования имеют непреходящую ценность. Более того, они в полной мере отражают различные техники эстампажного

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Неизвестные эстампажи древнетюркских рунических надписей из коллекции ИВР РАН – уникальные памятники языка, истории и культуры древних тюрков: каталогизация и комплексное исследование» (№ 22–28–00348, рук. Рыкин П. О., 2022–2023).

² Фонд Центральной Азии и Сибири включает 788 единиц хранения (шифр «ЦАС»), 13 зарисовок и 775 эстампажей каменных стел, наскальных и пещерных надписей и других эпиграфических памятников Сибири, Центральной и Средней Азии.

копирования памятников, которые использовали знаменитые археологи, лингвисты и исследователи Сибири на раннем этапе изучения тюркских памятников.

Эстампаж (от франц. *estampage* ‘отпечатывание’) представляет собой оттиск надписи или изображения на твердом материале, чаще всего камне, выполненный при помощи контактного копирования, то есть непосредственном соприкосновении копируемого материала с поверхностью. Впервые подобный метод копирования надписей был использован в Китае в I–II вв. н.э.³. Применялся он для тиражирования священных изображений и текстов, вырезанных на каменных стелах. Для получения оттисков увлажненный лист тонкой бумаги помещался на высеченную поверхность или рельеф и при помощи щетки вбивался таким образом, чтобы его поверхность точно повторяла все выпуклости оригинала. Получившиеся выпуклые части покрывались тушью или иной краской, а углубления оставались белыми⁴. В результате получалась позитивная копия изображения или надписи. Техника изготовления подобных оттисков использовалась только в Китае и, по всей вероятности, не была известна исследователям, занимающимся изучением надписей на других языках⁵.

Первым европейцем, начавшим использовать эстампажи для изучения надписей, был, по-видимому, голландский гуманист Стефан Пигий (*Stephanus Vinandus Pighius*, 1520–1604)⁶. В первой половине XIX в. эстампажи начинают активно ис-

³ Незначительное количество дошедших до нашего времени изготовленных в этой технике копий не позволяет уточнить временные рамки. Упоминание об изготовлении эстампажей в правление императора Лин-ди (靈帝, годы правл. 168–189) содержится в сочинении Фань Е. (кит. 范曄, 398–445) «История династии Поздняя Хань» (кит. 後漢書, Хоу Ханьшу). Подробнее см. [Starr, 2008, p. 6].

⁴ См. [Меньшиков, 2002, с. 398–399; Starr, 2008, p. 33–58]. В Китае также использовалась техника «сухого» контактного копирования (аналог так называемой протирки). Подробнее см. [Starr, 2008, p. 128–147].

⁵ Следует отметить, что в коллекции ИВР РАН хранится 81 эстампаж древнетюркского памятника Тоньюкука, изготовленный в традиционной китайской технике для последнего амбана в Урге Сань-до. Подробнее см. [Turanskaya, 2022].

⁶ Упоминания об этом см. [Larfeld, 1914, p. 158; Schmidt, 2003, p. 5].

пользоваться исследователями-эпиграфистами, прежде всего египтологами. О *‘une bonne empreinte en papier’* (‘качественный бумажный оттиск’) с надписи на колонне фараона Псамметиха II упоминает в своем письме из Александрии французский египтолог Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) от 1828 г. [Champollion, 1833, p. 41]. Известно, что именно эстампажную технику копирования использовали египтолог Рихард Лепсиус (1810–1884) [Lepsius, 1849] и эллинист Филипп Леба (1794–1860) во время своих экспедиций на Восток [См.: Павличенко, 2018, с. 466].

Первым исследователем, предложившим копировать рунические памятники и наскальные изображения (петроглифы) «в настоящую их величину и с соблюдением возможной точности», был Г. И. Спасский (1783–1864), археолог, путешественник, издатель, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. В «Азиатском сборнике» за 1825 г. он писал: «Таковой необходимой точности легко достигнуть можно накладкой на них тонкой бумаги, пропитанной маслом, сквозь которую видны были б все черты, и сверх того омывая полинявшие надписи водой, чтобы они сделались явственней. Сообщенные мною пять надписей сняты были во время жестокого зимнего холода, когда нельзя было употребить сих средств для лучшей съемки их, и притом я не имел тогда при себе не только нужной для того бумаги, но и обыкновенной писчей, сколько требовали оной все надписи» [Спасский, 1825, с. 300–301].

Были ли претворены в жизнь теоретические разработки Г. И. Спасского, неизвестно. По мнению российского историка и археолога Я. А. Шера, впервые метод контактного копирования тюркских надписей был применен на практике финским ученым, лингвистом М. А. Кастреном (1813–1852) во время его экспедиции в Сибирь в 1841–1844 гг. М. А. Кастрен описывал эту технику, предложенную Санкт-Петербургской академией наук, следующим образом: «... я срисовал вышеупо-

мянутую надпись как нельзя вернее. Способ, при этом мною употребленный, кажется, лучший для здешних надписей. Я обвожу каждую фигуру черною краской, а остальные части камня покрываю белую краскою и снимаю надпись на прозрачную бумагу»⁷, отмечая при этом, что она совершенно непригодна для надписей на «выветрившихся» памятниках [Кастрен, 1860, р. 406]. Копии М. А. Кастрена являются скорее прорисями, нежели точными копиями, и лишены объективности (Илл. 1).

Острая необходимость в новой технологии контактного копирования для получения точных копий появилась в начале 90-х гг. XIX в. Связано это было, в первую очередь, с обнаружением рунических памятников на территории Монголии Н. М. Ядринцевым (1842–1894) в 1889 г. и дешифровкой древнетюркской рунической письменности датским ученым и лингвистом В. Томсеном (1842–1927) в 1893 г. Из трех доступных для исследователей конца XIX – начала XX в. способов копирования (прорисовка, эстампаж и фотография) эстампаж был самым простым, недорогим и точным⁸. Как отмечал немецкий эпиграфист, автор руководства по изготовлению эстампажей и один из составителей «Корпуса латинских надписей» (*Corpus Inscriptionum Latinarum*), Э. Хюбнер (1834–1903), эстампажи могут изготовить «и мужчины, и женщины, и даже не слишком неуклюжий подмастерье» [Hübner, 1881, р. 24].

⁷ Об использовании аналогичного метода копирования енисейских памятников иркутским чиновником и членом Российского географического общества Н. С. Шукиным (1838–1870) упоминает М. А. Дэвлет в своей монографии [Дэвлет, 1996, с. 29]. Изготовленные в этой технике копии с прорисей М. А. Кастрена енисейского рунического памятника деревни Означенной (Е-25) хранятся в настоящее время в коллекции Центральной Азии и Сибири (ЦАС) ИВР РАН под шифрами ЦАС 218–220, ЦАС 709–717.

⁸ Помимо простоты изготовления, эстампаж обладает и другими преимуществами: он свободен от субъективного восприятия источника исследователем, не имеет угловых искажений, воспроизводит рельеф, сохраняя масштаб 1:1. При всех достоинствах фотографии все же реальный физический отпечаток оригинальной поверхности с изображением или надписью – это бесценный источник и один из способов сохранения информации о памятнике.

Впервые метод эстампажного копирования для древнетюркских памятников был, по всей вероятности, предложен знаменитым тюркологом В. В. Радловым (1837–1918) в 1892 г. Разработанный для копирования фрагментов «уйгурской», позднее идентифицированной как согдийской, части Карабалгасунской надписи метод копирования существенно отличался от техники, широко используемой в тот период европейскими археологами и востоковедами-античниками. Перепробовав «пять или шесть сортов бумаги, а именно японскую и китайскую бумагу, три сорта непроклеенной бумаги и наконец проклеенную писчую» [Радлов, 1892, с. 169], В. В. Радлов предложил использовать для изготовления копий коленкор (жесткая гладкокрашеная или отбеленная хлопчатобумажная ткань, сотканная простым переплетом), «который пропитывался наперед гумми-арабиком, затем плотно прилеплялся к камню, а затем на него наносилась, когда он высохнет, типографская краска без всяких затруднений и в короткое время» [Радлов, 1892, с. 170–171]⁹.

Несмотря на трудоемкость, высокую стоимость и труднодоступность иной раз необходимых материалов¹⁰, метод изготовления эстампажей В. В. Радлова использовался археологами, исследователями Сибири и Монголии на рубеже XIX–XX вв. Именно эстампажи на ткани, изготовленные В. В. Радловым и другими исследователями-краеоведами, – Д. А. Клеменцом (1848–1914), Н. П. Евстифеевым (1866–?),

⁹ Подробное описание изготовления эстампажей см. [Радлов, 1893]. В. В. Радлов писал, что для снятия копий необходим опыт: «Кто намеревается пользоваться этим способом во время своих путешествий, где различные обстоятельства ставят иногда совершенно непредвиденные помехи, пусть поупражняется дома... Пропитывание коленкора клеем, наклеивание его на камень, равномерное прибивание к камню, нанесение краски, даже снятие коленкора с камня – требуют навыка в известных практических приемах, о которых описание не может дать ясного понятия и которые приобретаются практикой» [Радлов, 1893, с. 180].

¹⁰ Так, например, сам В. В. Радлов писал: «Для изготовления эстампажей более всего подходит редкий коленкор... Мы, например, после того как у нас вышел весь запас коленкора, купленного в России, могли достать в Монголии только очень жидкий коленкор фабрики Коновалова; единственным его достоинством было то, что он так был пропитан крахмалом, что совершенно плотно без всякого клея приставал к камню» [Радлов, 1893, с. 174].

В. А. Ошурковым (1868–1914) – и опубликованные в виде фотографических снимков в выпусках I–IV «Атласа древностей Монголии», стали самыми известными и часто упоминаемыми оттисками древнетюркских памятников¹¹. (Илл. 2). Следует отметить, что сама методика изготовлений копий, предложенная В. В. Радловым, перестала использоваться вскоре после публикации IV выпуска «Атласа» в 1899 г.

Иная техника эстампажного копирования рунических надписей и наскальных изображений-петроглифов была предложена сибирским просветителем, этнографом, путешественником и археологом А. В. Адриановым (1854–1920). Начавший исследовать памятники Сибири еще в 1880-е гг., изначально он пытался делать зарисовки. Однако отсутствие художественных способностей (его прорисовки неточны и сильно отличаются от оригинала [Дэвлет, 1996, с. 130, рис. 25–37]) вынудило его обратиться к контактному методу копирования. Известно, что А. В. Адрианов использовал технику изготовления копий, предложенную В. В. Радловым, но изменил основу, копировальный материал. Вместо крайне дефицитного и дорогого коленкора он применил миткаль, тонкую хлопчатобумажную ткань, по своим свойствам близкую к коленкору. Но был вынужден отказаться от такого способа получения копий из-за больших материальных и трудовых затрат [Адрианов, 1948, л. 5].

В 1902 г. Императорская археологическая комиссия поручила Адрианову заняться исследованием наскальных изображений писаниц Среднего Енисея. Председатель Комиссии А. А. Бобринский в письме Адрианову писал, что Комиссия просит обратить особое внимание при раскопках курганов в районе Красноярска «главным образом на изготовление надежных рисунков с енисейских “писанцев”, каковая задача представляется ей весьма важною. Комиссия

¹¹ В Фонде ЦАС ИВР таких эстампажей рунических памятников – 247 единиц хранения. Все эстампажи были переданы из МАЭ в 1920-е гг. Подробнее об этих коллекциях см. [Туранская, Козинцев, 2023].

желала бы, чтобы находящиеся на писаных камнях изображения были не только сфотографированы или ориентированы от руки и тщательно описаны, но даже, по мере возможности, скалькированы» [Бобринский, 1902].

Исследование наскальных изображений, по настоянию Комиссии, должно было включать точное описание фигур, техники их исполнения и подробную информацию об имеющихся повреждениях. Копии рекомендовалось снимать на так называемую шведскую бумагу (вид мягкого картона), которая влажной накладывалась на смоченную водой каменную поверхность и проколачивалась тугою щеткой. Просохший эстампаж предлагалось укреплять лаком, который наносится на бумагу широкой мягкой кистью¹².

Именно этот способ контактного копирования, которым в дальнейшем пользовался А. В. Адрианов, точно передавал не только контуры вырезанных или выбитых надписей и изображений, но и технику их нанесения на скальную поверхность¹³.

В ходе многолетних исследований памятников Сибири А. В. Адрианов изготовил эстампажи значительного количества енисейских памятников, наскальных изображений и писаниц. Копии, выполненные исследователем, и сейчас представляют несомненную ценность: благодаря им можно изучать как навсегда утраченные писаницы и наскальные изображения, так и известные, получившие серьезные повреждения в силу различных причин¹⁴. Техника копирова-

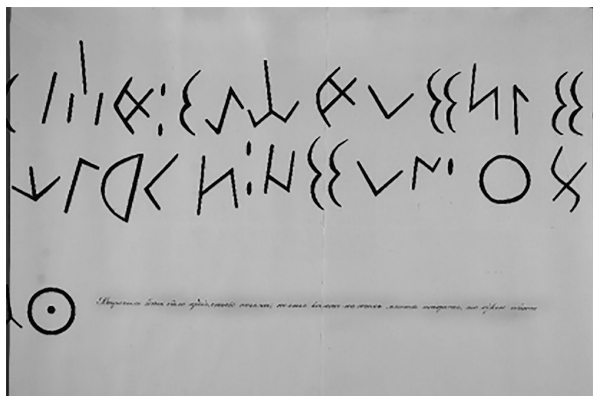
¹² Именно лак, благодаря которому копии хранятся более ста лет, придает эстампажам А. В. Адрианова хрупкость. Так, например, работавший в 1960-е гг. с коллекциями эстампажей Адрианова, хранящимися в МАЭ, Я. А. Шер отмечал, что они «оказались настолько ветхими, что работа с ними постоянно связана с риском их утраты» [Шер, 1980, с. 70].

¹³ Императорская археологическая комиссия фактически предложила усовершенствованный метод контактного копирования, предложенный и использовавшийся финским археологом Й. Р. Аспелином (1842–1915) во время экспедиции Гельсингфорского университета в Южную Сибирь в конце 80-х гг. XIX в.

¹⁴ В фонде ЦАС хранятся 105 эстампажей древнетюркских памятников и наскальных изображений А. В. Адрианова, которые были также переданы из МАЭ после 1920 г.

ния, усовершенствованная Адриановым, использовалась до 50-х гг. XX в. В этой технике были изготовлены, например, эстампажи енисейских памятников советского историка и археолога, члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева (1905–1962).

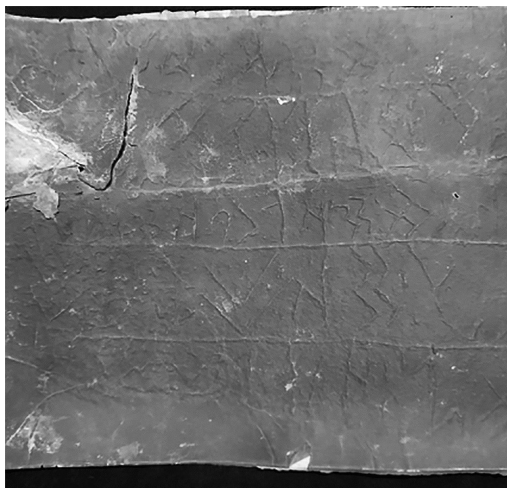
В заключение стоит добавить, что осведомленность в различных техниках контактного копирования, использовавшихся исследователями и археологами на рубеже XIX–XX вв., нередко способствует не только выявлению собирателя и времени изготовления неатрибутированных копий, но и идентификации памятника.

Илл. 1. Прорись М. А. Кастрена. ЦАС 717. Фрагмент.

Илл. 2. Эстампаж надписи Тоньюкука. ЦАС 465.

Илл. 3. Эстампаж А. В. Адрианова. ЦАС 11. Фрагмент.

Глава IV. ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сказание об одноглазом великане в огузском эпосе: исследования В. Эберхарда

Т. А. Аникеева

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Происхождение сюжетов и мотивов разнородных в хронологическом отношении сказаний тюркского огузского книжного эпоса «Китаб-и дедем Коркут» («Книга моего деда Коркута») являлось предметом научных изысканий практически с момента обнаружения и публикации в Европе так называемой Дрезденской рукописи эпического текста¹.

Вольфрам Эберхард (1909–1989), известный китаист, стал соавтором «Указателя мотивов турецкой волшебной сказки» (“*Typen der Türkischer Volksmarschen*”), который был написан им совместно с турецким фольклористом Пертевом Наили Боратавом [Eberhard, Boratav, 1953]² и издан в Висбадене в 1953 г. Надо отметить, что В. Эберхард к этому моменту уже опубликовал «Указатель сюжетов китайских сказок» (“*Typen chinesischer Volksmarschen*”), изданный в 1936 г. в Хельсинки в знаменитой академической серии “*Folklore Fellows Communications Series*”. Также В. Эберхард исследо-

¹ О рукописях «Книги Коркута» подробнее см.: [Аникеева, 2021, с. 166–174].

² По словам С. Ю. Неклюдова, «опыты классификации и систематизации сказочных сюжетов вплоть до начала XX в. предпринимались неоднократно и исчисляются несколькими десятками. Однако ни один из них не был доведен до конца и не вошел в научный обиход. Успешным оказался лишь „Указатель сказочных типов“, составленный финским ученым Антти Аарне; в русской традиции данный труд принято называть „Указателем сказочных сюжетов“. Указатель получился достаточно пластичным, открытым для расширений и дополнений, которые и осуществил американский фольклорист С. Томпсон. Многократные доработки „Указателя“ Аарне под его руководством (1928, 1961, 1964, 1973) сделали эту книгу универсальным международным каталогом сказочных сюжетов, без обращения к которому не может обойтись ни один исследователь устных повествовательных традиций» [Неклюдов, 2006].

вал и сохранившиеся до XX в. некоторые жанры турецкого фольклора: так, в 1950-е годы он изучил и зафиксировал сохранившуюся к тому времени на востоке Турции традицию исполнения народных повестей-*хикайатов*.

Статья В. Эберхарда «О сказаниях „Деде Коркут“» (“Über die Erzählungen des Dede Korkut”), оригинал которой хранится в архиве Фольклорного общества Финской АН (FFC – Folklore Fellowship Communications), посвящена исследованию «Книги моего деда Коркута». Довольно объемный труд (ок. 5 а.л.) В. Эберхарда, по сути, представляет собой развернутый комментарий к тексту эпоса и потому может рассматриваться как отдельное исследование по «Книге моего деда Коркута». В. Эберхард отмечает единство сказаний, составляющих «Книгу Коркута»: «Двенадцать песен Коркута отмечены удивительным единством, именно поэтому можно с уверенностью утверждать, что они принадлежат одному автору – Деду Коркуту, или, по крайней мере, собраны и упорядочены им». При этом ученый был склонен рассматривать сказания «Книги Коркута» как произведение авторское, собственно, самого Коркута – мифологического или реального певца. Очевидно, что подробный анализ сказаний «Книги Коркута» осуществляется им в русле и составления «Указателя мотивов турецкой сказки», и вообще указателей сказочных сюжетов (например, Аарне–Томпсона): «В последнее время исследователями сказок были разработаны весьма полезные для изучения материалы в виде каталогов типов и мотивов в до сих пор известных народных литературах не только Европы, но и других континентов, и уже сегодня можно довольно надежно / достоверно решать вопрос о том, имеют ли мотивы песен Коркута параллели или же не имеют их, в чем состоят различия и тюркское своеобразие, а также проблему возникновения материала песен Коркута» [Эберхард, рук³].

³ В архиве Фольклорного общества Финской АН эту статью обнаружила А. И. Алиева (ИМЛИ), а перевод с немецкого выполнила Л. Г. Григорьева –

В. Эберхард рассматривает каждое из двенадцати сказаний «Книги Коркута» и сравнивает каждый поворот сюжета и мотив не только с произведениями тюркской традиционной словесности (он сопоставляет «Книгу Коркута» и с известными ему на тот момент опубликованными образцами эпоса алтайских тюрков – см. публикации А. Шифнера⁴), но и с греческими мифами, многими памятниками индийской и персидской литературной традиции, помещая таким образом, огузский эпос в широкий контекст истории мировой литературы.

В анализе каждого из сказаний «Книги моего деда Коркута» В. Эберхард, излагая сюжет, последовательно (как правило, под номерами) выделяет отдельные его элементы (мотивы) и затем соотносит их со сходными мотивами в других произведениях мирового фольклора (как эпосами, также получившими позднее книжное оформление, – «Махабхарата», «Шах-наме» (или же существовавшими только в литературной форме, как «Калевала») и народными книгами, так и тюркскими эпическими сказаниями, бытовавшими исключительно в устной форме).

филолог-литературовед, специалист по германистике, скандинавистике, русско-скандинавским литературным связям, переводчик. Спустя много лет перевод попал к нам благодаря С. Ю. Неклюдову, предложившему опубликовать В. Эберхарда.

⁴ В 1858 г. в «Этнографическом сборнике», издаваемом РГО, В. Титовым были опубликованы «Богатырские поэмы минусинских татар» (с примечанием редактора: «Слово „поэмы“ здесь кажется не совсем точным») [Титов, 1858], которые были собраны во время его пребывания в Уйбате в 1850-х гг. и переложены на русский язык: «Баламон кам» (или, как сказано у Титова, – «Поэма о шамане Баламоне»), «Ахмолот Ахпорот» (или: «Белоукладный богатырь на сиво-белом коне»), «Коккан Коктылый» («Поэма о синем хане на синем море»), «Алла Картыга – Белый сокольник», «Каракан Джелуг-Далей» («Черный хан на теплом море»). Эти пять сказаний-«поэм» были изложены Титовым прозой с некоторыми комментариями. Спустя год, в 1859 г., акад. А. А. Шифнер издал отдельной книгой свою стихотворную обработку на немецком языке богатырских эпических сказаний, собранных М. А. Кастреном и В. Титовым «Heldensagen der Minussinschen Tataren» («Героические сказания минусинских татар») [Schiefner, 1859]. Книга состоит из довольно обширного Введения, куда включен и своего рода небольшой глоссарий, и пятнадцати сказаний.

VIII сказание «Китаб-и дедем Коркут» («Песнь о том, как Бисат убил Депегёза») повествует о битве огузского богатыря Бисата с Тепегёзом, одноглазым великаном. Этот сюжет во всей «Книге моего деда Коркута» выделяется своим содержанием (и надо сказать, что именно это сказание было выбрано для публикации в 1815 г. Генрихом Фридрихом фон Дицем в качестве первого текста, когда он обнаружил список «Книги моего деда Коркута» в Дрезденской королевской библиотеке). Можно отметить, что существование самого сказания о Тепегёзе (Депегёзе) среди тюрков-огузов подтверждается начиная приблизительно с XIV в. Однако сам сюжет – богатырь уничтожает одноглазого великана-людоеда – является одним из самых широко распространенных сказочных сюжетов, существующих у многих народов мира (например, в «Тысяча и одной ночи» в сказке о Синдбаде-мореходе и о Сайф ал-Мулуке), в том числе и на Северном Кавказе⁵ (у осетин, карачаевцев, кабардинцев, абхазов), и у народов Средней Азии (у казахов, киргизов, туркмен). Однако, по всей вероятности, одним из самых древних и самых известных его отражений является рассказ о том, как Одиссей ослепил Полифема в «Одиссее» Гомера (VIII в. до н.э.).

Однако не только мотив обмана и/или ослепления одноглазого великана в этом сказании «Книги моего деда Коркута» является одним из древнейших и известнейших

⁵ Одним из первых исследователей, кто обратил внимание на сходство мотивов «Книги моего деда Коркута» и некоторых произведений фольклора народов Северного Кавказа, был П. А. Фалев; он сопоставляет сюжет сказания «о Бисате и Депегёзе и карачаевскую сказку (быличку) об охотнике, зафиксированную В. Прёле (1871–1946): «Если обратимся к другим произведениям тюркской словесности, то найдем еще больше черт, сближающих тюркского циклопа с греческим. В науке не использовано еще одно карачаевское предание, относящееся к циклу мотивов о Полифеме. По этому преданию, охотник встретился с „лесным человеком“. Встреча вначале носила мирный характер. На вопрос „лесного человека“ об имени охотник ответил: „Мое имя – Прошлый год“. Ночью охотником овладел страх. Он встал, одел свою бурку на чурбан, и сам влез на дерево. Вскоре „лесной человек“ проснулся и бросился на чурбан, одетый в бурку. Охотник выстрелил и ранил его. Он закричал от боли. На его крик сбежались его собратья и спросили: „Кто это тебе сделал?“ – „Прошлый год“, сказал он. „Ну, где ж его теперь взять!“ засмеялись „лесные люди“. Это восточный вариант рассказа о хитрости Одиссея со словом „никто“». [См.: Аникеева, 2018, с. 189].

в мировой словесности; само появление на свет Деве-Гёза связано со сверхъестественными событиями, и этот мотив – из наиболее древних. Многие исследователи обращают внимание прежде всего на мотив рождения одноглазого великана от союза простого пастуха и чудесной девы-пери (так, В. Жирмунский пишет, что этот мотив имеет многочисленные параллели в фольклоре народов Азии и Европы – сказании «о деве-птице (чаще всего лебеди), которая вступает, обычно вынужденным образом, в брачную связь с человеком, захватившим сброшенную ею во время купания лебединую одежду» [Жирмунский, 1962, с. 226; см. также Gökyay, 2000, s. CCCXXIV]). Однако не меньший интерес представляет собой мотив чудесного появления ребенка на свет из скалы/кучи камней.

В. Эберхард одним из первых исследователей тюркского эпоса обращает на это внимание. Схематичный сюжет сказания о Деве-Гёзе и комментарии к нему у Эберхарда выглядят следующим образом: «2. Пастух Аруза однажды встретил у озера пери⁶, которые тотчас же привязали свои крылья и улетели прочь. Но одну ему удалось поймать своей войлочной накидкой. Он спал с ней. Тогда овцы начали пугаться. Пастух поспешил к ним. Пери взмахнула крыльями и улетела. Она крикнула ему, что через год он должен принять ребенка, которого она родит от него, и этим принесет несчастье огузам⁷.

⁶ Пери – один из духов в иранской мифологии, также присутствующий в мифологиях тюркоязычных народов Центральной Азии, Турции, Кавказа и Поволжья. Пери/пари предстают в человеческом облике, вступают в любовную связь с людьми, могут быть и враждебными по отношению к человеку (см. подробнее: [Басилов, 1982, с. 287]). – *Т.А.*

⁷ “Был источник, известный под названием “длинного источника”; у того источника располагались пери. Вдруг среди баранов произошло смятение; пастух рассердился на передового барана, выступил вперед, увидел, что девы-пери сплелись крыльями и летают; пастух бросил на них свой плащ, поймал одну из дев-пери; почувствовав вожеление, он тотчас совокупился с ней. Среди баранов началось смятение; пастух заставил скакать (коня) впереди баранов; дева-пери, ударив крыльями, улетела; она говорит: “Пастух, как закончится год, приди, возьми у меня свой залог, но на огузов ты навлек гибель”. В сердце пастуха пал страх, но из тоски по деве его лицо пожелтело» [Книга Коркута, с. 77]. – *Т.А.*

3. Через год пастух пришел к этому источнику, и снова испугались овцы: там лежало что-то неясное, блестящее. Появилась пери и сказала: он должен взять ребенка. Он бросил камень в неизвестный предмет, тот стал расти, пастух же убежал прочь вслед за своими овцами.

4. Баюндур-хан пришел на это место и обнаружил гигантский предмет. Богатыри ударили его. Аруз-Коджа ударил шпорой: тогда этот предмет лопнул, и из него вышел ребенок, который выглядел как человек, только с одним глазом на лбу (*тепегёз* – «глаз во лбу»). Аруз взял его братом Бисату⁸... К пп. 3–4: Пери рождает не ребёнка, но нечто огромное, что растёт, разрывается и из чего выходит ребёнок. Вероятно, здесь изначально предполагалось яйцо девушки-лебедя (Т-542)... Но можно также вспомнить и уйгурское предание:

У слияния двух рек в Каракоруме стояли два дерева. Между ними образовался холм⁹, который рос день ото дня, когда на него падал небесный луч. Уйгуры стояли вокруг него и удивлялись. Наконец холм раскрылся, и в нем увидели пять шатров, и в каждом лежал ребёнок, мальчик. Мальчики вышли наружу, их передали кормилицам, они росли и самого красивого из них уйгуры избрали своим царем» [Эберхард, рук.].

В. Эберхард под «уйгурским преданием» здесь подразумевает приведенное в «Тарих-и Джихангуша-йи» («История завоевателя мира») Ата Мелика Джувеини, состав-

⁸ Между тем в то время вышли на прогулку Баюндур-хан с беками, пришли к этому источнику, увидели – лежит что-то чудовищное, ни головы, ни задней части не распознать. Они столпились кругом, сошли с коней; один джигит ударил кучу; как он ударил, она увеличилась. Еще несколько джигитов сошли с коней, ударили; от каждого удара она увеличивалась. Аруз-Коджа также сошел с коня, *коснулся головы кучи шпорами; куча лопнула, изнутри ее вышел мальчик, с туловищем как у человека, с одним глазом в голове. ... Аруз взял Депе-Гэза, принес к себе домой... Его вскормили, он вырос, стал гулять, играть с мальчиками, у кого из мальчиков стал грызть нос, у кого ухо. Наконец, все в орде из-за него возмущались, не выдержали, с плачем пожаловались Арузу; Аруз побил Депе-Гэза, высек, наложил запрет; он не послушался; наконец Аруз прогнал его из дома [Книга Коркута, с. 77–78]. – Т.А.

⁹ Т 544.1: появление на свет из скалы – греческий, кавказский, меланезийский [мотивы]; [Ruben, 1939, s.185; Kühn, 1935, s. 54f.]. – Прим. В. Эберхарда.

ленноев XIII в. предание, со ссылкой на издание «Кутадгу Билик» Радлова [Radloff, 1891, s. XLIIff]. В изложении Джу-вейни (издание Дж. Бойла) это «предание» (о происхождении уйгурских тюркских родов) выглядит следующим образом: «В ту эпоху две реки Каракорума, одна называлась Тола, а другая Селенга, текли рядом друг с другом в местности, называемой Камланчу; и близко друг к другу между этими двумя реками стояли два дерева; и одно называют кусук, что означает дерево, по форме напоминающее сосну, листья которого зимой напоминают листья кипариса, а плоды похожи на сосновую шишку как по форме, так и по вкусу¹⁰. Другое называют *тоз*¹¹. Между двумя деревьями возвышался большой холм, и свет нисходил на него с неба; и день ото дня холм становился все больше. Увидев это странное зрелище, уйгурские племена преисполнились изумления; и почтительно и смиренно они приблизились к этому холму: они слышали приятные звуки, похожие на пение. И каждую ночь на расстоянии тридцати шагов вокруг холма сиял свет, пока, как и у беременных женщин во время родов, не открылась дверь, и не оказалось внутри пяти отдельных помещений, похожих на палатки, в каждой из которых сидел ребенок мужского пола: у рта каждого ребенка висела трубка, которая подавала молоко по мере необходимости, а над палаткой была натянута серебряная сетка. Вожди племен пришли посмотреть на это чудо и в почтении преклонили колена в знак верности... Они дали каждому ребенку имя: старшего назвали Сонкур Тегин, второго Котур Тегин, третьего – Тюкель Тегин, четвертого Ор Тегин и пятого Буку Тегин» [Juvayni, 1997, p. 55–56]. В. Эберхард указывает также на сходный мотив в устном тюркском эпосе Южной Сибири: «Герой тюркского эпоса рождается из камня, лежащего глубоко в море [Schiefner, 1859, s. 87], а камень позднее превращается в лебедя [Schiefner, 1859,

¹⁰ Согласно Дж. Бойлу [Juvayni, 1997, p. 55–56], сибирский кедр. – Т.А.

¹¹ Береза. – Т.А.

s. 95]»; по всей видимости, речь идет о хакасском эпическом сказании «Ак Ал».

Таким образом, одно из хронологически наиболее ранних сказаний «Книги Коркута» помимо широко распространенного в мировом фольклоре мотива, связанного с союзом человека и птицы-лебедя/пери, содержит и мотив чудесного появления на свет ребенка из скалы/камня, который, вероятнее всего, связан по происхождению именно с тюрками Центральной Азии.

Принципы и подходы разграничения территории Центральной Азии в 1917–1939 гг.¹

А. Ю. Быков

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Вопросы изучения истории формирования административных границ между различными субъектами Советского Союза, особенно образованными на национальной основе, имеют серьезное значение, поскольку процесс демаркации и делимитации границ постсоветских республик не завершен до настоящего времени. К моменту распада СССР только 16% административных границ между бывшими советскими республиками были определены на местности, остальные же присутствовали лишь на картах, что создавало почву для конфликтов между новыми независимыми государствами [Карабешкин, 2012, с. 22]. Только 27 января 2023 г. достигнута договоренность о делимитации границ Кыргызстана с Узбекистаном [Президент Садыр Жапаров, б.г.].

Актуальность изучения истории и современного функционирования границ для центральноазиатских республик можно объяснить хотя бы тем, что для всех стран, за исключением Туркмении (где 44%), сухопутные границы с постсоветскими странами значительно превышают по протяженности границы с другими странами.

¹ Работа выполняется в рамках программы целевого финансирования проекта BR10965282 «Казахстанско-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность». The article was prepared under the program of targeted financing of the project BR10965282 «Kazakhstan-Russian border: historical context and new geopolitical reality».

Табл. 1.

*Протяженность границ между постсоветскими
центральноазиатскими странами на момент распада
СССР (в км)²:*

Страна	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Протяженность межре- спубликанских границ	Общая протяженность границ страны	% от общей протяженно- сти
Казах- стан		1051	6946		379	2203	10579	13395	79
Кыргыз- стан	1051			870		1099	3020	4675	65
Россия	6946						6946	60932	11
Таджи- кистан		870				1161	2031	3651	56
Туркме- нистан	379					1621	2000	4500	44
Узбеки- стан	2203	1099		1161	1621		6084	6221	98

Досоветские принципы разграничения

В Российской империи административное деление строилось преимущественно по территориальному принципу. Влияние оказывали мнение ведомств и отдельных высокопоставленных лиц, историческая традиция, наличие естественных рубежей и требования охраны внешних границ и обеспечения военной безопасности государства.

² См: [Безопасность и международное сотрудничество, 2002, с. 86; Чебанова, 2019, с. 267–269]. Пересчет наш – А.Б.

В феврале 1917 г. академик С. Ф. Ольденбург выступил с инициативой комплексного изучения этнического состава населения пограничных губерний России. Временным правительством проект был поддержан. В результате образована Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России, переименованная в апреле в Комиссию по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). В пояснительной записке подчеркивалось, что Комиссия учреждена для «скорейшего этнографического исследования областей, прилегающих к обеим сторонам наших границ в Европе и Азии для выяснения главным образом племенного состава этих областей». Деятельность КИПС продолжилась и при советской власти. К 1927 г. ею были подготовлены этнографические карты с указанием ареала расселения этнических групп большей части СССР [Алымов, 2006, с. 146].

Свержение самодержавия повлекло в том числе проведение административно-территориальных реформ. Важнейшими новациями стали плебисцитарный и национальный принципы разграничения.

При Временном правительстве начались первые административно-территориальные реформы, поскольку местные сообщества получили право на образование новых административных единиц в результате плебисцита, или, как тогда формулировали, свободного волеизъявления населения. Причем это не обязательно должен был быть референдум – волеизъявлением могло рассматриваться решение местных органов или съезда представителей. На территории бывших Степного и Туркестанского генерал-губернаторств стали появляться и трансформироваться волости, уезды и целые губернии.

Временное правительство продекларировало право этнических групп на создание автономных административных образований в составе Российской республики. На I

Всероссийском мусульманском съезде (май 1917 г.) была принята резолюция о преобразовании России на федеративных национально-территориальных началах [Безопасность и международное сотрудничество, 2002, с. 61–64]. Более того, часть представителей мусульманского населения возглавила местные органы Временного правительства.

В период Гражданской войны часть инициированных в Петрограде Временным правительством административных преобразований продолжилась при большевистском и небольшевистских правительствах, которых только в Поволжье, Приуралье и Сибири в июле 1918 г. было семь. При этом границы могли быть определены, а могли сразу и не определяться. Последнее случалось чаще.

16 января 1918 г. в журнале «Мухтариятъ» на татарском языке были опубликованы «Основные положения о национальной автономии мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири», выработанные Учредительной сессией Милет-Меджлиса (парламента) [ГА РФ, ф. Р6655, оп. 1, д. 29], рассматривавшиеся в качестве конституционного проекта, к которому апеллировал ряд несоветских правительств, в том числе Временное Сибирское правительство, как к источнику возможных административных изменений [ГА РФ, ф. Р180, оп. 1, д. 31, л. 1–6].

Правительство, называвшееся Комитетом членов Учредительного собрания, с центром в Самаре, стремилось к разграничению с соседними небольшевистскими правительствами – войсковыми правительствами Уральского и Оренбургского казачьих войск и автономиями Малой Башкирии и казахской Алаш-Орды. По мнению Комуча, окончательное решение об образовании вышеназванных и других национальных автономий и их границах должны были принимать местные национальные Учредительные собрания. В воззвании к тюркским народам Комитета отмечалось, что «права тюрко-татарского народа на культурно-национальную автономию признаются

им бесспорно», более того, Комуч был готов поддержать создание национальных войсковых частей в создаваемых национальных автономиях [См.: ГА РФ, ф. Р144, д. 20; ГА РФ, ф. 667, д. 3, 16; Багаутдинов, 2013, с. 1334–1336].

Вместе с тем далеко не все меньшевистские правительства стремились к разграничению между собой, претендуя в том числе на объединяющую роль. Так, с Временным Сибирским правительством Комучу договориться не удалось. Некоторое время на Южном Урале существовала так называемая межучевая полоса. Также не удалось урегулировать пограничные вопросы с Уральским областным правительством и Прикамским комитетом членов Учредительного собрания.

По вопросу поддержки создания автономий на этнических началах большинство меньшевистских правительств либо высказывалось категорически против, либо, как это было, например, с правительством А. В. Колчака, всячески затягивало решение данного вопроса [Аманжолова, 1995, с. 28]. И хотя в Омске еще весной 1917 г. был создан Омский коалиционный комитет, в состав которого вошел киргизский (казахский) отдел, в июле 1918 г. Временным Сибирским правительством были обнародованы «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири», не предполагавшие решение вопроса о территориальном размежевании национальных автономий [Тишков, 2013, с. 193].

Созданное в сентябре 1918 г. Всероссийское Временное правительство или, как его называли, Директория, до завершения гражданской войны откладывало решение национального вопроса и связанного с ним признания нового территориального размежевания и признания особого статуса за национальными автономиями [ГА РФ, ф. 192, оп. 1, д. 2, л. 4–10].

Вариантов трансформации административно-территориального деления, в том числе на национальной основе, было много. Некоторые навсегда оставались лишь бумаж-

ными проектами или митинговыми лозунгами, но к реализации некоторых инициатив в бывших имперских окраинных губерниях приступили немедленно. При этом зачастую границы четко не определялись.

Так, по проекту Временного правительства при разграничении создававшейся Алтайской губернии с Семипалатинской областью определялись границы только населенных волостей. Лесные и горные территории – так называемые лесные дачи – фактически выпадали из этого разграничения. Правительство Колчака игнорировало обращения губернских органов. Несовершенство проекта привело к тому, что уезды и волости начали пытаться самостоятельно решать этот вопрос [Разгон, 2003, с. 189–191]. Причем менялись не только границы волостей, уездов и губерний, но и создавались новые, сливались или разъединялись существовавшие прежде, переходя из подчинения одного вышестоящего административного органа к другому. В докладе 1918 г. Алтайской губернской земской управы сообщалось, например, что в Змеиногорском уезде наметилось отделение к Семипалатинской области 7 волостей [Цит. по: Кузовкина, б.г.]. Аналогичная ситуация складывалась в тот период и в ряде других регионов.

Советские принципы разграничения

Советская власть приняла территориальные изменения, произошедшие при Временных и частично белогвардейских правительствах. Уже 2(15) ноября была опубликована «Декларация прав народов России», провозгласившая четыре основных принципа национальной политики советской власти: 1) равенство всех народов России; 2) право на отделение и образование самостоятельного государства; 3) отмена всех национальных ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств в составе каждого из народов [Образование СССР, 1972, док. № 3; Троцкий, 1990, с. 26].

Сторонники ленинского подхода категорически выступали против того, чтобы создавать советскую республику с полным контролем со стороны русских. В то же время на местах, особенно в бывших Степном и Туркестанском краях, где большинство городского населения составляли русские, такие представления были далеко не редким явлением. Так, на Третьем съезде Советов в Туркестане, проходившем в ноябре 1917 г., было принято решение, запрещавшее включение мусульман в руководящие органы [Чокай-оглы, 1993, с. 25]. Спустя три года центральный партийный печатный орган – газета «Правда» – с сожалением отмечала, что «в Туркестане до сих пор существует теория, что носителями диктатуры пролетариата здесь могут быть только русские» [Цит. по: Масанов, 2000, с. 287]. И далеко не все считали целесообразным создание автономий. По свидетельству замнаркома С. С. Пестковского, большинство представителей Наркомнаца минимум до 1921 г. считало, что «нет никакой необходимости в организации в России национальных республик и автономных областей. Территориальное деление должно идти исключительно по экономическому признаку... Организация республик и областей по национальному признаку является при советской власти компромиссом с мелкобуржуазным национализмом» [Троцкий, 1990, с. 33].

Идеи мировой революции и пролетарского интернационализма у большевиков сочетались с национальными идеями, составляя, казалось бы, эклектичный набор принципов и идеологем, на практике позволявший реализовывать различные варианты решения национального вопроса и разграничения, как его составляющей. Так, идея автономии по национальному признаку вполне благополучно уживалась с генеральной идеей пролетарского интернационализма. В этой связи заслуживает внимания гипотеза, согласно которой национально-государственное размежевание в Средней Азии и Казахстане по этническому принципу могло быть связано с перспекти-

вой экспорта революции в соседние страны – Афганистан, Иран, Китай, где сохранялись значительные группы казахов, узбеков, таджиков, туркмен и киргизов, потенциальных носителей революционных идей [Международные отношения, 2011, с. 141]. Т.е. параллельно с провозглашением принципа формирования подавляющей части автономий на национальных началах допускалась ситуация, именуемая в настоящем разделенной нацией, причем это относилось к разграничению как внутри РСФСР/СССР, так и вовне.

Ленинская национальная политика первоначально была направлена на политическое объединение народов центральноазиатского региона в составе одной республики – Туркестанской АССР, хотя еще в ходе Гражданской войны стали рассматриваться варианты национального размежевания существующих республик российской Средней Азии – ТАССР, БНСР и ХНСР и образования на их месте ряда национальных советских республик после народных революций в бывших протекторатах Российской империи – Бухарском эмирате и Хивинском ханстве [Рыскулов, 2017, с. 17].

На состоявшемся 21 ноября 1919 г. в Москве совещании делегатов II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока было принципиально поддержано совмещение принципов территориальности и экстерриториальности при решении предстоящих административно-государственных задач в Туркестане [Ленин, 1970, с. 462].

На III краевой конференции мусульман-коммунистов, состоявшейся в 1920 г., было принято решение о создании Тюркской советской республики. По мысли авторов проекта – Т. Рыскулова, Ф. Ходжаева и Г. Бех-Иванова, в нее должны были войти населенные тюркскими народами территории бывших Туркестанского и Степного генерал-губернаторств. Планировалось создание собственной тюркской Красной Армии, вывод частей Красной Армии за пределы создаваемой республики и упразднение Турккомиссии, созданной в 1919 г.

решением ВЦИК РСФСР, обладавшей к этому времени всей полнотой власти. Проект был отвергнут [Кадырбаев, Шаймерденова, 2012, с. 178–180]. Лидеры РСФСР, хоть и выступали за создание крупных национально-территориальных объединений, но все же не столь значительных. Идея пантюркизма, сквозившая в проекте, оценивалась в качестве вредной процессу установления и укрепления советской власти в центральноазиатском регионе. В том же, 1920-м, году в отношении проекта Турккомиссии В. И. Ленин считал необходимым рекомендовать ЦК и Совнаркому отклонить его и вместо единой республики «1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2). Детально выяснить условия слияния или разделения этих трех частей» [Ленин, 1980, с. 436]. Вероятнее всего, вождь революции не имел в виду создание конкретных республик, на что часто обращают внимание исследователи, считая, что тем самым прочие этносы могли лишиться суверенитета, а просто акцентировал внимание на необходимости разделения центральноазиатского региона по этническому принципу. И это явилось продолжением складывавшейся практики, – к тому времени уже получили автономию Киргизская и Туркестанская республики. Более того, большевики не исключали возможности сотрудничества с представителями местных национальных партий с условием признания последними необходимости утверждения советской власти и с учетом приоритетного для того периода принципа интернационализма трудящихся.

Важно отметить, что границы уже первых автономий строились на разных принципах. Так, границы Туркестанской Советской Республики (ТСР или ТАССР), образованной 30 апреля 1918 г., первоначально соответствовали границам Туркестанского края. Именно таким было решение V краевого съезда Советов [Съезды Советов, 1959, с. 254], проходившего в Ташкенте, ставшем административным центром

первой советской автономии. Т.е. здесь был применен принцип сохранения исторических границ, а сам край создавался преимущественно по территориальному принципу.

Башреспублика вошла в состав РСФСР на основании Соглашения Центральной Советской власти с Башкирским Правительством о Советской Автономной Башкирии от 20 марта 1919 г., которое предусматривало образование БАССР из ряда волостей Оренбургского, Бузулукского и Челябинского уездов. Ряд волостей Златоустинского и Стерлитамакского уездов оставались вне ведения Башкирского правительства до опроса населения. Железнодорожные коммуникации, пролежавшие по территории Башреспублики, оставались в прямом подчинении Центрального правительства РСФСР [Собрание узаконений, 1943, с. 653–656]. Иначе говоря, здесь мы видим применение сразу нескольких критериев: доминирующих национального и плебисцитарного, а также вспомогательного критерия экстерриториальности.

Созданная в 1920 г. Киргизская (Казахская) АССР (первоначально с административным центром в Оренбурге) включала в свой состав большую часть бывшего Степного генерал-губернаторства, а также «Букеевскую область /бывш. киргизскую территорию Астраханской губ.». При этом здесь, как и в случае с Башкирией, ряд территорий (Петропавловский, Омский и Кокчетавский уезды Акмолинской области и Кустанайский уезд Тургайской области) оставались спорными территориями, что и было зафиксировано в Декрете [ГА РФ, ф. Р1318, оп. 11, д. 40, л. 1–2]. При формальном вхождении в состав КАССР их подчинение должно было решаться Сибирским и Киргизским ревкомами с учетом таких факторов, как этнический состав населения, волеизъявление населения, а также в ряде случаев добавлялись такие дополнительные критерии, как процент пролетариата в регионе, требования охраны внешних границ, стремление к отсутствию чересполосицы (анклавов), традиционные экономиче-

ские взаимосвязи. Хотя, как и в случае с БАССР, последний фактор чаще всего решался посредством экстерриториальности и подчинения предприятий КАССР Сибревкому или реже правительству РСФСР и органам других субъектов РСФСР [ГА РФ, ф. Р1318, оп. 11, д. 6, л. 36–37 об.; ГА РФ, д. 12, л. 35, 99, 138; ГА РФ, д. 32, л. 9–10, 35, 95; ГА РФ, ф. Р1235, оп. 73, д. 180, л. 2–3; ГА РФ, оп. 74, д. 268, л. 1–2, 4, 7–8; РГАЭ, ф. 8001, оп. 1, д. 24, л. 85 и др.]. Обращает на себя внимание тот факт, что при разграничении участков от Каспийского моря до Алтайских гор крайне редко апеллировали к проведению границ по естественным рубежам (горы, реки, колодцы, овраги, леса и т.п.), что было чрезвычайно характерно для административного и межгосударственного деления в досоветское время.

По мнению ряда исследователей, Туркестанский край мог представлять угрозу Советской власти посредством формирования мусульманского государства или конфедерации. И якобы именно поэтому советское руководство решило расчленить Среднюю Азию по этническому принципу с искусственно перекроенной территорией, развитием языка и культуры преимущество многочисленных тюрко- и ираноязычных народов [Усубалиев, б.г.]. В этом мнении есть рациональное зерно: такая угроза существовала и вполне осознавалась советскими лидерами того времени. Вместе с тем абсолютизировать эту причину национально-государственного размежевания в Средней Азии и Казахстане не стоит. Важнейшими факторами к тому времени стали создание и интенсивная социально-политическая трансформация Советского Союза и решение серьезных экономических проблем, вызванных в значительной степени Гражданской войной. Тот же Сталин, первоначально поддерживавший идею создания крупных федеративных образований [См.: Безопасность и международное сотрудничество, 2022, с. 66–67; Голунов, 2008, с. 208], накануне образования СССР присоединился к позиции, от-

стаивавшейся Лениным, о необходимости создания многоуровневой федерации. Центральные органы лавировали между теми, кто выступал за территориальные принципы размежевания, и теми, кто жестко отстаивал принципы национального формирования. В письме к Л. Б. Каменеву по поводу внесенных правок в сталинский вариант документов о создании Советского Союза Владимир Ильич подчеркивал: «Важно, чтобы мы не давали пищи “независимцам”, не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик» [Ленин, 1982, с. 211–213].

Оперативно было выработано решение создать сначала только две союзные республики – Узбекистан и Туркменистан, а по остальным крупным этническим группам и занимаемым ими территориям вопросы оставались открытыми. ЦК и СНК поддержали идею, высказанную на X Съезде РКП(б) Сталиным, о многоэтапности такого процесса в Туркестане [Сталин, 1947, с. 22].

Показательно, что при решении вопросов о вхождении в состав СССР, создании новых автономий приоритет отдавался принципу «свободного волеизъявления трудового народа», который «является высшим законом» [Документы внешней политики, 1963, с. 513].

Иногда решения московских органов предшествовали созданию автономии, как это было с Киргизской Республикой, иногда следовали за проведенными на местах съездами и курултаями, как это было с присоединением Бухарской и Хорезмской республик. При этом этносы и население самоопределяющихся территорий (и/или их законные постоянные или временные представительные органы) становилось субъектами не только автономизации, но и делимитации.

Если не было естественных рубежей, межавтономные границы обычно никак не демаркировались. В то же время существовал механизм выставления на них кордонов. И иногда границы с автономиями оказывались близкими де-факто

к границам межгосударственным. Например, так можно рассматривать постановление ВЦИК о закрытии границ Семипалатинской области для въезда переселенцев в период голода 1921 г. (в 1921–1922 гг. в Кирреспублике голодало 1,2–2,3 млн человек [ГА РФ, ф. Р1318, оп. 11, д. 30, л. 19; Бен-Арнази, 1923, с. 47]). Аналогичная ситуация возникала несколько раз в среднеазиатских республиках при угрозе распространения эпидемий заразных болезней [ГА РФ, ф. Р1318, оп. 11, д. 31, л. 4; Струнников, б.г.]. Еще один вариант «закрытия» границ существовал со времен Российской империи, когда через Урал и Иртыш казахам запрещалось перегонять скот [См. напр.: РГИА, ф. 1291, оп. 82, 1884–1891 гг., д. 3, л. 423–423 об.; Крафт, 1898, с. 48, док. № 152 и др.]. Как ни странно, но такой опыт сохранился и при советской власти. Несколько раз Сибревком запрещал казахам – жителям КАССР – перегон скота. Дело доходило до обсуждения в СНК Киргизской АССР и обращения в СНК РСФСР для разрешения данного вопроса [ГА РФ, ф. Р1318, оп. 11, д. 42, л. 35]. Более того, между Кирреспубликой и Турккесреспубликой какое-то время существовала полоса с запретом въезда на нее для большей части населения, которая именовалась десятиверстной, точно так же именовалась полоса в Прииртышье (XVIII – начало XX вв.), куда сначала было запрещено вселяться как русским, так и казахам, но в конечном счете отошедшая в пользование Сибирского казачьего войска. В Туркестанскую десятиверстную полосу запрещалось перемещаться без особого разрешения, что объяснялось в первую очередь стремлением властей РСФСР пресечь спекуляцию продуктами питания, особенно хлебом [ГА РФ, ф. Р1318, оп. 11, д. 54, л. 30–32].

В 1921–1923 гг. активную роль в определении границ Киргизской и Туркестанской автономий играли местные ЦИКи, входившие с предложениями в Наркомнац. Причем Ленин лично поручил Сталину курировать этот вопрос, а он от своих

подчиненных требовал без предварительного его, Сталина, согласования не входить напрямую с этими вопросами к товарищу Ленину [ГА РФ, ф. Р1318, оп. 11, д. 8, л. 8, 87–88].

В 1920 году войска, дислоцированные в Туркестанской АССР, содействовали совершению революций в Бухаре и в Хиве, в результате которых были созданы Хорезмская и Бухарская Народные Советские Республики, с которыми 13 сентября 1920 г. и 4 марта 1921 г. соответственно были заключены договоры. Ряд принципов демаркации и делимитации государственной границы, легших в основу этого разграничения, позднее в том или ином качестве будет использован при национально-государственном размежевании в центральноазиатском регионе в рамках СССР.

Согласно заключенным договорам с советскими среднеазиатскими республиками РСФСР признавала утратившими силу договоры, заключенные бывшими правительствами России, с одной стороны, и правительствами Хивинского ханства и Бухарского эмирата, с другой. Ст. 10 договора РСФСР с ХНСР определяла принципы реального разграничения следующим образом: «при проведении и установлении границы в натуре упомянутая комиссия [по разграничению] руководствуется национальными и экономическими признаками, придерживаясь по возможности естественных рубежей, причем населенные пункты должны входить целиком в состав одного государства. В тех случаях, когда граница проходит по озерам, рекам и каналам, она проводится по середине этих водных пространств».

При разграничении учитывались и права этнических групп – среднеазиатских в России и русских в среднеазиатских республиках. Основанием для определения государственной принадлежности населенных ими территорий и их гражданства являлось решение съездов этих диаспор. Так, ст. 13 договора РСФСР с БСР гласила: «Согласно выраженного на Областном съезде Советов русских поселений

в Бухаре (октябрь 1920 г.) желания населения всей территории, поселения, подчиненные Исполнительному Комитету вышеозначенного съезда, РСФСР передает БСР со всеми вытекающими отсюда последствиями, отказываясь на вечные времена от всяких прав на них» [Образование СССР, 1972, Док. № 59, с. 141–142; док. № 75, с. 178].

Советское правительство стремилось создать в центральноазиатском регионе ряд союзных и автономных республик. Местные партийно-государственные органы в целом разделяли это мнение. С одобрения Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) 25 февраля 1924 г. пленум ЦК бухарской компартии, 3 марта 1924 г. – Исполбюро ЦК компартии Хорезма и 10 марта 1924 г. – ЦК компартии Туркестана признали необходимость национально-государственного размежевания. 12 июня 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О национальном размежевании республик Средней Азии», завершив тем самым процесс инициирования и заложив нормативную базу предстоящим качественным переменам. В первые годы после образования СССР в составе РСФСР был создан ряд новых автономных республик и областей. В октябре 1923 г. Хорезмская НСР, а в сентябре 1924 г. Бухарская НСР были преобразованы в социалистические республики. Кроме того, в Центральной Азии в составе РСФСР находились Туркестанская и Киргизская (с 1925 г. – Казакская) АССР. В октябре 1924 г. на базе прежних Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик были созданы союзные республики – Узбекская и Туркменская. Часть территории Туркестанской АССР была преобразована в Кара-Киргизскую автономную область в составе РСФСР, затем АССР, а в 1936 г. – в Киргизскую ССР. В составе Узбекской ССР в 1924 г. была образована Таджикская АССР, в 1929 г. преобразованная в союзную республику. С января 1925 г. в составе Таджикистана была образована Горно-Бадахшанская АО. В мае 1925 г. в составе Казахской (быв-

шей Киргизской) АССР была образована Каракалпакская автономная область. В 1932 г. Каракалпакия стала автономной республикой в составе РСФСР, а с 1936 г. автономной республикой в составе Узбекской ССР. В 1936 г. Казахская АССР была преобразована в Казахскую ССР [Безопасность и международное сотрудничество, 2022, с. 74]. В результате образовалось многоуровневое федеративное устройство, дополнявшееся к тому же автономиями уездов, волостей, районов и отдельных сельских сообществ. Именно эту сложную федеративную структуру современные историки и этнологи именуют «советской матрешкой», поскольку автономии включались одна в другую многократно.

Во всех центральноазиатских автономиях преобладало титульное население. Правда, не всегда оно доминировало, т.е. составляло свыше 50% от численности населения. В КАССР в момент создания казахи составляли менее половины населения, лишь после присоединения Семиречья и выхода из состава КАССР Оренбургской губернии этот процент возрос немногим выше 50. Еще меньший процент был в образованной Кара-Калпакской АО. Вопрос об ее административной принадлежности серьезно осложнялся полиэтничностью состава населения, где доля каракалпаков составляла 38,1%, казахов – 28,1%, узбеков – 27,6% [Манаков, 2020, с. 12], и даже при незначительном изменении границ это соотношение могло быть сдвинуто в любую из сторон (преобладания каракалпакского, казахского или узбекского населения).

Помимо реализованного на практике существовали и альтернативные проекты. На проходившем 10 марта 1924 г. совместном совещании туркестанских ЦК и ЦИК высказывались мнения о нецелесообразности размежевания по национальному принципу в связи с возможными чересполосицей, вероятной путаницей административного подчинения и негативными экономическими последствиями из-за разрыва традиционных связей. Звучала мысль и об отказе в присое-

динении к Киргизской АССР населенных преимущественно казахами районов Туркестана из-за угрозы возникновения территориально чрезвычайно крупной автономии казахов [Тиханова, 2011, с. 159].

Для понимания ситуации внутри региона, возможности более оперативного решения вопросов, а также для контроля над процессами размежевания было решено направить представителей Москвы в Среднюю Азию. В частности, при Средазбюро ЦК РКП(б) была специально создана Центральная территориальная комиссия по национальному размежеванию Средней Азии, в основе деятельности которой лежали два базовых принципа разграничения: 1) национальный состав большинства населения, подвергаемого разграничению территории, и 2) единство территорий новых государственных образований (отсутствие чересполосицы).

Ведущим исполнительным органом, занимавшимся подготовкой и реализацией национально-государственного размежевания, выступала Среднеазиатская комиссия по районированию, созданная 13 июня 1924 г. Ее руководителем стал представитель Совета Труда и Оборона (СТО) в Ташкенте, подчинявшийся СТО и Госплану в Москве. Им же, а также Админкомиссией ЦИК СССР обычно создавались комиссии по решению спорных вопросов при разграничении. А они возникали при каждом разграничении [См. напр.: ГА РФ, ф. 3316, оп. 18, д. 239, л. 70; Аманжолова, Атанов, Турарбеков, 2014, с. 98–99].

Взаимного согласия сторон достичь удавалось далеко не всегда. Обычно в спорах между разностатусными субъектами федерации приоритет отдавался стороне с более высоким статусом (например, союзной республике в споре с автономной областью или автономной республикой, мнение последних в ряде случаев вообще игнорировалось союзными органами [ГА РФ, ф. 3316, оп. 18, д. 241, л. 27]).

При общем разграничении спорные участки, на которые претендовали различные автономии, оставались. В своей аргументации чаще всего они обращались к декларирувавшимся принципам разграничения.

С 1923 г. – с момента образования первой крупной экономической Уральской области и в процессе районирования – все активнее стал применяться принцип экономической целесообразности. Следует отметить, что он стал доминирующим при решении большинства локальных (до уровня уезда) спорных вопросов при разграничении после образования всех союзных республик, поскольку на верхнем таксономическом уровне продолжал доминировать национальный принцип.

Не исключалось и вмешательство отдельных органов (ЦИКа, НКВД, Федкомзема, Госплана) и даже отдельных руководителей (В. И. Ленин, И. В. Сталин) в решение вопросов о принадлежности спорных территорий [См. напр.: ГА РФ, ф. 3316, оп. 18, д. 239, л. 2–3, 15, 17–22, 29; Чуев, 2019, с. 65].

Представляется уникальным сюжет по одному из участков казахско-киргизского разграничения, когда по итогам работы экспедиции по определению границ не были выработаны четкие рекомендации, а в официальных документах по разграничению в отношении нескольких долин малых горных рек ТурЦИК обратился в Комиссию по уточнению границ среднеазиатских республик с просьбой признать их «нейтральным пространством», которым могли пользоваться обе автономии [ГА РФ, ф. 3316, оп. 18, д. 239, л. 8].

Наличие многочисленных специальных временных и постоянных органов, занимавшихся вопросами разграничения, – экспедиций по обследованию границ, комиссий по районированию, аппарата УполСТО, паритетных комиссий и специальных совещаний и др., – а также постоянно действующих партийных и советских органов, в функциональные обязанности которых входило рассмотрение этих вопросов (парткомы, исполкомы, органы вну-

тренних дел и др.), многоуровневость этих специальных и неспециальных органов неизбежно порождали некоторую путаницу. К середине 1930-х гг. на местном уровне уже не могли определить, какие решения каких органов по отношению к каким участкам имеют силу и приоритет. На наш взгляд, это серьезно усиливало роль центральных союзных органов в решении многих вопросов, в том числе административно-территориальных споров. Ярким отражением этого процесса может являться, например, служебная записка Пясецкого – временно исполняющего дела начальника Всесоюзного картографического треста (ВКТ), входившего в тот период в структуру НКВД СССР, в Секретариат ЦИКа СССР за № С526/18 от 13 декабря 1936 г. Позволим привести цитату из этого документа: «При нанесении границ на карты Средне-Азиатских республик 3-я Картограф-фабрика встретила с необходимостью иметь официальные данные об утверждении описания границ ЦИКом СССР после национального размежевания 1924 г. Несмотря на все принятые меры, 3-й Картограффабрике не удалось отыскать указанные данные на местах – в Административных Комиссиях ЦИКов республик... ВКТ и просит о выдаче необходимой справки об утверждении ЦИКом описания границ и о времени их утверждения». Кстати, по специальному разрешению такие данные были «оперативно» (спустя почти шесть месяцев!) предоставлены Орготделом Президиума ЦИК Союза ССР [ГА РФ, ф. 3316, оп. 29, д. 803, л. 1, 3].

Как это нередко бывает, эклектичность и/или множественность использовавшихся принципов размежевания породила неудовлетворение результатами разграничения у приверженцев тех или иных принципов. Так, во второй половине 1920-х и в 1930-х гг. в рамках делопроизводственных обсуждений (переписки), на совещаниях и даже в публиковавшихся отчетах руководство РСФСР и СССР неоднократно признавало, что в результате создания со-

юзных и внутриреспубликанских автономий не удалось в полной мере учесть национальный принцип. С течением времени центральные органы все настойчивее рекомендовали учитывать при административно-территориальном делении не национальный, а экономический критерий. Более того, была поставлена задача унифицировать подходы к определению границ административных единиц в рамках СССР безотносительно национального принципа. В то же самое время адепты принципов экономического районирования также зачастую признавали половинчатость их применения, снижавшую эффективность от их внедрения [Аманжолова, 2014, с. 14–16]. И все же, на наш взгляд, именно эта эклектичность принципов разграничения, действительно в перспективе породившая определенные межгосударственные территориальные споры и ставшая одним из аргументов для политических сил, нагнетающих межэтническую и межгосударственную напряженность для достижения своих целей, а точнее, множественность факторов, которые могли выступать ведущими или сопутствующими в том или ином месте в тот или иной конкретный период, приводила к возможности разрешения или как минимум сглаживанию потенциальных противоречий. Более того, в совокупности с другими факторами она оказывала позитивное влияние на стабилизацию социально-политической и экономической ситуации в центрально-азиатском регионе, экономический и демографический рост внутри автономий, расширение и интенсификацию межреспубликанских взаимосвязей. И именно поэтому процесс национально-территориального размежевания в Средней Азии и Казахстане в довоенный период – процесс для региона позитивный, стабилизирующий.

На наш взгляд, наиболее четко изменение границ автономий характеризует процесс изменения их территорий. Самые значительные изменения происходили в первое двад-

цатилетие после революции. Вместе с изменением территории, естественно, изменялись и административные границы. Проследить этот процесс можно по данным, приведенным ниже.

Табл. 2.

Динамика площади территории центральноазиатских автономий в советское время (в тыс. кв. км)³.

Автономия/год	1921	1926	1935	1939	1966	1990
РСФСР	21004,5	19787,6	19638,6	16686,2	17075,4	17125,2
Киргизская (Казахская) АССР/ССР	2437,9	2983,6	2853,3	2734,7	2717,3	2724,9
Кара-Киргизская АО/Киргизская АССР/ССР	-	195,2	196,7	201,6	198,5	200,0
Узбекская ССР	-	310,0	172,0	410,5	449,6	448,9
Таджикская АССР/ССР	-	84,7	143,9	142,3	143,1	143,0
Туркменская ССР	-	491,2	443,6	484,7	488,1	491,2
Туркестанская АССР	181,4		-	-	-	-
Кара-Калпакская АО/АССР	-	124,0	125,7	206,3	165,6	166,6
Горно-Бадахшанская АО	-	50,0	61,1	66,8	63,7	64,1

³ Составлено нами по: [ГА РФ, ф. Р1318, 1921 г., оп. 11, д. 68, л. 11; Административно-территориальное деление, 1929, с. 14, 32–35; Административно-территориальное деление, 1935, с. VIII–XXIII; СССР, 1940, с. 22, 259, 270, 276, 277, 297; Сулькевич, 1940, с. 4; РСФСР, 1921, с. 16; Всесоюзная перепись населения, 1927, с. 2; СССР, 1965; СССР в цифрах, 1991].

Автономия/год	1921	1926	1935	1939	1966	1990
Хорезмская Народная Советская Республика	62,2	-	-	-	-	-
Бухарская Народная Советская Республика	182,2	-	-	-	-	-
Территория центральноазиатских республик, включая автономии РСФСР	2863,7	4188,7	3935,2	3973,8	3996,6	4008,0
Территория центральноазиатских республик, исключая автономные образования, входившие в РСФСР	244,4	801,2	759,5	3973,8	3996,6	4008,0
Центральноазиатские автономии в составе РСФСР	2619,3	3386,9	3175,7	-	-	-
СССР	-	21342,9	21153,6	21683,0	22402,2	22402,2

Заключение

Границы, сложившиеся после образования всех пяти центральноазиатских союзных республик в конце 1936 г., еще несколько раз изменялись. Однако эти изменения и подвижки были качественно отличны от глубинных трансформаций 1920-х – первой половины 1930-х гг. На крупномасштабной карте послевоенные изменения в регионе можно

и не заметить. По сути, именно в довоенный период сложились основные контуры тех границ, которые имеют постсоветские страны Центральной Азии в настоящее время. Тогда же сложились и критерии (принципы) разграничения. Основными стали национальный плебисцитарный и экономический (к последнему постепенно примкнул и принцип учета уровня пролетаризации населения, переставший являться показателем революционности, став аналогом уровня урбанизации), дополнительными (вспомогательными) – численность самоопределяющегося населения, размер территорий, занимаемых самоопределяющимся населением, уровень политической самоорганизации самоопределяющегося населения (наличие и активность политической элиты), удобство использования «естественных границ», потребности, связанные с охраной внешних границ, экспертная оценка, доступ к источникам водоснабжения, субъективный (волюнтаристский).

Критерии/*принципы*, по которым определялись границы, менялись с течением времени даже в столь короткий период. По степени важности/приоритетности и систематичности использования их можно разделить на две группы – основные и дополнительные.

При внутреннем размежевании в предвоенный период СССР формально отказался от применения принципов аннексии и оккупации при разграничении/размежевании внутри РСФСР, а затем и СССР, и принципа «давности» (или исторических претензий), существовавших в международном праве. При проведении разграничения декларировались неразделяемость населенных пунктов и избегание чересполосицы (образования анклавов/эксклавов), хотя на практике такие явления все же оказывались возможными.

Как показывает современная политическая практика, сторонники и противники сохранения статус-кво апеллируют к тем же принципам разграничения, какие сформировались

в период национально-территориального размежевания довоенного времени. Более того, с созданием СССР, а особенно с обретением бывшими автономиями полного суверенитета с распадом СССР эти принципы превратились в принципы межгосударственного разграничения, которые теперь де-факто, а в большинстве случаев и де-юре стали принципами международного права.

Монгольские ультиматумы в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина

Ю. И. Дробышев
ФГБУН Институт востоковедения РАН

Средневековые монголы прославились как непревзойденные воины и безжалостные завоеватели. В их арсенале было много военных хитростей, выработанных в степях веками. Не брезговали они и обманом неприятеля, обещая свою дружбу и суля всевозможные блага, но потом убивая доверившихся. Однако они не начинали военных действий без предупреждения. Монголы не боялись смерти, но все-таки предпочитали решать споры без битв, для чего отправляли послов, которые передавали ханскую волю, сначала, очевидно, только в устной форме, позже речь дублировалась письмами. Впрочем, так было не всегда. Насколько можно судить по тексту «Сокровенного сказания монголов», Тэмучжин в период консолидации своей власти, как, впрочем, и остальные степные вожди в ту эпоху, старался заставить врагов врасплох и обходился без переговоров. По-видимому, регулярные нападения монголов на тангутское государство Западное Ся (1038–1227) и на приграничные земли чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234) в самом начале XIII в. тоже не предварялись отправкой парламентаров. Во всяком случае, информации об этом в источниках нет, и можно думать, что ее и не было, так как первые вторжения в эти страны представляли собой

грабительские рейды, совмещенные с идеей мести: тангутам – за укрывательство врага, чжурчжэням – за прежние обиды.

Затем ситуация изменилась кардинально. Хотя начало Монгольской империи обычно относят к 1206 г., когда на торжественном курултае Тэмучжин был провозглашен ханом всех монголов и, в общем, всех остальных кочевников Центральной Азии, присоединение земель, населенных оседлыми земледельцами, началось лишь с 1215 г., когда пала Средняя столица Цзинь – Пекин. После этого монголы уже не уходили из Северного Китая, пока не покорили его весь. В ходе затяжной монголо-чжурчжэньской войны происходили переговоры, оставившие след в источниках. Конфликт с тангутами тоже породил переговорный процесс, но и в первом, и во втором случае, похоже, монгольские послания не имели четкой структуры, которая зафиксирована в источниках (прежде всего мусульманских и европейских) несколько позже – либо монгольские и китайские хроники по какой-то причине ее не отображали.

Первое письмо, которое Чингис-хан послал хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду (1200–1220), нельзя назвать ультиматумом. В нем великий хан обращается к владыке Хорезма как к независимому правителю. Его содержание дошло до наших дней в составе нескольких исторических трудов, самые ранние из которых принадлежат Шихаб ад-Дину ан-Насави (?–1249/1250) – личному секретарю последнего представителя династии хорезмшахов-Ануштегинидов Джалал ад-Дина Манкбурны (1199–1231), Абу Омару Минхадж ад-Дину Осману ибн Сирадж ад-Дину Джузджани (1193–после 1260), подвизавшемуся при дворе делийского султана Насир ад-Дина Махмуд-шаха I (1246–1266), и Ата-Мелику Ала ад-Дину Джувейни (1226–1283), поступившему монголам на службу. Все варианты, восходящие, по-видимому, к общему оригиналу, преисполнены внешнего миролюбия и призывают

к поощрению торговли между Монголией и Хорезмом. Однако субординация сторон показана различно. Если Джувейни не заостряет на этом вопросе внимания, то Джузджани демонстрирует полное равноправие двух монархов, якобы провозглашенное Чингис-ханом: «Я – повелитель восхода солнца, а ты – повелитель заката» [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, p. 966; Juvaini, 1997, p. 79]. Иной посыл заключен в варианте, изложенном ан-Насави: «От меня не скрыто, как велико твое дело, мне известно и то, чего ты достиг в своей власти. Я узнал, что твое владение обширно и твоя власть распространилась на большинство стран земли, и поддержание мира с тобой я считаю одной из своих обязанностей. *Ты для меня подобен самому дорогому моему сыну* (курсив наш – Ю.Д.). Не скрыто и для тебя, что я завладел Китаем и соседними с ним странами тюрок и их племена уже покорились мне» [ан-Насави, 1996, с. 73]. Полагаем, что низведение Чингис-ханом хорезмшаха до уровня сына не требует комментариев, но были ли эти слова в его письме на самом деле, возможно, навсегда останется тайной.

Изложение этого письма в сочинении знаменитого деятеля и историка Ильханата Рашид ад-Дина Хамадани (1247–1318) производит впечатление его комбинированного характера: начало и конец перекликаются с текстом Джувейни, что вполне логично, поскольку информацию о войне Чингис-хана с Ала ад-Дином Мухаммадом Рашид ад-Дин брал преимущественно у Джувейни, однако середина следует нарративу ан-Насави, и фраза со словами о «лучшем сыне» попадает в «Сборник летописей» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 188]. Конечно, это необязательно означает ее заимствование ильханским ученым именно у ан-Насави.

В наши задачи не входит пересказ событий, положивших начало монголо-хорезмийскому конфликту. Они хорошо известны, хотя и противоречивы [Бартольд, 1963, с. 460–468; Буниятов, 1986, с. 131–136; Тимохин, 2019, с. 215–251].

В русле заявленной темы отметим лишь, что Чингис-хан, похоже, не торопился начинать войну в ответ на уничтожение своего каравана в Отраре и в конце 1218 или начале 1219 г. отправил хорезмшаху еще одно послание с требованием выдать ему отрарского наместника, которое можно уверенно квалифицировать как ультиматум. Согласно ан-Насави, оно звучало так: «Ты даровал подписанное твоей рукой [обещание] обеспечить безопасность для купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил вероломно и нарушил слово. Вероломство мерзко, а со стороны султана ислама еще более. И если ты утверждаешь, что совершенное Инал-ханом сделано не по приказу, исходившему от тебя, то выдай мне Инал-хана, чтобы я наказал его за содеянное и помешал кровопролитию, успокоив толпу. А в противном случае – война, в которой станут дешевы самые дорогие души и преломятся древки копий»¹. Арабский историк Ибн ал-Асир (1160–1233), полагавшийся в описании этих событий больше на слухи, изложил только суть письма: «Вы убили моих людей и забрали их добро. Готовьтесь к войне! Я иду к вам с войском, которому вы не сможете противостоять» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 350]. Рашид ад-Дин по какой-то причине ограничился лишь упоминанием того, что Чингис-хан отправил к Мухаммаду послов с уведомлением о своем выступлении в поход и объяснением своего решения². Таким образом, здесь мы впервые сталкиваемся с документально засвидетельствованными ультимативными посланиями монголов, которые вскоре приобрели четкую форму и емкое идеологическое содержание, о чем пора сказать несколько слов.

Одновременно с новыми успехами монгольского оружия и расширением подвластных Чингис-хану территорий в монгольском обществе крепла уверенность в своей особой миссии – воплотить на всей земле волю Вечного Неба, а для

¹ [ан-Насави, 1996, с. 74]. Ср. с версией ас-Субки [ан-Насави, 1996, с. 306].

² Ввиду отсутствия текста этого ярлыка в труде Рашид ад-Дина мы не включаем его в наш счет [Рашид ад-Дин, 1952, с. 197–198].

этого было необходимо поставить под свой контроль все страны и народы. Поэтому имперская идеология монголов XIII–XIV вв. не предусматривала наличие независимых государств: все правители обязаны были признать над собой власть монгольского хана, в противном случае только маловероятная победа в войне с самой мощной армией средневековья могла обеспечить им суверенитет. Эти послания не осмысливались монголами как письма равным по статусу лицам, поскольку никого, равного их хагану, на земле просто не было и не могло быть. По существу, это были приказы господина холопу, в которых первый информировал последнего о необходимости выполнить то-то и то-то. Никакому обсуждению они не подлежали, а неподчинение подразумевало жестокую кару.

Первым, кто сумел вскрыть религиозно-политическую подоплеку монгольских требований покорности от всех без исключения, был американский философ и историк немецкого происхождения Эрик Фёгелин (1901–1985). Он проанализировал имевшиеся в его распоряжении тексты монгольских ультимативных посланий европейским монархам и папе римскому с такой тщательностью и проницательностью, что даже по прошествии более чем 80 лет к его выводам мало что можно добавить. Именно ему принадлежит блестящая идея видеть в растущей Монгольской империи не дикую орду, а “*Imperium mundi in statu nascendi*”, или “*World-Empire-in-the-Making*”. Э. Фёгелин обосновал мысль, согласно которой монголы считали себя выразителями и реализаторами Божественного порядка, который их усилиями должен был быть утвержден на земле [Voegelin, 1941, p. 378–413; Также см.: Richard, 1973, p. 212–222; Ruotsala, 2001, p. 100–109]. Их письма независимым до поры правителям декларировали этот порядок в первых же строках, которые он, как и П. Пельо, расценивал как обязательную сакральную преамбулу (ниже обозначено буквами а и б). Усилиями названных ученых была

выявлена инвариантная структура ханских ярлыков, которая, впрочем, в каждом конкретном случае могла иметь те или иные отклонения, о чем мы будем говорить на примере ультиматумов, извлеченных из произведения Рашид ад-Дина.

Э. Фёгелин суммировал ее так:

- a) ссылка на Бога,
- b) ссылка на императора (подразумевается Чингис-хан),
- c) имя автора (хана, от чьего имени написан ярлык),
- d) имя адресата,
- e) формулировка указа,
- f) формула, требующая принятия адресатом [Voegelin, 1941, p. 393].

Надо напомнить, однако, что несколькими годами ранее была опубликована статья В. Котвича, специально посвященная разбору инициальных формул монгольских указов и установлению значения составляющих их терминов, очевидно, неизвестная Э. Фёгелину [Kotwicz, 1934, p. 131–157]. Позже структуру монгольских ярлыков, в том числе жалованных грамот, исследовал А. П. Григорьев, тоже выделивший в их составе сравнительно стабильную вводную часть, которую он назвал «мотивировочной статьей». Она реконструируется следующим образом:

«Предвечного бога силою

великого благоденствия пламени покровительством

великого хана повеление наше» [Григорьев, 1978, с. 21].

В настоящее время вторая строка обычно трактуется как обращение к харизме Чингис-хана [Скрынникова, 2013, с. 186].

Надо полагать, что, независимо от авторства ярлыка и тем более от современных интерпретаций, самой значимой всегда была первая строка «Силой Вечного Неба!» (монг. *möngke tenggeri-yin güčün-tür*). Происхождение этой емкой формулы неясно. Самое раннее ее упоминание относится к 1230-м гг. и касается надписей на верительных дощечках – пайцзах

(монг. гэрэгэ). Согласно реляции южносунских дипломатов, побывавших у монголов в 1233 и 1235–1236 гг., «У татар [теперь] имеются только золотые пайцзы с тигриной головой, простые золотые пайцзы и простые серебряные пайцзы [согласно рангу чиновников]. Имеющие заслуги [чиновники] сами предоставляют золото и серебро, а татарский правитель дает разрешение, чтобы [эти чиновники] сами отчеканили пайцзы с вырезанными сверху уйгурскими [или мусульманскими] буквами, которые гласят не что иное, как: “Силою вечного Неба...” и т.д., весь этот текст на внешней стороне пайцзы» [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 54]. Затем аналогичная надпись появляется на печати хагана Гуюка и предваряет его указы, о чем свидетельствует оригинал его письма папе римскому, о чем будет сказано ниже. Это подтверждает и Плано Карпини, которому смысл слов на печати растолковал русский мастер Косма, эту печать изготовивший: «Поэтому их император так пишет в своих грамотах: “Сила Бога, император всех людей”»; а в надписи на своей печати так: “Бог на небе и Гуюк-кан на земле, сила Бога, печать императора всех [людей]”» [Плано Карпини, 2022, с. 165]. Если же мы обратимся к несколько более раннему свидетельству Чжао Хуна, побывавшего у монголов с дипломатическими целями в 1221 г., то не увидим ничего подобного. Посол сообщает не об уйгурских, а о китайских надписях на пайцзах, причем ссылок на силу Неба там нет. Все изложенное позволяет предполагать, что чеканная формулировка «Силой Вечного Неба!» была введена монголами в дипломатическую практику между 1221 и 1236 гг., скорее всего при хагане Угэдэе (1229–1241), но кто был ее изобретателем, пока неизвестно [Дробышев, 2015, с. 249]. И. де Рахевильц видел ее прообраз в тексте «Сокровенного сказания монголов»: “mōngke tenggeri-yin güčün-tür tenggeri qajar-a güčü auqa nemekdejü...” («Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь

истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои...») [Rachewiltz, 1972, p. 128; *The Secret History*, 2004, p. 819; Козин, 1941, § 224]. Тогда авторство можно приписать одному из предполагаемых составителей «Сокровенного сказания монголов» – Шиги-Хутуху (ок. 1184 – ок. 1266) из племени татар. Учитывая, что автор, скорее всего, должен был быть не только грамотным, но и опытным в бюрократических делах, вполне вероятны кандидатуры киданьского советника Елюя Чуцая (1189–1243), прославившегося реформами государственного управления и ритуалов, или уйгура (кереита?) Чинкая (1169 или 1171–1252), возглавлявшего после отставки Елюя Чуцая имперский секретариат. Это мог быть и известный уйгур Тататунга (?–после 1233) – хранитель печати найманского Таян-хана. Впоследствии эта сакральная преамбула встречается в разных типах ханских ярлыков в различных улусах Монгольской империи³.

К сожалению, оригинальных текстов монгольских ультиматумов почти не сохранилось; счастливым исключением можно считать письмо хагана Гуюка (1246–1248) папе римскому Иннокентию IV (1243–1254), обнаруженное в архиве Ватикана и написанное по-персидски, но с тюркской преамбулой [Pelliot, 1922–1923, p. 17–19; *The Mongol Mission*, 1955, p. 75–76; Путешествия, 1997, с. 393]. В нем идеи всемирного господства монголов выражены с шокирующей прямолинейностью и без малейшего намека на уважение к высокому сану адресата. Несколько писем монгольских ханов сохранились в этом архиве в латинских переводах [Lupprian, 1981]. Копия послания основателя Ильханата Хулагу (1217–1265) королю Франции Людовику IX (1226–1270), сделанная в 1334 г., была случайно найдена в Национальной библиотеке в Вене. По-видимому, оригинал был сразу написан на латыни служившим при дворе Хулагу европейцем Рихардусом. Несмотря на сравнительно миролюбивый тон, письмо дает ясно понять, что не-

³ Юаньские ярлыки см. в: [Поппе, 1941, с. 61, 65].

соблюдение королем своих обязанностей в помощи монголам по разгрому Египта неизбежно приведет его к той же печальной участи, что и их общих врагов – «сарацинов» [Meuvaert, 1980, p. 245–259]. В научный оборот введен еще ряд писем, в основном ильханов, искавших союзников в борьбе с египетскими султанами [Клюкин, 1925; Tisserant, 1946, p. 547–556; Mostaert, 1952, p. 419–506; Mostaert, Cleaves, 1962; Aigle, 2005, p. 143–162; Tanase, 2008, p. 333–347]. Ни одного такого письма и даже сообщения о контактах с Западом нет в труде Рашид ад-Дина, где вместо этого освещается ближневосточная дипломатия монголов. Впрочем, по части сохранения для истории монгольских ультиматумов, посылавшихся в Каир, первостепенное значение имеют сочинения египетских и сирийских авторов [Holt, 1986, p. 128–132; Allouche, 1990, p. 437–446; Amitai-Preiss, 1994, p. 11–33].

Вполне обычна ситуация, когда слова ультиматума включены в хронику, но лишь в редких случаях можно быть уверенными, что это цитаты. Чаще всего средневековый автор пересказывает текст послания своими словами, что-то опуская, а что-то, может быть, добавляя от себя⁴. Понятно, что мера доверия к каждому такому сообщению невелика, но, рассматривая их в совокупности, можно выявить в них определенную внутреннюю структуру, в общих чертах совпадающую со структурой известных науке подлинников.

Несколько ханских ярлыков с требованием подчинения привел Рашид ад-Дин. В отличие от ряда других монгольских посланий, они не привлекли большого внимания специалистов, очевидно, потому, что представляют собой более или менее вольные пересказы. Все эти ярлыки неполночленны. Прежде всего в них отсутствует сакральная формула «Силой Вечного Неба!» Чаще всего в «Сборнике летописей» ульти-

⁴ Примеры таких ультиматумов, порой сильно искаженных и сокращенных, можно найти в: [Армянские источники, 1962, с. 51; Смбат Спарпет, 1974, с. 132; Матузова, 1979, с. 152, 181; Гильом де Рубрук, 1997, с. 175; Жуанвиль, 2007, с. 117; Хаутала, 2015, с. 389].

матумы лишены и второй части, где дается отсылка к божественной силе основателя империи – Чингис-хана, а также к харизме ныне царствующего хагана, роль которого играл юаньский император. Этот факт бросается в глаза при сравнении текстов ильханских ультиматумов у Рашид ад-Дина и у арабоязычных историков, обычно дающих такие тексты целиком. Возможно, целевая аудитория, для которой писал Рашид ад-Дин, хорошо знала (и использовала) «стандартную» композицию официальных посланий, ввиду чего не было необходимости воспроизводить ярлыки полностью, и автор сразу переходил к существу вопроса⁵.

Важно заметить, что в большинстве случаев сохранена финальная формулировка, тоже показывающая связь политики и религии у монголов имперской эпохи. Она находится в достаточно точном соответствии с тем правилом, которое Джувейни изложил в своем труде «История завоевателя мира» среди законов, якобы учрежденных Чингис-ханом и получивших название «Великая Яса»: «В посланиях, которые он (Чингис-хан – *Ю. Д.*) посылал во всех направлениях, призывая народы к повиновению, он никогда не прибегал к запугиванию или насильственным угрозам, как это было принято у древних царей-тиранов, которые угрожали своим врагам размерами своей территории и величиной своего снаряжения и припасов; Монголы, напротив, в знак своего окончательного предупреждения написали бы так: “Если вы не подчиняетесь и не сдаетесь, то что мы знаем об этом? Древний Бог, Он знает”» [Juvaini, 1997, p. 25–26]⁶. Этот «Древний Бог»

⁵ В одном случае Рашид ад-Дин, следуя Джувейни, просто информирует читателя о том, что Чингис-хан выдал ярлык Рукн ад-Дину Карту (?–1245) – родоначальнику династии правителей Герата [Рашид ад-Дин, 1952, с. 208; Juvaini, 1997, p. 121–122]. Судя по тому, что в этом ярлыке перечислялись (несомненно, в целях устрашения) все убитые им полководцы султана, т.е. хорезмшаха, можно видеть в нем ультиматум, который Рукн ад-Дин принял.

⁶ Эту Ясу воспроизводит современник Джувейни Бар Эбройо (Абу-л Фарадж, 1226–1286) и добавляет от себя значимую деталь: «И в подобном поведении проявляется уверенность монголов в Господе. И этим они победили и будут побеждать» [The Chronography, 1932, p. 354].

и есть монгольское Вечное Синее Небо – Хух Мунх Тэнгри, божественная основа миропорядка, согласно которой вся поверхность земли должна принадлежать монголам. Следовательно, решение спорных вопросов, в том числе касающихся власти, монголы делегировали Небу, а поскольку они верили в небесное избранничество и покровительство Чингис-хана и его «золотого рода», такие решения могли быть только в их пользу, о чем ненавязчиво сообщалось всем противникам. Впрочем, несмотря на гарантированную Небом победу (случайные локальные поражения не в счет) и требование Ясы воздерживаться от угроз, ультиматумы порой во многом состоят именно из запугиваний. Если мы имеем дело не с оригиналом или хотя бы относительно точным средневековым переводом, а с пересказом летописца, опускающего начальные и конечные фразы, то текст ханского письма сводится к требованию покорности, которая обеспечит получателю ярлыка и его близким жизнь и безопасность и даже сохранит за ним трон, и описанию несчастий, которые неминуемы в случае сопротивления. Понятно, что ничего специфически монгольского в подобных ультиматумах не остается – такие послания мог рассылать буквально любой монарх в любой части земного шара.

Первый приводящийся Рашид ад-Дином ультиматум интересен своей датировкой. Он был передан жителям Нишапура в мае 1220 г. прославленными полководцами Чжэбэ и Субэдэем, которых Чингис-хан направил на поимку хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. Этот ультиматум занес в свои анналы Джувейни [Juvaini, 1997, p. 145], откуда его заимствовал Рашид ад-Дин: «Да ведают эмиры, вельможи и подданные, что всю поверхность земли от [места] восхода солнца до [места] захода господь всемогущий отдал нам. Каждый, кто подчинится [нам], – пощадит себя, своих жен, детей и близких, а каждый, кто не подчинится и выступит с противодействием и сопротивлением, погибнет с женами,

детьми, родичами и близкими ему!» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 211]⁷. Нишапурцы открыли ворота города и сохранили свои жизни. На сегодняшний день это самый ранний известный нам монгольский ультиматум, в котором провозглашается идея универсальной монархии. Его датировка и содержание вызвали в научном мире некоторые сомнения [Lane, 2003, p. 189; Jackson, 2006, p. 8–10; Jackson, 2017, p. 75, 450], но ряд обстоятельств позволяет не считать его анахронизмом. Наибольшее затруднение здесь вызывает претензия монголов на управление всем миром в то время, когда исход войны против хорезмшаха был далеко еще не ясен. Между тем использованный в ярлыке образ мирового пространства («от восхода солнца до захода»), якобы дарованного им Свыше, очень стар и встречается уже на стелах древних тюрков и уйгуров [Малов, 1951, с. 34; Кляшторный, 2010, с. 41]. Его можно видеть и в «Сокровенном сказании монголов» [Козин, 1941, § 201, 260]. Скорее всего, такие амбициозные заявления были всего лишь готовыми стереотипами, взятыми из степной дипломатической традиции, в которой «весь мир» уместался в границы степной зоны Евразии, а может быть, даже ограничивался восточной ее частью, примерно совпадающей с современной Монголией и Внутренней Монголией. Было бы нелепо заявлять под стенами городов Мавераннахра или Хорасана о том, что Небо даровало монголам власть только над всей державой хорезмшаха – и не более того.

В ярлыке нет начальных сакральных строк. Более того, в сочинении Джувейни первая фраза построена так, что даже непонятно, от имени кого выпущен ультиматум (Неба?); Рашид ад-Дин, не называя автора, все-таки позволяет предполагать или самого Чингис-хана, или монголов в целом. Отсутствует концовка со ссылкой на Божью волю. Однако все

⁷ Три года спустя они же выдвинули ультиматум русским князьям, решившим вступить за половцев, с характерной концовкой: «И прислаша к нимъ второе послы Татари, рекуще тако: “а есте послушали Половчъ, а послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы васъ не заяли, да всѣмъ богъ”» [Новгородская первая летопись, 1950, с. 62].

остальное выдает в этом фрагменте подлинный монгольский ультиматум.

Отправляясь в 1253 г. в Западный поход, Хулагу послал «падишахам и султанам Иранской земли» ярлыки с объяснением своей цели и требованием содействия. Неподчинение обещало обернуться большими неприятностями, поэтому эти письма тоже можно считать ультиматумами: «Мы идем согласно ярлыку каана (Угэдэя – Ю. Д.) с намерением уничтожить крепости еретиков (исмаилитов – Ю. Д.) и изгнать эту братию. Ежели вы, прибыв своей особою, окажете помощь и поддержку войском, оружием и припасами, [ваши] владения, дружины и жилища останутся вам и усердие ваше будет одобрено. Ежели же вы в исполнении указа допустите нерадивость и пренебрежете [им], то, когда силою всевышнего господа мы покончим с их [еретиков] делом, мы, не слушая извинений, обратимся на вас, и с вашими владениями и жилищами случится то же, что с [домами] их» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 25].

Как показало развитие событий, багдадский халиф Абдуллах ал-Мустасим Биллах (1242–1258) отказал монголам в военной поддержке и тем самым, возможно, окончательно предопределил свою судьбу⁸, о чем говорится в ультиматуме, который был ему доставлен летом 1257 г. от имени Хулагу. Это самый большой документ такого рода в сочинении Рашид ад-Дина. Он включает две стихотворные вставки. Начало здесь также отсутствует, но концовка есть, и она именно такова, какой должна быть согласно установлениям Великой Ясы. Сам текст если и не является копией ханского ярлыка, то, по-видимому, изложен очень близко к оригиналу. Заслуживает внимания ссылка на «древнего, извечного господа», под которым, как отмечалось выше, следует понимать Вечное Небо: «Когда-де мы воевали крепости еретиков, то посылали

⁸ Возможно, судьба Аббасидского халифата была решена уже в годы правления Гуюка, а вторжения монголов на подвластные халифу земли происходили и того раньше. Теперь же ал-Мустасим дал Хулагу убедительный повод для нападения.

к тебе гонцов и просили помощи ополчением, ты же ответил: “Я, мол, покоряюсь”, – а войска не прислал. Признак покорности и единодушия в том, чтобы ты во время похода на врага оказал помощь войском, ты же его не прислал и привел отговорку. Хотя дом ваш древен и велик и видел могущественный род, [однако]

*Сияние месяца бывает до тех пор,
Пока бывает скрыт блестящий диск солнца.*

Без сомнения из уст вельмож и простого народа до вашего слуха дошло о том, что произошло для мира и людей от монгольской рати, [начиная] с поры Чингиз-хана и поныне и до какой степени силою древнего, извечного господы были унижены дома Хорезмшахов, Сельджуков, меликов дейлемских, атабеков и прочих, которые все были великими и могущественными властелинами. Ни для одного из этих родов врата Багдада не были закрыты, и они там имели столицу. Как же они закроются для нас при той силе и мощи, что у нас имеется? Мы и раньше тебе советовали, да и теперь говорим: воздержись от вражды и борьбы с нами, не бей кулаком по стрекалу, не замазывай солнца глиною, а то пострадаешь. Однако то, что было, то было. Ежели ты разрушишь крепостные стены, засыплешь рвы и явишься повидать нас, препоручив царство сыну, а не хочешь явиться [сам], то пришьешь везира, Сулейман-шаха и даватдара, всех трех, чтобы они, не прибавляя и не убавляя, передали тебе наше слово, словом – ежели ты будешь повиноваться нашему указу, то нам не придется враждовать, и владение, войско и подданные останутся тебе. А ежели совета нашего не слушаешься, задумаешь противиться и враждовать, [тогда] строй войска и назначай поле битвы, потому что мы стоим, изготовившись и снарядившись [для борьбы]. Когда я в гневе поведу рать на Багдад, то, хоть в небе ты укроешься или в земле,

*Я низвергну тебя с небесного свода,
Снизу вверх подброшу тебя словно лев,
Не оставлю в живых никого в твоём царстве,
Огню предам города, края и земли твои.*

Ежели ты желаешь пощадить свой древний род, то внемли разумно моему совету, а ежели не послушаешься, тогда я погляжу, какова воля божия» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 35].

Поскольку халиф не последовал этим словам, Хулагу вскоре отправил в Багдад еще одно ультимативное послание, первая же фраза которого, надо полагать, должна была устранить сомнения в том, что победоносный монгол намерен идти до конца, поскольку он выполнял священную волю Неба: «Господь извечный избрал Чингиз-хана и род его и пожаловал нам всю землю от Востока до Запада. Всякий, кто покорно с нами заодно сердцем и словом, тому сохранится владение, достояние, жены, дети и жизнь, а тот, кто умышляет против [нас], ими не насладится. ... Любовь-де к высокому сану, богатству и суеде и тщеславие преходящего могущества так тебе вскружили голову, что даже слова благожелателей на тебя не влияют и уши не слышат советов и наставлений доброхотов. Ты свернул с пути отца и дедов своих, придется тебе изготавиться к сражению и битве, ибо иду я в Багдадскую землю с ратью [многочисленной], словно муравьи и саранча. Ежели переменится судьба, то на то воля всевеликого бога» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 36]. Последняя фраза усиливает эффект первой, опять подводя к тому, с чего было начато это послание, – «извечный господь» находится на стороне монголов, и противиться бесполезно.

Багдад пал 10 февраля 1258 г. и подвергся разграблению. Халиф встретил благородную, по монгольским понятиям, смерть: его казнили без пролития крови. Однако мир на Ближнем Востоке не наступил. В Сирии и Египте оставались враж-

дебные монголам силы – представители тюркских династий Айюбидов и Артукидов, и совсем скоро на сцену вышли непримиримые мамлюкские султаны.

Пятый ультиматум был отправлен Айюбидскому правителю ал-Малику ал-Насиру Салах ад-Дину Юсуфу (1236–1260), который изъявил монголам покорность еще в 1244 г., но с приходом Хулагу изменил свое мнение и не послал войска на штурм Багдада, а после взятия монголами столицы халифата опять решил примкнуть к победителям. Он отправил в Багдад посольство, но оно там Хулагу не застало и пошло по его следам в Азербайджан, где и было принято. В ответ Хулагу приказал знаменитому ученому Насир ад-Дину Туси (1201–1274) составить для ан-Насира Юсуфа письмо по-арабски, персидский список с которого приводит Рашид ад-Дин. По существу, это опять-таки не что иное, как ультиматум, обильно украшенный цитатами из Корана, но в том виде, в каком он до нас дошел, он мало походит на типичный монгольский ультиматум: «Мы расположились в Багдаде в лето 656 [1258]. 'Бедственно будет утро предостерегаемых'. Мы призывали его царя, а он отказался. И оправдалось над ним слово: 'и мы накажем его тяжким наказанием'. Мы призывали тебя к повиновению нам, и если ты придешь [с повиновением], то будет тебе 'покой и удовольствие', а если ты откажешься, то будет тебе позор и гибель. Не будь же таким, как роющий себе смерть своим копытом и как отсекающий себе нос своею рукой, а то ты окажешься 'в отношении поступков наиболее терпящим урон', [как] 'те, старания которых были тщетны в настоящей жизни, в то время как они полагают, что поступают хорошо', а господу [это дело] не угодно. Мир над теми, кто следует правильным путем» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 46]. Египетский ученый Джалал ад-Дин Абд ар-Рахман ибн Абу Бакр ас-Суйути (1445–1505/1506) в своей «Истории халифов» привел три письма Хулагу, написанных Насир ад-Дином Туси вскоре после падения Багдада и адресованных ан-Насиру

Юсуфу. По стилю все они подобны цитированному выше [History of the Caliphs, 1881, p. 499–450; Amitai-Preiss, 1995, p. 19–24; Lane, 2003, p. 220]⁹. Подробный разбор этой корреспонденции, сохранившейся в источниках XIII–XVII вв., осуществила Д. Эгль, полагающая, что мы фактически имеем дело с несколькими вариантами одного и того же письма (максимум двух), которые насчитывают до пяти различных линий передачи [Aigle, 2015, p. 199–218]. В конце концов ан-Насир вновь изменил свое решение и приготовился к войне с монголами, но тем самым лишь ускорил свою гибель [Humphreys, 1977, p. 333–363].

Шестой из пересказанных в «Сборнике летописей» ультиматумов был доставлен в крепость Мардин Артукидскому мелику Саиду (Наджм ад-Дину Гази I, 1239–1260) в 1259 г. также от имени Хулагу: «Спустись из крепости и повяжись поясом служения государю мира, дабы у тебя остались голова, жена и дети.

*Хоть замок твой крепок и превысок,
[Но] не хвастай крепостными стенами и [их] вершинами.*

Ибо ежели даже сама голова его [замка] достанет до неба, перед монгольской ратью он будет дорожной пылью. Ежели бы [даже] счастье и благополучие тебе оказалось другом, то ты все же послушай мое увещевание и поступи по нему, а ежели не слушаешь и поступишь наперекор, то господь извечный знает [что будет]» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 56]. Переговоры с меликом не достигли цели, так как он выразил монголам недоверие и привел примеры их вероломного обращения с теми, кто им поверил. Осада затянулась. В конце концов Саид отравил его собственный сын Кара-Арслан ал-Музаффар (1260–1292), сдал крепость монголам и был ими обласкан [Рашид ад-Дин, 1946, с. 56–57].

⁹ Об авторе и его труде см.: [Микульский, 2017(в), с. 54–59].

Седьмое ультимативное послание было адресовано мамлюкскому султану ал-Малику ал-Музаффару Сайф ад-Дину Кутузу (1259–1260), узурпировавшему власть в Каире; его зачин звучит близко к тому, что было во втором письме халифу: «Великий господь избрал Чингис-хана и его род и [все] страны на земле разом пожаловал нам. Каждый, кто отвернулся от повиновения нам, перестал существовать вместе с женами, детьми, родичами, рабами и городами, как всем должно быть известно, а молва о нашей безграничной рати разнеслась подобно сказаниям о Рустеме и Исфендияре. Так что, ежели ты покорен нашему величеству, то пришли дань, явись сам и проси [к себе] воеводу, а не то готовься к войне» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 46]. Не вполне понятно, сколько ярлыков было отправлено Кутузу в 1260 г. Р. Амитай-Прейсс говорит о письме Хулагу, сохранившемся в сочинениях Ибн ал-Фурата (1334–1405) и ал-Макризи (1364–1442), однако у последнего оно более длинно и перенасыщено угрозами и откровенным бахвальством, которые, если верить Джувейни, были запрещены Великой Ясой Чингис-хана. Удивительно, что сам Чингис-хан в нем вообще не упоминается, как, впрочем, и вышеупомянутые герои «Шахнаме». Ответом Кутуза была жестокая казнь послов [Lewis, 1974, p. 84–85; Amitai-Preiss, 1995, p. 36].

Если письмо было все-таки одно, но изложено по-разному, этому можно попытаться найти объяснение. Ибн ал-Фурат и ал-Макризи были египетскими историками и, следовательно, находились в противоположном лагере, нежели Рашид ад-Дин, писавший по заказу ильханов. Как известно, в сентябре 1260 г. удача изменила монголам, и в битве при Айн-Джалуте их войско под командованием нойона Кибучи было наголову разбито тем самым Кутузом. Египет так никогда и не покорился потомкам Хулагу, а успехи Газана (1295–1304) в Сирии оказались эфемерными. Ввиду этого воспроизводить столь вызывающий текст было все равно что

напоминать своим господам (и не только им) о неотмщенном позоре их предка, и, возможно, Рашид ад-Дин ограничился лишь кратким изложением сути письма.

Наконец, восьмой и последний из приводящихся в «Сборнике летописей» ультиматумов был отправлен в 1277 г. от имени ильхана Абаги (1265–1282) султану ал-Малику аз-Захиру Рукн ад-Дину Бейбарсу ал-Бундуктари (Бейбарсу I, 1260–1277), поднявшемуся благодаря воинской доблести от положения кипчакского мамлюка до владыки Египта. Если верить Рашид ад-Дину, гнев ильхана вызвало нападение Бейбарса на его вассала – Румский султанат, где монгольское войско вместе с румскими и грузинскими соединениями потерпело поражение в битве при Эльбистане. Концовка пересказанного Рашид ад-Дином текста позволяет думать, что в его основе лежал оригинал ильханского письма: «Вы внезапно, как воры, нападаете на моих караульных и дорожную стражу и небольшое число [их] убиваете, а когда весть доходит до нас и мы садимся [на коня], чтобы вас отразить, вы по-воровски обращаетесь в бегство. Ежели вы решили противостоять и сразиться, то выходите в поле как мужи и стойте стойко.

*Выходи-ка взглянуть на острие моего копья,
Попробуй-ка отвести в сторону повод [моего коня]!
Коль ты гора, то рухнешь с подножья,
А коли ты камень, то не останешься на месте.
Где ты мог видеть ратных людей,
[Ты], который не слышал [даже] лая лисицы.*

А ежели ты так и не выйдешь, то в начале зимы у моего войска твердое решение сразиться с вами, и во всяком случае, когда огонь нашего гнева доберется до Сирии, он дотла спалит у вас сырое и сухое, ибо древний бог отдал страны мира Чингиз-хану и его потомкам, а непокорных вождей привел

в ярмо повиновения нам. Каждого, кто воспротивится избраннику счастья, того постигнет несчастье» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 89]¹⁰. Бейбарс умер в том же 1277 г., возвращаясь в Египет, но это не принесло Хулагуидам заметных выгод, и они продолжили посылать в Каир угрожающие письма, впрочем, без какого-либо результата. Рашид ад-Дин не включил эти письма в свое произведение, их сохранили для истории другие, преимущественно египетские авторы.

Принимая во внимание высокую должность Рашид ад-Дина, открывавшую ему доступ в ханскую канцелярию, можно было бы ожидать от него цитирования или пересказа существенно большего количества ханских писем, чем он в действительности включил в свое сочинение. Создается впечатление, что персидский историк пользовался каким-то архивом, имевшим отношение прежде всего к Хулагу: шесть из восьми ультиматумов принадлежат ему¹¹; самый ранний, как обсуждалось выше, взят из «Истории покорителя мира» Джувейни и, скорее всего, был выпущен от имени Чингис-хана¹², а самый поздний относится к годам правления сына Хулагу Абаги. Корреспонденция остальных ильханов оказалась практически не затронута. Сейчас трудно выдвинуть какие-либо предположения о причинах такой избирательности. Вполне объяснимым кажется лишь отсутствие арлыков других линий Чингисидов.

¹⁰ Более раннее (1268/1269 г.) послание Абаги Бейбарсу приводится в сочинении египетского писца и историка Ибн Абд аз-Захира (1223–1293) и впоследствии используется Ибн ал-Фуратом. Оно начинается «стандартным» монгольским зачином «Силой высшего Бога, счастливой судьбой каана, приказ Абаги» [Amitai-Preiss, 1994, p. 16].

¹¹ Подробнее о дипломатии Хулагу см.: [Arom, 2021, p. 249–271].

¹² При этом Рашид ад-Дин почему-то не воспроизвел послание, направленное Хулагу имаму исмаилитов Рукн ад-Дину Хуршаху (1255–1256) в крепость Маймун-Диз через его брата, о котором сообщает Джувейни. Хуршаху велено было передать, что «если он разрушит крепость Маймун-Диз и лично предстанет перед царем (Хулагу – Ю. Д.), то, согласно великодушному обычаю Его Величества, он будет принят с добротой и почтением; но, если он не взвесит последствия своих поступков, один Бог ведает [что с ним произойдет]» [Juvaini, 1997, p. 716].

Во всех рассмотренных нами случаях монголы ссылаются на Господню волю, и можно допустить, что так было и в оригинале, ведь эти послания адресовались мусульманам, но для самих авторов писем это, конечно, была воля Вечного Неба, апелляцией к которой должны были заканчиваться ультиматумы согласно требованиям Великой Ясы. В то же время очень часто наблюдаются отступления от Ясы в том, чтобы не хвалиться своей силой и не угрожать противнику. Впрочем, в этом пункте мы находимся в полной зависимости от Джувейни, поскольку неизвестно, действительно ли Яса запрещала это или речь шла только о личном примере Чингис-хана.

Представленные в «Сборнике летописей» фрагменты ярлыков с требованием подчинения, отправлявшихся монголами разным адресатам в XIII в., можно считать подлинными, по крайней мере, в том отношении, что они адекватно передают суть, хотя по форме значительно редуцированы. Отсутствие в них сакральной преамбулы может объясняться ее хорошей известностью в тех кругах, которым было адресовано это сочинение, хотя, может быть, Рашид ад-Дин избегал ее нарочито, как наследие шаманистического прошлого ильханов. Однако и в таком усеченном виде ультиматумы подтверждают претензии средневековых монголов на главенство над всеми народами и согласуются с содержанием других известных науке ярлыков, сохранившихся полностью. Несмотря на неполноту и малочисленность, содержащиеся в труде Рашид ад-Дина монгольские ультиматумы представляют определенную ценность для воссоздания не только исторических событий, но и идеологии Монгольской империи.

**Праздник Навруз в историографии советского
и постсоветского Таджикистана
(вторая половина XX – начало XXI вв.)**

Ж. Б. Исамитдинов

Худжандский государственный университет
им. акад. Б. Гафурова

Навруз является одним из самых популярных и древнейших национальных праздников и имеет особую роль и статус в культурной жизни таджиков. В период независимости Таджикистана Навруз обрел новую славу как достояние национальной культуры и священный праздник предков. Предметом гордости является то, что каждый год Навруз отмечается на нашей скромной земле в благодатной атмосфере независимости и национального единства с особой искренностью и полной благодарностью.

Особенно после обретения праздником Навруз международного статуса (в 2010 году) внимание к его изучению и исследованию, публикации материалов Навруза постепенно возрастало, увеличивалось количество отдельных работ и тезисов и научных статей. Внимание исследователей больше всего привлекали вопросы истории и философии Навруза, места Навруза в национальной культуре и человеческой цивилизации, периоды развития, обычаи и традиции Навруза, способ приготовления Наврузского дастархана (стола).

Учеными и писателями, историками, журналистами, творцами и знатоками Таджикистана второй половины XX – на-

чала ХХІ века по вопросам Навруза и наврузоведения подготовлено и опубликовано много научных, художественных и информационных работ.

Празднование Навруза, обычаи, связанные с последней среди месяца сафар, «дед земледелец» и его функции, поверья, связанные с ним, обряды, имеющие целью вызывание или прекращение дождя, обряды и запреты, относящиеся к жатве и уборке урожая обобщены М. Р. Рахимовым [Рахимов, 1958, с. 76–83] на материалах Каратегина и Дарваза. Вопросы возникновения праздника Навруз, связанные с ним сказания, обряды и обычаи, их систематизацию, некоторые данные по вопросу об истории праздника на материалах Средней Азии, Азербайджана и Ирана раскрыл И. С. Брагинский [Брагинский, 1977]. Его исследование представляет исторический и познавательный интерес. Подробные сведения и о специальном гулянии – «Сайли Ширбудун», устраиваемом возле дворца Ширбудун Бухары, приведены в трудах С. Айни [Айни, 1960, с. 831–833] и Л. И. Ремпеля [Ремпель, 1982]. Известный этнограф А. К. Писарчик в своих исследованиях, посвященных празднику Навруз, обратила внимание на роли деревьев и растений в обрядовых действиях [Писарчик, 1989(а); Писарчик, 1989(б), с. 41].

Исторические истоки и прогрессивная сущность Навруза как истинно народного праздника, сохранившегося с древнейших времен и органически вошедшего в арсенал советской обрядности, анализированы в трудах Р. Ахмедова и М. Миррахимова [Ахмедов, 1978; Миррахимов, 1985]. В их работах содержится также ряд ценных практических рекомендаций по празднованию Навруза.

Фундаментальное исследование по истории земледельческих календарных праздников народов Востока провел А. Негмати. На основе тщательного сбора материалов из письменных исторических источников и этнографиче-

ских данных ему удалось впервые в таджикской историографии выявить и рассмотреть около двадцати наиболее известных земледельческих праздников древнеиранских народностей и таджиков, которые в различных формах и содержании дошли до наших дней. Значительная часть его книги посвящена историко-этнографическому анализу трех наиболее важных и популярных распространенных праздников: Навруз, Сада, Мехргон [Негмати, 1989]. Интересным также является его статья о Наврузе Худжанда [Негмати, 1986, с. 234–239].

Большой знаток таджикской фольклористики Лутфулло Бузургзаде свою работу «Праздник тюльпана (лола)» посвятил одному из старых народных праздников – «гули лола» [Бузургзода, 2001, с. 27–33]. Историк В. Набиев в своем исследовании, посвященном празднику «гули лола», проследил дальнейшую судьбу данного праздника [Набиев, 2001].

Особый интерес представляет историко-этнографическое исследование Худжанда и Истаравшана, в том числе народных и семейных праздничных обрядов, предпринятое Н. О. Турсуновым [Турсунов, 1989, с. 138–146; Турсунов, 1992, с. 187–199; Турсунов, 1993; Турсунов, 2008]. Интересный этнографический материал об обрядах, верованиях и легендах, связанных с земледелием долины Соха, в частности земледельческих праздниках, обрядах, связанных с посевом, поливом, дождем, урожаем, жатвой, молотьбой и уборкой урожая, представлен в книге У. Джахонова [Джахонов, 1989, с. 102–119].

О празднике Навруз в Бадахшане (на Памире) отдельную брошюру издали Н. Шакармамадов и О. Шакармамадов [Шакармамадов, 2003]. Они раскрыли такие понятия, как «Навруз Аджамы», «Сёгунбахар или Навруз мира», привели данные о некоторых отличительных чертах бадахшанского Навруза, оценили Навруз в качестве обряда земледельцев, обобщили

сведения о поклонении воде и огню во время празднования Навруза.

Таджикский исследователь Сафар Абдулло [Магия Навруза, 2007], проживающий в Казахстане, собрав в 2007 году книгу «Магия Навруза», представил наиболее научно значимые материалы о Наврузе на русском языке, а также переведенный с персидского языка ряд статей великих иранских ученых, таких как доктор Али Шариати, Али Акбар Деххудо и других. Временные рамки создания этих статей и исследований насчитывают более тысячи лет: Абурайхан Бируни (X век), Умар Хайям (XII век), Иностранцев и Шишов (начало XX века), Деххудо, Брагинский (середина XX века), Шариати (вторая половина XX века), Шукуров (начало XXI века) и т.д. Книга дает возможность широкому кругу читателей поближе познакомиться с историей зарождения этого праздника, рассказывает об особенностях Навруза у разных народов, о взаимопроникновении и взаимовлиянии различных культур и традиций. Сборник представляет ценную информацию об этом светлом празднике, который с древнейших времен и по настоящее время отмечают народы в Иране, Центральной Азии, Закавказье и некоторых других странах Востока [Бабаева, 2011].

В 2012 году ученые национального университета Таджикистана С. Косими и Б. Хабибулло составили учебно-методическую разработку в честь праздника Навруз [Путеводитель, 2012]. В данном пособии приведены сведения о становлении Навруза в качестве международного праздника, собраны статьи ученых Р. Ахмада, М. Р. Фасои, Х. Ёрзода, Х. Рахмони, С. Назарзода, А. Турсуна, Д. Рахимова, Б. Бузургмехра и др. о всемирном праздновании Навруза, об особенностях праздника Навруза в Таджикистане, а также в странах Центральной Азии.

В другой книге, изданной в Душанбе в 2012 году под названием «Навруз-наме», были собраны статьи иранских ав-

торов – сотрудников иранского посольства в Таджикистане [Навруз-наме, 2012].

В 2014 году П. Лутфуллоевым был составлен краткий словарь о Наврузе [Краткий словарь, 2014]. Книга содержит более 1200 слов, фраз и сочинений, посвященных Весне, Наврузу, обрядам, истории праздника, а также образцы из произведений и стихов ученых и поэтов.

В 2015 году Р. Ахмедовым опубликована во втором издании монография, посвященная сезонным обрядам таджиков Средней Азии [Ахмедов, 2015]. В данной книге Наврузу посвящён отдельный параграф под названием «Навруз и его обряды». Автор раскрыл обряды Навруза посредством фольклора и этнографических сведений.

В 2016 году отдельной книгой был издан сборник статей Эмомалӣ Рахмона [Рахмон, 2015], куда входили такие статьи и выступления, как «Пусть все дни твои будут Наврузом!», «Празднование победы света над тьмой», «Древний и мировой Навруз (Предисловие к «Наврузноме» Омара Хайяма)» (Душанбе, Адиб, 2012), «Добрые традиции Навруза бесконечны» (Поздравительное послание по случаю Навруза, 20.03.2003, г. Душанбе), «Символ созидания и возрождения природы» (Поздравление с Наврузом, 21.03.2006, Душанбе) и др.

В марте 2016 года в Душанбе проходил международный научный симпозиум, посвященный Наврузу и его роли в человеческой культуре и цивилизации. В симпозиуме с научными докладами выступили отечественные ученые К. Олимов, М. Хазраткулов, Б. П. Ализода, И. Махмадов, Л. И. Чигрин, А. Шохинбеков и др. Ими были освещены вопросы: Навруз как историко-культурное наследие таджикского народа, астрономические основы Навруза, Навруз и древний календарь арийцев, связь животных и птиц с ритуалами Навруза, Нравственная мудрость Навруза и т. п. Все доклады участников симпозиума были изданы в каче-

стве сборника статей [Вопросы изучения и исследования истории, 2016].

Со стороны известного таджикского литературоведа Н. Нурова в 2016 году была составлена книга под названием «Навруз-наме Согда» [Наврузнома, 2016], в котором были собраны статьи исследователей Согдийской области, в которых освещены краткая история Навруза и особенности проведения праздника в Худжанде, Девашчите, Исфаре, Фалгаре, Зеравшане, Матче, Ворухе, Истаравшане, Аште, Канибадаме, а также в Самарканде, Сариагачском районе Казахстана и таджикском селении Андарак Кыргызстана.

В 2016 году также был издан другой сборник статей посвященный Наврузу, ответственным редактором которого являлся академик Кароматулло Олимов [Культурные традиции, 2016]. В сборнике освещены такие темы, как статус Навруза в культуре независимого государства Таджикистан (К. Олимов), Навруз как этнонациональный ресурс художественной культуры (Л. Додхудоева), особенности песен «Суманак» в персоязычных странах (Р. Рахмони), символы и верования Навруза бадахшанцев (Н. Душанбиева), обряд «гулгардони» в Наврузе (Х. Муродиён) и др.

Интересные сведения об истории Навруза и его обрядах мы находим в сборнике статей, составленном А. Муроди [Навруз, 2017]. В статьях книги раскрыта роль основоположника мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в глобализации Навруза, приведены сведения об истории праздника, а также образцы из произведений и стихов ученых и поэтов.

Некоторые особенности празднования народного новогоднего праздника Навруз в Таджикистане освещены в трудах Ш. Хусейнзода [Хусейнзода, 1982], Р. Ахмедова [Ахмадов, 1978; Ахмадов, 1989; Ахмадов, 2010], М. Олимпур [Олимпур,

1988], А. Мирбобоева [Мирбобоев, 2010], Акбара Турсона [Акбар, 2010; Акбар, б.д.], Н. Нутова [Нутов, 2001], Дж. Исоматдинова [Исоматдинов, 1991, С. 27–28; Исоматдинов, 2010; Исоматдинов, 2011] и др.

Таким образом, значительная роль в изучении и исследовании национальных праздников и их возрождении, в том числе Навруза, принадлежит интеллигенции Таджикистана, опубликовавшей ценные тезисы и исследования, основанные на древних исторических источниках.

Калмак: от топонима к этно(поли-)тониму

Б. У. Китинов

ФГБУН Институт востоковедения РАН

В монголоведении (ойратоведении) и кочевниковедении одним из традиционно дискуссионных является вопрос об этимологии этнонима «калмык». Согласно распространенному мнению, так звались народы, которых объединяло неприятие ими ислама, а также народы, воевавшие против мусульман [Очерки истории, 1967, с. 56–57; Батмаев, 1993, с. 16–18]. П. С. Паллас писал о калмыках: «Я называю так [калмыками] по российскому произношению; а по произведению слов должно бы писать Халмаки или Халимаки, ибо Татара их так называют. Халимак на Татарском языке значит отступника» [Паллас, 1809, с. 455]. По В. В. Бартольду, «это слово выводится (вероятно, только народной этимологией) из глагола *калмак* („оставаться“); оно будто бы обозначает «оставшихся» язычниками ойратов в противоположность «вернувшимся» (глагол *донмек*) вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (мусульманам, говорящим по-китайски)» [Бартольд, 1968, с. 538]. Ц. Д. Номинханов также считал, что тюрки стали звать ойратов «„калмаками“ только потому, что ойрат-монголы не приняли ислам, а остались шаманистами или буддистами» [Номинханов, 1958, с. 100]. Современные калмыцкие ученые также отмечают, что этноним «калмык» был заимствован русскими у тюркоязычных народов, которые так издавна называли ойратов, которые были шаманистами [История Калмыкии, 2009, с. 12].

У. Э. Эрдниев понимал смысл «оставшиеся» не в религиозном, а в социальном контексте и оперировал этнонимом «калмык», которое в значении «остаться», «отстать», «кусок» использовалось для обозначения ойратов, «отошедших» от монгольского мира [Эрдниев, 1980, с. 90]. Следовательно, калмаки – это те же нынешние калмыки, «отделившиеся» от монголов. По О. Ф. Акимускину, «калмак (не калмык) – это тюркская форма для обозначения западных монголов, или ойратов (джунгаров)» [Акимускин, 1974, с. 43]. В. А. Моисеев указывал на различные определения калмыков их соседями: в китайских источниках ойраты названы как элеты (олоты), валатэ и т. д., мусульмане и русские звали ойратов калмыками (калмаками) [Моисеев, 1991, с. 7]. И. И. Дрёмов считал, что когда-то был особый народ *калмаков*, появившийся в Средней Азии не позднее второй половины XIV в. [Дрёмов, 2012, с. 113, 116].

Итак, выделяется две группы мнений: согласно одной, слово «калмак» связано с историей народа («отделившиеся»), согласно второй, оно имеет религиозное наполнение («оставшиеся»).

Действительно, слово «калмаки» часто соотносится с этнонимом «ойраты», хотя изначально оно не было связано с этим народом. На наш взгляд, имелся ряд причин, обусловивших соотнесение слова «калмак» с некими этническими группами; позже оно закрепилось за ойратами, причем религиозный фактор в последнем случае выступил основным.

Целый ряд сочинений мусульманских авторов XV в. уже содержит термин «калмак» в обозначении особой этнической группы: «Зафар-намэ» («Книга побед») Шараф ад-Дина Йезди (закончена в 1424–1425 гг.), «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей» Абд ар-Раззака Самарканди (закончена около 1475 г.), анонимное «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков») [Тизенгаузен, 1941, с. 201, 207]. Это слово могло использоваться как этнографический термин уже

в XIV в. в связи с политическими обстоятельствами: в середине XIV в. улус Чагатай распался на две части: западную (Мавераннахр, часть Восточного Хорасана, Афганистан) и восточную (земли к востоку от Мавераннахра), известную также как Могулистан (Моголистан). Что касается улуса Джучи (Золотая Орда), то он в рассматриваемое время в целом оставался крепким государственным образованием.

Подданные Чагатаидов и Джучидов следовали и буддизму, и исламу, были среди них и шаманисты, но серьезных межрелигиозных трений источники не зафиксировали. Например, джучид Токтатай (Тохта, правил в 1291–1313 гг.), по свидетельству Эльбирзали (1265–1340 гг.) «был неверным, державшимся) религии поклонения идолам, любил уйгуров, т. е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет... но более других уважал мусульман» [Тизенгаузен, 1884, с. 174]. Ситуация изменилась после его смерти, когда у власти оказался его племянник Узбек-хан (прав. в 1313–1341 гг.), при котором ислам стал единственной религией Золотой Орды. К тому времени относится наиболее раннее упоминание о калмаках как немусульманах:

«Когда Султан-Мухаммед Узбек-хан вместе со своим илем и улусом достиг счастья (удостоиться) милости бога, то по указанию таинственному и знаку несомненному святой Сейид-Ата всех их привел в сторону областей Мавераннахра, а те несчастные, которые отказались от преданности святому Сейид-Ата и остались там, стали называться калмак, что значит «обреченный оставаться». А когда каждого из тех людей, которые вместе со святым Сейид-Ата и Султан-Мухаммед-Узбек-ханом выступили в поход и шли (в Мавераннахр), спрашивали, кто эти идущие, то они избирали (для ответа) имя предводителя и царя своего, которое было Узбек. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками, а люди, которые остались там – калмаками» [Тизенгаузен, 1941, с. 206–207].

Таким образом, уже в первой трети XIV в. на часть кочевников Золотой Орды был перенесен термин «калмак» с религиозным подтекстом. Значит, к тому времени среди мусульман этого региона бытовало понимание этого слова как в чем-то противоположного религии ислама либо несовместимого с ним. Откуда могло взяться это слово? На наш взгляд, в понимании слова «калмак» как этнонима, а также в наименовании именно ойратов как *калмаков* / *калмыков* определяющую роль мог сыграть географический фактор.

В «Тарих-и Рашиди» отмечается: Каракорум и Калмак – это «исконные земли» Чингисхана [Хайдар Мирза, 1996, с. 366]. Вот как Мухаммад Хайдар определял это место: «На севере Кашар [граничит] с горами Моголистана, которые тянутся с запада на восток ... Те горы, с одной стороны, простираются до Шаша, а с другой, пересекая Турфан, упираются в земли калмаков» [Хайдар Мирза, 1996, с. 367]. Следует согласиться с В. В. Бартольдом, что «слово *калмак*, по-видимому, впервые появляется в *Зафар-наме* Шереф ад-дина Йезди как будто не как этнографический, а как географический термин. Говорится, что после изгнания монгольской династии из Китая в ее владении остались только ее «коренные области» (*юрт-и асли*), т.е. Каракорум и Калмак; позднее «эмиры ойратов» отняли у них и это» [Бартольд, 1968, с. 538]¹.

Калмак как страна и регион продолжал упоминаться и позже [Йязди, 2008, с. 356; Bretschneider, 1888, p. 167]. Например, полное название сочинения Сейфи «Таварих» («Хроника», закончена в 1582/1583 г.) в переводе с турецкого звучит следующим образом: «История правителей Индии, Синда, Хитая, Кашмира, Ирана, Кашгара, Калмака, Чина, многих прежних правителей, потомков Чингисхана, Хакана и Фагбура, и правителей Хиндустана, во время султана Мурад-хана, сына султана Селима. Составлена /ныне/ покойным

¹ Таким образом, ойраты, прежде пребывавшие на западе и северо-западе монгольского мира, со временем захватили эти земли – регион Калмак и бывшую столицу империи; из последней они будут вытеснены лишь в сер. XVI в. – Б.К.

дефтердаром Сейфи Челеби в 990 году (хиджры)» [Санчилов, 1987, с. 6–27, 9]. Очевидно, что Калмак – это регион между Кашгаром и Китаем, входившим в состав большого региона Семиречья и Восточного Туркестана. В эпоху завоеваний монголов его жители добровольно подчинились им и поэтому не пострадали от нашествия [Бартольд, 1898(а), с. 41]. Большая часть Семиречья (за исключением северной) вошла в улус Чагатай, туда же вошли и земли будущей Джунгарии.

В то время в плане религиозном этот регион тоже был примечателен: если в собственно Семиречье пребывали воинственные мусульмане, то илийские мусульмане отличались «слабым и мягким характером, избегали убийства и строго соблюдали посты» [Бартольд, 1898(а), с. 42]. В сер. XIII в. ислам не был главной религией населения района Или и севернее, и весь этот регион, включая южную часть, также известную как Могулистан, не сразу стал признаваться мусульманским, получив прозвание «Джете» («разбойник») [Bretschneider, 1888, p. 225]. Итак, Калмак был составной частью земель моголов: Э. Бретшнейдер приводит мнение П. де ла Круа, писавшем о «большой орде могольских ханов Калмака» [Bretschneider, 1888, p. 225, note 919].

Слово *Калмак* могло иметь следующую динамику появления и развития: к востоку от восточных окраин улусов Джучи и Чагатай, населенных мусульманами, лежал обширный регион под названием Калмак. Территориально это был регион, ныне известный как СУАР КНР (в основном его северная часть, район Джунгарской впадины), Западная Монголия и, возможно, часть нынешней провинции Ганьсу КНР. Знания мусульманских авторов о тех землях оставались ограниченными, что признавалось автором «Тарих-и Рашиди»: «Ту сторону, кроме [земель] калмаков, никто не видел и не знает» [Хайдар Мирза, 1996, с. 367]; следовательно, достаточно сложно точно идентифицировать, в частности, восточные границы Калмака.

Осенью 1661 г. иезуиты Йохан Грубер и Альберт Д'Орвиль посетили Лхасу по пути из Пекина в Агру (Индию), при этом они проехали через «Калмыцкую пустыню»; она находилась рядом с Тангутом. А. Кирхер отмечает: «У [этой] пустыни много имен. Марко Поло, венецианец, назвал ее пустыней Лоп (Lop Desert) ... Иногда татары называют эту пустыню Белгйа (Belgia) или Шамо (Samo). Китайцы называют ее Калмуком (Kalmuk). Другие называют это Каракатай (Caracathai), или «Черный Катай» (Black Cathay)» [Kircher, 1986, p. 58]. Очевидно, что это пустынное место имело много наименований, в том числе и Калмак (Калмук), которые не несли в себе этническую детерминанту, но обладали топонимическим значением. Подтверждением вышесказанному являются карты XVII в., например карта 1676 г., где указана местность под названием Colmak² (показана на месте, позже ставшем известным как Джунгария). На этой карте южнее Колмака, но севернее Турфана и Хами указана пустынная местность, обозначенная как Lop и Belgian, а собственно калмыки обозначены ближе к Каспию как Kalmucki Tartari. Аналогичные данные (та же местность названа Colmac, народ – как Kalmvki Tartar, показаны как соседи Nagaia у Каспийского моря) приведены на другой карте 1659 г.³

Жители Калмака звались *калмаками*. Вероятно, они в этническом отношении представляли собой смешанное население с определенным монгольским элементом и воспринимались как чуждые, немусульмане, с преобладанием шаманистов и буддистов⁴. Этим же словом стали именовать всех, кто не следовал исламу либо был враждебен к этой религии. Когда часть подданных Узбек-хана в первой половине XIV в.

² Карты см.: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/workspace/handleMediaPlayer?lunaMediaId=RUMSEY~8~1~285388~90058061> (дата обращения: 20.05.2021)

³ Карты см.: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/workspace/handleMediaPlayer?lunaMediaId=RUMSEY~8~1~305802~90076160> (дата обращения: 20.05.2021)

⁴ Скорее всего, эта земля в период Чингисхана (как одна из его «коренных областей») называлась монголами иначе, однако для тюрков это был Калмак – Б. К.

отказалась принимать ислам, то их прозвали уже известным мусульманам словом «калмак» с соответствующим смыслом. Неудивительно, что в краткий исторический период в самых разных краях, где жили мусульмане, «вдруг появился» «народ» *калмаков*.

Впоследствии прежнее (тюрко-мусульманское) название территории (Калмак) стало более соотноситься с ойратами и окончательно закрепились за северной частью этого некогда обширного региона, где они и обосновались. Позже его значительная часть стала именоваться *Джунгарией* в связи с наименованием ойратского народа, ее занявшего – *джунгарами*, однако это слово смогло сохраниться (в форме «Калмык») в прежней роли топонима у иных ойратов, перекочевавших в Прикаспий и Поволжье, где было создано Калмыцкое (иногда определяемое как Калмакское) ханство, и те ойраты стали более известны как *калмыки* (топоним стал этнонимом). Ойраты начали переселяться в Калмак еще при Чингисхане. Весьма ценную информацию, позволяющую определить перемещение ойратов из верховьев Енисея в сторону указанной территории, приводит францисканец Плано Карпини, посетивший ставку хагана Гуюка осенью 1246 г. В своих записях он отметил: «В земле... каракитаев Оккодай-хан (Угэдэй), сын Чингисхана, после своего назначения императором построил некий город, который назвал Омыл; вблизи него к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят, наверное, живут лесные люди» [Плано Карпини, 1997, с. 44]. Судя по всему, для местного населения то обстоятельство, что «лесные люди» оказались в их соседстве («вблизи... живут»), было внове, как и сам факт, что «люди из леса» оказались в пустыне. Географическое расположение описанных местностей, в частности, «великой пустыни», следует соотнести с Джунгарской впадиной.

Оказавшись в Калмаке, ойраты определенной частью стали воспринимать местные религии, в т. ч. и буддизм, который

и ранее был распространен у локального населения, и на них довольно скоро перешло то же наименование, которым обозначалось местное население, — *калмаки*.

Косвенные свидетельства о бытовании буддизма у ойратов в рассматриваемый период можно найти, например, в «Тарих-и Рашиди», где есть сведения о Туглук Тимуре (1329 / 1330–1363 гг.), первом правителе Могулистана, сыгравшем принципиальную роль в обращении местных тюркских народов в ислам. Он вырос среди калмаков. Согласно источнику, «Хан [Туглук Тимур] в возрасте 16 лет был доставлен из калмаков⁵ Амиром Буладжи; в возрасте 18 лет он стал ханом. В возрасте 24 лет был обращен в ислам⁶ и умер в возрасте 34 лет. Он родился в 730 году (1329–1330 гг.)» [Хайдар Мирза, 1996, с. 38]. В «Тарих-и Рашиди» не говорится, какой веры придерживался Туглук Тимур, пребывая у калмаков, однако есть малоизвестная информация в источниках тибетской школы Карма Кагью, где отмечено, что Ролпэ Дорджэ (1340–1383 гг.), четвертый черношапочный Кармапа лама, в 1363 г. получил приглашение от «правителя То-хора⁷ ... чагатаидского монгола Тоглаг Темура» [Richardson, 1958, p. 147], но отказался посещать Могулистан, поскольку ранее хан был обращен в ислам. Данный эпизод позволяет заключить, что Туглук Тимур был знаком с буддизмом, когда жил у калмаков, которым буддийские положения в первой половине XIV в. были в определенной степени известны, и это был буддизм школы Карма Кагью (черношапочная).

⁵ Вопрос об идентичности этих калмаков, т.е. их этнической принадлежности, является довольно запутанной проблемой. Здесь под калмаками подразумеваются, возможно, ойраты. Как писал В. В. Бартольд, «эмир Пуладчи в 1348 г. привез из Кульджинского края в Аксу, через проход Музарт, восемнадцатилетнего царевича Туклук-Тимура, объявил его внуком Тувы и заставил всех признать его ханом» [Бартольд, 1898(а), с. 69]. Упомянутый здесь проход Музарт – это перевал Музарт в этой части Тянь-Шаня (между бассейнами Или и Тарима, из Кульджи в Аксу), также известный как «Ледяной» – в «Тарих-и-Рашиди» указано, что Туглук-Тимур шел через «ледяную расщелину». [Хайдар Мирза, 1996, с. 26, 27] – Б. К.

⁶ Он стал мусульманином около 1353 г. – Б. К.

⁷ То-хор (Stod Hor) в тибетской историографии традиционно связывают с Восточным Туркестаном – Б. К.

Таким образом, хан Узбек и хан Туглук Тимур, два известных деятеля среднеазиатского исламского мира, жившие в один период времени, понимали религиозное значение слова «калмак», причем второй был родом из региона под названием Калмак. Сейчас сложно определить время, когда он стал так называться, но определенно можно утверждать о религиозном контексте этого слова.

Дополнительные данные о бытовании буддизма в Калмаке можно обнаружить в русских архивных материалах, где дается древнее мусульманское сказание, услышанное в 1724 г. от «бухарцев» русским посланником капитаном И. Унковским в период его пребывания у правителя Джунгарии хунтайджи Цэван-Рабдана (1663–1727 гг.):

«Сказывали бухарцы... пред сим за 334 года [1723–334=1389? – *Б.К.*] погребен Темерхаган, которого магаметане святым почитают, для того как он кочевал по реке Борталу. Тогда приехали к нему из Великой Бухары с торгом бухарцы. Между оными был один богомолец, и вышед из своей коши на высокое место, кричал гласно по закону своему магамецкому скликал на молитву прочих магаметан. То услышал помянутый Темерхан ... велел одного крикуна к себе привести и спрашивал для чего он кричал. Ответствовал что он прочих своих товарищей на молитву божию скликал. И по многим разговорам о законе положили залог. Чтоб тому магометанину с самым сильным Темерхановым человеком бороться и которой поборет тот и правом по закону быть ... и помянутый магометанин того сильного Темерханова борца трижды легко поборол того ради Темерхан принял магаметской закон и все его люди обрезались и с шапок залу (или кисти)⁸ в реку Борталу побросали и будто оными реку запрудили для того Темерхана магаметане святым почитают и над гробом его полаты построены» [АВПРИ, ф. 113, оп. 113/1, д. 1, 1724. л. 27–27 об.].

⁸ Улан зала – красная кисть на головном уборе ойратов, этноопределяющий маркер, позже воспринимавшийся как религиозный показатель верующих в буддизм. – *Б. К.*

Под Темерханом подразумевался Туглук-Тимур. Расхождение дат его обращения в ислам (около 1389 г., согласно легенде, и 1353 г. по «Тарих-и Рашиди») не представляется принципиальным; исходя из дат его жизни, верными следует признать сведения, приведенные М. Хайдаром.

Интересной представляется содержащаяся в документе информация о зала (*улан зала*). Во-первых, эта легенда подтверждает сведения «Тарих-и Рашиди», что Туглук-Тимур жил в Калмаке («он кочевал по реке Борталу»⁹, т. е. вырос *калмаком*), возможно, среди ойратов; во-вторых, информация о «бросании» *улан зала* (ойратского новшества) новообращенными в реку Борталу подтверждает информацию от Б.-У. Тюменя, что *улан зала* была введена у ойратов еще до начала второй трети 15 в. [Тюмень Батур, 2003, с. 125–154]; в-третьих, явно прослеживается восприятие мусульманами этой кисти как своего рода внешнего религиозного признака ойратов, исповедующих буддизм. В результате ойраты стали известны также как *улан залата калмаки* (калмыки) – калмаки с красными кистями на головных уборах. Поразительная схожесть ойратов с калмаками отмечена в хронике «Мин-ши»: «жители Илибалика¹⁰ во многом: в роде занятий («перегоняют скот, следуя водам и травам», трафаретная фраза для описания кочевничества), одежде, пище – схожи с вала» [Извлечения, 1994, с. 40], т. е. с ойратами.

Противостояние ойратов с соседними народами стало одним из факторов, в известном смысле ускорившим их буддизацию, с одной стороны, и повлиявшим на исчезновение в их среде ислама, имевшего незначительное влияние, с другой. В свою очередь, буддизация ойратов оказала определенное влияние на увеличение в их составе монгольского субстрата

⁹ Река Бортала протекает между горной грядой Борохоро и оз. Алаколь, впадает в оз. Эбинур и граничит с восточной окраиной Семиречья. – Б. К.

¹⁰ Илибалик (Илибали) – владение с центром в долине р. Или. Получило название после того, как могольский Вейс-хан под давлением ойратов был вынужден перенести свою столицу из места близ нынешнего Урумчи западнее, к р. Или. В Илибалике жили тюрки, вероятно, не все они были мусульманами – Б. К.

и, соответственно, уменьшение имевшегося тюркского. Важным внешним показателем, обозначавшим принадлежность к ойратам (маркером этничности), стала *улан зала* – красная кисть, носившаяся на верхушке головного убора. У ойратов, получивших этноним *калмаки* от соседей-мусульман, впоследствии произошла его трансформация в политоним, когда он распространился на ряд народов Южной Сибири, и даже более того – так могли звать и монголов, и китайцев, и тибетцев.

Ойраты воспринимались тюрками-мусульманами как враги ислама. Например, в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», где дается описание крупного и кровопролитного сражения между ойратским правителем Аш-Тимуром и шейбанидом Абу-л-Хайр-ханом близ г. Сыгнак в 1457 г., отмечается, что после того, как тюрки были разбиты и был заключен мир, «Уз-Тимур-тайши направил поводья решимости и могущества через Сайрам в сторону реки Чу, где находились его обоз и домочадцы... Оттуда со всем [своим] войском направился в сторону [страны] Калмак¹¹, которая являлась наследственным уделом его» [Кухистани, 1969, с. 169–170].

Итак, слово «калмак» закрепилось за ойратами, поскольку они были знакомы их соседям-мусульманам как шаманисты или последователи буддизма, по переселении из Восьмиречья (верховья Енисея) занявшими земли Калмака. Со временем среди них возрастала роль буддизма, они все более явно идентифицировали себя как немусульмане, и они сами восприняли это слово как этноним. С XV в. религия, а именно буддизм, становится для ойратов определяющим показателем идентичности. Это происходит в связи со становлением государства, которое должно было базироваться на определенной идеологии, имевшей потенциал противостоять праву чингисидов.

¹¹ Эта информация вновь подтверждает гипотезу, что в середине XV в. регион, где проживали ойраты, продолжал сохранять за собой название Калмак и находился восточнее бассейна Или – Б. К.

Поскольку к калмакам относили не только ойратов и монголов постюаньского периода, но и другие немусульманские, в том числе тюркские, народы (например, народы Алтая), то это слово, некогда топоним, сохранилось в виде этнонима и политонима.

Катаванская битва 1141 г. в мусульманских источниках XII – начала XIII вв.

Д. М. Тимохин

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Битву на Катаванской равнине между войсками сельджукского султана Му‘изз ад-Дина Абу-л-Хариса Ахмада Санджара (1118–1157 гг.) и кара-китайской армией, которая произошла в 1141 г., по праву следует признать одним из ключевых событий в истории Средней Азии в XII в. Дело в том, что победа последних не только привела к существенному ослаблению сельджукской власти в Хорасане, но и спровоцировала усиление региональных лидеров и начало их борьбы за самостоятельность по отношению к султану Санджару. Кроме того, кара-китай после битвы на Катаванской равнине распространили свое влияние на земли Мавераннахра, а также активно вмешались в политическую ситуацию внутри восточного Дешт-и Кыпчака [Подробнее см.: Бартольд, 1963, с. 45–597]. Наконец, весть о победе кара-китаев над мусульманским правителем в 1141 г. дошла до самых отдаленных уголков исламского мира, а также и до европейцев, став, таким образом, основой для формирования легенды о «пресвитере Иоанне» и восточном христианском государстве [См. например: Бартольд, 1893, с. 1–32; Nowell, 1953, p. 435–445; Bar-Ilan, 1995, p. 291–298; Denison Ross, 1926, p. 174–195]. Таким образом, значимость такого события, как битва на Катаванской равнине 1141 г., была абсолютно очевидна средневековым историкам, в связи с чем данный

исторический факт нашел свое отражение в составе различных, прежде всего мусульманских, сочинений. В связи с этим в рамках этой главы хотелось бы обратить внимание на особенности описания сражения на Катаванской равнине в составе различных мусульманских источников XII – начала XIII вв., то есть в составе домонгольской историографии. Помимо особенностей описания нас будет также интересовать и определенная историографическая преемственность в рассказе об этом событии в составе указанных сочинений. Это позволит лучше понимать, как формировался нарратив о битве на Катаванской равнине в книгах современников и более поздних авторов, как он эволюционировал, а какие его черты оставались неизменными. Кроме того, такое исследование позволит лучше увидеть связи между различными мусульманскими домонгольскими сочинениями сквозь призму описания данного сражения, что может оказаться полезно в дальнейшем. Наконец, стоит признать, что на фоне драматичных событий начала XIII в. битва на Катаванской равнине оказалась незаслуженно обойдена пристальным вниманием современных исследователей, и данная работа должна также вновь привлечь их внимание и к этому сражению, и к его описанию в исторических источниках.

Прежде чем рассматривать особенности описания битвы на Катаванской равнине в мусульманских сочинениях XII – начала XIII вв. приведем здесь краткую историческую справку относительно самого этого сражения и его последствий. Уже в классической работе В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» можно найти следующее описание этого события. «В Мавераннахре в 1141 г. произошло обычное столкновение между престолом и военным сообществом. Махмуд-хан¹ призвал Синджара на помощь против карлуков, и в июле в страну² вступило сельджукское войско.

¹ Караханидский правитель Самарканда Махмуд ибн Арслан-шах – Д. Т.

² Речь идет о Мавераннахре – Д. Т.

Карлуки обратились за помощью к кара-китайскому гурхану; гурхан, который в Баласагуне выступил защитником хана против отрядов кочевников, здесь принял сторону карлуков и ходатайствовал за них перед Синджаром. Оскорбительный ответ сельджукского султана вызвал новый поход кара-китаев на Мавераннахр; 9 сентября в Катванской степи произошла кровопролитная битва, кончившаяся полным поражением сельджукского войска. Воины Синджара были отеснены кара-китаями до Даргама; волны этого потока унесли до 10000 убитых и раненых; всего в битве пало до 30000 мусульман. Синджар бежал в Термез; вместе с ним покинул свои владения Махмуд-хан; вся страна подчинилась кара-китаем, которые в том же 536/1141–42 г. заняли Бухару» [Бартольд, 1963, с. 389]. По всей видимости, поражение армии султана Му‘изз ад-Дина Санджара в этом сражении не только поразило современников, о чем мы говорили выше, но и стало началом распада его державы: региональные правители, посчитав, что сельджукский правитель не сможет оправиться от такого разгрома, начинают прибирать к своим рукам его земли и даже грабят столицу его державы, Мерв [ал-Хусайни, 1980, с. 93]. З. М. Бунятов обращает внимание на то, что именно в 1141 г. хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Атсыз (1127–1156), воспользовавшись разгромом на Катаванской равнине, значительно расширяет свои владения. «Разгром армии Великого султана нанес сокрушительный удар престижу Сельджукидов на Востоке, и хорезмшах Атсыз не замедлил воспользоваться этим для расширения своих владений» [Бунятов, 1986, с. 14]. Несмотря на то, что султан Му‘изз ад-Дин Санджар сумел восстановить свою власть после этого поражения и даже временно усмирить своих наместников, он уже не вернул былое величие своей державе и не смог восстановить прежнюю военную мощь. «Другой удар по престижу султана Санджара был нанесен Гуридами, которые в том же 1152 г. разгромили войска Санджара под командованием эмира Кумача и захва-

тили Балх. После этого набиравшее силы государство Гуридов, которое считалось вассалом Санджара, захватило почти всю территорию другого государства – Газневидов, также зависимого от Санджара. Глава государства Гуридов Алад-Дин ал-Хусайн (ум. 1161 г.) вскоре после захвата Газны в 545/1150–51 г. объявил о своей независимости, перестал посылать в казну султана Санджара ежегодную дань, присвоил себе *унван* султана и стал демонстрировать свое пренебрежение к Санджару» [Бунятов, 1986, с. 23]. Окончательный крах державы султана Санджара произошел после событий «огузской смуты» 1153 г., которая предопределила и начало борьбы за его наследие между локальными правителями [Ибн ал-Асир, 2006, с. 252–254].

Возвращаясь к проблеме описания битвы на Катаванской равнине в мусульманских сочинениях XII – начала XIII вв., обратим внимание на памятники круга «сельджукской историографии», среди которых в первую очередь хотелось бы отметить «Нусрат ал-фатра ва ‘усрат ал-фитра» ‘Имад ад-Дина Исфакхани (1125–1201). В этом сочинении достаточно большой раздел посвящен указанному сражению, его причинам и последствиям для державы султана Санджара. Важно также отметить, что именно ‘Имад ад-Дин Исфакхани впервые фиксирует количество погибших воинов сельджукского султана, указывая тридцать тысяч человек [Histoire des seldjoudes, 1889, p. 276–280], что будет отмечаться и в других памятниках «сельджукской историографии», откуда их заимствует В. В. Бартольд [Бартольд, 1963, с. 389] и последующие исследователи [Пиков, 1989, с. 81–82]. Справедливости ради стоит отметить, что в рамках все того же «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» указания на потери сельджукского войска взяты, как отмечает и сам В. В. Бартольд, не непосредственно у ‘Имад ад-Дина Исфакхани, а у другого автора XII в. – Мухаммада ибн Али Раванди [Бартольд, 1963, с. 389, комм. 8]. Этот

автор в своем сочинении «Рахат ас-судур ва айат ас-сурур» действительно приводит те же цифры в отношении погибших воинов султана Санджара в битве на Катаванской равнине. «Иль-хан («الخان») неверных хитаи выступил против них с бесчисленной, как песок, армией, и за ним двинулась кавалерия карлуков [численностью] тридцать четыре тысячи воинов, и войско Хорасана оказалось бессильным. Лишь три тысячи человек [спаслись] из числа тридцати четырех тысяч прославленных эмиров и высокопоставленных чиновников и столпов государства, которые были убиты. И в эту эпоху не было описано ничего подобного. [Во время сражения] султан не решался двинуться ни вперед, ни назад. [Тогда] Тадж ад-Дин Абу ал-Фазл сказал, что если султан останется на месте и не попытается покинуть поле боя, то такое [его] упорство не будет похвальным. Султан Санджар с тремя сотнями воинов начал прорываться через войско неверных и, когда ему это удалось, с ним из того числа воинов спаслось лишь пятнадцать человек. Оттуда [он] бежал в пустыню, где нашел тюркских проводников, и сумел добраться до Балха и засел в укрепленном Термезе» [Ravandi, 1921, s. 173]. Вероятно, подобные общие сведения в трудах ‘Имад ад-Дина Исфахани и Мухаммада ибн Али Раванди свидетельствуют о связи между двумя этими историческими сочинениями, однако нам хотелось бы обратить внимание на любопытный термин, использованный последним из упомянутых авторов в отношении предводителя кара-китаев.

Уже В. В. Бартольд отмечает тот факт, что правители кара-китаев носили титул «Гур-хан» («قور خان»), и в его специальной статье, посвященной этой титулатуре, не упоминаются примеры, когда кара-китайским правителям в мусульманских источниках мог быть присвоен иной титул, кроме этого [Бартольд, 1968, с. 528; Бартольд, 1968, с. 542–546]. Современные исследователи также указывают применительно к этой державе и ее правителю только титул «Гур-хан» и не при-

водят иных вариантов титулования. «В то время как титул китайского императора был прямым продолжением титулов Ляо, титул Гурхан не оспаривался до времен Даши. Значение этого названия, всеобщий Хан или Хан Ханов, можно найти в мусульманских и монгольских источниках. Его коннотация во Внутренней Азии также очевидна, но его точная этимология все еще остается дискуссионным вопросом. Однако, взятый вместе с именем китайского императора, новый титул отражает двойную легитимацию Кара Хитаев, китайскую и внутриазиатскую» [Biran, 2005, p. 38–39]. Возвращаясь к приведенной нами цитате из текста Мухаммада ибн Али Раванди, еще раз отметим, что причина, по которой этот мусульманский историк награждает правителя кара-китаев титулом «Иль-хан» («الخان») вместо привычного для них титула «Гур-хан», остается вне поля зрения исследователей. Как нами отмечалось в специальном исследовании, Мухаммад Икбал, чьими стараниями издание текста «Рахат ас-судур ва аят ас-сурур» увидело свет, предложил читать этот титул как «Ата-хан» («اتخان») [Ravandi, 1921, s. 172, comm. 6], однако ни он, ни Генри Раверти, который также рассматривал этот сюжет, не смогли привести убедительных доказательств в пользу этого прочтения [Tabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 154, comm. 2]. С нашей точки зрения, употребление титула «Иль-хан» следует объяснять следующим образом: одним из важнейших противников кара-китаев в Восточном Туркестане был Караханидский правитель Кашгара, Ахмад-хан ибн ал-Хасан, который согласно анонимному персидскому сочинению 1133 г. даже сумел одержать победу над одной из кара-китайских армий [Бартольд, 1898(б), s. 37–38]. Однако затем держава этого правителя пала под натиском нового вторжения кара-китаев, о чем сообщает, в частности, Ибн ал-Асир в «ал-Камил фи-т-тарих», сообщение которого крайне важно, с нашей точки зрения, для решения обозначенной выше проблемы. «Еще до этого, в пятьсот двадцать втором

году³, Кривой (Одноглазый), а он гурхан ас-Сини, достиг границ Кашгара с большим числом [воинов], какое знает только Аллах. Против него вооружился владетель Кашгара, то есть ильхан Ахмад ибн ал-Хасан. Он собрал свои войска и вышел к нему. Они встретились, сразились и Кривой ас-Сини, гурхан, был разбит и много его сторонников было убито. Затем [ильхан Ахмад] умер, и его место занял гурхан ас-Сини. А это [слово], то есть «гур» на китайском языке [означало] прозвище величайшего из царей, а [слово] хан – прозвище тюркских царей, означающее «величайший из царей». Он надевал царскую одежду из покрывал и вуалей. Он был манихеем» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 244; Ibn al-Athir, 1876, s. 55]. Ибн ал-Асир именует правителя Кашгара «Иль-ханом», что позволяет нам предположить следующее: указание на то, что владыка кара-китаев носил тот же титул в более раннем сочинении Мухаммада ибн Али Раванди может быть связано именно с этой победой над Ахмад-ханом ибн ал-Хасаном. Автор «Рахат ас-судур» мог либо наградить правителя кара-китаев подобным титулом в честь указанной победы и включения в состав его владений Кашгара, либо банально не знать о титуле «Гур-хан» и использовать в своем описании более известный ему, по видимому, титул «Иль-хан».

Справедливости ради стоит отметить, что не исключена вероятность того, что приведенный Мухаммадом ибн Али Раванди титул кара-китайского правителя и такой же титул, которым Ибн ал-Асир награждает Караханидского правителя Кашгара Ахмад-хана ибн ал-Хасана, следует читать не как «Иль-хан» («الخان»), а как «Илек-хан» («ایلیک خان»). Значение обоих терминов и титулатур, а также связанные с ними понятия подробно рассмотрены в исследовании «Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung» на самом широком материале [Rybatzki, 2006, p. 79–86], однако здесь нас интересует

³ 1128 г. – Д. Т.

в большей степени исторический контекст. Уже В. В. Бартольд связывает титул «Илек-хан» с Караханидскими правителями в своей специальной статье «Илек-ханы» [Бартольд, 1964, с. 519–520], однако гораздо более подробно о нем пишет О.К. Караев в своей классической работе «История Караханидского каганата (X - начало XIII в.)» [Караев, 1983]. «Другим термином является «илек-хан», впервые введенный в науку нумизматами С. Торнбергом и Б. А. Дорном. Первую часть этого термина, встречающегося в мусульманских письменных источниках и в надписях того времени в форме ايلک, ايليک, ايلک, ученые расшифровали по-разному: илик, илек, (илак) и елик» [Караев, 1983, с. 87–88]. В другой части своего исследования О. К. Караев развивает свою мысль относительно титулатуры Караханидских правителей, указывая конкретные источники, где упоминается понятие «Илек-хан». «Таким образом, в разночтении титула «илик», «илек», «елик» – верной считаем последнюю форму, но при этом допускаем возможность существования варианта «илик». В дальнейшем в нашей работе употребляется термин «елик». Впервые титул «елик» встречается у караханидских правителей Сулеймана и Мусы, сыновей Сатука Абд ал-Керима кара-хана. Впоследствии этот титул носили многие представители династии Караханидов. Мусульманские авторы превратили титул елик в собственное имя Насра ибн Али, завоевателя Мавераннахра. В дошедших до нас восточных письменных источниках династия Караханидов называется «ал мулук ал-хания (или ал-хакания) тюрок (или Туркестан)», «ильханы», «ильханиды» и «потомки (или роды) Афрасиаба». Эти наименования, за исключением последнего, возникли на основе титулов – «хан», «хакан», «елик». Караханиды, по-видимому, ради того, чтобы придать своей власти законный характер, выдавали себя за потомков легендарного владыки тюрок Афрасиаба» [Караев, 1983, с. 89–92].

Что касается примеров из памятников мусульманской историографической традиции, то здесь О.К. Караев приводит ссылку на тот же рассказ из сочинения Ибн ал-Асира, который был представлен выше [Караев, 1983, с. 90, комм. 2]. Со своей стороны отметим, что упомянутое О. К. Караевым использование интересующего нас титула в качестве маркера при описании завоевательных походов ранних Караханидских правителей – действительно часто встречающееся явление в мусульманских источниках. В частности, в приложении к изданию перевода сочинения Абу-л-Фазла Байхаки «Тарих-и Мас’уди» составители приводят отрывок из более позднего сочинения Сеид ад-Дина Мухаммада ибн Мухаммада Бухари ‘Ауфи – «Джавам ул-хекайат ва лаваме ур-ревайат» [Бартольд, 1963, с. 83; Elliot, Dowson, 1871]. В приведенном фрагменте можно найти, в частности, следующие сведения: «А покойный илиг-хан еще ранее подчинил себе владение Мавераннахра, однако все время страстно стремился завладеть Хорасаном, чтобы Хорасан и Мавераннахр были под его властью, как то было во времена потомков Самана. Однако, поскольку Йамин ад-Даула был силен, мечта его не сбывалась, покуда однажды султан не пошел на Мультан и Хорасан не лишился его величия и благодати. Илиг-хан воспользовался удобным случаем его отсутствия и назначил Субаши-тегина с десятью тысячами стойких воинов, чтобы они переправились через Джейхун, захватили хорасанские места и ограбили. Советники и старшины державы укоряли его за это и говорили: «Негоже тягаться с государством Махмуда, ибо он человек могущественный». Илиг-хан стоял на своем и говорил: «Такая благодатная страна возбуждает притязания»» [Байхаки, 1969, с. 893]. Таким образом, на основании приведенных сведений из источников и исследований современных ученых можно с уверенностью заявить о том, что использованный Мухаммадом ибн Али Раванди в отношении предводителя кара-китаев титул «Иль-хан» («الخان») скорее

всего связан с Караханидскими правителями Восточного Туркестана. Само по себе употребление данного титула в «Рахат ас-судур» при описании битвы на Катаванской равнине может быть объяснено либо тем, что мусульманский историк не знал настоящий титул правителя кара-китаев и использовал известный ему термин, относящийся к Караханидским правителям, либо тем, что захват кара-китаями Кашгара и уничтожение ими власти Караханидов в Восточном Туркестане позволили Мухаммаду ибн Али Раванди «передать» правителю захватчиков титул «Иль-хана» («الخان») в связи с одержанной победой.

Возвращаясь к описанию сражения на Катаванской равнине в мусульманских источниках XII – начала XIII вв. приведем описание этой битвы в составе еще одного памятника «сельджукской историографии» – «Сельджук-намэ» Захир ад-Дина Нишапури. «Также распространился повсюду слух о неверных хитах, которые намеревались [отбить] исламские города и земли Мавераннахра у войск Хорасана и множество верных тюркских и таджикских слуг [султана Санджара] этим событием были бы опечалены. Однако вся военная сила Ирака была разгромлена и обращена ими [кара-китаями] в бегство: когда окраины того региона [Мавераннахра] взбунтовались и с мольбой обратились к неверным, армия [Санджара] проявила некоторое высокомерие и вообразила себе, что никакая сила не способна оказать им сопротивление. Сто тысяч великолепных всадников были отправлены [Санджаром] на войну и от них исходило хвастовство и самонадеянность. Хан неверных хитаи против них отправил бесчисленное войско и тридцать четыре тысячи всадников Ирака были убиты и ранены, а из их числа – две тысячи прославленных амиров и должностных лиц, так что ни до, ни после никто не писал ни о чем подобном» [Nishaburi, 1953, s. 46]. На первый взгляд, это сообщение о сражении на Катаванской равнине, которое приводит Захир ад-Дина Нишапури, отличается от рассказа

‘Имад ад-Дина Исфакхани и Мухаммада ибн Али Раванди: потери сельджукского войска в этом сражении оцениваются в тридцать четыре тысячи человек, из которых две тысячи были военачальниками и представителями знати, в то время как у Исфакхани они оцениваются в тридцать тысяч [Histoire des seldjoudes, 1889, p. 276–280], а Раванди пишет, что «лишь три тысячи человек [спаслись] из числа тридцати четырех тысяч прославленных эмиров и высокопоставленных чиновников и столпов государства, которые были убиты» [Ravandi, 1921, s. 173]. Впрочем, при внимательном чтении становится понятно, что разница в описании битвы на Катаванской равнине у Нишапури и Раванди не столь уж и велика: последний также приводит сведения о том, что общая численность сельджукского войска составила сто тысяч человек, как это видно и в тексте «Сельджук-намэ» [Ravandi, 1921, s. 172]. Далее вспомним окончание рассказа о битве на Катаванской равнине в составе «Рахат ас-судур» Раванди: «[Во время сражения] Султан не решался двинуться ни вперед, ни назад. [Тогда] Тадж ад-Дин Абу ал-Фазл сказал, что если султан останется на месте и не попытается покинуть поле боя, то такое [его] упорство не будет похвальным. Султан Санджар с тремя сотнями воинов начал прорываться через войско неверных и, когда ему это удалось, с ним из того числа воинов спаслось лишь пятнадцать человек. Оттуда [он] бежал в пустыню, где нашел тюркских проводников, и сумел добраться до Балха и засел в укрепленном Термезе» [Ravandi, 1921, s. 173].

В «Сельджук-намэ» Захир ад-Дина Нишапури мы видим описание, очень похожее на приведенную выше цитату. «И султан не двигался ни туда, ни сюда, [тогда] Тадж ал-Фазл сказал: «Разве Господь повелел оставаться тебе в этом месте?». Султан с тремя сотнями всадников железом путь к цели своей проложил и с боем вырвался. [После этого] от его отряда осталось тридцать всадников, затем с ними двинулся через пустыню, натянув узду настойчивости, и получил там

в свою руки тюркских проводников и с ними достиг Балха, а затем ушел в сторону Термеза. И в эту крепость [выжившие] после поражения стекались со всех сторон и направлений, и приветствовали уцелевших и оплакивали погибших, дабир Фарид по этому случаю об этом событии сказал⁴ ...» [Nishaburi, 1953, s. 46]. Как видно из этого перевода текста Захир ад-Дина Нишапури, приводимые им сведения о том, чем закончилось сражение на Катаванской равнине, за исключением редких деталей, практически полностью совпадает с рассказом из «Рахат ас-судур». Вероятно, это можно объяснить не столько знакомством одного из упомянутых мусульманских историков с сочинением другого, сколько тем, что «Сельджук-намэ» в классическом издании 1953 г. опубликовано вместе с более поздним сочинением Мухаммада ибн Ибрахима, продолжившего изложение событий до 1202 г. Возможно, авторский текст Захир ад-Дина Нишапури также был переработан более поздним историком со значительными дополнениями, что позволило его рассказу о битве на Катаванской равнине приобрести значительное сходство с повествованием из «Рахат ас-судур». Справедливости ради стоит отметить, что рассказ Мухаммада ибн Али Раванди о битве на Катаванской равнине был востребован и другими поздними авторами: так, Ибн ал-Низам ал-Хусайни в сочинении «ал-Урада фи-л-хикайат ас-Селджукийя» практически слово в слово передает рассказ более раннего автора, приводя те же цифры относительно численности сельджукского войска и понесенных им потерь [Das Geschenk aus des Saldschukengeschichte, 1909, s. 98]. Единственным отличием в данном случае будет описание этим поздним историком ситуации в Мавераннахре до и после битвы на Катаванской равнине, что кажется весьма ценным для исследователей сообщением. «И города [Мавераннахра] в прошлом году⁵

⁴ Далее стих – Д. Т.

⁵ Речь идет о 1141 г. – Д. Т.

враждовали друг с другом, объединяясь в союзы трех или пяти [городов], поскольку султан от врат своей столицы, Мерва, направился против угрозы со стороны войск хитаев. [По причине его поражения] порядок соблюдения законов нарушился, и некому было устранить тиранию и сдержать угнетение, а войско [хитаев], несущее бедствия, устремилось к Самарканду. И жители Мавераннахра некоторое время терпели насилие и находились под их гнетом» [Das Geschenk aus des Saldschukengeschichte, 1909, s. 97].

Традиция описания сражения на Катаванской равнине, которая была заложена ‘Имад ад-Дином Исфакхани, была отчасти продолжена в сочинении «Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя» («Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара вал-мулук ас-селджукийя») Садр ад-Дина ал-Хусайни [ал-Хусайни, 1980, с. 13–14]. Однако его рассказ об этой битве и о державе кара-китаев, о чем мы писали в специальном исследовании [Тимохин, 2021, с. 250–261], обладает важными особенностями в сравнении с приведенными выше памятниками: в частности, упоминание о том, что на стороне кара-китаев в Катаванском сражении участвовало кочевое тюркское племя карлуков, о чем пишет также и Мухаммад ибн Али Раванди в «Рахат ас-судур» [Ravandi, 1921, s. 173], обретает у Садр ад-Дина ал-Хусайни новые детали. «Затем хитаи нанесли ему сильный удар, и владычество муслимов в Мавераннахре было подорвано. А причиной этого было то, что конница карлуков достигла окрестностей Самарканда, их число и количество их скота увеличивалось, и стали опасаться их зла и мятежей, а эмиры-исфаксары стали намекать султану, что нужно, мол, их удалить и отогнать, захватить их детей. [Однако карлуки] послали к нему [послов] и в знак службы передали пять тысяч верблюдов, пять тысяч коней, 50 тысяч голов овец. Султан не принял этого, и [такое] положение привело к тому, что они отправились в страну тюрков и пришли в ставку (хадрат) Гюр-хана – владыки хитаи,

Хотана и На‘ма. Он (Гюр-хан) был величайшим [владыкой] из безбожных (куффар) тюрок и самым сильным среди них. Его велениям подчинялись вплоть до границ Китая. Когда карлуки явились к нему, они сообщили, что султан Му‘изз ад-Дин Санджар слаб, что среди войска – раздоры и стали подстрекать его [к нападению] на те страны» [ал-Хусайни, 1980, с. 91–92].

Несколько видоизмененный рассказ об участии карлуков в битве на Катаванской равнине, равно как и об их особой роли в столкновении между кара-китаями и сельджукским войском, можно найти у Ибн ал-Асира «ал-Камил фи-т-тарих» в сочинении первой половины XIII в. Этот историк сообщает о том, что кара-китаи нанесли поражение Караханидскому правителю Самарканда Махмуду ибн Арслан-хану [Бунятов, 1986, с. 13], которое произошло до переговоров между султаном Санджара и карлуками. «Хакан Махмуд послал к султану Синджару, прося у него поддержку, и сообщал ему о том, с чем столкнулись мусульмане, побуждая его на защиту их. Синджар собрал войска. К нему присоединились хорасанские князья, владетель Сиджистана и Гура, князь Газны, князь Мазандарана и другие. Собралось у него более ста тысяч всадников, и войсковой смотр длился шесть месяцев. Синджар выступил навстречу тюнкам. В Мавераннахр они переправились в месяце зу-л-хиджжа пятьсот тридцать пятого года. Махмуд ибн Мухаммад-хан пожаловался ему на тюнков-карлуков и Синджар напал на них. Те прибегли к защите гурхана ас-Сини и тех из неверных, кто с ним. Синджар остановился в Самарканде. Гурхан написал ему письмо, которое заключало ходатайство за тюнков-карлуков и требовало их простить. Но Синджар не принял ходатайство за них, а написал ему, приказывая принять ислам и угрожая ему, если он не согласится на это» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 245–246; Ibn-el-Athiri Chronicon, 1876, s. 56]. Здесь важно отметить несколько сюжетов, касающихся описания предыстории битвы

на Катаванской равнине в труде Ибн ал-Асира: прежде всего бросается в глаза упоминание численности войска султана Му‘изз ад-Дина Санджара, которое точно совпадает с тем, которое приводят более ранние авторы – упоминаемые выше Захир ад-Дина Нишапури и Мухаммада ибн Али Раванди [Ravandi, 1921, s. 172]. Что же касается рассказа о карлуках у Ибн ал-Асира и об их роли в столкновении между сельджукским правителем и кара-китаями, то он больше напоминает сообщение из «Рахат ас-судур» [Ravandi, 1921, s. 172] и из также упомянутого выше «Нусрат ал-фатра» ‘Имад ад-Дина Исфакхани [Histoire des seldjoucides, 1889, p. 276]. Последнее может свидетельствовать о знакомстве позднего мусульманского историка как минимум с одним из вышеуказанных трудов, а отсутствие сведений о том, что карлуки попытались примириться с сельджукским правителем, говорит о том, что сведения, приведенные Садр ад-Дином ал-Хусайни, были, напротив, ему неизвестны.

Впрочем, следует отметить и тот факт, что Ибн ал-Асир в начале главы о событиях 536 г.х., где и излагается им рассказ о сражении на Катаванской равнине, приводит и другую версию, касающуюся причин этого столкновения. «Впоследствии авторы летописей говорили об этом событии по-разному. Мы их мнения изложим вместе, чтобы избежать расхождения и ошибок. Мы говорим – в этом году в мухарраме месяце, а другие говорят – в сафаре, султан Синджар потерпел поражение от тюрок – неверных. Причины этого следующие. Синджар убил сына хорезмшаха Атсыза ибн Мухаммада, как мы это рассказали раньше. Хорезмшах обратился с посланием к хитаям, которые находились в Мавераннахре, прельщая их той страной и представляя выгодным для них ее положение и подстрекая напасть на царство султана Синджара. Они выступили с тремястами тысячами всадников, и Синджар выступил против них со своими войсками. Они встретились в Мавераннахре и сразились в ожесточенном бою. Синджар

и его войска бежали, из них убито сто тысяч человек, среди них двенадцать тысяч носителей чалмы и четыре тысячи женщин, а жена Синджара попала в плен» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 241–242; Ibn-el-Athiri Chronicon, 1876, s. 55]. Как видно из этого фрагмента «ал-Камил фи-т-тарих», автор сознательно отмечает, что ему известны несколько версий событий, одна из которых, как нами было отмечено выше, является историографической традицией, заложенной в трудах ‘Имад ад-Дина Исфакхани, Захир ад-Дина Нишапури и Мухаммада ибн Али Раванди. Что же касается второй точки зрения, согласно которой инициатором войны был хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Атсыз, то нами в специальном исследовании отмечалось [Тимохин, 2021, с. 250–261], что источником подобных сведений для труда Ибн ал-Асира мог стать не дошедший до нас труд «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара’иб» Ибн Фундука, с которым этот арабский историк был хорошо знаком [Бартольд, 1973, с. 586]. При этом важно отметить, что Ибн ал-Асир дважды описывает сражение на Катаванской равнине: в начале главы о событиях 536 г.х., и это описание было приведено нами выше, а затем вновь возвращается к этой битве после рассказа о карлуках и их союзе с кара-китаями. При этом второй вариант этого рассказа очевидно более подробен, однако хотелось бы привести его полностью.

«Он (то есть гур-хан – Д. Т.) устремился на султана Синджара, и два войска встретились как два мощных потока, в месте, которое называется Катван. Гурхан обошел их [воинов Синджара], так что прижал их к [глубокому] руслу реки, которая называется Даргам. На правом крыле войска Синджара находился эмир Кумач, на левом – царь Сиджистана, а позади них – мужественные [воины прикрытия]. Они сразились пятого сафара пятьсот тридцать шестого года. Тюрки-карлуки, которые бежали от султана Синджара, были сильнейшими из людей в бою. И не было в этот день среди войск султана Синджара лучшего в бою, чем владетель Сиджистана,

но битва принудила мусульман к бегству, и несчетное множество их было убито. Руслло Даргама вместило десять тысяч убитых и раненых. Султан Синджар был разбитым, а владелец Сиджистана был взят в плен и также эмир Кумач и жена султана Синджара, которая была дочерью Арслан-хана, и [гурхан] освободил их. [В числе пленных] был и ал-Хусам ибн ‘Абд ал-‘Азиз ибн Маза ал-Бухари, знаменитый законовед ханафитского толка» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 246–247; Ibn-el-Athiri Chronicon, 1876, s. 56–57]. Детали сражения, которые приведены Ибн ал-Асиром в этом рассказе, отсутствуют, например, в тексте Мухаммада ибн Али Раванди, и здесь для сравнения приведем описание той же битвы у другого, более раннего автора, Садр ад-Дина ал-Хусайни. «И хитаи направились в его сторону, имея 700 тысяч самых сильных всадников. Султан выступил против них с 70 тысячами всадников. Среди его эмиров не было единогодушия, и, когда армии встретились и стали сражаться, войска султана Санджара отступили, и он остался один под балдахином с малым числом воинов. Владелец Сиджистана малик Абу-л-Фадл сказал ему, что войска разбиты и полчища безбожников уже угрожают ему [самому] и будет лучше, если он посадит на свое место под балдахином какого-либо мамлюка, а сам спасется. Султан так и сделал, и [Абу-л-Фадл] оставался под балдахином до тех пор, пока не был взят в плен. В плену оказались также жена султана Теркен-хатун – дочь Арслан-хана, эмир Кумача и его сын и эмир Сункур ал-‘Азизи. Были убиты эмир Йулука, эмир Курайш ибн Занги, эмир ‘Умар ибн Онар, эмир Юрюн-Куш ал-Кари и эмир Махмуд ал-Кашани. Жена Теркен-хатун была освобождена за выкуп в 500 тысяч динаров, а эмир Кумач с сыном – за 100 тысяч динаров. [Еще] до сражения у Гюр-хана нашел убежище исфахсалар эмир ас-саййид по имени ас-Саййид ал-Джалил ас-Самарканди (Благородный самаркандский господин)» [ал-Хусайни, 1980, с. 92]. После стихотворной вставки этот историк добавляет: «Что касается владе-

теля Сиджистана малика Абу-л-Фадла, то неверный Гюр-хан, узнав, что сыновья захватили его (Абу-л-Фадла) владения, освободил его из плена и сказал: «Такой герой не должен быть казнен!». Неверный Гюр-хан овладел Мавераннахром, и здесь возникло государство хитай. Упомянутое сражение произошло в местности под названием Катаван. Их окружил Гюр-хан и заставил их спасаться бегством в долине Даргам. Это случилось во вторник 5 сафара 536 года. Султан Санджар хотел направиться в Балх и проехал мимо Гюр-хана, так как было невозможно ехать другими дорогами. Гюр-хан узнал Санджара, но пропустил его и сказал: «Закреть путь для того, кто отступает, значит принудить его к отчаянной битве. А тот, кто не дорожит своей жизнью и не думает о последствиях, защищая себя, может одержать победу»» [ал-Хусайни, 1980, с. 92–93].

Прежде всего бросаются в глаза совершенно фантастические цифры, которые приводит данный историк в отношении армии кара-китаев: даже триста тысяч воинов, о которых упоминает Ибн ал-Асир, кажутся существенно завышенной численностью кара-китайской армии, однако у Садр ад-Дина ал-Хусайни приводятся сведения о семистах тысячах, что кажется совершенно невозможным. Впрочем, этот же автор, на фоне описаний более ранних мусульманских историков, корректирует численность и сельджукского войска, упоминая о семидесяти тысячах вместо ста, как можно увидеть у Мухаммада ибн Али Раванди [Ravandi, 1921, s. 172]. Также стоит отметить, что ал-Хусайни существенно дополняет историю правителя Сиджистана, Тадж ад-Дина Абу-л-Фазла, который в сочинениях Нишапури и Раванди лишь просит султана Санджара покинуть поле, когда поражение сельджукской армии становится очевидным [Nishaburi, 1953, s. 46; Ravandi, 1921, s. 173], а в «Ахбар ад-Даулат» он занимает место султана, чтобы дать тому возможность спастись бегством. Безусловно, сам по себе рассказ ал-Хусайни изобилует и другими

важными деталями, однако хотелось бы отметить, что этот автор упоминает о битве на Катаванской равнине дважды: после первого подробного рассказа и стихотворной вставки следует еще одно краткое описание с указанием даты сражения и ее локализацией. Возможно, перед нами более поздняя вставка в текст, что объясняет мнение отдельных исследователей о том, что сам по себе текст «Ахбар ад-Даулат» является плодом труда нескольких авторов [Cahen, 1962, p. 70.; Cahen, 1977, p. 37–63]. Мы не вправе на основании одной части текста, в которой мы обнаружили повторение описаний одного и того же сюжета, делать далеко идущие выводы, однако последующим исследователям текста ал-Хусайни, вероятно, стоит обратить внимание на этот раздел источника. Возможно, после пристального анализа текста придется скорректировать точку зрения, которую высказал З. М. Буниятов, что ал-Хусайни является единственным автором той части текста «Ахбар ад-Даулат», где идет изложение событий вплоть до 1194 г. [ал-Хусайни, 1980, с. 13–15]. При этом, несмотря на все особенности рассказа ал-Хусайни и приводимые им детали, которые были отмечены, он в целом продолжает в описании битвы на Катаванской равнине историографическую традицию, заложенную в труде ‘Имад ад-Дина Исфакхани. Связь между этими двумя сочинениями была отмечена и доказана уже издателем и переводчиком «Ахбар ад-Даулат» – З. М. Буниятовым [ал-Хусайни, 1980, с. 13–14].

Среди других мусульманских сочинений домонгольского периода сведения о сражении на Катаванской равнине присутствуют в небольшом объеме по сравнению с приведенными выше сочинениями, однако их также следует учитывать при реконструкции данного исторического события. Здесь хотелось бы обратить внимание на сочинение, написанное в жанре «истории визирей», которое известно специалистам под названием «Тарих ал-Вузара» («Зайл-и

Нафзат ал-Масдур»), написанное Наджм ад-Дином Абу-л-Резой ал-Кумми. Этот автор пишет по интересующей нас проблематике следующее: «Заручившись поддержкой султана Санджара против Гур-хана (گور خان), Самарканд наполнил сердце свое [надеждой] и, произнеся для отпора многочисленные молитвы, против них они выступили, подняли явный мятеж, и пришли в беспорядок, [поражением] закончилось их выступление, и [они] вернулись в Самарканд. Произшедшее событие ранило взор султана Санджара. Войско его от блеска мечей неверных (كفار) обратилось в бегство и несколько эмиров-исфахсаров, которые в этом мире были подобны свету звезд, стали пищей для меча. Ни в другую эпоху, ни в эпоху великого султана Санджара со стороны неверных никто такого поражения не терпел» [al-Qummi, 1985/1363, s. 118]. Как видно из этого фрагмента, ал-Кумми не упоминает никаких имен собственных, кроме самого султана Санджара, а его написание титула правителя кара-китаев несколько отличается от приводимого варианта из других мусульманских текстов. При этом, согласно его повествованию, битву на Катаванской равнине предвляло столкновение войска Самарканда с армией кара-китаев, закончившееся для первых неудачей, несмотря на их поддержку со стороны сельджукского султана. При этом упоминание о том, что подобного поражения не было в истории мусульманского мира, отчасти напоминает приведенную выше цитату из «Рахат ас-судур», где Раванди, говоря о масштабах поражения, пишет «и в эту эпоху не было описано ничего подобного» [Ravandi, 1921, s. 173]. Как нами отмечалось в другом специальном исследовании [Тимохин, 2021, с. 250–261], ал-Кумми упоминает о кара-китаях еще раз в своем сочинении, однако речь о несколько более поздних событиях «огузской смуты» 1153 г. [al-Qummi, 1985/1363, s. 233–235]. Впрочем, другие мусульманские источники домонгольского периода приводят о сражении на Катаванской равнине сведений немногим

больше того, что мы находим в составе «Тарих ал-Вузара». Например, в составе «локальной хроники» Абу Йалы Хамзы ибн Асада или Ибн ал-Каланиси, известной под названием «Зайл тарих-и Димашк» [Cahen, 1962, p. 59–79], говорится по этому поводу следующее. «В этом году со стороны Ирака пришло известие о великом событии, которое произошло между великим султаном ал-Муаззамом Насир ад-Дином ва-Аллах Санджаром ибн Малик-шахом, султаном Востока, и между неверными тюрками, пришедшими со стороны ас-Син в Мавераннахр с многочисленной армией» [History of Damascus, 1908, s. 275]. Далее Ибн ал-Каланиси указывает, что «они разбили султана, одержали над ним полную победу и убили большую часть его войска, кроме тех немногих, кто находился в составе его личной охраны» [History of Damascus, 1908, s. 275]. Автору, как видно из двух этих цитат, точно неизвестно, с каким именно противником столкнулся сельджукский правитель и кто им руководил: он называет кара-китаев «неверными тюрками» и вовсе не упоминает титула «гур-хан» или какого-то иного.

По понятным причинам Ибн ал-Каланиси, проживший всю свою жизнь (ум. 1160 г.) в пределах Сирии, мог быть слабо осведомлен о событиях, происходивших далеко от его родины, в пределах Мавераннахра. Кроме того, поскольку он был современником битвы на Катаванской равнине, то не имел возможности ознакомиться с историческими сочинениями других мусульманских историков, содержащих сведения об этом событии. Впрочем, его младший современник, багдадский ученый и богослов Абу-л-Фарадж Ибн ал-Джаузи в своем труде «ал-Мунтазам фи тарих ал-мулук ва-л-умам» приводит о Катаванской битве гораздо более любопытные сведения. «И рассказывают, что насчитали одиннадцать тысяч убитых [в этом сражении], носящих тюрбан, и четыре тысячи женщин, а [произошло] это потому, что Санджар убил брата хорезмшаха, поэтому Хорезм перешел в поддан-

ство к неверному Тюрку. Между ними был заключен союз, скрепленный браком, и он [гур-хан] пошел к хорезмшаху на помощь с тремястами тысячами воинов, а Санджар выступил против него со сто тысячами всадников, и в итоге они разбили Санджара» [al-Muntazim fi Tarikh, 1992, j. 18, s. 19]. Нами уже высказывалось предположение, что сочинение Ибн ал-Джаузи в этой части могло быть одним из источников для другого багдадского историка – Ибн ал-Асира [Тимохин, 2021, с. 250–261]. На это указывает совпадение общей численности кара-китайской армии у обоих этих авторов, а также особое выделение среди убитых «носителей чалмы» или «тюрбана»⁶, что не делает ни один другой автор домонгольской эпохи. Наконец, оба историка, Ибн ал-Джаузи и Ибн ал-Асир, отдельно выделяют убитых в сражении или сразу после его окончания женщин, что также не соотносится с историографической традицией, заложенной ‘Имад ад-Дином Исфахани. Кроме того, Ибн ал-Джаузи упоминает о союзе между хорезмшахом ‘Ала’ ад-Дином Атсызом и гур-ханом кара-китаев, который был скреплен династийным браком. Последний факт отсутствует в сочинении Ибн ал-Асира, однако версия о том, что хорезмшах мог подтолкнуть кара-китаев к войне, им высказывалась и была приведена выше, что скорее подтверждает связь между текстами «ал-Мунтазам фи тарих» и «ал-Камил фи-т-тарих» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 241–242; Ibn-el-Athiri Chronicon, 1876, s. 55; al-Muntazim fi Tarikh, 1992, j. 18, s. 19]. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что численность сельджукской армии у Ибн ал-Джаузи в целом не противоречит данным из других памятников XII в.

Отдельные сведения о битве на Катаванской равнине встречаются и в других памятниках домонгольской мусульманской историографии, однако не в виде полноценных рассказов об этом сражении, а всего лишь кратких указаний на ее последствия или масштабы этой трагедии для Сельджукской

⁶ Речь идет, по-видимому, о представителях духовенства – Д. Т.

державы Хорасана. Так, например, анонимный поздний продолжатель труда «Тарих-и Бухара» [Nerchakhy, 1892; Наршахи, 1897; Смирнова, 1965, с. 155–180] Абу Бакра Мухаммада ибн Джафара ан-Наршахи, приводит данные о погибших в битве на Катаванской равнине в главе «Самарканд» [Nerchakhy, 1892, s. 245–252]. «После того мы наблюдаем другое гибельное время и в благословенные списки мучеников были записаны [многие], поскольку в землях города Самарканда было осуществлено насилие. Для этого необходимо рассказать о [битве] на равнине Катавана, после которой в день Страшного суда из этих мест восстанут восемьдесят тысяч шахидов, и каждый из этих восьмидесяти тысяч шахидов будет являться заступником. И в то место⁷ (т.е.) постоянно пребывали неверные, и истина этого хадиса для людей сведущих являлась неясной. Однако султан Санджар в этом месте сражался с неверными кара-китаями, и множество простых людей и воинов в этом месте стали шахидами. И во времена татар множество мусульман из этих мест также стали шахидами» [Nerchakhy, 1892, s. 246]. Как видно из данной цитаты, потери сельджукского войска в битве на Катаванской равнине значительно выше, чем указывают большинство домонгольских авторов, впрочем, упоминание монгольского завоевания лишний раз свидетельствует о том, что данный отрывок из «Тарих-и Бухара» является более поздней вставкой автор был плохо знаком с более ранними текстами. Краткие сведения об интересующем нас сражении приводит в своем сочинении «Чахар макалэ» Низами Арузи Самарканди и Абу Са‘д ас-Сам‘ани в «Китаб ал-ансаб». Сведения первого из авторов отличаются от более ранних текстов лишь указанием на захват кара-китаями Бухары, помимо Самарканда, после поражения армии султана Санджара [Самарканди, 1963, с. 50; The Chahár maqála, 1900, p. 38–39]. Что касается Абу Са‘да ас-Сам‘ани, то он в главе «Катаван» упоминает только о многочисленных потерях сельджукского

⁷ Мавераннахр – Д. Т.

войска, не приводя при этом никаких точных цифр [al-Ansab, 1962, vol. 10, s. 196–197; Камалиддинов, 1993, с. 138]. Ровно такую же информацию можно найти и в «ал-Канд фи-тарих улама Самарканд» Наджм ад-Дина ан-Насафи, который описывает место захоронения воинов султана Санджара, погибших на Катаванской равнине [ан-Насафи, 1906, с. 265]. Эта битва упоминается также в сочинении «Джами‘ ал-улум» Фахр ад-Дина Рази, где о ней говорится лишь как о свершившемся факте без указания причин этого военного столкновения и его последствий [al-Razi, 1988, s. 127].

Подводя итоги этого исследования, хотелось бы обратить внимание читателя на несколько важных, с нашей точки зрения, сюжетов. Описание битвы на Катаванской равнине 1141 г. между войсками сельджукского султана Му‘изз ад-Дина Санджара и гур-хана кара-китаев является знаковым событием для многих мусульманских историков домонгольского периода, поскольку подробный рассказ о ней присутствует во всех сочинениях по истории державы Сельджукидов, написанных в этот период. Впрочем, и поздние продолжатели уделяют этому событию достаточное внимание, что формирует определенную историографическую преемственность. В этой главе была выделена историографическая традиция в отношении описания сражения на Катаванской равнине, которая была заложена в сочинении «Нусрат ал-фатра ва ‘усрат ал-фитра» ‘Имад ад-Дином Исфакхани, а затем, в той или иной степени, отразилась в текстах Мухаммада ибн Али Раванди, Захир ад-Дина Нишапури, Садр ад-Дина ал-Хусайни и их более поздних компиляторов. Согласно данной традиции, ключевую роль в столкновении сельджукского султана и правителя кара-китаев сыграло кочевое тюркское племя карлуков, перешедшее на службу к гур-хану и в определенной мере подтолкнувшее обе стороны к войне. Впрочем, как было отмечено, подобная историографическая традиция не отменяет того факта, что отдельные авторы приносили

в описание указанного сражения некоторые весьма важные дополнения, как было продемонстрировано на примере использования титулатуры «Иль-хан» в отношении правителя кара-китаев. Важным исключением станет сочинение Ибн ал-Асира «ал-Камил фи-т-тарих», в котором высказываются сразу две версии начала конфликта с кара-китаями и последовавшей за этим битвы на Катаванской равнине: этот автор в одной и той же главе своего сочинения приводит и «классическую» версию о том, что причиной всего стало племя карлуков, и ту, согласно которой инициатором конфликта стал хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Атсыз, подстрекавший кара-китаев к войне.

Нами было высказано два предположения о том, откуда этот историк мог позаимствовать версию об активном участии в конфликте хорезмшаха Атсыза: согласно первому предположению, уже озвученному в специальной статье, источником таких сведений мог стать не дошедший до нас труд «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара’иб» Ибн Фундука, на который также опирался и более поздний историк Ата-Малик Джувейни при написании своего известного специалистам сочинения – «Тарих-и Джахан-гошай» [Juwayni, 1997, p. 277]. Впрочем, последний не сообщает о том, что накануне столкновения между султаном Санджаром и кара-китаями правитель Хорезма каким-то образом подталкивал последних к этой войне, а упоминает лишь о том, что Атсыз воспользовался поражением сельджукской армии для того, чтобы захватить и разграбить Мерв [Juwayni, 1997, p. 280]. В связи с этим нами была высказана вторая версия, которая заключается в том, что Ибн ал-Асир мог заимствовать указание на активное участие хорезмшаха в подготовке к столкновению между Санджаром и кара-китаями из более раннего сочинения «ал-Мунтазам фи тарих ал-мулук ва-л-умам» Абу-л-Фараджа Ибн ал-Джаузи, который также был багдадским историком и с чьим трудом автор «ал-Камил

фи-т-тарих» мог быть знаком. Рассказ Ибн ал-Джаузи в деталях отличается от повествования Ибн ал-Асира, но общий смысл оба автора передают одинаково: вероятно, более поздний историк был знаком с обеими традициями описания битвы на Катаванской равнине и предшествующих этому событий, что он и сам отмечает в своем труде, и, не решаясь выбрать одну из них, включил в соответствующий раздел оба варианта. Кроме того, не следует забывать и о том, что многие историки XII в. отмечают, что упомянутые нами карлуки служили не только кара-китаям, но и хорезмшахам [ал-Хусайни, 1980, с. 131], так что можно предположить, что обе версии, приведенные Ибн ал-Асиром, верны и кара-китаев подтолкнули к войне оба этих актора. Впрочем, подобная точка зрения требует, как нам кажется, дополнительных доказательств, которых в известных нам письменных источниках пока найти не удалось. Таким образом, описание сражения на Катаванской равнине 1141 г. в мусульманских источниках XII – начала XIII вв. включает в себя целый ряд дискуссионных сюжетов, на которые мы постарались обратить внимание в рамках этой главы.

Глава V.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

АКАДЕМИКА В. В. БАРТОЛЬДА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

**Письма профессора А. Е. Крымского академику
В. В. Бартольду из фонда Санкт-Петербургского
филиала Архива РАН¹**

Р. М. Валеев

ИМО, КФУ

Р. З. Валеева

КИУ им. В. Г. Тимирязова

С. А. Кириллина

ИСАА МГУ

В 1941 г. академик И. Ю. Крачковский, выделяя мероприятия, посвященные 70-летию со дня рождения академика АН УССР А. Е. Крымского в Киеве, писал: «Для нашей Академии приятно отметить, что А. Крымский с ранних лет своей деятельности близко стоял к ее работе. < > Эта связь сохраняется до последних лет» [Крачковский, 1941, с. 129]. Во многом личные и профессиональные связи А. Е. Крымского органично связаны с академическими и университетскими востоковедами петербургского центра ориенталистики России. Особенно эта линия знаменательна в «документах личного происхождения» – переписке выдающихся ученых В. В. Бартольда и А. Е. Крымского в конце XIX – первые десятилетия XX вв.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ и Кабинета министров РТ (проект № 23–28–10046), РНФ (проект № 24–28–00440) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

В 1928 г. в своем письме к акад. И. Ю. Крачковскому в связи с планируемым юбилейным сборником в честь Н. Я. Марра (1864–1934) акад. А. Е. Крымский отмечал: «Однако вместе с тем у меня возникает мысль: каким же образом петербургские ориенталисты пропустили юбилей другого ученого, составляющего украшение русской ориенталистики? Я имею в виду Бартольда. Ведь ясно, что стоит только возбудить идею об издании сборника в его честь – и немедленно откликнется вся Европа, и сборник выйдет не менее импозантен и ценен, чем, напр., сборники в честь Нельдеке, Брауна и т.п. < > Ведь ясно, что такой сборник был бы достойным смотром ориенталистических старых сил и сборным свидетельством (увы, быть может, последним) того, что уходит в могилу и чего не будут в состоянии заменить ближайшие у нас ориенталисты» [Переписка, 1997, с. 198].

В данной статье мы не видим особой необходимости говорить о биографических рубежах известных отечественных востоковедов Василия Владимировича Бартольда (1869–1930) и Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942), поскольку сформировалась оригинальная историографическая и источниковедческая база. Они были людьми и учеными одного поколения и эпохи, также единых общественных и научных идеалов. Они получили блестящее востоковедческое образование на восточном факультете Санкт-Петербургского университета и Лазаревского института восточных языков в Москве. Явились выдающимися и яркими представителями востоковедных центров – петербургского, московского и киевского. Оба были востоковедами широкого профиля, знаменитыми учеными в области арабо-мусульманской цивилизации. Оба были избраны академиками (Бартольд в 1913 г. в РАН, Крымский в 1918 г. в УАН).

Публикуемые письма А. Е. Крымского академику В. В. Бартольду с новой стороны раскрывают нам и некоторые неизвестные моменты становления и развития советской украин-

ской академической науки, в первую очередь востоковедения, после его переезда в Киев в 1918 г. На протяжении с 1908 по 1928 г. Крымский и Бартольд вели переписку, отражавшую их личное восприятие различных политических и научных событий, благодаря чему мы теперь можем понять скрытые мотивы многих профессиональных и общественных процессов того времени и гражданскую позицию ученых и мыслителей.

Они сыграли исключительную роль в институционализации и профессионализации отечественной и мировой ориенталистики, особенно арабистики, иранистики и тюркологии в России и Украине.

Эпистолярное наследие отечественных востоковедов XIX – начала XX вв. представляет бесценный источник по исследованию истории востоковедения в России и Европе. Особенно письма интересны в осмыслении судеб, научных поисков и достижений и в целом духовного опыта российских ориенталистов.

В отечественной и зарубежной историографии и источниковедении истории российского востоковедения сформировалась традиция изучения и введения в научный оборот эпистолярного наследия востоковедов России и Европы. Эти уникальные источники позволяют органично оценить социальные и социально-психологические условия, а также факторы жизни и творчества известных и забытых ученых и преподавателей основных центров востоковедения в России и Украине.

В данном направлении перспективный интерес представляет эпистолярное наследие А. Е. Крымского, хранящееся в архивных центрах России и Украины и других стран, и особенно переписка его с ведущими востоковедами России – В. Р. Розеном, В. В. Бартольдом, П. К. Коковцовым, В. Ф. Миллером, Ф. Е. Коршем, И. Ю. Крачковским, В. А. Гордлевским, В. Ф. Минорским, В. А. Жуковским.

Фонд академика В. В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф.68) включает письма к В. В. Бартольду от отечественных ученых из различных центров Российской империи, СССР и европейских корреспондентов с конца 1890 г. по 1920 г. Среди них выделяются послания известных востоковедов России: В. М. Алексеева, Е. Э. Бертельса, Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского, Ф. Е. Корша, И. Ю. Крачковского, С. Ф. Ольденбурга, А. Е. Крымского. Среди европейских авторов – имена выдающихся ученых: Брауна, Гибба, Гольдциера, Мюллера, Снук-Хюргронье и др. [Туманович, 1976, с. 233].

К сожалению, на современном этапе появились только некоторые публикации, посвященные обработке, систематизации и публикации бесценного эпистолярного наследия выдающегося ученого и мыслителя В. В. Бартольда. Авторы предлагают вниманию специалистов и читателей публикацию, посвященную профессиональным и личным связям отечественных востоковедов – А. Е. Крымского и В. В. Бартольда. В перспективе предстоит подготовить и опубликовать письма В. В. Бартольда А. Е. Крымскому 1908–1928 гг. и в целом переписку выдающихся ученых и основоположников востоковедных школ России и Украины, академиков В. В. Бартольда и А. Е. Крымского.

В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского сохранились письма известных российских востоковедов к А. Е. Крымскому – 3 письма В. Р. Розена (1903–1907 гг.); 4 письма П. К. Коковцева (1901–1909 гг.); 10 писем В. В. Бартольда (1908–1928 гг.)² и 13 писем Ф. Е. Корша (1897–1914 гг.). Также в фондах библиотеки находятся письма к А. Е. Крымскому и других известных учёных и мыслителей – В. Ф. Минорского, С. Ф. Оль-

² В 2005 г. украинские коллеги в книге, посвященной эпистолярному наследию А. Е. Крымского периода 1918–1941 гг., опубликовали только два письма В. В. Бартольда от 26 августа 1926 и 31 марта 1928 гг. См.: [Епістолярна спадщина, 2005, с. 144–145, 167–168].

денбурга, В. П. Бузескула, А. А. Шахматова, Т. Г. Кезмы, М. О. Аттאי, П. Н. Лозеева и др.

Неопубликованная переписка А. Е. Крымского и В. В. Бартольда имеет огромное историко-научное и культурное значение в истории российского и украинского востоковедения и представляет собой значимое достояние российско-украинских научных и культурных связей.

А. Е. Крымский в периоды жизни в Москве и Киеве проявлял огромный интерес к наследию и творчеству В. В. Бартольда. Этот профессиональный интерес был обоюдным и был продиктован их исследованиями в области арабомусульманской цивилизации. А. Е. Крымский изучал арабоперсидское и османское этнокультурное пространство, а В. В. Бартольд – историю и культуру Средней Азии. Их научно-исследовательское и культурное наследие было сфокусировано на средневековой истории и культуре народов Ближнего и Среднего Востока, истории ислама, их труды получили мировое признание.

Их личное знакомство, к сожалению, не состоялось весной 1899 г., когда А. Е. Крымский приезжал в столицу империи и сдавал магистерский экзамен на Восточном факультете Петербургского университета. Тогда он познакомился со многими известными петербургскими востоковедами, но В. В. Бартольд в их число не вошел. Этого не случилось и в дальнейшей их жизни и творчестве.

В совсем недавно найденном 10-м письме (скорее всего и последнем) в фонде Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее – ИР НБУВ) в Киеве от 28 октября 1925 г. В. В. Бартольд, сообщая о поездке в Турцию, писал А. Е. Крымскому: «Проедем через Киев; остановиться там не придется, так как, вероятно, будем ехать прямым поездом на Одессу, но, должно быть, поезд стоит в Киеве довольно долго. Если это будут дневные часы, я на всякий случай напишу или телеграфирую Вам о времени

нашего приезда, хотя, разумеется, отнюдь не хочу причинять Вам этим беспокойство; нисколько не буду в обиде, если более важные дела помешают Вам приехать на вокзал. Думаю, что мы бы друг друга узнали, хотя до сих пор только переписывались» [ИР НБУВ – ф. XXXVI, д. 750, л.2].

В 1935 г. в одном из киевских писем, отправленных академику И. Ю. Крачковскому в связи со знакомством с его статьей в «Известиях АН СССР» (отд. обществ. наук. Л., 1934, № 1, с. 5–18) «В. В. Бартольд в истории исламоведения», А. Е. Крымский писал: «Некролог Бартольда чрезвычайно удачен. Для меня было сюрпризом – увидеть, что, наконец, дозволено писать о нем и его заслугах. Здесь над ним тяготеет табу. Года три тому назад предложили мне прочитать о нем реферат с обличением его буржуазной, контрреволюционной сущности, а иначе – нельзя. Ясно, что я отказался от этого идиотского предложения; но мне тогда возразили, что и в Петербурге нет по Бартольде научных поминок ввиду его скверной идеологии. Ваш реферат датирован годом его смерти, а напечатан только теперь. Значит, произошла перемена в настроениях тех, кто делает погоду?» [Переписка, 1997, с. 219].

В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского хранятся 10 писем В. В. Бартольда, адресованных А. Е. Крымскому. В фондах Санкт-Петербургского Филиала архива Российской академии наук – 7 писем А. Е. Крымского В. В. Бартольду (СПбФ АРАН – ф. 68, оп. 2, д. 128), датируемые 1909–1928 гг. Они охватывают переломные годы в истории российского и украинского государств и, несомненно, в истории востоковедения российской империи и Советского Союза – с 1908 по 1928 г. В целом выделяется эпистолярное наследие востоковедов дореволюционного и советского периодов.

В семи письмах А. Е. Крымского, хранящихся в личном фонде академика в Санкт-Петербургском архиве РАН, охватывается период с марта 1908 по март 1928 г. Среди писем

к Бартольду В. В. письмо от 14 октября 1925 г. написано под диктовку неустановленным лицом и письмо от 25 ноября 1925 г. – машинописное. В целом в текстах писем представлены английские, немецкие, французские, арабские, персидские и турецкие вставки и выражения.

По хронологии первое письмо, датированное 12-м декабря 1908 г., принадлежит перу В. В. Бартольда и носит профессиональный характер. Оно написано после получения экземпляра нового издания А. Е. Крымского «История Персии, её литературы и дервишеской теософии».

Первое сохранившееся письмо А. Е. Крымского В. В. Бартольду датировано 1-м марта 1909 г. Он пишет: «Многоуважаемый Василий Владимирович! После десяти дней болезни (малярия) первое письмо, за к[оторое] берусь, это – к Вам. Как я Вам признателен за «Туркестан»!³ Очень, очень благодарю Вас за него. Но вместе с тем хочется позаботиться и о своих слушателях, к[оторые] часто желали бы приобрести эту книгу и не знают ее цены. По какой цене они могли бы быть высылаемы для наших студентов?» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 128, л. 1].

Письмо В. В. Бартольда А. Е. Крымскому (11 февраля 1909 г.) – свидетельство продолжения не только обсуждения книги А. Е. Крымского, но и более общих проблем восточковедной науки рубежа XIX–XX вв. В. В. Бартольд писал: «Что касается Ваших книг, то я объясняю многие из их недостатков, помимо тех условий, в которых Вам приходится работать, и других причин, еще состоянием нашей науки. Я вполне признаю, что в этом отношении существует своего рода *circulus vitiosus* (порочный круг – *авт.*): для скольконибудь отчетливого представления [о] деталях необходимы, особенно для студентов, общие курсы политической истории, между тем, пока не исследованы детали, невозможно скольконибудь ясное представление о целом и внесение причинной

³ Благодарность за присланную работу В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч. 1. Тексты. – СПб., 1898; ч. 2. Исследование. – СПб., 1900.

связи событий... Вы пишете, что вследствие излагаемых Вами причин Ваши работы «будут появляться лишь в минимально сносном виде», а не в том, в каком бы Вы хотели их видеть. Мне кажется, что не только Вы, но и никто другой не в состоянии написать теперь в два-три года (Ваши книги, если не ошибаюсь, пишутся гораздо быстрее) сколько-нибудь сносную книгу под заглавием: «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии». Для этого требуется труд целой жизни; о более высоких ступенях совершенства не приходится и мечтать» [ИР НБУВ, I 22665, л. 1–1об.].

В дальнейшем в небольшом письме 1913 года (12 октября) Агафангел Ефимович искренне поздравляет Василия Владимировича с избранием в академики Российской академии наук: «Сегодня прочитал в газете о Вашем избрании в Академию – и от души Вас поздравляю, или вернее – поздравляю Академию с приобретением такой крупной научной силы». И далее пишет и о деле: «Пользуюсь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку – присылать оттиски всех работ. В последнее время я от Вас ничего не получал, и напр[имер] не имею оттиска о сношениях Харуна с Карлом, равно как работ по Ани. Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 128, л. 2].

Особенно интересной является сохранившаяся корреспонденция 1922 года. Это два письма Бартольда (6 августа и 1 сентября) и письмо Крымского (19 августа), значительные по объёму и охватывающие многие волнующие научные и общественные вопросы начальных годов советской эпохи.

Прежде всего в этом блоке мы находим много интересных сведений о перипетиях в востоковедной науке послереволюционного времени. Учёные обмениваются информацией о произошедших изменениях. Так, В. В. Бартольд пишет о кончине коллег: «Об условиях нашей здешней жизни Вы, вероятно, осведомлены, знаете и о наших последних потерях:

смерти молодого арабиста И. П. Кузьмина, в котором мы надеялись получить первого русского специалиста по арабской философии, и смерти тюрколога и османиста В. Д. Смирнова (1846–1922) и его молодого ученика П. А. Фалева (1888–1922)». Далее пишет: «На некоторое время – надеюсь, ненадолго – против своей воли пришлось выбыть из нашей среды И. Ю. Крачковскому» [ИР НБУВ, ф. I, д. 22666, л. 2–2об.].

В ответ А. Е. Крымский писал: «Я с жадностью прочитал Ваши сообщения о жизни петербургских ориенталистов. Смерть Кузьмина, Фалева, Смирнова – все это для меня новость, грустная, жгуче скорбная новость. Жив ли Коковцев? Мне известно было лишь, что скончались Жуковский, Залеман, Тураев, Медников. Нет ли еще жертв смерти? Ужас охватывает при виде этого синодика».

В целом эпистолярное наследие А. Е. Крымского и особенно переписка с востоковедами-академиками полезны для современников в следующих аспектах. Во-первых, они являются автографами крупнейших российских востоковедов XIX – начала XX вв. Во-вторых, в этих письмах представлена научная и общественная позиция крупнейших востоковедов и личностей. В-третьих, здесь мы находим уникальную оценку состояния академического и университетского востоковедения, его арабистических, иранистических, тюркологических составляющих и роли ведущих отечественных ученых и мыслителей. В-четвертых, в письмах особенно остро чувствуются личное настроение и позиция человека и ученого. В целом содержание переписки может послужить оригинальным материалом для научных биографий российских академиков-востоковедов и истории отечественной ориенталистики XIX – начала XX вв.

Наш продолжающийся исследовательский проект и комплексное исследование ученых Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Киева с привлечением ряда зарубежных и российских коллег позволит изучить, систематизировать и подготовить к публикации неизвестное и неопубликован-

ное эпистолярное наследие отечественных ориенталистов на рубеже эпох и особенно переписку российского и украинского арабиста, тюрколога, ираниста и слависта А. Е. Крымского с учителями и коллегами – В. Р. Розеном, Ф. Е. Коршем, В. А. Жуковским, С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом, И. Ю. Крачковским, Н. А. Медниковым, П. К. Коковцовым, В. А. Гордлевским, В. Ф. Минорским в 1890–1930-е гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Письма А. Е. Крымский – В. В. Бартольду
[СПбФ АРАН – ф. 68, оп. 2, д. 128].

№ 1

А. Е. Крымский – В. В. Бартольду [Автограф, л. 1–1 об.]
Москва, 1 марта 1909 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

После десяти дней болезни (малярия) первое письмо, за к[оторое] берусь, это – к Вам.

Как я Вам признателен за «Туркестан»! Очень, очень благодарю Вас за него. Но вместе с тем хочется позаботиться и о своих слушателях, к[оторые] часто желали бы приобрести эту книгу и не знают ее цены. По какой цене они могли бы быть высылаемы для наших студентов?

Записку мою передаст Вам командированный от Лазар[евского] института Константин Андреевич Фрейтаг, ближайший ученик Корша и мой, чрезвычайно даровитый и симпатичный человек. В значительной степени он смеет себя считать и Вашим учеником, потому что я заставлял его работать по Вашему «Туркестану»: проверять цитаты, подробно прочитывать все места Гярдизия, Бейхакия и др., на к[оторые] у Вас сделаны хотя бы самые беглые ссылки, внимательно знакомиться с общим контекстом писателя-источника, сопоставлять

ставлять Ваши взгляды со взглядами других ориенталистов и т. д. В 1 выпуске «Истории Персии» глава о Тахиридах, Саманидах и пр. составлена почти единолично Фрейтагом (мне принадлежит окончательная отделка), и составлена в очень тесной зависимости от Вашего «Туркестана». Теперь мы его командировали прямо к Вам.

С глубоким уважением
А. Крымский.

№ 2

А. Е. Крымский – В. В. Бартольду [Автограф, л. 2]
М[осква], 12 окт[ября] 1913 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Сегодня прочитал в газете о Вашем избрании в Академию – и от души Вас поздравляю, или вернее – поздравляю Академию с приобретением такой крупной научной силы.

Пользуюсь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку – присылать оттиски своих работ. В последнее время я от Вас ничего не получал, и, напр[имер], не имею оттиска о сношениях Харуна с Карлом, равно как работ по Ани. Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды.

С истинным уважением
А. Крымский.

№ 3.

А. Е. Крымский – В. В. Бартольду [Автограф, л. 3–12 об.]
Киев, 19 августа 1922 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Я получил Ваше письмо от 6.VIII, и оно меня несказанно огорчило. Упрек в ненависти ко всему русскому мне

до крайности тяжел и обиден, п[отому] ч[то] я как раз принадлежу к тем украинцам, к[ото]рые **борятся**⁴ здесь, в Киеве, против всякой вражды к русским и русскому и получают здесь упреки в «русофильстве, доходящем до измены своему». Поколения, более молодые, чем я, готовы были бы меня даже вычеркнуть из украинских рядов, если бы, к сожалению, для них, этому не препятствовали два серьезных⁵ обстоятельства, – одно, что нельзя Крымского вычеркнуть из истории украинской литературы, где он своею тридцатитрехлетней работой сыграл не последнюю роль, а другое – что Крымский – более **органический** украинец, чем многие из новейших, и что в деле знания украинского языка и стиля во всех его тонкостях эти самые сверх патриоты принуждены признать за Крымским самое авторитетное место. Во всяком случае, кислых слов по адресу моего «обрусительства» я слышу достаточно, а иногда принимаются методы, чтобы меня устранить в тех случаях, когда я оказываюсь «вреден». Самый свежий случай – такой. Украинская эмиграция в Праге и Вене собрала значительные суммы для Всеукраинской Академии наук, и, на собранные и собираемые деньги, посылают продукты и вещи сюда, в Киев, так как сотрудники Всеукр[аинской] Акад[емии] наук на две трети русские, то я, стоя во главе распределительной комиссии, не считал возможным исключать их из равного⁶ раздела. Две недели тому назад последовало от присылателей распоряжение (вызванное, конечно, доносом «патриотов» из Киева), чтобы во главе распределительной комиссии стал брат Грушевского, а не я, и чтобы я вообще не принимал участия в разделе. Самая⁷ Академия наук, где я состою секретарем, является для определенной кучки людей «обру-

⁴ Слово подчеркнуто.

⁵ Написано серьезные.

⁶ Слово вставлено в письме.

⁷ Так написано.

сительною», антипатриотическою и т. п. В церковных делах я, хотя состою верным сыном украинской автокефальной церкви, прилагаю все усилия, чтобы исчезла рознь между нею и церковью славянско-патриаршею и чтобы обе они примирились и воссоединились; мои дружественные сношения с «тихонианцами» (епископами патриарха Тихона)⁸ мне тоже ставятся шовинистами в вину. Лекций я не желаю читать, читаю **только две**, и так как наиболее интересующиеся слушатели оказываются не украинцами, а евреями, татарами, караимами и греками, то я эти два часа читаю **порусски** (отчасти и для того, чтобы не забыть русского языка, на к[ото]ром мне тут почти не приходится говорить вот уже пятый год): и в начале каждого года я со стороны украинских студентов принужден выслушивать массу неприятных комплиментов по этому поводу и требование перейти на государственный язык Украинской Республики или, как тоже говорится, на «язык трудящихся масс украинского народа». Думаю, даже из вышеприведенных фактов Вы могли бы прийти к выводу, что вражда к русскому чужда мне.

Вместо того, Вы из чтения моей книжки вынесли заключение, что у меня есть ненависть ко всему русскому! Боюсь, многоуважаемый Василий Владимирович, что, если все русские будут, подобно Вам, с предубеждением вычитывать из каждого украинского слова то, чего, не думал говорить⁹ автор, то в результате действительно может между украинцами и русскими за зиять пропасть, к[ото]рую потом трудно будет уже засыпать. Не стану отрицать, есть среди украинцев шовинисты, особенно среди молодежи (пять лет существования украинских гимназий привели к тому, что есть уже два курса студентов, для к[ото]рых русский язык есть язык **чужой**, знакомый и понятный лишь в такой самой степени, как, напр[имер], польский), но тем тщательнее и терпимее

⁸ Данные слова вставлены в письмо.

⁹ Слово вставлено.

следует представителям старших (или, как мы с Вами, старых) поколений соблюдать в отношении друг к другу то доверие, к[ото]рое одно лишь и может устранить обострения в отношениях и развитие шовинизма.

Вы мне пишете, что моя книжка **проникнута (!)** ненавистью к русскому, а точнее указываете стр. 227 и, как особенно ненавистническую, стр. 8.

Что касается стр. 227, где я высказываю сожаление, что рукопись – автограф Джамия, по-видимому, пропала при перевозке библ[иотеки] М.И.Д. в советскую столицу Москву, то я абсолютно не могу додуматься, путем какой ассоциации идей можно усмотреть в моих словах что-то антирусское. Сведения о пропаже рукописи даны мне Ф. Н. Петровым, к[ото]рый был откомандирован из Москвы в Киев на весну и лето 1919 г. Он мне рассказал о разгроме «драгомании», о трагической смерти Вал[ентина] Ал[ексеевича] Жуковского¹⁰ и о перевозке библиотеки из СПб. в Москву. Перевозкою заведовал он и еще какой-то коммунист, не то Вознесенский, не то Воскресенский. Свалили они ящики в разные амбары (в Кокоревском подворье и еще где-то), и Петров вскоре убедился, что нек[ото]рые ящики пропали. Проверка выяснила ему, что не хватает и того ящика, где находился автограф Джамия. В краже он подозревал определенные личности, чуть ли не Воскресенского. На основании этих слов Петрова я сделал свое сожалительное примечание. При чем здесь русскость? Разве русский народ может отвечать за кражу, совершаемую одним или несколькими нечестными людьми? С нек[ото]рой натяжкой можно было бы понять мои слова как упрек Советскому правительству, не сумевшему организовать перевозку ценностей. Но и в этом случае разве можно усмотреть мою ненависть к русским? Порицать пра-

¹⁰ Жуковский, Валентин Алексеевич (1858–1918) – востоковед. Выпускник факультета восточных языков (ФВЯ) СПбГУ (1880). Преподавал персидский язык в ФВЯ в СПбГУ (1886–1917). Начальник учебного отделения восточных языков МИД (1905–1917).

вительство вовсе не значит порицать народ. К тому же, как Вам известно, наиболее махровые русские националисты отказываются даже признавать Сов[етское] правительство за представителей русского народа.

На стр. 8 у меня сказано про вандальское хищничество «московской солдатни», против к[ото]рого приняла меры «Российская Академия наук». Не будь у Вас предубеждения, Вы должны были бы обратить внимание на форму «солдатня», – не «солдаты», а именно «солдатня», т. е. разнуздавшаяся сольдатеска¹¹. Заклеймить поступки сольдатески какого бы то ни было народа не значит хулить самый народ. Я преклоняюсь перед немецкой культурой, перед немецкой наукой, без к[ото]рой я не мыслю своего собственного «я», я питаю исконную, глубочайшую симпатию к немцам, но я не задумаюсь с омерзением упомянуть о поступках немецкой «солдатни». Сольдатеска – везде сольдатеска, и «московская» не лучше и не хуже других; наряду с тем у меня упомянута «Російська»¹² Академия наук» как культурный светоч, спасающий культурные ценности. Почему же Вы не захотели обратить внимания на мое подчеркивание заслуг «російської» Академии наук? Русофоб не стал бы о ней упоминать. Польские писатели, когда хотят процитировать русскую мысль, избегают называть русское имя, а пишут: «какой – то автор сказал».

Кроме того, Вы и **не поняли** данного места, потому что нехорошо знаете украинский язык и его оттенки. Термин «русский» передается по-украински **не** через «руський» (в украинском языке слово «руський» есть синоним для слова «український», именно для западно-украинской ветви, иначе русинской). Для передачи термина «русский» мы имеем свой термин: «російський» (напр., «російсько мово»=русский

¹¹ Так написано в письме.

¹² Так написано в письме.

язык), а для передачи русского слова «**россійский**» нам остается термин: «**московский**»¹³.

Удачна ли эта терминология или нет, иной вопрос; но надо считаться с тем, что исторически установилась именно она (вероятно, не без польского влияния, потому что в польском языке термины: *ruski*, *rosyjski* и *moskiewski* выражают те же оттенки). Таким образом, «московська солдатня» значит: «солдатека **российская**, в состав к[ото]рой могут входить и русские, и украинцы, и армяне, и татары и пр. Применить к ним **всем** термин «московська» уместно было еще и потому, что дело свершалось на востоке, где всех нас называли «московами». Вы и сами верно пометили, что на стр.8–9 я под «московською солдатнею» понимаю и украинцев (их и на деле в Трапезунте едва ли не больше). Но Вы не заметили, что ведь и **самого себя** я отнес к «московам»! (стр.5). В других своих беллетристических произведениях, говорящих о востоке, я определенно титулую себя «московом» (см., напр., стр. 311–312 в моих «Бейрудських оповіданнів»¹⁴ по последнему изданию 1919 г.). Ясно, что украинский читатель (а украинские книжки предназначаются, в первой линии, для читателя украинского) ни в каком случае не усмотрит в моем стихотворном цикле «В Трапезунті»¹⁵ антирусских

¹³ Здесь и далее А. Е. Крымский пишет вставки в конце листа письма. «Правда, для русского слова «московский» приходится пользоваться по-украински тоже словом «московський», – отчего, конечно, возможна кое-какая сбивчивость».

¹⁴ Впервые художественное произведение «Бейрутські оповідання» было напечатано в журнале «Нова громада» (1906, № 6, с. 1–23; № 7, с. 28–52; № 8, с. 1–26).

¹⁵ Поэтическая книга А. Е. Крымского «Пальмове гілля. Екзотичні поезії» («Пальмовые ветви») ч. III (1917–1920), изданная в Киеве в 1922 г., открывалась циклом «В Трапезунті». Первое стихотворение данного цикла называлось «Високо-високо над Трапезундом». В книге были представлены переводы персидской поэзии на украинский язык. Название данного цикла было связано с пребыванием А. Е. Крымского в Трапезунде (современный город Турция Трабзон) летом 1917 г., где он по поручению Академии наук занимался изучением письменных памятников в мечетях и монастырях города, занятого русской армией в период Первой мировой войны. А. Е. Крымский поэтические циклы «Пальмове гілля» («Пальмовые ветви») в ч. 1–3 издал в 1901–1922 гг.; ч. 1 (1898–1901) издана во Львове, ч. 2 (1903–1908) опубликована в Киеве в 1908 г. и ч. 3 (1917–1920) – в Киеве в 1922 г. В 1923 г. в Киеве была переиздана «Пальмове гілля. Екзотичні поезії. Ч. 1 (1898–1901) и Ч. 2 (1903–1908). Также в 1918 г. А. Е. Крымский опубликовал

выходок, что же касается читателей неукраинцев, то тоже ясно: прежде чем делать обидные заключения для автора, они должны иметь уверенность, что **правильно** поняли украинский текст. Не то, можно дойти и до самых неожиданных выводов. Если Вы, читая мои украинские переводы Хафиза, будете понимать украинские¹⁶ слова в их русском значении, то Вам придется, напр., сказать, будто я утверждаю, что Хафиз наслаждался харями (по— украински «роза» называется «рожа») и что он любил уродливых (по— украински «уродливый» значит «красивый» и «пригожий»).

Повторяю, однако: даже при Вашем понимании слова «московский» в его русском значении нельзя было бы усмотреть вражды к **русским** в возмущенном отзыве о подвигах их **разнузданной солдатески**, если бы отзыв этот был читаем без **предвзятого** мнения о враждебности всего украинского к русскому. И это тяжело знать. Я принадлежу к тому поколению украинцев, для к[ото]рых слово «русская наука» не есть еще пустой звук и к[ото]рые его произносят с иным чувством, чем, напр., «польская наука» и «чешская наука». **Покамест**, вся сила на Украине находится в руках нашего поколения: врачи русские — или моложе нас, или эмигрировали за границу, где заполнили собою Прагу, Вену, Берлин и т.п. Но время бежит, и будущее чревато последствиями. Наступит день, когда на родину вернется и старшая эмиграция, и младшая, воспитывающаяся теперь в заграничных школах, иностранных ли, украинских ли (как Вы будете знать, что в Праге есть **очень хорошо** поставленный украинский университет, и есть высшие украинские школы и в других местах заграницы). С нею, (эмиграцией)¹⁷, пойдет купно современное младшее поколение Украины, уже стряхнувшее с себя всякую русскость. И удастся ли тогда нам, старшему поколению,

художественное произведение «В Трапезунді. Спомини з літа 1917 р.» в журнале «Шлях» (1918, № 12, с. 34–43).

¹⁶ Слово вставлено в письмо.

¹⁷ Слово вставлено.

сберечь свои позиции? Не будет ли нам говорить с иронической усмешкой: «О какой общности с русскими может быть речь, когда **даже Крымский**, с его московской примирительностью, представляется для них недопустимым врагом»? Подобное говорится и теперь. И теперь младшие украинцы твердо убеждены, что русские могут примириться только на полнейшее подавление украинского слова и что соглашатели, только типа как Крымский, Ефремов, Вернадский, – это близорукие мечтатели, не желающие видеть подлинного, безнадежного¹⁸, нетерпимого лица русской интеллигенции. Покамест мы отрицаем такие утверждения, и опровергать наш оптимизм трудновато, потому что о жизни Петербурга и Москвы Киев почти не имеет никакого представления, сношения – затруднены, печать никакая не доходит, кроме казенной (неказенных газет, вероятно, ведь и нет в Петербурге и Москве, как нет неказенных газет и в Киеве). Но когда, наконец, жизнь войдет в норму и вяспать, всякие субъективные утверждения и отрицания потеряют силу убедительности. Будут просто говорить: «А прочитайте-ка такой-то № московской газеты! Прочитайте-ка такой-то журнал, прочитайте-ка такую-то московскую книгу». И не столкнут ли тогда нас на основании **фактов**, даваемых русскою интеллигенциею? И не скажут ли нам, сталкивая нас, как отживший себя устарелый хлам: «Они не понимают, что с русскими нет почвы для соглашения. Один раз Россию до политического развала довели слепая национальная¹⁹ нетерпимость ее правительства, [в] другой раз до культурного развала доводит слепая национальная нетерпимость ее интеллигенции».

И будет сия последняя горьше [прежних].

Я очень редко пишу письма, кроме коротеньких – сухих, чисто делового содержания. На нынешний раз я изменил своему обычаю и ответил на Ваше письмо целым посла-

¹⁸ Слово вставлено.

¹⁹ Слово вставлено.

нием. Накипело на душе. Притом Ваше письмо – первый голос, к[ото]рый дошел до меня извне. Мы ведь, повторяю, гораздо хуже знаем духовную жизнь Петербурга, чем напр., Праги, Вены, Львова. Крайне короткое прошлогоднее письмо И. Ю. Крачковского я не беру в счет: в нем, кроме делового сообщения на один мой запрос, ничего не было.

На прочие подробности Вашего письма я отвечать не буду, за исключением еще одного пункта. Вы думаете, что лучше было бы украинцам держаться общерусского языка и ограничиться областью диалектической [поэзии]. Конечно, никому не возбраняется думать, как он хочет: *die gedanken sind zollfrei*²⁰, и ничего обидного в Вашем мнении ни для кого нет. Но уверяю Вас, оно теперь²¹ просто поражает своим колоссальным несоответствием с фактами действительности. После того как на украинском языке идет работа в 12 университетах²², после того как этот язык обильно проявляет себя в науке, в общественно-политической жизни, в юридических отношениях, в законодательстве, администрации и т. п., думать так, как Вы, это значит *hercher midi a quatorze heures*. И я, без тени огорчения, а только с изумлением, прочитал Ваше мнение. Что ж!

*«Движенья нет!» – сказал мудрец великий.
Другой смолчал – и стал пред ним ходить.*

(Пушкин).

Я с жадностью прочитал Ваши сообщения о жизни петербургских ориенталистов. Смерть Кузьмина, Фалева, Смирнова – все это для меня новость, грустная, жгуче скорб-

²⁰ Лат.: Мысли пошлинами не облагаются.

²¹ Слово вставлено.

²² Также вставка А. Е. Крымского в конце текста на листе. Научную **качественность** большей части этих, захолустных у[ниверсите]тов я оставляю в стороне: для судьбы укр[аинского] языка это значения не имеет, потому что у[ниверсите]тские предметы остаются университетскими независимо от личной квалификации лектора.

ная новость. Жив ли Коковцев? Мне известно было лишь, что скончались Жуковский, Залеман, Тураев, Медников²³. Нет ли еще жертв смерти? Ужас охватывает при виде этого синодика.

Вы пишете: «Пришлось выбыть из нашей среды, против своей воли, И. Ю. Крачковскому». Что это значит? Где же он?

Благодарю Вас за присылку оттисков «Из истории турок» и «Вост[очных] рукописей». Но **не получены** тома XXIV и XXV «Записок Вост[очного] отдел[ения]». По какому адресу они были отправлены? Их неполучение очень и очень мне неприятно. С такой жадностью ловишь каждую, даже мелкую новинку из области востоковедения, а тут на тебе! Пропало целых два тома! Очень прошу Вас дать точные указания, по к[ото]рым я мог бы эти тома разыскать. В крайнем случае, я просил бы передать эти тома через какое-либо лицо, едущее в Киев. На днях поедут в Петербург из Киева Мияковский и Новицкий. Я их направлю к Вам.

Вышел ли в свет VI том **ибн-Мискавейга**? Он мне до крайности нужен, а я не могу о нем получить никаких сведений.

Положение востоковедения в Киеве таково: Для учебных целей был основан весной 1918 года «Институт восточных языков», к[ото]рый вскоре же обогатился англо-саксонским отделением и, после разных переименований, остановился наконец на наиболее длительном имени: «Институт для внешних сношений», с отделениями восточным и англо-саксонским. Языки, включенные в восточное отделение, это не только арабский, персидский и турецкий, но и балканские: румынский, новогреческий, болгарский, сербский. Как раз балканские языки лучше и были представлены: румынский – преподаватель Гроссу (проф. б. Киев[ской] дух[овной] академии), новогреческий – И. И. Соколов (проф. СПб. дух. академии), болгарский – Дринов, сербский – Стоянович, арабский

²³ Слово вставлено.

язык читает Т. Г. Кезма²⁴ из Назарета. Он окончил Киев[скую] дух[овную] академию, очень хорошо говорит по-русски и прекрасно знает классич[еский] араб. язык (во много раз лучше тех арабов, к[ото]рые попадают в Россию). Как педагог, он, однако, мягок и вял. Персид[скому] языку не везет. Метеорами мелькают имена: Мирза Джафар (из Лазар. инст.), Ф. Н. Петров (из СПб.), П. Н. Лозиев (оставленный по персид[ской] кафедре при Лазар. институте), но все они не могут привиться, и в нынешнем году персид[ская] кафедра вакантна. Турецкий язык сперва читался Вл. Щербиною (рос-сийским консулом из Малой Азии), потом перешел в ведение Т. Г. Кезмы, к[ото]рый говорит по-турецки бегло, но с типичным арабским выговором. Историю и историю литературы и этнографию²⁵ каждой немусульманской народности читают профессора историко-филол[огического] факультета Киев[ского] у[ниверсите]та (между прочим, историю балканских славян читал Т. И. Флоринский, пока его не расстреляла Чека). Я читаю попеременно – один год историю Сасанидов, Мохаммеда и халифата, другой год – историю Турции; в обоих курсах литературе дается превалирующее место. Курс мой посещают и студенты ист[орико] фил[ологического] факультета **университета**, и с ними – то у меня ежегодно и происходят объяснения по поводу языка преподавания: они никак не могут понять, почему я читаю по-русски, тогда как и мне легче было бы читать по-украински, и им приятно было бы слушать по-украински. «Институт внешних сношений» остался неукраинизированным, потому что большей частью он не содержался на казенные средства; но вообще никому не возбраняется читать на том языке, на каком он сочтет нужным.

С нынешнего, 1922 г. правительство меня запрягает в более сильную педагогическую деятельность, чем та, в к[ото]

²⁴ Наверху русской фамилии написана на арабском языке كزما (kazma).

²⁵ Слово вставлено.

рой я обретался до сих пор. Создана в Киеве «исследовательская кафедра **«языковедения»**», и во главе принудили стать меня, а вместе с тем мне поручено взять в свои руки трех т. н. «аспирантов» (т. е. профессорских стипендиатов) и передать им свои лингвистические знания. Я наметил двух из числа наилучше окончивших Лазар. институт для персидского языка и словесности, они переедут сюда, в Киев, и будут материально обеспечены. Для турецкого языка я наметил одного из кандидатов филологов²⁶ Киев. у[ниверсите]та, очень талантливый²⁷ галичанин Демянчука. Кроме того, намерен солидно взяться за турецкий язык ученик покойного Шахматова и Щербы – Ганцов. Эти трое (вернее, четверо) «аспирантов» будут образовывать собою т. н. «восточный семинарий». Не скажу, чтобы я охотно брал на себя руководство ими (четыре года я блаженствовал, почти лишенный преподавательских обязанностей), но уклоняться нет уж никакой возможности, и занятия начнутся с сентября.

Так обстоит дело с подготовкою востоковедов. С востоковедными **библиотеками** положение сложилось много благоприятнее, чем можно было бы ждать.

Прежде всего огромным сюрпризом для меня было то, что в библиотеке **Киевского у[ниверсите]та** за девяносто лет его существования составилась подбор сочинений и изданий по востоку далеко не бедный. Есть комплекты востоковедных журналов (среди них JRAS полон, тогда как в Лазар. институте он начинался только с 1900 г.), есть все издания европ[ейских] академий с востоковед[ными] частями, есть европ[ейские] переводы историков и географов (следовательно, чаще всего с вост[очными])²⁸ текстами, напр. Масудий), есть общие сочинения по восточным литературам (в том числе даже грузная Lit. Gesch. der Araber Гаммера),

²⁶ Слово вставлено.

²⁷ Слова вставлены.

²⁸ Слово вставлено.

и, в особенности, обещает много приятных неожиданностей история Турции.

При Всеукраин[ской] Академии наук создалась колоссальная **«Всенародная библиотека»** (приблизит. 1200000 тт.), и один из ее отделов обособлен: Orientalia. Это преимущественно отдел еврейский, и заведует²⁹ им проф.-гебраист б[ывшей] дух[овной] академии Иваницкий. Главную ценность составляют тут многочисленные старопечатные еврейские издания и рукописи. Мусульмановедных книг тут мало, п. ч. они систематически поступают в ведаемый мною **«Кабинет арабо-иранской филологии»**. В основу его легла пожертвованная мною Академии наук моя очень большая библиотека и, преимущественно лишь арабская биб[лиотека] Израэльского, к[ото]рую он нам продал, (он – воспитанник СПб. вост[очного] фак[ультета], а печатные труды его – все гебраистические). Сверх того открылось, что в Киеве и, особенно, на Киевщине существовал ряд тихих, никому не известных любителей восточных языков; иные из них давно уже умерли. Их библиотеки (в том числе комплект Journal Asiatique, начиная с самых первых его тетрадей) приобретены тоже для «Кабинета ар[або] ир[анской] филологии»³⁰. Кроме того, различные правительственные книжные учреждения («Книжная секция Наркомпроса», «Книжный фонд» и т. п.) и множество поставленных мною нарочитых³¹ агентов свезли ко мне между прочим из провинции³² все, что имеет хоть намек на отношение к востоку, к его этнографии, географии и т. п. Покамест эта библиотека теснится в пяти комнатах и расставлена в шкафах по отделам, но еще не закаталогизирована, потому что я поджидаю перевозки

²⁹ В письме написано заведывает, украинизм.

³⁰ Также вставка А. Е. Крымского в конце листа письма. «Не могу не отметить, что среди книг немало есть носящие посвятельные авторские надписи к покойному Гиргасу (напр., труды Мерена). Я их купил у букинистов.

³¹ Слово вставлено.

³² Эта фраза вставлена над предложением.

из г. Звенигородки Киев. губ. остальной части моей (незаурядной) библиотеки. Пользоваться, во всяком случае, ею и без каталога³³ легко. Очень хорош в ней отдел востоковедных изданий XVI–XVII в., благодарный материал для тогдашней³⁴ истории Турции и Персии, да и для предыдущих веков иные редкие издания есть в дублетах, напр. базельское собрание путешествий 1532 г. (где из новейших имеется текст Л. Вартемы, а из более старых – Гойтон, Марко Поло и пр.). То, что относится к польско-турецким делам, попадает в триплеттах. Со временем можно будет устроить обмен дублетами с Петербургом. Слабая сторона этой библиотеки – почти полное отсутствие заграничных изданий последних восьми лет. Иногда оказываются самые свежие новинки из далекой Америки (напр., *Journal of semit. philology* даже за 1922 г.), и в то же время никак не могу раздобыть ZDMG³⁵ за последние годы! Устроен и отдел **рукописей**, но покамест есть [лишь] несколько десятков. Пожертвованы они преимущественно³⁶ теми людьми, к[ото]рые вывезли их с турецкого фронта (а часть нашлась в здешних старых библиотеках, иногда на чердаках³⁷). Нек[ото]рые, безусловно, похищены из мечетей, напр. «Шярх масабіh» 850–1446 г. или «Тафсір anwar am-тапзиль» Бейдавия 982–1574 г. Прибавить нужно, конечно, рукописи бывшей моей коллекции. Одну из них – именно путешествие патриарха Макария, имеющее нек[ото]рые отличия от того текста, к[ото]рый переведен Муркосом³⁸,

³³ Эти два слова вставлены.

³⁴ Слово вставлено.

³⁵ ZDMG – известный немецкий востоковедческий журнал «Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft», который издавался в Лейпциге.

³⁶ Слово вставлено.

³⁷ Данное предложение в кавычках вставлено.

³⁸ Муркос, Георгий Абрамович (1846–1911) – российский арабист, араб по происхождению, профессор Специальных классов Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ). Выпускник Петербургской духовной академии и факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

перевел по заказу Академии наук Т. Г. Кезма³⁹ на русский язык; перевод поставлен на полку рядом с арабской рукописью.

Созданием такой библиотеки в Киеве я могу, безусловно, гордиться. Конечно, в ближайшие годы она послужит главным образом только для меня (араб Кезма имеет свою специальностью только классич[еский] араб[ский] язык, именно его «nahw», да еще восточную⁴⁰ нумизматику, курс которой он начал читать в университете еще лет десять тому назад, а Эйзаров довольствуется своей собственной библиотекою и теми познаниями по восточным языкам, к[ото]рые он носит с детских лет в своей собственной голове. К тому же его новейшие работы по обычному праву восточных народов свидетельствуют о его полном пренебрежении к научной филологии в европейско-востоковедном смысле⁴¹ и видно, что созданная мною библиотека едва ли ему когда-н[ибудь] понадобится. Но утешаю себя мыслью, что раньше или позже Киев (или, как Вы бы, вероятно, сказали охотнее: «наш юг») должен будет развить востоковедение в полном объеме, и академическая библиотека, не переставая обогащаться новыми притоками, окажется очень кстати.

Лично для меня условия работы тут в высшей степени благоприятны. Преподавательскую деятельность я с себя почти снял. Органическое мое отвращение ко всякой политике, партийности и даже к общественной деятельности, если она не касается науки в самом точном смысле, спасло меня от той потери времени, к[ото]рую все теперь испытывают в новом строительстве. Резкие смены правительств в Киеве (в течение пяти лет революции Киев испытал 17 политиче-

³⁹ Кезма, Тауфик Гаврилович (1882–1958) – украинский арабист, палестинец по происхождению. Выпускник Киевской духовной семинарии и академии, преподавал в учебных заведениях Киева и был сотрудником кабинета арабо-иранской филологии Всеукраинской Академии наук.

⁴⁰ Слово вставлено.

⁴¹ Вставка А. Е. Крымского. «Лично он себя мнит первоклассным филологом с европейским именем (в виду имеются, конечно, его работы о курдах).

ских переворотов!), кровавые расправы, к[ото]рые всегда при этом происходили, меня не касались: все правительства признавали меня за аполитичного, и все со мною обращались хорошо и не мешали работать. Единственное исключение было во время польско-петлюровского господства в Киеве в мае-июне 1920 г.: тогда власти меня арестовали, водили под вооруженным конвоем по наиболее людным улицам Киева и приговаривали к расстрелу, тщась доказать, что я большевик. Но и эта неприятность тянулась только три дня (она положим сделала меня седым), – и в конце концов я был освобожден и оставлен в покое. Таким образом, мною за время пребывания в Киеве очень много сделано, а так как теперь открывается возможность печатать, то готовые мои работы не залежатся.

Прежде всего, я dokonчил начатую мною в Москве большую работу про Абу Теммама, «Хамасу», «Диван Гозейлитов» и «Агани». Рукопись переписана на машинке начисто (несколько сот страниц). Писана работа по-русски и по-русски же будет печататься.

Закончено мною две больших работы: а) «Хафиз» и б) «Джамий». Обильный библиографич[еский] материал был для них собран в течение многих лет раньше, и теперь я написал самое исследование. Много труда доставил мне **Хафиз**, п. ч. пришлось распутывать ту грубую путаницу к[ото]рая водворилась в европейской науке. Нелепо невежественного Судия пришлось проштудировать от доски до доски, чтобы детально обличить его (Кстати сказать: даже как филолога я не решаюсь ставить Судия высоко). Первые главы моей работы о Хафизе, как имеющие *и для более*⁴² широкой публики интерес) я уже⁴³ сдал в типографию для напечатания во II и III книжках акад[емических] «Записок ист[орико] фил[ологического] отд[еления]», из них будет сделан оттиск,

⁴² Фраза вставлена.

⁴³ Слово вставлено.

к к[ото]рому отдельно будут допечатаны более специальные материалы. Разумеется, я Вам не замедлю его прислать.

Наличность португальских и иных путешествий XVI–XVII в. в их старопечатных оригиналах⁴⁴ соблазнили меня написать историю Персии XVII в.; [Товвеа?] послужил для меня одним из основных проводников, но разумеется, использовал я и более поздние, таких как Дю Манн и Шарден. Включил я сюда и отношения Персии с **Московией**, а потому отдал свою рукопись для перевода на русский язык. Возможно, что сперва напечатаю по-русски.

Очень много времени занял у меня очерк истории Персии IX–X в. Почти два года я усердно проверял строка за строкою все арабские источники, чтобы сообщение каждого факта базировалось на точной ссылке и чтобы не была упущена ни одна сколько-н[ибудь] интересная **культурно-бытовая** черта. Правда, при обработке изложения пришлось значительною частью подобранного материала пожертвовать и использовать его лишь т[ак] ск[азать] «прегнантно», в таком виде, что указание понятно будет лишь тому, кто сам читал первоисточники; но все же общий характер изложения, культурно-бытовой, остался сохраненным. Напечатал я 8 печ[атных] листов, т.е. 128 стр., но затем остановился, потому что даже до Бовейгидов одно очень смутное указание, полученное мною из Праги, гласит, что, **кажется**, выпущен в свет VI-й т. ибн Мискавейга. Это сообщение и заставило меня приостановить печатание, чтобы в главах о Бовейгидах был использован и ибн Мискавейг (у меня есть только т. V). Но вот уже четыре месяца тщетно навожу справки: или мои письма не доходят в Англию и Голландию, или письма из тех двух стран не доходят до меня. И я не имею до сих пор не только VI-го т. ибн-Мискавейга, но даже не имею подтверждения, вышел ли он в свет. Сделаете мне большое одолжение, если дадите по тому поводу точную информацию. А отпечатанные 8 лл. я скажу сброшировать

⁴⁴ Фраза вставлена.

в 1–2 экземплярах и пришлю Вам и еще кому-н[ибудь] из петербуржцев. *«Пальмове гилля»*⁴⁵ – у Вас в руках. Оно у меня времени не отняло: писалось между делом⁴⁶.

Вот главное, что у нас в Киеве сделано в области востоковедения. На этом и кончу свое длинное письмо (сегодня праздник Спаса, и я имел полную возможность не выходить из дому совершенно и отдать часа три на написание этого письма). Хотел бы переслать через Вас привет Крачковскому, но из Вашего письма выходит, что его нет в Петербурге. Повторяю свою просьбу: сообщите мне, что случилось с ним. Кто же теперь представитель арабистики в СПб.? В чьих руках ирановедение? Судя по тому тому *Melanges Asiatiques*, к[ото]рый переслала нам Росс[ийская] Ак[адемия] н[аук], должен быть в Петербурге Иванов. Тесно ли он связан с наукой или занимает должность библиотекаря? Мы здесь вообще почти ничего точного⁴⁷ не знаем о Петербурге, а о востоковедении – тем паче. Высланные Вами XXIV и XXV тт. «ЗВО»⁴⁸ были бы здесь кладом, если бы дошли. Вновь повторяю просьбу сообщить, по какому адресу Вы их отправили и через кого. Единственный, кто еще не вернулся из командировки в СПб., это Щербаковский, – не через него ли?

Искренне преданный Вам А. Крымский (см. оборот).

20 августа.

Сегодня получил от Вас отчет о поездке в Туркестан 1920 г. Вы не представите, с каким огромным интересом, и с какой жадностью прочитал я его. Все здесь было для меня откровением. Искреннейшее спасибо!

⁴⁵ Известные поэтические книги А. Е. Крымского, которые состоят из трех частей и включают переводы на украинский язык произведений восточной и западной поэзии. Первая часть (1898–1901 гг.) впервые была опубликована во Львове в 1901 г.; вторая часть (1903–1908 гг.) издана в Киеве в 1908 г. и третья часть (1917–1920 гг.) – опубликована в Киеве в 1922 г.

⁴⁶ Эта вставка написана над предложением более черными чернилами.

⁴⁷ Слово вставлено.

⁴⁸ Журнал «Записки восточного отделения».

Вместе с тем у меня явилась мысль, что вероятно, такой же интерес могут иметь сообщения и о ориенталистических делах в Киеве для тех, кто совсем не знает, что здесь творится...⁴⁹ Поэтому <...> мое письмо (в его второй востоковедной⁵⁰ половине для печати, сделавши, разумеется, соответствующие пропуски, напр., смягчивши мой отзыв о вялости Кезмы, о нефилологичности Эгіазарова (мнящего себя, прежде всего, филологом) и т.п.

№ 4

А. Е. Крымский – В. В. Бартольду [Автограф, л.13–14 об.]
Киев, 17 окт[ября] 1925 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

От души благодарю Вас за прилагаемый курс «Место прикасп[ийских] областей». Я его читал прямо с наслаждением. Самая форма изложения, лекционная, с вопросами слушателя, не только не ослабляет интереса, а наоборот усиливает, перенося прямо в аудиторию, в среду интересующихся слушателей. Я мысленно рисовал перед собою эту аудиторию, живо ощущал, что востоковедение в России не может заглухнуть, несмотря на все тяжелые удары, и на душе являлось отрадное чувство общения между всеми нами. Здесь, в Киеве, мне это чувство переживать приходится нечасто. Наоборот, каждый минувший год наводит на меня тяжелую грусть. Я работаю совершенно один (зеленую молодежь я не могу ж принимать в соображение), и это одиночество с каждым годом томит меня все больше и больше, а необходимость нести возложенное на меня бремя «непременного секретарства» и отрывать от чисто научных занятий известную часть времени делается, наконец, прямо убийственной повинностью. По-видимому, через несколько недель я ее с себя сумею, нако-

⁴⁹ Далее предложение текста не читается.

⁵⁰ Слово вставлено.

нец, сбросить, если только мне удастся уговорить и убедить харьковских представителей власти, что пора, наконец, дать мне покой и освобождение от всего, не относящегося к кабинетной работе. К сожалению, там туго поддаются на мои резоны и не имеют большой охоты распрягать меня... Сверх всего, атмосфера академической жизни в Киеве делается прямо гнетущей. Приехал Грушевский и начал всюду разливать яд ненависти ко всему русскому. Вы когда-то, спасибо Вам за откровенность, обвиняли меня в неприязненном отношении к русским. Я Вам тогда ответил, что Ваши слова причиняют мне тяжелую душевную боль. А теперь со стороны Грушевского идет систематическая травля против меня, Ефремова и Лободы за нашу «враждебность ко всему украинскому». В заграничных украинских журналах он, Грушевский, и печатно предупреждает всех, что киевской Академией наук руководят «люди неприхильні украинству», составляющие правление Академии (т.е. Крымский, Ефремов, Лобода), а в Киеве он устно всюду провозглашает нас изменниками национальности и старается подорвать даже наше право называться украинцами, особенно мне, проводшему свою жизнь в Москве. Общее собрание академиков, разумеется, стоит за нас, за меня, и к Грушевскому относится прямо с гадливостью, но среди обыкновенной киевской публики шовинистическая агитация Грушевского, особенно при нынешнем украинизационном курсе, несомненно, имеет успех. И я испытываю жгучую потребность – уйти от людей, запрятаться у себя в кабинете (как это делал всю свою жизнь), не принимать никакого участия в здешней общественной жизни, знать только свое востоковедение и больше ничего, и не давать никому повода и права копаться в моих национальных убеждениях. Сегодня, когда я поздно ночью кончил чтение Вашей книги, меня с особою силою сверлит назойливый вопрос: «Да когда же, наконец, я буду в состоянии дышать только интересами востоковедения! Когда же, наконец отпустят меня от той ненужной для меня

барщины, к[ото]рая для иного была бы и предметом стремления, а меня только тяготит!».

Извиняюсь за свой тяжеловатый русский язык. Семь лет моего пребывания в Киеве, несомненно, наложили свою печать на чистоту моего русского стиля, и я теперь считаю своею обязанностью просить извинения у читателя во всех тех случаях, когда пишу по-русски.

Преданный Вам А. Крымский.

№ 5

А. Е. Крымский – В. В. Бартольду [Письмо напечатано на машинке, л.15–15 об.]

Киев, 23 ноября 1925 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Я только, что вернулся из Харькова, куда вновь надолго (с отвлечением) ездил по академическим делам, и застал на столе Ваше письмо. Позволю себе дать Вам совет: когда будете проезжать через Киев, сделайте здесь хоть маленькую «галту». Я могу предоставить в Ваше полное распоряжение мой кабинет в Академии наук. Это – прекрасная, обращенная на юг, светлая, хорошо отапливаемая комната, в которой есть слишком достаточно места и для двух постелей. Что касается дальнейшего проезда до Одессы, то это нам легко будет обеспечить для Вас со всеми удобствами (в отдельном купе, в мягком вагоне и т.п.). Конечно, если Ваши дорожные расчеты не позволят Вам последовать моему совету, я постараюсь увидеться с Вами на вокзале. Близорукий до слепоты, я, быть может, сам и не сумел бы Вас опознать, но Вы, без сомнения, легко меня отличите, потому что у меня на носу две пары очков, и я не думаю, чтобы среди вокзальной публики нашелся еще индивидуум такого же сорта.

Примите мой искреннейший привет.

Ваш А. Крымский.

№ 6

А. Е. Крымский – В. В. Бартольду [Не почерк Крымского, л.16–17]

Звенигородка, 12 августа 1926 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Я больше месяца отсутствовал из Киева и из Звенигородки, разъезжая по разным местам. Сегодня приехавши в Звенигородку, застал Ваше письмо, адресованное в Киев, которое, как видно из почтовых штампов, сперва пошло на Москву (10/VII), а в Киев прибыло 12/VII. Я в течение целого августа не буду еще в Киеве, но и в мое отсутствие к Вашим услугам будет предоставлено помещение в здании Академии наук (Владимирская, 54), вполне комфортабельное, а Вашим гидом по Киеву и его научным учреждениям будет с величайшей готовностью Ваш беззаветный поклонник, мой ученик Павел Никифорович Лозеев; он председатель Ассоциации Востоковедения в Киеве и управитель моей канцелярии. Он же познакомит Вас и с теми нашими академиками, которые не уехали из Киева, поскольку знакомиться с ними будет для Вас интересно. Вообще Вы будете в Киеве самым дорогим гостем.

Не могу угадать Вашего одесского адреса и потому адресую письмо не непосредственно. Бесконечно жалею, что не придется повидаться с Вами.

Страдаю глазами, а потому не сам пишу, а диктую письмо.

Ваш А. Крымский.

P. S. Лозеев сможет Вас встретить на вокзале, если Вы дадите ему телеграмму на Киев (в Академию).

№ 7.

А. Е. Крымский – В. В. Бартольду [Автограф, л. 18–21].

Киев, 25 марта 1928 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Я получил Ваше уведомление о смерти Вашей супруги, и тяжелое, щемящее чувство охватило меня, которое так и не проходит. И это чувство – не простое соболезнование о Вас (хотя я, старик, очень ясно представляю, как тяжело в наши годы лишиться товарища и ангела–хранителя). Нет, смерть эта больно и горько отозвалась и во всем **моем** существе, потому что я тоскливо ощущаю, как и в моей жизни перевернулась одна страница – к концу книги. Я не воспитанник Петербургского ун[иверсите]та, но я духовно связан тесными связями с его деятелями, и среди них покойный В. А. Жуковский вызывал во мне сугубое чувство уважения и глубокой симпатии. Поэтому когда я познакомился с Вашей супругой, как-то легко почувствовались сразу созвучные ноты, разговор не был обычным вежливым разговором, а наоборот – таким, в к[ото]ром между людьми устанавливаются душевное понимание, симпатия, уважение. У меня от Вашей покойной супруги осталось неизгладимое впечатление, и много-много времени спустя я с отрадою вспоминал те несколько часов, к[ото]рые провел в Вашем и покойницы обществе на киевском вокзале. Для Вас и для нее это был, конечно, лишь случайный дорожный эпизод, для меня – источник живой воды и сноп света среди окружающей мгlistой действительности. И теперь этой светлой странице – больше не повториться... Ваша супруга – покойница... Второй уж день прошел, как я получил Ваше письмо, – и жгучее чувство боли не ослабевает, не заглушается; а сего дня (вечер субботы) даже больше щемит, чем при первом известии. И все время вспоминается ее добрый взгляд, устремленный на Вас, когда она о Вас говорила, или тот звук голоса, с к[ото]рым она рассказывала о смерти Валентина Алексеевича, или отдельные фразы о каких-нибудь мелочах даже, оставшиеся, однако, в памяти. И ужас охватывает – подумать, что над

нею теперь тяжелый слой земли, непроницаемый мрак... и уста немые, и взгляд потух...

И если ее смерть производит такое тяжелое впечатление на **меня** – то что же должны испытывать **Вы!** Пошло было бы с моей стороны повторять Вам избитые слова утешения; но как хотелось бы мне быть сейчас возле Вас и крепко-крепкожать Вам руку, молча, без фраз!

Письмо Ваше почти совпало с прибытием, из Туркестана, сборника в Вашу честь, – и тут тоже пришлось испытать известное чувство горечи. Конечно, сборник издан превосходно, и статьи в нем интересные, – но почему же Ваш юбилей ознаменован лишь как дело небольшой группы лиц, а не был отпразднован в масштабе общерусском и европейском?

И я, и **очень** многие сочли бы для себя более чем приятной обязанностью откликнуться в Вашу честь статьей, – и юбилейный Ваш сборник, конечно, был бы **событием** в ориенталистике, тем более что и заграница приняла бы в нем самое деятельное участие. Я собираюсь на днях писать к И. Ю. Крачковскому, и затрону перед ним этот предмет. Тут идет вопрос не только лично о Вас, а об известной полосе в науке, – полосе, к[ото]рую ознаменовать нужно еще теперь – смотром старых сил, пока они еще не угасли и не наступило грядущее безвременье.

Я очень неравнодушно отношусь к затронутому вопросу, потому что чем ближе к смерти, тем ревнивее говорит во мне ориентализм, и я иногда целыми неделями не могу стряхнуть с себя мысли, что жизнь моя, под конец, сложилась не так, как того требует душа. В мае прошлого (1927) года я решился, может быть и несколько странным способом, сбросить с себя административные обязанности, чтобы по старому московскому – замкнуться в четырех стенах своей библиотеки. Просто отказаться от секретарства было для меня невозможно в силу разных товарищеских или общественных отношений, поэтому я постарался устроить дело так, чтобы сделаться для

правлящих кругов нежелательным лицом, к[ото]рое **должно** быть исключено из кандидатов в будущие секретари. Исползовавши вопрос об украинском правописании, я сумел составить против нового нашего наркома просвещения несколько таких официальных бумаг, к[ото]рыми восстановил его против себя бесповоротно. Между прочим, я «*coram populo*»⁵¹ и в «особых мнениях» доказывал, что он старается вместо украинизации проводить полонизацию и «искусственно разъединять трудящиеся украинские массы от трудящихся великорусских масс», подсовывая им вместо их родного украинского языка ополяченный галицкий жаргон. А нарком возражал мне, что я провожу русотяпство и обрусение. В январе нынешнего года он заявил мне, что и в академических наших делах он должен повести со мною решительную «борьбу» за мое «недопустимое» обрусительство: **я**, видите ли, виноват в том, что наша Академия выбирает так много русских, когда есть под боком много своих украинцев. Вместо того, чтобы отрицать свою «вину» и оправдываться, **я раздул** эту тему. Таким образом удалось мне свою особу сделать для наркома неприемлемой и не утвердимой. Заведующего⁵² же Главнаукой я, без особого труда, сумел сделать своим личным врагом путем нескольких таких публичных выступлений против него, к[ото]рые его ставили в смешное положение. Результат – тот, что мне остается нести обязанности непрременного секретаря всего каких-нибудь 2 1/2–3 недели: между 10–15 апреля будет вместо меня поставлен кто-то другой (не «избран», а «поставлен», потому что новоутвержденная процедура выборов передает исход выборов всецело в руки Наркомпроса). На моем материальном положении это, конечно, отразится (как академик, я получаю 180 руб., а как секретарь – 210), но мне так немного требуется для прожития, что этот вопрос никогда меня не тревожил, и я свое спасение

⁵¹ Лат.: Перед народом.

⁵² Написано – заведывающего (украинизм).

от административного ярма должен ценить, конечно, гораздо выше, чем секретарское жалованье. Живу теперь надеждой, что наконец-то, под конец жизни, *si sors dat otium vitae*⁵³, мне удастся отойти от всякой суеты и завершить хоть главнейшие свои работы, над к[ото]рыми я много лет потрудился, а до сих пор завершить не имел возможности из-за административной барщины. Думаю, что очень скоро обо мне забудут и как о политической фигуре, и я не принужден буду (как это до сих пор, увы, водилось) давать репортерам интервью на политические злобы дня, **которых я не знаю** (!! Да: я газет ведь не читаю, нет на то времени и настроения, – и в последние два года пришлось дойти до такой скабрёзности, что репортеры приносили мне готовый текст желательного интервью, а я, махнувши рукой, соглашался признать его за свои мысли, хотя сплошь да рядом не имел и даже не мог иметь своих определенных мыслей по поводу событий, мне неизвестных или неясных).

Живу теперь надеждой, что скоро-скоро отойду от всего этого суетного и возвращусь в свое первобытное состояние.

До сих пор я девять лет честно нес свои обязанности не-прем[енного] секретаря, работал до отказа (отдавая за то для науки всю ночь). Теперь меня, перед концом, уже тяготит каждая бумажка, каждый протокол, «отношение» и т.п., как обуза и насилие надо мною. В голове – лишь картины будущей свободы, неограниченного научного труда, без канцелярщины – а рядом с этим остается еще не сброшенная с шеи барщина. От этого контраста я совершенно издергался, и гнетущее известие о смерти Вашей супруги тем сильнее ударило по мне, что нервы совсем измучены. И ко всему добавляется еще одна гнетущая мысль: «Ну, а теперь за кем дальнейшая очередь?». Я лично смерти абсолютно не боюсь, но прожить последние годы с ощущением, что многое не доделано и, пожалуй, так и останется недоделанным, – это ощущение прямо

⁵³ Лат.: Если он дает много досуга.

жжет. А когда смерть выхватывает кого-либо из коллег, то тут жгучее чувство боли усиливается от сознания: «И **заменить** некем». راحت الناس وبقى النسناس⁵⁴, как говорит простонародная арабская поговорка.

Я знаю, что я не сумел в этом письме хорошо выразить все настроение, в какое повергла меня Ваша ужасная открытка извещение о смерти. Но, вероятно, Вы душою поймете те чувства, которые я пережил, получивший от Вас ту открытку. Крепкожимаю Вашу руку. Верю, что Вы в своей природе найдете больше мужества, чем мог бы найти я, очутившись в Вашем положении, и верю, что Ваше мужество позволит Вам перенести Вашу тяжелую утрату, не подломившись.

Весь Ваш А. Крымский.

⁵⁴ Араб.: Rahat an-nas wa baqiya an-nass. Древнеарабская поговорка. Эта поговорка арабов объясняется двумя вариантами перевода: 1. Ушли люди, и остался лишь их след; 2. Ушли люди, и остались только те, которые лишь похожи на них своими внешними качествами. В контексте письма А. Е. Крымского прослеживается второй вариант перевода на русский язык. Здесь выражена скорбь о смерти человека, который считался профессионалом своего дела, и не существуют таких людей, которые бы смогли его заменить.

Переписка В. В. Бартольда и А.-З. Валиди Тогана

А. Г. Салихов
ИИЯЛ УФИЦ РАН

Выдающиеся востоковеды XX столетия Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) и Ахмет-Заки Валиди Тоган (1890–1970) внесли крупный вклад в изучение разных проблем истории тюркских народов. Академик В. В. Бартольд оказал влияние на формирование научных взглядов А.-З. Валиди. Двое ученых имеют высказывания, раскрывающие их взаимоотношения. В 1937 году немецкий профессор П. Каале сказал: «В настоящее время во всем мире после смерти русского профессора Бартольда в Ленинграде профессор Заки Валиди с его превосходными знаниями по истории и географии Центральной Азии вполне определенно является живым корифеем в этой области» [Фархшатов, 1999, с.108]. А другой немецкий ученый Карл Ян после кончины А.-З. Валиди, подчеркивая российские истоки его востоковедческой деятельности, написал: «Русская школа историков XIX – начала XX века перестала существовать, ибо вслед за В. В. Бартольдом и В. Минорским ушел теперь и Заки Валиди Тоган» [Ахмед Заки Валиди Туган, 1990, с. 14]. Эти высказывания являются высокой оценкой научно-исследовательской деятельности А.-З. Валиди. Таким образом, в них его поставили на одну ступень с выдающимися исследователями Востока. Естественно, востоковедение в России на протяжении XX столетия не исчезло, а продолжало развиваться. Однако авторы цитат подчеркнули

преемственность Валиди достижений российского востоковедения начала XX века, одним из ярких представителей которого был В. В. Бартольд.

Письма, написанные В. В. Бартольдом, сохранились в Личном архиве А.-З. Валиди Тогана, находящемся в г. Стамбул Турецкой Республики. Указанные письма, а также письма профессора В. Минорского, были опубликованы в 2003 году башкирским исследователем А. Юлдашбаевым в шестом номере журнала «Ватандаш» («Соотечественник»). В нем изданы 18 писем, адресованных «многоуважаемому Заки-эфенди» или «многоуважаемому Заки-бею». В дошедших до нас письмах В. В. Бартольд использовал указанные виды обращения в полном и сокращенном виде. Лишь в двух из них написано «дорогой Заки-бей» и «дорогой А.З. б.» [Из переписки, 2000, с. 110–129].

Письма А.-З. Валиди Тогана хранятся в «Архиве академика В. В. Бартольда» в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Некоторые результаты изучения переписки ученых были частично опубликованы в ряде работ, в том числе в монографии «Научная деятельность А. Валидова дореволюционного периода», изданной на русском и башкирском языках в 2001 и 2005 годах [Салихов, 2001; Салихов, 2005].

Автор вышеупомянутой публикации переписок А. Юлдашбаев, основываясь на письмах, сохранившихся в Личном архиве А.-З. Валиди Тогана, считал, что ученые переписывались в 1924–1930 годах [Из переписки, 2000, с. 110]. Однако учитывая письма, дошедшие до нас в СПбФ АРАН, можем сказать, что переписка началась в 1914 году по инициативе начинающего исследователя А.-З. Валиди.

В своих письмах А.-З. Валиди уважительно обращался к В. В. Бартольду: «Глубокоуважаемый Василий Владимирович», «Глубокоуважаемый уstad [учитель] Василий Владимирович», «Кадерле [Дорогой] Василий Владимирович»,

«Устад мухтарам [Уважаемый учитель] Василий Владимирович Бартольд».

Основная часть писем написана на русском языке. Лишь часть из них является арабиграфичными и тюркоязычными. Большинство указанного письменного наследия ученых создавалось в России и Турции, а некоторые – в странах Западной Европы. Письма, написанные на русском языке, содержат вставки на различных европейских и восточных языках.

Еще будучи начинающим исследователем, Ахмет-Заки Валиди при написании своих сочинений по истории и культуре тюркских народов часто обращался к трудам известных российских ученых. В своих статьях и книгах он старался делать ссылки на используемые работы, в том числе изданные на русском языке. Среди них можно встретить и исследования В. В. Бартольда. В начальный период своей научно-исследовательской деятельности А.-З. Валиди уделял внимание сочинениям казанского историка Шигабетдина Марджани (1818–1889), являвшегося учителем его дяди Хабибназара Утяки. Например, в одной из своих статей, посвященных изучению произведения Ш. Марджани «Гурфат ал-хавакин лиарфат ал-хавакин» («Жилища хаканов для познания их жизни») о караханидах, молодой исследователь выразил сожаление о том, что «Бартольд не смог увидеть труд Марджани, а Марджани умер, не увидев произведения Бартольда». Этот пример наглядно показывает высокую оценку А.-З. Валиди научной деятельности В. В. Бартольда [Вэлиди, 1914 (6), 74–78 б.].

Во время первой командировки в 1912 г. в Среднюю Азию А.-З. Валиди, находясь в Ташкенте, написал письмо редактору журнала «Шура» Ризаитдину Фахретдинову, в котором выразил желание установить контакт с В. В. Бартольдом [Вэлиди, 1913, 2–3 б.].

В 1913 году В. В. Бартольд посетил Оренбургскую и Уфимскую губернии. В «Дневнике путешествия по маршруту

Оренбург–Башкирия–Сибирь–Кяхта» (1913 г.) ученого сохранились данные о ценных восточных рукописных сочинениях, которые ему довелось увидеть в Башкирии, в частности в Стерлибашевском медресе [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 238, л. 1]. Его поездка вызвала большой интерес у местного населения. Она не осталась без внимания А.-З. Валиди, который опубликовал в газете «Вакыт» (№ 1124–1125) статью «В связи с пребыванием среди нас профессора Бартольда». В ней автор отметил, что за короткие поездки к мусульманским народам В. В. Бартольд успевал изучить какую-либо проблему востоковедения [Валиди, 1915]. Поэтому он выразил большую надежду, что изучению истории, этнографии и языка уралоповолжских тюркских народов наконец будет уделено большое внимание [Валиди, 1915].

Первое сохранившееся письмо А.-З. Валиди В. В. Бартольду написано 26 августа 1914 года. Автор письма написал его на русском языке. Потому что, по его словам, он не знал, в какой степени ученый владеет тюркским языком [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 13 об.].

В работе А.-З. Валиди «Лутфи и его диван», опубликованной в 1914 году, имеется ссылка на письмо В. В. Бартольду с вопросом о наличии одной касыды в экземпляре рукописи произведений Лутфи, хранившейся в Азиатском музее. В приведенном ответе от 17 октября 1914 года сообщается, что упомянутая касыда содержится на страницах 53А–53В после хамд-и салавата указанного сборника¹.

Во время Первой мировой войны В. В. Бартольд предпринял попытки помочь А.-З. Валиди освободиться от воинской службы. Для этого он хотел устроить его в качестве препода-

¹ Валиди Э. Лутфи ва аның диуаны [Лутфи и его диван] // Казан, 1914. 19 б. В письме А.Валидова к В.Бартольду от 25 сентября 1914 года, хранящемся в СПбФ АРАН [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 13 об.], написано: «К настоящему письму я прилагаю похвальные стихотворения чагатайского поэта Лутфи о Шахрухе. В кокандском экземпляре стихов нет, я их нашел в экземпляре, приобретенном мною в Каршах для Аз(иатского) музея; для меня очень интересно знать имеются ли они в неполном экземпляре того же дивана находящегося в Азиат(ском) музее» (№ ВВВ 574 АД).

давателя в школу восточных языков. Однако это не получилось. В письме А.-З. Валиди В. В. Бартольду от 26 августа 1914 года говорится: «На призыве 1912 года меня зачислили в ополчение первого разряда, потому, когда очередь дошла и до нашего уезда, должен был явиться воинскому начальнику для того чтобы освидетельствовали мою негодность к службе. 8 августа я покинул Бухару и через Самарканд, Ташкент, Оренбург и Уфу 16 августа приехал в Стерлитамак. Второго сентября будет осмотр и освидетельствование» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 12 об-13.]. В письме В. В. Бартольду от 25 сентября А.-З Валиди сообщает: «Выехал в Казань, еще не узнав окончательно, освобожден ли от ополчения или нет» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 14]. А.-З.Валиди по совету В. В. Бартольда поехал в Казань и сдал экзамены на звание учителя в инородческих школах. Это освободило его от воинской службы [Тоган, 1994, с. 155–156].

До сегодняшних дней сохранилось множество писем, написанных учеными в разные годы, в том числе и в годы революции. Одно из писем А.-З. Валиди написано 12 апреля 1924 г. на имя Полномочного представителя СССР в Берлине Н. Н. Крестинского. В нем перечислены имена ученых, в том числе и В. В. Бартольда, с которыми он изъявил желание поддерживать сугубо научные связи. Автор писал: «Вся бывшая дореволюционная моя научная деятельность была слишком связана с работой русских ученых-ориенталистов, и мне очень необходимо войти в связь с научными работниками в России, переписываться и обмениваться книгами в Ленинграде: 1) с академиком Бартольдом, 2) профессором Самойловичем, 3) в Москве с профессором Гордлевским, 4) в Ташкенте с профессором Шмидтом и 5) Абубакиром Диваевым; Казанской, Оренбургской и Ташкентской научными комиссиями Наркомпроса.

Узнав из газет, что были случаи ареста людей, подозреваемых в переписке со мною, должен обратиться с настоя-

щей просьбой, чтобы российское правительство разрешило мне войти в «чисто книжную связь» с означенными лицами и не подозревало бы их в какой-либо политической связи со мной, так как оно (российское советское правительство) даже и теперь продолжает не верить искренности моего заявления о том, что я теперь не имею никакого отношения к деятельности той или другой политической группы внутри России» [Тоған, 1998, с.143].

Как видно из данного письма, имя академика В. В. Бартольда в списке указано первым. А.-З. Валиди удалось установить почтовую связь с В. В. Бартольдом. Чуть позднее он сообщил об этом В. Минорскому, который выразил большую радость по поводу восстановления их связей. Благодаря письму А.-З. Валиди он узнал, что «замечательный ученый жив и полон сил среди всех перенесенных испытаний» [Из переписки, 2000, с. 124].

В 1926 году академик В. В. Бартольд по просьбе турецкого правительства написал историю среднеазиатских тюркских народов. Кроме того, он со 2 января по 17 февраля и с 24 апреля по 19 августа 1926 года совершил командировку в Турцию, где прочитал лекции в Тюркологическом институте Стамбульского университета. От его имени эти лекции прочитал молодой турецкий тюрколог Рагиб Хулуси. Часть уроков В. В. Бартольда была переведена на турецкий язык А.-З. Валиди, а другая часть – Р. Хулуси². В 1927 году они были опубликованы в Стамбуле. Во время командировки В. В. Бартольда сопровождал А. Валиди. В свободное время В. В. Бартольд занимался изучением восточных рукопи-

² В «Отчете о командировке» В. В. Бартольда отмечено: «Лекций было 12, и они обнимали историю среднеазиатских турецких народов от первого народа, называвшего себя турками, выступившего в VI в. до новейшего времени; эти лекции были прочитаны от моего имени молодым ученым Рагибом Хулуси, получившим высшее образование в Венгрии; он же был переводчиком второй части курса (переводчиком первой части был известный АН ученый башкирского происхождения Ахмед-Заки Валиди)» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 222, л. 1]. Здесь же сообщается, что Бартольд планировал написать курс лекций по-русски, которые А.-З. Валиди должен был перевести и прочесть от его имени (Л.3).

сей в стамбульских библиотеках. В частности, он работал в библиотеках Стамбульского университета, дворца Йылдыз-кешк, Топкапы-Сарайы, Кеprüлю, мечетей Ая-София, Нуру-Османие, Фатих и Сулеймание. В этом ему оказывал помощь А.-З. Валиди, который, по словам Бартольда, был хорошо знаком с константинопольскими библиотеками [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 222, л. 1]. В докладе о поездке в Турцию, прочитанном на заседании коллегии востоковедов, В. В. Бартольд особо указал, что «больше всего пользы принесли мне сведения, сообщенные мне устно или в частных письмах нашим известным коллегой по З(апискам) В(осточного) О(тделения) Ахмед-Заки Валидовым, обратившим мое внимание на целый ряд списков и редких экземпляров, без всякой заботы о своем научном приоритете. Ахмед-Закию Валидову я обязан, если не всеми находками, которые мне удалось сделать, то значительной частью их» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 223, л. 1].

Переписка интенсивно продолжалась после поездок В. В. Бартольда в Турцию. Эпистолярное наследие ученых-востоковедов является ценной источниковой базой для изучения истории востоковедения, в том числе их научно-исследовательской деятельности.

Большое место в переписке ученых уделено Наманганскому варианту рукописи поэмы Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик», которая считается первым сочинением на тюрки, написанным стихотворным метром аруз, заимствованным из арабо-персидской поэзии. Она была обнаружена А.-З. Валиди во время первой экспедиции, совершенной с октября 1913 г. по март 1914 г. Во время командировки он увидел и описал ценные сочинения по астрономии, истории, географии, религии и другим отраслям наук, одной из них является арабографичный список «Кутадгу Билиг».

Перед экспедицией им было написано прошение в Общество истории, этнографии и археологии при Казанском

университете, в обосновании которого говорится о том, что сведения В. В. Бартольда об отсутствии в Средней Азии ценных рукописей не верны. Предположения молодого ученого оказались точными [Валидов, 1915, с. 15].

Во время второй командировки, совершенной в 1914 году, А.-З. Валиди сделал безуспешную попытку приобрести рукопись. В письме к В. Бартольду от 26 августа 1914 г. он сообщил, что «до приезда в Бухару (14 июля) одну неделю провел в Фергане, был в Намангане, Коканде, Маргилане, Скобелеве, до «Кутадгу билиг» все еще не смог добраться, хотя владельцу ишану, пригласив в гости, подарил халат, а так все он отклонялся показать, говоря, что настоящий владелец рукописи не он, а какой-то его родственник, который спрятав рукопись, уехал в Пишпек для покупки баранов и до осени останется там». А.-З. Валиди смог посмотреть у ишана лишь некоторые ярлыки Мингского периода [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 8–8 об.].

Ахмет-Заки Валиди не оставил надежды поближе ознакомиться с новым списком поэмы. 29 сентября 1915 г. он говорит, что «о «Кутадгу билиг» почти ничего не прибавил, потому что надеюсь в скором времени увидеть ее и ознакомиться с ним» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 15].

Через десять лет, 14 апреля 1925 г., А.-З. Валиди вновь пишет В. В. Бартольду: «Очень рад, что наконец попали на след «Кутадгу билиг». В 1914 году я испортил дело, обратившись за содействием к Наманганскому уездному начальнику» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 35].

В переписках ученых содержится много просьб о высылке научных трудов, копий с исторических документов и рукописей. Это один из основных вопросов, содержащихся в их переписке. Например, А.-З. Валиди еще в России часто просит В. В. Бартольда выслать ему издания и личные труды. В одном из писем пишет: «Согласно моей личной просьбе прошу Ваши труды для библиотеки медресе. Ваши отти-

ски из З.В.О., имеющиеся у меня, я передал медресе, из них в библиотеке не имеются только оттиски из XII–XXIII томов. От имени медресе прошу прислать Ваши труды (как оттиски, так и отдельные издания) как можно полнее... Книги и оттиски для библиотеки медресе можете послать по адресу: Уфа, Усмановское медресе. В канцелярию» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 23–24]. Такие же просьбы о высылке книг или копий содержатся и в письмах А.-З. Валиди из-за границы.

Бартольд в свою очередь просил выслать интересующие его материалы. Иногда Валиди из-за отсутствия копировальных машин долгое время не мог высылать копии [Из переписки, 2000, с. 117, 118; СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 42].

В одном из писем А.-З. Валиди просил дать разрешение на перевод «Истории культурной жизни Туркестана» на турецкий язык и просил копии некоторых листов «Шаджараи таракима» (09.VII.28).

Даже в годы Гражданской войны А.-З. Валиди продолжал интересоваться наукой. Находясь в Петербурге, 19 июня 1919 года А.-З. Валиди отправил В. В. Бартольду письмо, в котором просил поднять в центральных средствах массовой информации вопрос объективного освещения истории Востока, Ислама, тюркских народов. Он говорил: «Вы же и при царском режиме неоднократно писали, что история Европы не есть история человечества. Я видел новые учебники, в которых история Запада освещается по-новому, но в отношении Востока сохранилась та же система, что была раньше» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 27].

В переписке востоковедов достаточно много внимания уделено рукописям Ибн Фадлана и Ибну-ль Факиха. Это связано с тем, что в самом начале эмиграции в 1923 году А.-З. Валиди прибыл в иранский город Мешхед, где в течение трех дней занимался изучением библиотеки Рауза-и имам Риза, в которой содержались сочинения Ибн уль-Факиха, Абу Дулефа и Ибн Фадлана.

Таким образом, А.-З. Валиди удалось заново открыть сочинение Ибн Фадлана, до этого известное востоковедам через цитирования в сочинениях Якута. Изучив текст, он пишет: «Мне стало ясно, что вопреки предположениям В. В. Бартольда, мнение барона Розена, что «Якут единственный известный писатель, который видел и читал всю книгу Ибн Фадлана», совершенно правильно» [Валидов, 1924, с. 243]. Статья А.-З. Валиди «Мешхедская рукопись Ибн ал-Факиха» была представлена академиком В. В. Бартольдом на заседании Отделения исторических наук и филологии, прошедшем 24 июля 1924 года [Валидов, 1924, с. 237]. Чуть позже она была опубликована.

В письме от 6 марта 1925 года А.-З. Валиди пишет В. В. Бартольду: «В прошлую неделю мне сообщили из Персии, что в Мешхеде мутевелли [руководитель вакфа] не решил снять копии с Ибну-ль Факиха, по этому поводу я и Х. Казем-Заде написали письма в Тегеран с просьбой оказать содействие. В 1923 году, когда я видел книгу в Мешхеде, библиотечные служащие могли бы ее продать мне за бесценок, но я не купил, а наоборот, указал мутевеллию на редкость рукописи. И они теперь так хранят, что даже не показывают тому, кто указал на ее ценность» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 34].

В другом письме он говорит, что в Мешхеде один мулла (туркестанец) начал переписывать рукописи Ибну-ль Факиха и Ибн-Фадлана, однако прошло уже три месяца, как не получает об этом никаких известий. В этом же письме сообщается, что немецкий востоковед Й. Маркварт также написал в Тегеран с просьбой снять копии с рукописи [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 30].

В письме от 9 июля 1928 года А.-З. Валиди написал, что на днях надеется получить из Ирана фотографические снимки с Ибн Фадлана [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 52].

В 1939 году А.-З. Валиди опубликовал книгу «Путевые заметки Ибн Фадлана», которую посвятил своему учи-

телю и другу В. В. Бартольд [Velidi, 1939]. В свою очередь В. В. Бартольд в книге «Туркестан до монгольского завоевания» сослался на сведения, полученные им от «друга А.-З. Валиди» [Barthold, 1990, s. 17].

Одно из писем А.-З. Валиди дает представление об учреждениях и лицах, которым он хотел отправить оттиски своей статьи «Мешхедская рукопись Ибну-ль Факиха», изданной в «Известиях Российской академии наук»: «1) Уфа Мусульманское духовное собрание (теперь как называется не знаю) Риза казию Фахретдинову, бывшему редактору «Шура». 2) Уфа, Башкирский национальный (или областн. Тоже не знаю точного названия) Музей (там еще было «Научное общество по изучению быта, истории и культуры башкир», которое издало 4 выпуска своих «Трудов». Если для музея пошлете один экземпляр, хватит всем) 3) Ташкент, Узбекская научная комиссия 4) а также в Киргизскую научную комиссию в Оренбург или лично Байтурсунову, бывшему редактору газеты «Казак».

Я здесь послал пока в Париж: 1) Кастанье, 2) Минорскому, 3) M. Deny, 4) M. Ferrand, автор Relations de Voyages et textes geographiques arab., 5) Садри Максудову, который тоже теперь занимается историей, 6) Мирза Мухаммед Казвини, 7) Bibliot. National., 8) Директору школы живых восточных языков. В Лондон: 9) проф. Browne, 10) Индусу Низамутдину (издававшему Джамии ат-хайат Ауфи). В Берлин: 11) Маркварту. 12) Stadt. Biblio. 13) Бруцкусу. 14) проф. Weil, 15) одному турку ассистенту. В Будапеште: 16) Венгерской Академии, проф. Нимет Юла. В Турцию: 17) Акчурина, 18) Ragib Chulusi. 19) в Америку: Воспитаннику Бейрутского колледжа Нияз Максудову (башкир)» [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 33–33 об.].

В одном из писем В. В. Бартольд сообщил ему о раздаче оттисков статьи Валиди русским ученым: «в Азиатский музей, Розенбергу, Этнографическому музею, Зарубину, Маркварту,

Штернбергу, Вишневному, А. В. Шмидту, Крачковскому, в Музей материальной культуры, А. А. Васильеву, Спицыну, Ольденбургу, Лихачеву, Гирсу, Риманову, А. П. Смирнову, А. Н. Самойловичу, Н. Марру, кроме того послал по почте 1 экземпляр в Казань (В. Ф. Смолину), 6 – в Ташкент (А. Э. Шмидт, Семенов, Андреев, Диваев, Умняков, Остроумов), 5 – в Баку (Жузе, Акимов, Пахомов, Ашмарину, Салман-Мумтаз, Аскеров), [Из переписки, 2000, с. 114]. А в другом письме В. В. Бартольд написал, что А. Самойлович взял один экземпляр для доставки статьи через знакомых в Уфу [Из переписки, 2000, с. 114].

В ряде писем ученых упоминается тюрколог Александр Николаевич Самойлович. Например, В. В. Бартольд сообщает Валиди о возможной поездке ученого в Турцию. А Валиди пишет о своей беседе с А. Самойловичем, который сообщил ему много интересного [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 40 об.].

После поездки в Турцию В. В. Бартольд в письмах передавал привет молодым ученым – выходцам из России Абдулкадиру Инану и Акдесу Нимету Кюрату.

В письмах, основной темой которых были научные и научно-организационные вопросы, также уделено место бытовым и семейным вопросам.

Через В. В. Бартольда А.-З. Валиди пытался получить разрешение на выезд своей жены за границу. В письме В. В. Бартольду от 13 июля 1925 года из Анкары А.-З. Валиди сообщает: «Спасибо за заботу о моей жене, она теперь уже в Башкирии у отца, надеюсь, что через несколько месяцев приедет ко мне». Здесь же сообщается, что А. Валидов написал письмо А. Диваеву, но ответа не получил [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 38]. В другом письме от 15 октября сказано: «Моя жена теперь в Уфе, и ей разрешают приехать ко мне». Но этому не суждено было сбыться [СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 38, л. 40 об.].

В письмах А.-З. Валиди почти постоянно передает привет супруге В. В. Бартольда, спрашивает о ее здоровье. Бартольд в своих ответах и письмах также передает привет от жены, пишет о ее самочувствии. В одном из последних писем он пишет: «Ваше «гечмиш олсун» («пожелание выздоровления») не исполнилось, оправившись от тяжелой формы гриппа, жена через некоторое время заболела воспалением легких третьего дня скончалась, тихо, не ожидая смерти. Я уверен, что ее не забудет никто из тех, кто знал» [Из переписки, 2000, с. 113, 120, 121, 123].

Таким образом, в статье были изучены письма выдающихся востоковедов В. В. Бартольда и А. Валиди Тогана, написанные в 1914–1928 годах. Как один из видов исторического источника они раскрывают многие аспекты их научно-исследовательской деятельности, взаимоотношений, области научных интересов, научно-организационных моментов их творчества и личной жизни ученых.

Вклад академика В. В. Бартольда в освещение исторической географии и топонимики древнего Согда

А. Р. Аюбов

Худжандский государственный университет
им. акад. Б. Гафурова

Историческая география как часть исторической науки занимает особое место в исследовании проблем истории, так как она тесно связана с историей заселения народов и тем самым образования новых поселений и городов. Исследованием проблем исторической географии городов Средней Азии, в том числе Согда, занимались дореволюционные русские востоковеды. Весомый вклад в этот вопрос внес академик В. В. Бартольд.

По данным письменных источников, Согд занимал территорию бассейна реки Зеравшан, т.е. всю долину Зеравшана с городами Самаркандом, Бухарой, Кешем и Несефом. Такое мнение поддерживал академик В. В. Бартольд, который писал, что «...Согд или ас-Согд, – область в Средней Азии. То же название в древности обозначало покоренный персами народ иранского происхождения, область которого, по греческим известиям, простиралась от Окса до Яксарта» [Бартольд, 1965, с. 487]. Действительно, в этой области проживали согдийцы.

Древнейшим городом Согда считается наряду с Самаркандом также и Бухара. Об этом свидетельствуют как археологические материалы, так и письменные источники. В своих работах о древней истории Бухары В. В. Бартольд писал: «Бухара – большой город в Туркестане, в нижнем течении

Зеравшана. Об истории города в домусульманское время мы имеем чрезвычайно скудные известия. Не подлежит сомнению, что иранцы уже в раннее время имели на Зеравшане поселения или даже города; уже во времена Александра Македонского в Согдиане кроме Мараканды (Самарканд), имелся ещё второй город в нижнем течении реки. Местная традиция в первые века хиджры объявляла ряд других поселений той же местности «древнее, чем Бухара»; одно из этих поселений – Рамисан, или Рийамисан или, Арйамисан – Макдиси считает древней Бухарой. Во всяком случае, на месте нынешней Бухары уже за много веков до ислама был основан город» [Бартольд, 1965, с. 378]. Отсюда видно, что В. В. Бартольд, несмотря на, как он отмечал, «чрезвычайно скудные известия», поддерживает мнение об очень древнем возрасте Бухары.

Южную часть Согда занимала территория современной Кашкадарьинской области Узбекистана. Здесь главным городом выступал Кеш. В. В. Бартольд отмечал, что «Каш, ныне называется Шахрисябз («Зелёный город, из-за плодородия его округа), – город в Бухаре, на прежнем торговом пути между Самаркандом и Балхом. Согласно китайским известиям, Кеш (китайская транскрипция Цюйша или Цзешуана, а также Цзюйша, сам город – Циши) был основан лишь в начале VII в. н. э.» [Бартольд, 1965, с. 460].

Как было уже отмечено, район Кеша состоял из 16 больших поселений. О расположении некоторых из них свое мнение высказывал В. В. Бартольд. Так, по его мнению, «...рустак Кешкруд находился в верхнем течении одноименной реки, т. е. Кашкадарьи. Название Кешкруд, очевидно находящееся в связи с нынешним названием реки, по Ибн Хаукалю, носила волость, где находились истоки реки, протекавшей мимо северных ворот Кеша. Мимо южных ворот протекал другой рукав, Асруд, вытекавший из гор Сиям или Синам. Такое же название носили горы, из которых вытекает Каратаг-

Дарья. Кроме названных, упоминаются ещё следующие протоки: Джадж-руд, 1 фарсах к северу от Кеша, ныне Уйзель, на котором теперь стоит город Китаб; Хушк-руд, 1 фарсах к югу от Кеша, ныне Кызыл-су и Яккабаг-Дарья; Хузар-руд, 8 фарсахов к югу от Кеша» [Бартольд, 1963, с. 189]. В. В. Бартольд опирается на сведения средневековых арабоязычных авторов.

Вторым большим городом Южного Согда был Нахшаб. Первые данные о нем встречаются в китайских источниках в форме «Нашеболо», «Нашебо», «Малое Шы». В «Бей ши» написано: «Государство Носэболо, столица – г. Боло, находится к югу от Нюми. До Дай 23428 ли. Земли ровные, благоприятны для посева риса и пшеницы. Много фруктов» [Малявкин, 1989, с. 88]. Нюми – китайское название Бухары. Государство Ань иначе называется Бухо или Бухэ, в государстве Юань Вэй (Тоба Вэй) именовалось Нюми [Малявкин, 1989, с. 91]. По мнению С. К. Кабанова, Нахшаб из китайских источников «также встречается в византийских и армянских источниках в форме Валаам и Бахл Ароватин» [Кабанов, 1977, с. 151].

Аль-Йа'куби и некоторые другие арабоязычные авторы отметили более позднее название Нахшаба в форме «Несеф» [ал-Йа'куби, 2011, с. 61]. «Упоминание области низовьев Кашкадарьи в эпоху раннего средневековья, – утверждает М. Е. Массон, – связано с китайскими источниками IV–VII вв., в которых название области приводится в двух формах – «Нашебо» и «Нашеболо», что является искажением согдийского названия Нахшаб». Объясняя значение этого термина, М. Е. Массон делал ссылку на предположение о том, что «Нахшаб означает «светящий» или «полнолунный»» [Массон, 1973, с. 19].

Известный узбекский историк Эдвард Ртвеладзе считает, что «древнее название Каршинского оазиса, переданное греческими авторами, описавшими поход Александра Македон-

ского в Согдиану, – Ксениппа, происходит от искаженного местного согдийского топонима «K'SN» или «K'SHN», который зафиксирован в легенде на так называемых «нахшабских или парфяно-согдийских монетах со сценой единоборства героя с львиноподобным чудищем». Период этих артефактов чеканки специалистами-историками установлен в пределах III–VI вв. н.э. Вся легенда состоит из двух слов и читается как «K'SN MRY», т.е. «Кешский правитель»». Э. Ртвеладзе, акцентируя внимание на совпадении данного названия как по написанию, так и по звучанию, считает, что в данном случае этот термин следует понимать скорее «в политическом значении, нежели в историко-географическом», т.е. в III–VI вв. н.э. области Кеша и Нахшаба составляли единое владение, управлявшееся кешскими династиями.

Указанные монеты были обнаружены не только в Нахшабе, но и в Кеше (т.е. современном Шахрисабзе и его окрестностях). Э. Ртвеладзе приходит к выводу, что, по сведениям китайских источников, Нашебо (Нахшаб) в определенный период времени признавал над собой власть Кеша, исходя из этого он даже именовался «Малым Кешем» (Малое Ши). Предположительно в VI в. н.э. или VII в. н.э. это единое владение распалось на два района – Нахшабское и собственно Кешское, подтверждением чему служат те же самые артефакты в нумизматической форме. С этого времени в Нахшабе и Кеше независимо друг от друга осуществлялись собственные монетные чеканы, в Нахшабе – с изображением правителя на лицевой стороне и идущей лошади на обратной стороне; а в Кеше – иконографические, по китайскому образцу от имени правителя Ахурпата [Ртвеладзе, 1981, с. 98].

Согласно историческим описаниям и артефактам, начиная с V в. н.э. Нахшаб получает развитие на месте городища Кал'ай-Захаки Морон («Крепость захаковских змей») (от имени персонажа «Шахнамэ» Фирдоуси), сооружение которого легенда приписывает мифическому царю Джам-

шиду. Древнейшее упоминание названия «Нахшаб» приводится в форме Nikhsaraya (Никшапа) – отсюда и искаженная греческая форма Ксениппа.

По мнению арабских и персидских исследователей, с завоеванием города арабами в VIII в. арабские историки и географы вместо названия Нахшаб используют термин Насаф. Согласно данным историка Табари, первое упоминание этого термина в арабских источниках относится к 701–702 гг. [ат-Табари, 1987, с. 85]. М. Массон обратил внимание на то, что «существует некий домысел, согласно которому слово «Насаф» означает местность с «мертвой водой», что применимо к Кашкадарье. Однако не исключено, что слово «Насаф» образовано от арабской глагольной основы «насафа», т.е. «кусать» [Массон, 1973, с. 30]. Согласно другой версии, слово «Насаф» было образовано арабами от местного названия «Нахшаб». Автор данного предположения В. В. Бартольд отмечает, что «название «Насаф» сохранилось в памяти местных жителей в форме «Насеб»» [Бартольд, 1963, с. 136]. Обращает на себя внимание то, что в окончании арамейского термина «Никшапа» присутствует авестийское слово «ап-вода», то же самое в окончании названия «Нахшаб», что можно связывать с авестийским «ап» и согдийским «об» – «вода», «река», т.е. название города и в древности, и в средневековье так или иначе было связано с рекой, от которой зависела социально-экономическая жизнь в Каршинском оазисе.

По утверждению специалистов, все это подтверждается также исторической географией области и топографией местных городских центров. Более того, Насаф в XI–начале XIII вв. располагался непосредственно на берегу Кашкадарьи. В ряде средневековых источников отмечается, что река Кеша (Кашкадарья) «пересекает город», «разделяет его» и «протекает среди города», что характерно и для современного Карши [Эшонхонов, 2020].

Переименование города в Карши связано с монгольским завоеванием. Как пишет В. В. Бартольд, «Карши – уйгурское слово, вероятно заимствованное из одного из местных языков Восточного Туркестана, а позже усвоенное монгольским языком; означает «замок», «дворец». Город Нахшеб, или Несеф получил свое нынешнее название Карши от дворца, выстроенного для хана Кебека (1318–1326) в 2 фарсах от города, который уже давно бесследно исчез» [Бартольд, 1965, с. 450]. Некоторые поселения Южного Согда, такие как Бузмаджан, Кашк, Маймург, Кашкруд, Внутренний Санкарда, Внешний Санкарда, Мийан Киш, Расмаин, Руд, Сийам, Сурруда, Джаджруд, Хузар, Хузарруд, имеют одноименные названия с реками либо названы по своему географическому местоположению.

Письменные источники сообщают о городе Наукад Курайш в области Кеша. Наукад Курайш был расположен на дороге Нахшаб – Кеш [Камалиддинов, 1996, с. 45]. В. В. Бартольд писал, что «прибавление слова «Курейш» заставляет полагать, что здесь в первые века ислама была колония арабов-курейшитов» [Бартольд, 1965, с. 206]. Курейшиты были воинами Кутейбы ибн Муслима, который был представителем этого рода.

Поселение аль-Мухтарика, которое до прихода арабов называли Фарябом, располагалось по дороге Кеш – Самарканд. Арабский историк ат-Табари писал, что это поселение в 699 г. было сожжено арабским полководцем Хабибом. Но в другом месте своей книги он писал, что это дело рук Кутейбы ибн Муслима в 710 г. за сильное сопротивление жителей [ат-Табари, 1987, с. 57]. Отсюда исходит новое название – аль-Мухтарика, означающее «сожженное». В. В. Бартольд на основе сведений Хафиз-и Аbru полагал, что поселение относилось к Самарканду [Бартольд, 1963, с. 192]. Письменные источники последующих лет не упоминают это поселение после захвата арабами.

В древности составной частью Согда были владения области Уструшана. Население Уструшаны говорило на одном из диалектов согдийского языка. В политическом и экономическом направлениях Согд и Уструшана имели единую основу. По словам академика Н. Негматова «постепенно, в связи с развитием производительных сил – многоотраслевого сельского хозяйства, роста городов, городского населения и ремесленного производства, а в условиях определенной географической изолированности данной части Согда, появились предпосылки к самостоятельному развитию этой территории. Консолидация рассматриваемой части Согда, видимо, шла к завершению уже в конце кушанской эпохи, а с распадом Кушанской империи, куда входил и Согд, Уструшана выделилась в отдельное владение» [Негматов, 1997, с. 77].

Об Уструшане впервые упоминается в китайских источниках, которые являются хрониками господствующих династий – Тань и Суй. Слово «Уструшана» в его китайской форме – Судуйшана, Шуойдушана, Цзебуцзюйна (Цзебудана), Судушини указано в хрониках северных Веев и в 97-й главе хроник Бейши [Бичурин, 1950, с. 284]. Согласно хроникам династии Тань, Уструшана названа государством Восточное Цао; здесь она именуется также названиями [Малявкин, 1989, с. 78].

Упомянутая в текстах Цзебудана в качестве ещё одного названия Восточного Цао – Дун Цао является ошибкой. В том же повествовании Уструшана приведено как Дулисена. Э. Шаванн отметил, что это сокращенный вариант транскрипции Судулисена [Chavannes, 1903, p. 144]. Все приведенные варианты являются транскрипциями одного и того же названия. Возможно, оригинальный топоним имел несколько вариантов. В. В. Бартольд приводит четыре варианта: Острушана, Осрушна, Усрушана, Сутрушана и подчеркивает, что наиболее старым является Сутрушана и этот вариант известен по китайским сочинениям [Бартольд, 1963, с. 222].

В состав Уструшаны входили города и поселения Бунджикат, Вагкат, Газа, Куруката, Мадрушкат, Паргар и некоторые другие. Местоположение столицы Уструшаны, которую арабы считали Бунджикатом, определяется следующим образом: от Эски Сабата едут два фарсаха по равнине и потом пять фарсахов вверх по реке, текущей от города. Судя по этому, В. В. Бартольд уверен, что «...очень вероятно, что остатками столицы Осурушаны следует признать интересные развалины около селения Шахристан, верстах в 25 к юго-западу от Уратюбе» [Бартольд, 2006, с. 30]. Кроме того, В. В. Бартольд на основе сведений Ибн Хордадбека сделал следующий вывод: «Бунджикат – это и есть Шахристан; от Эски Сабата дорога ведет не в Шахристан, а в Уратюбе» [Бартольд, 1963, с. 137]. Сведения арабоязычных авторов о местонахождении главного города средневековой Уструшаны недостаточно ясны. Более того, неясно, прилагается этими авторами название «Уструшана» к городу Бунджикату или под этим названием подразумевается иной город страны. Непонятно также положение современного города Истаравшан (Уратюбе) по отношению к старым караванным путям. Сведения источников в этом плане сбивчивы.

Следующим городом был Вагкат (Бага, Багкат). Многие исследователи считали, что Вагкат находился на месте современного селения Вогат. Впервые о селении Вогат как о древнейшем поселении сказал П. С. Скварский: «Вогат, – пишет он, – судя по легендам, был построен потомками царя Густаспа. Первыми поселенцами были они сами. Вагатцев сегодня называют густоспцами» [Скварский, 1896, с. 44]. В. В. Бартольд вслед за П. С. Скварским отождествлял город Фагкат с современным селением Вогат. Вот что он пишет: «На месте Фагкета (у Истахри в одном месте...Вагкет) вероятно находится нынешнее селение Вогат... от Бунджиката на дороге в Ходжент» [Бартольд, 1963, с. 224]. Однако такая локализация является маловероятной. Эти исследователи

ориентировались от столицы Уструшаны – города Бунджикат, располагая его на месте современного города Истаравшан (Ура-тюбе). Город в древности назывался Бага. По сведениям археологических материалов и письменных источников полагают, что этот древний город Бага был расположен в районе городища Мугтеппа в городе Истаравшан и был основан Киром Великим [Рахимов, 2007, с. 28]. Однако город, основанный Киром, находился в другом месте. Следует отметить, что одним из крупных городских кварталов города Ура-тюбе называется Вогат, о древности которого сообщают письменные источники. Также русский краевед И. Кастанье, посетив город в начале XX в., указывает на древность квартала.

Об одном из семи городов, построенных Киром, В. В. Бартольд писал: «...в низовьях этой реки (Сырдарьи – *А. А.*) согдийцы имели другой царский город, название которого не приведено. Неизвестно, что царский термин принадлежал какому-то правителю или нет. Этот царский город мы считаем городом Ширин, который находится в Куркате. Городок Куркат-Ширин расположен именно в низовье Сайхуна (Сырдарьи). Название «куркат» подтверждает, что город «царский» термин приобрел позже от имени своего основателя и является одним из семи городов, построенных Киром» [Бартольд, 1963, с. 227]. О местоположении Кирополя у В. В. Бартольда есть и другое мнение: «в бассейне Сырдарьи был большой город, чем другие, и упоминается греческим названием Кирополь, основателем был Кир. По нашему мнению город был расположен на месте селения Шахристан» [Бартольд, 1965, с. 193]. Здесь В. В. Бартольд противоречит сам себе, так как он сначала локализует город на месте городища Ширин, а затем помещает его в селении Шахристан. Как видим, здесь очень разные мнения. Но, судя по названию, Куркат был городом Кира Великого, остатки которого обнаружены в районе городка Ширин.

В Зеравшанском районе Уструшаны находилось несколько древних поселений. Большинство из них располагалось в гор-

ных и подгорных местностях. О них В. В. Бартольд писал таким образом: «В последние века до ислама, как показывает сохранявшееся еще при арабских географах 5 деление, верховья Зеравшана причислялись не к Согду, т. е. к области Самарканда, а к Сутрушане или Усрушане, т. е. к области к северу от Туркестанского хребта. К руствам Сутрушаны причислялись руства Масча и Бургар, т. е. Фальгар; соответствующие волости Самаркандской области и теперь носят название Матчинской и Фальгарской, причем граница между ними проходит приблизительно там же, как в начале XVI в. при Бабуре, – у селения Оббурдан. Масча (Матча) теперь считается главным истоком Зеравшана; у арабов таковым считалась Фан-Дарья, вытекающая из озера Искандер-Куль; в средневековых источниках этого названия нет, и очень возможно, что оно было дано озеру впоследствии каким-нибудь книжником, подобно тому как городищу к северу от Самарканда было присвоено имя мифического Афрасиаба. Озеро тоже находилось еще в Сутрушане. Ниже соединения обоих источников был город Бунджикет, или Пянджикет, который считался «головой», т. е. началом Согда. Здесь уже были каналы, но они, по-видимому, имели только местное значение. Откуда они были проведены, об этом у географов X в. сведений нет; местное предание приписывает проведение канала из Магиан-Дарьи хожде Ахрару» [Бартольд, 1965, с. 186].

Одним из них являлся руства Паргар (Бургар), который в настоящее время имеет название Фальгар. Паргар граничил с древним Пенджикентом. Граница проходила по притоку Зеравшана – Кештутдарьи. В. В. Бартольд по поводу руства пишет: «...из волостей, в которых не было города, несомненно, находились в области Верхнего Зеравшана Месха (возможно Месча или Мача) и Бургар. Арабский термин Бургар, вероятно, искажение местного Паргар или Фаргар» [Бартольд, 1963, с. 225]. Он был расположен к западу от руства Матча и охватывал долину Фандарьи, поселения вокруг Искандар-

куля и долины Зеравшана от селения Оббурдон до знаменитой крепости на горе Муг.

Старинным поселением Уструшаны является рустак Масча или Матча, название которого встречается в согдийских документах в форме «mrtskt», что читается «Мадрушкат» [Согдийские документы, 1963, с. 106]. Археологические данные показывают, что недалеко от современного поселения Матча стояли развалины мощного укрепления. Возможно, оно появилось на месте другого. На противоположном берегу реки, у впадения речки Волгун, раскинулись обширное городище Хисорак, которое принадлежало кушанскому времени. Быть может, волгуновское городище представляло остатки города mrtskt, после разрушения которого жизнь перешла на правый берег.

Новое поселение Мадрушкат (Матча) находилось в долине одноименной речки, которая начиналась в рустаке Паргар и являлась истоком реки Согд (Зеравшан). С юга оно было окружено рекой Согд (Зеравшан), с севера Туркестанским хребтом. Матча начинается от связанных между собой ледников Туркестанского хребта и реки Зеравшан, с востока на запад идет по течению реки и продлевается до нынешнего селения Оббурдон. Такую картину описывает В. В. Бартольд [Бартольд, 1963, с. 223].

Почитание воды в древние времена отразилось в некоторых топонимах. С культом воды связано древнее название реки Зеравшан. Арабоязычные авторы упоминают её как «Реку Согда» [Ибн Хавкал, 2008, с. 56]. Авторы всех этих источников отмечали, что Зеравшан берет начало из ледника, который находится в горах Буттамана.

О названии реки академик В. В. Бартольд писал: «Река, которой обязана своей культурой местность, остававшаяся почти до последнего времени центром политической и культурной жизни Туркестана, в мусульманской литературе не имеет особого названия. Предполагаемое домусульман-

ское название Намик было забыто уже в первые века ислама; нынешнее название «Зеравшан» («Золотоносный») не встречается в местной литературе до XVIII в. Употреблялось ли оно в народной речи, неизвестно; термин Руд-и Зер («Река золота») встречается только как название отдельного протока. Географы и историки называют реку по той области, по которой она протекала, «рекой Согда» или (чаще всего) по возвышенности Чопан-Ата близ Самарканда, – «рекой горки»» [Бартольд, 1965, с. 185].

В китайских источниках упомянут другой вариант названия реки Зеравшан – Нами. Слово «нам» имеет значение «поклоняться». Некоторые источники сообщают об уструшанском духе Деси, которому все поклонялись. По мнению А. К. Мирбабаева, «...имя этого божества, очевидно, было Намик – «прославленный», это древнее название Зеравшана» [Мирбабаев, 2003, с. 431]. Этот факт свидетельствует о почитаемости реки Зеравшан.

В древнегреческих источниках река называется Политимет [Арриан, 1962, с. 138]. Этот термин означает «многочтимый», сходный со словом «намик». О почитаемости Зеравшана существует народная легенда. По этой легенде Зарвон – первый авестийский бог ради рождения сына в течение тысячи лет пожертвовал многим. Будущего сына он мечтал называть Хурмузом. Зеравшан по этой легенде был творением Зарвона. Видимо, к этому восходит почтение к реке, которое, видимо, имело связь с Анахитой.

Поклонение Анахите было связано с народными представлениями о племенных божествах. Однако пророк огнепоклонников стремился к монотеизму, и во главе пантеона должен был восседать единый бог Ахурамазда. В связи с этим племенные божества отрицались. Это привело к тому, что в период правления Ахеменидов, приблизительно в V в. до н. э., в зороастрийскую религию начали включаться, как отмечает Б. И. Вайнберг, «...религиозные представления восточно-

иранских племен о божествах, связанных в первую очередь с силами природы, например, о богине плодородия Анахите» [Вайнберг, Ставиский, 1994, с. 23]. В наши дни не только культ Анахиты, но и других племенных божеств утрачен. Это имеет свои причины. Такое быстрое угасание земледельческих культов, которые в доисламских религиях занимали важное место, было обусловлено жречеством. Этими культами официально ведала небольшая группа жрецов, и, как считает В. Н. Басилов, «...с исчезновением жречества прекратился и культ, а в народе продолжают лишь отдельные традиции, поверья и ритуалы» [Басилов, 1970, с. 124]. Из этого следует, что река Зеравшан была у древних согдийцев не единственной, ставшей предметом культа.

О современном названии реки Зеравшан в свое время писал М. Е. Массон: «...название Зеравшан в европейской литературе приведено как «рассыпающий золото», при этом упускалось из виду, что, во-первых, это наименование река получает в нижней части, тогда как золотоносно главным образом верхнее течение; во-вторых, коренное население «зер» понимает здесь не в его буквальном первом значении как золота, а в переносном, как «богатство, разносящее» [Массон, 1934, с. 86]. Однако такая точка зрения неприемлема. Река во всех своих частях, где лежит золотой песок, имеет одинаковое название. С этим связано название реки – Зеравшан, означающее «золотоносная».

Судя по вышеизложенным материалам, мы полагаем, что исследования академика В. В. Бартольда занимают особое место в изучении истории среднеазиатских городов. Он одним из первых исследовал различные стороны истории народов Средней Азии. Опираясь на сведения первоисточников, великий учёный выдвинул ряд гипотез по вопросу локализации древних городов, которые и получили свои подтверждения в ходе археологических раскопок во второй половине XX века.

Труды В. В. Бартольда «Очерк по истории туркменского народа» и «Киргизы. Исторический очерк» как первые академические исследования по их истории

А. Ш. Кадырбаев

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Именно благодаря научным трудам академика В. В. Бартольда по истории народов Средней Азии, прежде всего таким его исследованиям, как «Очерк истории туркменского народа» и «Киргизы. Исторический очерк», был заложен фундамент для научных исследований по истории и культуре туркмен и киргизов, хотя сам ученый скромно называл «составленные мною очерки» как относящиеся «к области подготовительных работ, которых в данной области еще нет и без которых немислимо выполнение широких научных задач» [Бартольд, 1963(II), с. 547]. Несмотря на то, что академик пишет, что настоящие очерки «не заключают в себе полного свода данных о прошлом туркменского и киргизского народов и цель заключалась только в том, чтобы дать общие сведения по истории туркмен и киргизов», значение его исследований как основных научно-академических трудов по истории туркменского и киргизского народов не утратило своей актуальности и в настоящее время. «Очерк по истории туркмен» был опубликован в 1929 году, а «Киргизы. Исторический очерк» написан в 1926 году и издан впервые в 1927 году, и посвящены они проблемам, ранее мало разработанным, став надежной основой для последующего изучения истории народов Средней Азии. В этих трудах отражены результаты

многолетних изысканий такого знатока первоисточников, каким был В. В. Бартольд [Ромодин, 1963, с. 7–8].

По сути, эти труды В. В. Бартольда являются первыми работами по истории туркмен и киргизов не только в российской и советской, но и в мировой историографии. Они прослеживают историю туркмен со времени раннего средневековья, а киргизов с древних времен, с появления самого этнонима – названия «туркмен», которое возникает в мусульманской – арабо-персидской и тюркоязычной литературе во второй половине X века, а именно у арабского географа ал-Макдиси, а затем в XI веке у тюркского автора Махмуда Кашгари, где термин «туркмен» относится, прежде всего, к тюркоязычным племенам огузов, обитавшим тогда не в пределах территорий современного Туркменистана, а на землях нынешнего Южного Казахстана – от Ташкента до местностей к северу от Чимкента [Бартольд, 1963, с. 548]. Хотя есть предположение В. А. Лифшица, что слово «туркмен», возможно, впервые встречается в одном из документов на согдийском языке первой четверти VIII века [Лифшиц, 1962, с. 179]. Академик досконально рассматривает версии о появлении этнонима «туркмен» среди огузов и постепенное вытеснение им термина огуз как названия народа, основываясь на данных не только мусульманских, но и китайских источников раннего средневековья, а также на народных преданиях и эпосах тюркских народов [Бартольд, 1963(II), с. 550].

Согласно научному анализу В. В. Бартольда становится ясным, почему туркмены стали немногими из известных ныне тюркских народов, сумевшими создать мировую империю, которую часто называют не совсем правильно империей турок-сельджуков, хотя академик называет ее империей туркмен-сельджуков [Бартольд, 1973, с. 559–573], не говоря уже о том, что первые падишахи Османской империи, исторической преемницы империи туркмен-сельджуков, были выходцами из туркменских племен кайы. И, как считает

В. В. Бартольд, «благодаря сельджукской империи огузский, или туркменский народ приобрел для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких (тюркских – *А. К.*) народов. Оттого ему было посвящено сравнительно больше внимания, и в мусульманской литературе мы находим подробное перечисление тех родов и племен, на которые делились огузы. Ни об одном из других турецких (тюркских – *А.К.*) народов таких сведений не имеем» [Бартольд, 1963(II), с. 574].

В сельджукский исторический период и чуть позже, накануне нашествия монгольских завоевателей Чингис-хана, как считает В. В. Бартольд, «туркменам и в этом случае посчастливилось больше, чем другим, мы знаем названия туркменских родов и не имеем таких сведений ни об одном из других турецких (тюркских – *А. К.*) народов» [Бартольд, 1963(II), с. 584]. На основании глубокого источниковедческого анализа мусульманских источников средних веков и Нового времени В. В. Бартольдом изложена далеко не «общая» [Бартольд, 1963(II), с. 547], как он пишет в своем предисловии к «Очерку истории туркменского народа», а достаточно подробная история туркменского народа, где зачастую довольно детально отражены вехи истории туркмен как в эпоху монгольского владычества Тимура и Тимуридов, так и во времена XVII–XIX веков, когда происходили миграции туркмен на далекие расстояния как в Центральной Азии – от Закаспия, где туркмены обрели в начале XIX века родину, ныне известную как Туркменистан, так и за пределы Центральной Азии – в Иран, Месопотамию, Сирию, Южный Кавказ, Малую Азию (хотя этот процесс начался еще в эпоху сельджуков и продолжался во времена монгольских завоеваний), с Мангышлака в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ.

Что касается истории киргизского народа, то Бартольд отмечает, что «из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, по-видимому, ни одного, название которого

так рано бы встречалось в истории», поэтому, по его мнению, «киргизы (кыргызы) принадлежат к числу древнейших народов Средней Азии» [Бартольд, 1963(II), с. 474]. Ученый в своем историческом очерке о киргизах анализирует первые упоминания в древних китайских источниках о кочевых центральноазиатских племенах, начиная с сочинения «Ши-цзи» («Исторические записки») «Геродота китайской истории» – Сыма Цяня, где приводятся их названия, транскрипции которых западные ученые сближают со словом, употреблявшимся для передачи по-китайски слова «кыргыз» [Бартольд, 1963(II), с. 475] еще в 201 году до н.э. Бартольд прослеживает историю племен, предположительно предков киргизов с древнейших времен, в основном по китайским источникам до древнетюркской эпохи и создания каганата кыргызов на Енисее (VI–X века), а затем до Нового времени, когда история киргизского народа уже связана с Тянь-Шанем, Семиречьем, Прииссыккульем, Ферганской долиной и Памиром, вплоть до принятия киргизами подданства Российской империи, «хотя рассмотрение судеб киргизского народа как части населения сначала Российской империи, потом СССР не входит в задачу настоящего очерка» [Бартольд, 1963(II), с. 543].

Академик В. В. Бартольд был объективным и принципиальным ученым, ему было чуждо следование политической конъюнктуре как во времена Российской империи, так и в советскую эпоху, более десятилетия которой также пришлось на его жизнь, что было сопряжено с риском для жизни, не говоря уже о лишении свободы. С глубоким уважением относился ученый к народам Востока, к их богатому прошлому, к вкладу, внесенному ими в историю мировой цивилизации. Он не придерживался колониального мышления в своих взглядах на историю народов Востока, что было свойственно ряду известных ученых-востоковедов императорской России, но вместе с тем также не являлся ученым-марксистом и сто-

ронником классового взгляда на исторический процесс, что ставилось ему в упрек уже советской властью. Мировоззрение В. В. Бартольда нашло отражение и в его трудах «Очерк истории туркменского народа» и «Киргизы. Исторический очерк».

Завершаются очерки по истории туркмен и киргизов событиями, связанными с завоеванием туркменских земель Российской империей в 1880-х годах, когда «земли туркменского народа были поделены между Россией (с вассальными ханствами Бухарским и Хивинским), Персией и Афганистаном» [Бартольд, 1963(II), с. 623], и для киргизов – 1867 годом, когда российские власти положили конец власти родоплеменной знати манапов в киргизском обществе, согласно временному положению того же года [Бартольд, 1963, с. 542]. В «Очерке истории туркменского народа» упоминается о размежевании региона Средней Азии на национальные республики советской властью, участником процесса которого был и В. В. Бартольд [Бартольд, 1963(II), с. 623].

Интересно, что выводы академика В. В. Бартольда, несмотря на то, что уже с той поры прошло столетие, актуальны для Туркменистана с Кыргызстаном и поныне, касается ли это племенной разобщенности туркменского и киргизского народов или слабости их национального самосознания, хотя еще век назад великий ученый надеялся, что росту национального «сознания будет способствовать успех культурной работы» [Бартольд, 1963(II), с. 623], которую тогда разворачивала советская власть у него на глазах. Активным членом этой деятельности был и В. В. Бартольд, чьи труды очень способствовали созданию институтов национальной государственности центральноазиатских народов в составе СССР, а «Очерк истории туркменского народа» и «Киргизы. Исторический очерк» являются наглядными тому свидетельствами, хотя научное творчество В. В. Бартольда далеко не ограничивается только этими исследованиями. Однако немалые достижения

в культурном строительстве Туркменистана за годы советской власти пошли прахом за время его так называемой независимости после распада СССР, а в Кыргызстане оказались под угрозой, когда туркменский народ оказался отброшенным в культурном, экономическом и социальном отношениях, не побоюсь этого слова, на много веков назад, а киргизский народ переживает тяжелые времена перманентной политической и экономической нестабильности в течение более 30 лет после распада СССР.

И последнее. Василий Владимирович Бартольд – академик императорской Российской академии наук и академик Академии наук СССР является великим ученым-востоковедом, благодаря труду, знаниям, усилиям и гению которого современные народы бывших азиатских союзных республик СССР, да и не только их, смогли познать свою настоящую древнюю, средневековую и Новую историю, что известно не только этим народам, но и всему цивилизованному миру. Вызывает глубокое сожаление и даже чувство стыда у пишущего эти строки, как представителя центральноазиатских народов, то обстоятельство, что не видно и толики должной благодарности со стороны общественности этих стран Центральной Азии, не говоря уже об их властях, по отношению к этому великому человеку, показавшему всему миру историю их великих предков, чего не скажешь об их потомках, когда ставятся памятники завоевателям, но не помнят о тех, кто вывел из небытия историю их народов.

Вклад академика В. В. Бартольда в изучение истории государства Гуридов

М. М. Шарипов

Худжандский государственный университет
им. акад. Б. Гафурова

Изучение истории средневековых государств таджикского народа является важным вопросом отечественной историографии. Именно в этот период таджикам удалось создать в Хорасане и Мавераннахре могущественные государства, которые внесли весомый вклад в политическую, экономическую и культурную жизнь народов данного региона.

Одним из средневековых национальных государств таджикского народа считается государство Гуридов, которое на протяжении семи десятков лет играло важную роль в истории Центральной Азии.

Важно подчеркнуть, что в освещение истории государства Гуридов внесли полновесный вклад русские и советские ученые. Среди корифеев, стоявших у истоков становления и развития исторической науки в Таджикистане, несомненно, выделяется фигура выдающегося востоковеда, создателя русской востоковедческой школы, крупнейшего историка Востока академика Василия Владимировича Бартольда. Чрезвычайно широкий диапазон научных интересов ученого охватывает все периоды средневекового и Нового времени в истории народов Центральной Азии.

В трудах В. В. Бартольда имеются, в том числе, ценные сведения по истории и этнографии Гура. В исторических тру-

дах и некоторых других исследованиях он, опираясь на первоисточники, охарактеризовал историческую географию некоторых регионов горного Гура, исследовал земельные отношения, положение сельского хозяйства, военные походы гуридских правителей, описал территории, которые входили в состав государства Гуридов.

Политическая, социально-экономическая и культурная история государства Гуридов мало отражена в средневековых письменных источниках XI–XIII веков по сравнению с Газневидами, Сельджукидами и Караханидами. Освещающая историографическое состояние данного периода, академик В. В. Бартольд отмечает: «Вторая половина XII и начало XIII в. вообще принадлежат к самым темным страницам мусульманской истории. Показания дошедших до нас источников крайне противоречивы; установление хронологии даже важнейших событий представляет большие трудности» [Бартольд, 1963, с. 77]. Далее учёный отмечает, что до нас не дошли исторические сочинения, написанные для Гуридов и Хорезмшахов. Главным источником сведений по истории Гуридов является Минхадж ад-Дин Сирадж Джузджани, автор «Табакат-и Насири». При изложении истории гурских султанов Джузджани пользовался также сочинением по генеалогии Фахр ад-Дина Мубарак-шаха Мерверруди, которое было написано в начале XIII в. и содержит много интересных сообщений о языке и племенах тюрков [Бартольд, 1963, с. 77]. Действительно, данная информация В. В. Бартольда имеет важное значение. Придворный историк династии Шинасбенидов Минхадж ад-Дин Сирадж Джузджани (род. в 1193 г.) в 1257–1260 годах написал уникальную книгу «Табакат-и Насири». Он посвятил свой труд правителю Индии Насир ад-Дину Махмуд-шаху (1246–1265). Работа состоит из 23 глав (табакатов) и освещает общую историю. Главы 17-я, 18-я, 19-я посвящены истории Гура и государства Гуридов. Необходимо подчеркнуть, что «Табакат-и Насири» – единственный источник, который ин-

формирует нас о правлении каждого правителя, падишаха и султана из династии Шинасбенидов.

По этническому происхождению Гуриды относились к восточноиранской группе народов. Академик В. В. Бартольд объективно обосновал этническое происхождение Шинасбенидов (Гуридов). По этому ключевому вопросу он пишет: «С XI в. иранские области все больше переходили под власть турок, причём, конечно, дольше всего сохраняли свою самостоятельность области горные или защищённые горами. Из династий иранского происхождения притязания на великодержавие заявляла только одна – Гуриды (XII–XIII вв.) из области Гур в западной части Афганистана, овладевшие обширной страной, в том числе некоторыми областями к северу от Амударьи, например, долиной Сурхана» [Бартольд, 1963(II), с. 459].

Необходимо подчеркнуть, что изучению истории государства Гуридов уделили достаточное внимание афганские ученые. Но при правлении последних афганских королей Надир-шаха (1929–1933) и Захир-шаха (1933–1983), а также в период правления президента Дауда (1977–1978) историческая наука в Афганистане оказалась под жёсткой государственной цензурой. Другими словами, сочинения, которые были написаны в данный период, должны были соответствовать требованиям официальной идеологии. Поэтому некоторые афганские историки занимались фальсификацией фактов. Историки, которые в указанный период написали труды по истории государства Гуридов или самого Афганистана, указывали на этническое происхождение Гуридов от пуштунов. Ценный исторический факт, выявленный В. В. Бартольдом, был жёстким ответом некоторым афганским фальсификаторам.

Важным вопросом является изучение географического положения государства Гуридов. Гур располагался в пределах Хорасана. Мухаммед Хусайн ибн Халафа ат-Табризи в «Бур-

хони котей» («Убедительный документ») пишет: «Гур – известная область, расположенная вблизи Кандагара» [Табрезй, 1963, с. 1426]. Согласно другим сведениям, слово «гур» очень древнего происхождения. В авестийском языке, в санскрите и в бактрийском языке слово «гур» означает «гора», то есть Гур переводится на русский язык как «Горная страна» [Панчшерй, 1981, с. 13]. Близки к истине Абдулхай Хабиби и Азиз Ахмад Панджшери, так как в таджикском языке до сих пор горы, а также горную страну называют «гар»: например, нынешний Айнинский район Республики Таджикистан старожилы до сих пор называют Фальгар (обширная горная страна).

Одно из ранних географических сочинений анонимного автора, «Худуд ал-‘Алам мин ал-машрик ил ал-магриб» («Границы мира от Востока до Запада»), содержит более полные сведения о Хорасане, и особенно о Гуре. Неизвестный автор этого сочинения в отдельной главе книги, которая называется «Слово о Хорасанском регионе и его городах», пишет: «Хорасан – это обширная область, которая на востоке граничит с Индией, на юге – с пустыней Каргаскух, на западе – с Гурганом и Гуром¹, на севере доходит до реки Джайхун (Амударья)» [Худуд-ул-олам, 1983, с. 88; Шарипов, 2018, с. 5]. Автор «Худуд ал-‘Алам» о Гурской области отмечает²: «Гур – это область в Хорасане, которая находится среди гор и обрывов. Его царя называют гуршахом, и его род происходит от правителей Гузгана. В древности все население Гура было неверным, а нынче все мусульмане. В Гуре много городков и селений. Из этого региона вывозят бурда (хлопковые полосатые ткани, из которых шили халаты), доспехи, кольчуги, отличные мечи

¹ Данное чтение представляется сомнительным – в классическом издании текста источника и его перевода на английский язык, осуществленного В. Ф. Минорским, вместо «Гур» четко читается другое название «Гуз» («جوز») [Hudūd al-‘Ālam, 1970, p. 102]. – Прим. ред.

² Данный отрывок взят из другой главы указанного источника и не имеет отношения к рассказу анонимного мусульманского автора о Хорасане [Hudūd al-‘Ālam, 1970, p. 110] – Прим. ред.

и другое оружие. Население злое, нелюдимое, воинственное, недоброжелательное и невежественное (джохил). Люди Гура в большинстве своём белокожи, но встречаются и смуглолице» [Худуд-ул-олам, 2014, с. 60].

Данная проблематика также ясно отражена в трудах В. В. Бартольда. Он отмечает: «Название Гур носила горная область, расположенная на восток и на юго-восток от Герата и на юг от Гарчистана и Гузгана. Наречие этих горцев существенно отличалось от хорасанского. Ещё в X в. гурцы большею частью оставались язычниками, хотя сама область со всех сторон была окружена мусульманскими владениями» [Бартольд, 1963, с. 401]. Как видно, историк определял границы Гура, опираясь на сведения первоисточников, и, кроме того, он информирует нас о древнем языке и вероисповедании жителей данного региона.

Нужно подчеркнуть, что в трудах В. В. Бартольда также охарактеризованы и другие регионы государства Гуридов. Нам известно, что следующей после Гура областью, которая имела в Гуридском государстве важное политическое и экономическое значение, являлся Гарчистан.

По сведениям историка Ш. Камалиддинова, название «Гарчистан» в средние века прилагалось к горной области, расположенной в верхнем течении реки Мургаб. Это же название, т. е. Гарчистан, в средние века носила также горная область, расположенная в верхнем течении реки Зеравшан в области Самарканда. Ещё в начале XX в. жители равнинных районов Средней Азии употребляли слово «галча», которое применялось к горцам верховьев Зеравшана и Памира [Камаладдинов, 1996, с. 262].

По данному поводу В. В. Бартольд пишет, что Гарчистан – это местность по верхнему Мургабу. Гарчистаном, т. е. областью горцев, называлась в X в. преимущественно область верхнего Мургаба (на территории Афганистана). «Слово «гар» – «гора», область горцев называли Гарчистаном» [Бар-

тольд, 1963, с. 292]. Слово «гальча» – «горец» в литературе домонгольского периода всегда пишется «гарча» и происходит от слова «гар» – «гора» [Бартольд, 1963(II), с. 197].

Таким образом, в исторических трудах академика В. В. Бартольда подробно описана историческая география государства Гуридов. Стоит отметить, что ученый является одним из первых исследователей, которые, ссылаясь на сведения из письменных первоисточников, освещают географическое положение данного государства.

При освещении академиком В. В. Бартольдом истории государства Гуридов в целом была представлена политическая и социально-экономическая ситуация в Средней Азии в XII–XIII вв. В данный период, несмотря на нашествие тюрок и непрерывные войны, в экономической и социально-политической жизни Средней Азии происходили большие изменения. Менялась жизнь горожан и сельчан, развивались сельское хозяйство, ремесло и торговля, расширялись и укрупнялись феодальные города, которые играли все большую роль в социально-экономической и военно-политической жизни страны. Сословие дихкан – внушительная военная сила (преимущественно рыцарская конница³) прежних веков – постепенно теряло былое значение и заменялось наёмными тюркскими войсками. Разложение и окончательное отмирание этого сословия произошло именно в эти века.

Обращая внимание на этот процесс, учёный в сочинении «История Туркестана» пишет: «На разложении сословия дехкан должны были также отразиться дальнейшие успехи городской жизни, торговли и промышленности. В XI веке при Караханидах завершился процесс перехода жизни из старых шахристанов в пригороды, где находились базары, обращение прежних городов в предместья и предместий в города. Города получили тот вид, который сохранился до нашего времени, с главными улицами от ворот к центру, базарными лавками

³ Данное сравнение видится не совсем корректным – Прим. ред.

вдоль этих улиц и центральным куполом рынка (чорсу) в месте их пересечения... В Бухаре образовалась своего рода аристократическая городская республика, во главе которой стояли садры, т.е. духовные сановники, из дома Бурхана, представляющие интересы богатого класса» [Бартольд, 1963(II), с. 130].

В. В. Бартольд также отразил политическую историю Гуридского государства. После поражения ‘Ала’ ад-Дина Хусейна Гурида в битве с султаном Санджаром в 1152 году Герат был захвачен огузами. Но в дальнейшем, в 1175/1176 году, Гуриды во главе с султаном Гийас ад-Дином отвоевали этот город.

Согласно средневековым источникам, после расширения государства султан Гийас ад-Дин посадил на газнинский трон своего брата Шихаб ад-Дина, а сам перебрался в Фирузкух [Амиршоҳӣ, 1999, с. 476]. В дальнейшем братья занялись снаряжением войск и укреплением своей власти в стране и затем, объединив войска Гура и Газны, начали завоевание сопредельных территорий, правители которых считали себя самостоятельными государями. Они начали с завоевания Герата. После гибели правителя Герата Тадж ад-Дина Юлдуза бывший раб султана Санджара, Баха ад-Дин Туграл, объявил себя правителем города и области. Как сообщают источники, этот раб, тюрок по происхождению, ненавидел местных жителей, унижал и грабил их. Жители Герата несколько раз обращались к султану Гийас ад-Дину и просили защиты и покровительства [Джусджони, 1984, с. 357–358]. Когда объединённое войско Гуридов приблизилось к Герату, жители города восстали и с радостью встретили султана Гийас ад-Дина. Правитель Герата Баха ад-Дин Туграл, лишившись поддержки населения и не имея сил для защиты города, вынужден был покинуть Герат и скрыться во владениях Хорезмшахов. Эти события произошли в 571 г.х. (1175–76 нашего летоисчисления) [Амиршахи, 1999, с. 476].

По данному поводу В. В. Бартольд подчёркивает: «Гуриды распространяли свои владения не только на восток; в 571/1175–76 г. они заняли Герат, после чего и в Хорасане сделались соперниками Хорезмшахов, перед которыми, бесспорно, имели некоторые преимущества. Хорезмшахи могли вести свои войны только при помощи наемных сил; Гуриды, кроме своей тюркской гвардии, могли опираться также на воинственных горцев родной земли. Хорезмшахи, при всем своем могуществе, были вассалами неверных каракитаев. Гуриды были единственными независимыми и сильными государями в восточной части мусульманской Азии. На них, естественно, должны были обратиться взоры мусульман Хорасана и Мавераннахра» [Бартольд, 1963, с. 402].

Современные историки Хусейн Карачонлу и Исмаил Худайбахш считают, что основной причиной столкновения Гуридов и Хорезмшахов являлся захват Гуридами Герата в 1175 году. Они отмечают: «Ослабление власти Сельджукидов совпало с усилением государства Гуридов. Гуриды продолжили свою экспансию не только на восток от своего государства, но и на запад, в 1175 году захватили Герат и после этого стали основными соперниками Хорезмшахов» [Карачанлу, 1384, с. 175]. Эти авторы также отмечают, что военно-политическое превосходство Гуридов в этом противостоянии было неоспоримым [История Афганистана, 1982, с. 75–76].

Как видно, сведения средневекового историка Минхадж Сираджа Джуджани соответствуют сообщению В. В. Бартольда. Ученый в своих трудах подробно отразил данное событие.

После смерти султана Гийас ад-Дина (1203) и убийства Шихаб ад-Дина (1206) начинается ослабление государства Гуридов. Братья в течение 43-х лет (с 1163 по 1206 год) благодаря мудрой политике и удачным военным походам способствовали организации огромной империи, которая объединяла Хорасан и Северную Индию, тянулась от берегов Бенгальского залива до долины Амударьи.

С 1206 года между гурскими полководцами возникла вражда, и в результате государство Гуридов распалось на три части. Законный наследник династии Шинасбенидов, султан Махмуд ибн Мухаммад Сам (1206–1210/1211), правил Фирузкухом, Кутб ад-Дин Айбек стал султаном Дели, Тадж ад-Дин Юлдуз – правителем Газны, а Насир ад-Дин Кубачи стал правителем Мултана. Таким образом, империя Гуридов, которую с огромным трудом создал Шихаб ад-Дин Мухаммад, сразу же после его смерти распалась на три части, что и привело к ослаблению государства Гуридов.

В период 1206–1215 гг. султан Мухаммад Хорезмшах (1200–1220) постепенно завоевал почти все территории Гуридов, кроме северной части Индии. Таким образом, в 1215 году Гуридская империя полностью распалась. По данному поводу В. В. Бартольд отмечает: «Султан Мухаммед Хорезмшах среди мусульманских правителей не имел соперников. К 1215 г. он окончательно присоединил к своему государству все бывшие владения Гуридов и поставил во главе их своего сына Джелаль ад-дина. Как известно, в состав владений бамианской ветви Гуридов входили также некоторые области, находившиеся к северу от Амударьи; среди владетелей, находившихся в плену в Хорезме, упоминается владетель Вахта Джемаль ад-дин Омар, вероятно, преемник упоминаемого у Джузджани Мелик-шаха» [Бартольд, 1963, с. 437].

Таким образом, академик В. В. Бартольд, как известный знаток средневековой истории Мавераннахры и Хорасана, в своих трудах освещает многие проблемы его политической, социально-экономической и культурной истории. В том числе в трудах ученого также подробно отражена политическая и историческая география Гура и государства Гуридов. Исследователь, опираясь на сведения из средневековых письменных источников, проанализировал и объективно представил основные проблемы истории данного государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиция проведения БЧ, одной из немногих постоянно действовавших научных конференций, посвященных различным аспектам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в системе востоковедных исследований, была прервана на достаточно продолжительный срок. Однако стараниями сотрудников и руководства ФГБУН Института востоковедения РАН эта международная научная конференция была возобновлена в ноябре 2022 г. В ней приняли участие несколько десятков российских и зарубежных специалистов, что говорит о значимости источниковедческой проблематики в рамках современного востоковедения. Организаторы и участники этой конференции пришли к выводу о том, что сейчас как никогда актуально продолжение проведения БЧ в будущем, равно как и публикация докладов проведенной в 2022 г. научной конференции. В связи с этим Отделом истории Востока ФГБУН Института востоковедения РАН была предложена идея коллективной монографии, куда могли бы войти в виде тематических разделов материалы, озвученные участниками конференции. В ходе работы над этой коллективной монографией были выстроены тематические главы, первая из которых была названа «**Источниковедение истории Востока**» и посвящена как анализу отдельных исторических источников, так и групп памятников, принадлежащих разным историографическим традициям.

Открывает эту главу раздел, посвященный сочинению «*ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира*» выдающегося мусульманского историка Ибн Тагриберди, который является весьма интересным, хоть и малоизученным памятником по истории периода мамлюкского правления

в Египте. Несмотря на то, что основой для сочинения Ибн Тагрибарди стал более ранний труд ал-Макризи, которого первый с большим уважением упоминал в своих произведениях и обращался к нему как «наш шейх», *«ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира»* насыщен ценными и богатыми сведениями: в частности, автор приводит много информации о развитии науки, образования. Также Ибн Тагрибарди предложил в своем труде много ценных сведений о наиболее значительных медресе Египта, о повседневной жизни султанов в государстве мамлюков, важных событиях в их жизни, об александрийской тюрьме, свадьбах, траурных обрядах и других традициях. Большое внимание этот автор уделил также дворцовому этикету, что крайне важно для исследователей политической истории Египта эпохи мамлюков. Отдельное значение этого исторического источника связано с тем, что Ибн Тагрибарди приводит большое количество поэтических произведений мусульманских поэтов в каждом из томов своего *«ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира»*, многие из которых не встречаются в других памятниках мусульманской историографии.

В разделе *«Три архаических мотива малайских хроник»* автор, на примере хроники «Повести о раджах Пасея», анализирует архаические мотивы, и прежде всего мифы о происхождении правящих династий Нусантары. Одним из них является мотив белой крови как признака божественной природы героя, а также мотив бамбука и морской пены, связанных с происхождением правящей династии; все три эти мотива рассматриваются автором на самом широком круге малайских источников. Представленные в этом разделе источники и приведенные автором таблицы не исчерпывают всей темы «белой крови», как и прочих архаических мотивов, присутствующих в малайских нарративных источниках, письменных и устных. Последующие же исследования должны способствовать выстраиванию некоей «карты сюжетов» и по-

казать, каким образом они распределялись по территориям Юго-Восточной Азии – как островной, так и материковой, а возможно, и выйти за ее пределы. Автор также подчеркивает, что отдельного внимания заслуживает вопрос, в какой мере чётка граница между письменным и устным «историческим» нарративом, особенно в малайском контексте.

Следующий раздел первой главы *«Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК) как источник по истории присоединения Крыма к России в 1783 г.»* посвящен анализу «Известий Таврической учёной архивной комиссии», в которых публиковались архивные документы и материалы по Крыму разного временного периода. Во многих номерах этого сборника в конце печаталось приложение с личным составом членов Таврической учёной архивной комиссии: согласно этому приложению одним из действительных членов Таврической учёной архивной комиссии был выдающийся российский востоковед Владимир Васильевич Бартольд, чья работа в составе этой комиссии требует еще дополнительного внимания исследователей. Это важно для понимания той огромной и многогранной научной деятельности, которая связана с именем В. В. Бартольда и отдельные аспекты которой до сих пор малоизвестны широкому кругу исследователей как в России, так и за рубежом.

Для исследователей российской истории будет весьма интересен раздел первой главы, который называется *«Краткое собрание ханских ярлыков русским митрополитам: уникальная информация о выплатах Золотой Орде с русских земель»*. В состав «Краткого собрания» вошли ярлык хана Тюляка, выданный в 1379 г. митрополиту Михаилу; грамота ханши Тайдулы, выданная в 1347 г.; ярлык Менгу-Тимура, выданный в 1267 г.; грамота Тайдулы, выданная в 1351 г. митрополиту Феогносту; ярлык хана Бердибека, выданный в 1357 г. митрополиту Алексею; грамота Тайдулы, выданная в 1354 г. митрополиту Алексею; заключение от составителя

собрания. Автор раздела приходит к выводу, что реальное существование таких податей, взимаемых в пользу Золотой Орды, как война, питье, поплужное и почестье, сомнительно. Эти наименования представляются дополнением, внесенным переводчиком ярлыков с целью увеличения числа поборов, от уплаты которых освобождалось русское духовенство. Другие наименования выплат, корм и подвода, предстают реально существовавшими выплатами. Таким образом, «Краткое собрание ханских ярлыков», выданных русским митрополитам, не просто перечисляет некоторое количество налоговых наименований, но предоставляет уникальные сведения о выплатах, собираемых с русских земель в пользу Золотой Орды, т.к. содержит термины, мало или вовсе не встречающиеся в других источниках.

Следующий раздел первой главы крайне важен для возобновления традиции БЧ и носит название **«База данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв.» и традиции Бартольдовских чтений**. Эта база данных начала формироваться с марта 1982 г. и была задумана как указатель тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв., который не имеет на данный момент аналогов в отечественной и в мировой арабистике. Автор раздела предполагает довести «Базу...» до такого уровня, который позволит издать ее в виде книги. Все упомянутые в разделе этапы работы над «Базой...» в значительной мере связаны с докладом на Бартольдовских чтениях, который был сделан в 1990 г. В связи с этим автор надеется, что и «База...», и другие мои источниковедческие публикации, осуществленные с тех пор, тесно связаны с плодотворными традициями Бартольдовских чтений.

Важный раздел первый главы посвящен анализу налогового реестра санджака Табриз – *«Некоторые особенности налогообложения городского центра и аграрной периферии согласно османскому налоговому реестру санджака Тебриз*

1728 г.». Источники такого типа сравнительно редко используются исследователями, однако они незаменимы для понимания особенностей экономической истории региона. В результате полученные из них ценные сведения позволили автору прийти к выводу о том, что упадок международной караванной торговли в результате экспансии европейской колониальной системы привел к постепенной деградации традиционных восточных обществ. Османский налоговый реестр санджака Тебриз 1728 г. зафиксировал положение, когда наблюдались общий экономический кризис местного общества, деградация и обнищание крестьянства, но город по инерции все еще сохранял преимущество в качестве таможенного центра на торговых маршрутах и места концентрации и перераспределения прибавочного продукта.

В следующем разделе *«Некоторые источники монгольской летописи XVIII в. «Хрустальные четки» Рашипунцага»* внимание читателя обращено на «Хрустальные чётки» – монгольское историческое сочинение, состоящее из 5 разделов или глав (записанных в десяти тетрадах, написанное в XVIII веке баринским летописцем Рашипунцагом (1755 г. – неизвестно). Оно охватывает историю монголов от начала рода борджигин до конца правления Лигдэн-хана и имеет ряд характерных особенностей, выделяющих его среди других трудов по истории монголов. Для автора этого раздела крайне важно было установить источники, на которые опирался автор XVIII в. при создании собственного нарратива, и внимательный анализ текста позволил установить, что при написании «Хрустальных чёток» Рашипунцаг чаще всего прибегал к китайским сочинениям, а именно – к «Истории династии Юань» и её маньчжурскому переложению, а также «Цзы чжи тун цзянь ганму» и «Цзы чжи тун цзянь ганму суй бянь»; реже он использовал «Свод уложений династии Великая Цин», «Четверокнижие», «Троецарствие». Среди монгольских источников, использованных летописцем, были

«Золотое колесо с тысячью спиц» Дхарма-гуши и «Источник мудрецов», среди тибетских – «Комментарий к «Сердечному покрову»» Чойджи-Одсера, «Шастра, именуемая «Драгоценная сокровищница благих наставлений»» Сакья-пандиты, «Книга притч – собрание драгоценностей» Потобы, «Сутра золотого блеска».

Не менее важной исследовательской проблемой, помимо установления источниковой базы того или иного памятника, является перевод самого источника, чему посвящен раздел *«Особенности перевода Малайских средневековых правовых источников»*. Уже в начале этого раздела автор справедливо отмечает тот факт, что перевод данных малайских средневековых правовых источников на русский язык предполагает решение целого ряда сложностей, связанных, во-первых, с особенностями малайской письменности и рукописной традиции в XV–XVII вв., а во-вторых, с большим количеством в тексте различных по происхождению юридических терминов. Среди важнейших выводов, на которых настаивает автор раздела, следует выделить тот факт, что основными особенностями перевода малайских средневековых правовых источников на русский язык являются специфика классического малайского «джави», наличие в кодексах многочисленных вставок на арабском языке, специфика доступных нам текстов кодексов, которые изданы не в оригинальном виде, а также наличие многочисленной юридической терминологии мусульманского, индо-буддийского и адатного происхождения.

Первая глава **«Источниковедение истории Востока»** представленной коллективной монографии завершается разделом *«Тюркоязычная историческая литература Дагестана: особенности жанра»*, где подчеркивается, что особенности дагестанской тюркской исторической литературы как жанра до сих пор описаны не были. В связи с чем необходимо описать и классифицировать существующие исторические сочинения, а также выявить общие закономерности в их структуре

и, наконец, детально рассмотреть наиболее показательное из них в качестве примера. Вывод, к которому приходит автор раздела, крайне важен, как нам кажется, для специалистов по истории Кавказа: у исследуемых тюркоязычных исторических источников больше различий, чем сходств. Ввиду их небольшого количества, отсутствия сходной структуры и хронологического разброса можно заключить, что тюркоязычные исторические источники в дагестанской жанровой традиции едва ли составляют отдельный жанр. Они скорее являются единичными и представляют собой ответвление от арабоязычных исторических сочинений. Что, в общем-то, подтверждается текстом рукописи «История Кавказа и селения Карабудхкент», которая изначально была записана на арабском языке.

Вторая глава коллективной монографии включает в себя разделы, посвященные мемуаристике и источникам личного происхождения – «**Мемуары и источники личного происхождения в востоковедных исследованиях**». Ее открывает раздел «*Научная деятельность литературоведа-тюрколога Г. С. Амантая (1907–1938)*», в которой автор, опираясь на широкий круг источников прежде всего личного происхождения, реконструирует биографию этого известного ученого, писателя и общественного деятеля. Особенно важно отметить связь жизни и деятельности Г. С. Амантая с выдающимися представителями российского востоковедения, в том числе и с В. В. Бартольдом. Раздел «*Дипломатическая деятельность башкирских дворян Бекчуриных*» рассказывает на материале самого широкого круга об активных участниках юго-восточной внешней политики Российской империи – представителях нескольких поколений из рода Бекчуриных. Религиозный фактор имел большое значение, и российская дипломатия старалась это учитывать, направляя в Казахстан и страны Средней Азии башкир. В свою очередь привлечение башкир способствовало установлению доверительных

отношений с соседями, поскольку кроме веры большую роль в этом процессе играла близость языка и культуры. Анализ источников личного происхождения позволяет реконструировать некоторые малоизученные периоды биографии выдающихся деятелей истории Востока, как это видно на примере раздела *«Травелоги, письма и статьи Рабиндраната Тагора как свидетельство политической вовлеченности индийского классика»*. В результате проделанной работы можно прийти к выводу о том, что становление и формирование политических воззрений Р. Тагора не было поступательным и линейным: он то возвращался к своим старым взглядам, то принимал новые – идейные искания бенгальского классика наглядно проявляются в его творчестве. Представляется, что особую роль в формировании его политического мировоззрения сыграли поездки по миру. Рассматривая каждую из них в первую очередь как возможность почерпнуть что-то новое и полезное из опыта других стран и обменяться идеями с зарубежными коллегами, чтобы, вернувшись, попытаться претворить их в жизнь в Индии, Р. Тагор тем не менее никогда не забывал о своей негласной гуманистической миссии и до последнего нёс в мир идеи ненасилия и человечности. С другой стороны, даже когда его позиция в отношении ненасилия была, казалось бы, ясна и однозначна, вероятно, где-то в глубине души все еще оставались сомнения, действительно ли это именно тот путь, который может привести Индию к независимости.

Существенные различия имеются между дневниками и воспоминаниями: записи в дневник делаются «по горячим следам», когда описываемое событие еще не вполне ясно самому автору. Сведения могут быть неполными, а иногда искаженными поспешным донесением или слухами, которые впоследствии опровергаются. Но дневниковые записи передают сиюминутное настроение автора, а зафиксированные слухи, какими бы маловероятными они ни были, показывают настроение современников, их надежды и разо-

чарования. Совсем другое дело – воспоминания, написанные иногда спустя несколько десятилетий после описываемых событий. Во-первых, мемуарист знает все произошедшее потом и с высоты своего знания судит о последствиях тех или иных решений и действий. Во-вторых, на мемуариста не может не оказывать влияния оценка описываемых событий и действующих лиц, сложившаяся в обществе ко времени написания мемуаров. К таким источникам относятся дневники и воспоминания участников Крымской войны, в том числе мемуары старшего адъютанта командира Севастопольского порта, тогда лейтенанта 44-го флотского экипажа (впоследствии вице-адмирала) князя Л. А. Ухтомского, анализу которых посвящен раздел *«Мемуары князя Л. А. Ухтомского как источник по истории Крымской войны и обороны Севастополя 1853–1856 гг.»*.

Третья глава коллективной монографии носит название **«Специальные исторические дисциплины»** и включает в себя разделы, посвященные различным аспектам эпиграфики, ономастики и палеографии. Так, ее первый раздел, *«Арабская строительная эпиграфика дагестанского селения Храх»*, где представлены результаты исследования четырех надписей, которые были составлены во второй половине XIX в. по случаю строительных и ремонтных работ. Практика составления памятных арабских надписей во время строительства или ремонта мусульманских культовых сооружений (мечетей, минаретов), частных жилых домов, общественных или хозяйственных построек была весьма распространена в Дагестане. Строительные надписи сел. Храх составляют часть сохранившихся здесь эпиграфических памятников, которые представлены также жанром надписей-эпитафий. В разделе *«Тюркские чунгулы ~ чумулы, чигили и бурятские цонголы ~ сонголы: исследование исторической связи названий»* авторы отмечают, что к середине VII в. наблюдается сосуществование на территории северной части Восточного

Туркестана двух племенных сообществ, названия которых, **čunil* (~ **čigil*) и **čumil* ~ **čumul*, восходят к одной форме. Сохранение за какой-то частью населения Восточного Туркестана названия **čunil*, по меньшей мере, со второй четверти VII в. до сего дня, безусловно свидетельствует о его исторической преемственности, не отрицая ни сложности этногенетических процессов, связанных с миграциями и изменениями племенного состава политических прежде всего ни связанных с ними изменений в языковой принадлежности тех или иных групп населения. Носители названия **čunil*, уже без какой-либо связи с теми, кто именовался **čigil* в Средней Азии, приняли участие в этногенезе сарыг-югуров и затем бурят. Когда, как и при каких обстоятельствах часть исторических **čunil* сделались *čonjol*, чтобы затем, к концу XVII в., стать известными в Южной Бурятии как цонголы, требует дальнейших изысканий.

В данной главе авторы обращаются не только к истории Кавказа и Центральной Азии, но и рассматривают сюжеты, связанные с эпиграфикой и ономастикой Испании в эпоху господства там арабов. Наглядным примером этому служит раздел «*Испанские прозвища толедских мосарабов в XII и XIII вв.*», где рассматривается значительное число испанских слов, записанных в арабской графике (на алхамиадо) из текстов архива толедских мосарабов XII и XIII вв. Арабские и романские слова, встречающиеся в архиве для обозначения прозвищ алхамиадо, позволяют, с одной стороны, уточнить этимологию романских слов, в том числе реконструировать фонетическую форму слов, с другой стороны, позволяют проследить грамматическую (морфологическую и синтаксическую) и лексическую интерференцию, которую испытывали романские слова при контакте с арабским языком. Последний раздел третьей главы «*К истории эстампажного копирования древнетюркских рунических надписей конца XIX – начала XX вв. (по материалам фонда Центральной*

Азии и Сибири ИВР РАН)» крайне важен прежде всего по той причине, что осведомленность в различных техниках контактного копирования, использовавшихся исследователями и археологами на рубеже XIX–XX вв., нередко способствует не только выявлению собирателя и времени изготовления неатрибутированных копий, но и идентификации памятника.

Следующая глава коллективной монографии носит название *«История и культура Центральной Азии»* и включает в себя разнообразные разделы, посвященные различным проблемам истории этого региона от Средневековья до наших дней. Открывает эту главу раздел *«Сказание об одноглазом великане в огузском эпосе: исследования В. Эберхарда»*, где рассматривается VIII сказание «Китаб-и дедем Коркут» («Песнь о том, как Бисат убил Дегегёза»), в котором повествуется о битве огузского богатыря Бисата с Тепегёзом, одноглазым великаном, на который обращает внимание впервые в исследовательской среде именно В. Эберхард. Именно это – одно из хронологически наиболее ранних сказаний «Книги Коркута», помимо широко распространенного в мировом фольклоре мотива, связанного с союзом человека и птицы-лебедя/пери, содержит и мотив чудесного появления на свет ребенка из скалы/камня, который, вероятнее всего, связан по происхождению именно с тюрками Центральной Азии.

Вопросы изучения истории формирования административных границ между различными субъектами Советского Союза, особенно образованными на национальной основе, имеют серьезное значение, поскольку процесс демаркации и делимитации границ постсоветских республик не завершен до настоящего времени. В связи с этим из состава последней главы коллективной монографии важно принять во внимание раздел *«Принципы и подходы разграничения территории Центральной Азии в 1917–1939 гг.»*. Границы, сложившиеся после образования всех пяти центральноазиатских союзных республик в конце 1936 г., еще несколько раз изменялись. Однако

эти изменения и подвижки были качественно отличны от глубинных трансформаций 1920-х – первой половины 1930-х гг. На крупномасштабной карте послевоенные изменения в регионе можно и не заметить. Именно в довоенный период сложились основные контуры тех границ, которые имеют постсоветские страны Центральной Азии в настоящее время. Тогда же сложились и критерии (принципы) разграничения.

Средневековые монголы прославились как непревзойденные воины и безжалостные завоеватели. В их арсенале было много военных хитростей, выработанных в степях веками. Не брезговали они и обманом неприятеля, обещая свою дружбу и суля всевозможные блага, но потом убивая доверившихся. В связи с этим крайне важно учитывать те сюжеты, которые подробно были освещены в разделе *«Монгольские ультиматумы в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина»*. Представленные в «Сборнике летописей» фрагменты ярлыков с требованием подчинения, отправлявшихся монголами разным адресатам в XIII в., можно считать подлинными, по крайней мере, в том отношении, что они адекватно передают суть, хотя по форме значительно редуцированы. Отсутствие в них сакральной преамбулы может объясняться ее хорошей известностью в тех кругах, которым было адресовано это сочинение, хотя, может быть, Рашид ад-Дин избегал ее нарочито, как наследие шаманистического прошлого ильханов. Однако и в таком усеченном виде ультиматумы подтверждают претензии средневековых монголов на главенство над всеми народами и согласуются с содержанием других известных науке ярлыков, сохранившихся полностью. Несмотря на неполноту и малочисленность, содержащиеся в труде Рашид ад-Дина монгольские ультиматумы представляют определенную ценность для воссоздания не только исторических событий, но и идеологии Монгольской империи.

В состав данной главы были включены несколько историко-географических разделов, первый из которых носит название

«Праздник Навруз в историографии советского и постсоветского Таджикистана (вторая половина XX – начало XXI вв.)». Значительная роль в изучении и исследовании национальных праздников и их возрождении, в том числе Новруза, принадлежит интеллигенции Таджикистана: ею опубликованы ценные тезисы и исследования, основанные на древних и исторических источниках. В монголоведении (ойратоведении) и кочевниковедении одним из традиционно дискуссионных является вопрос об этимологии этнонима «калмык», и этому посвящен раздел *«Калмак: от топонима к этно(поли)тоному»*. Автор приходит к выводу о том, что слово «калмак» закрепилось за ойратами, поскольку они были знакомы их соседям-мусульманам как шаманисты или последователи буддизма, по переселении из Восьмиречья (верховья Енисея) занявшими земли Калмака. Со временем среди них возрастала роль буддизма, они все более явно идентифицировали себя как немусульмане и сами восприняли это слово как этноним. С XV в. религия, а именно буддизм, становится для ойратов определяющим показателем идентичности. Это происходит в связи со становлением государства, которое должно было базироваться на определенной идеологии, имевшей потенциал противостоять праву чингисидов. Поскольку к калмакам относили не только ойратов и монголов постюаньского периода, но и другие немусульманские, в том числе тюркские, народы (например, народы Алтая), то это слово, некогда топоним, сохранилось в виде этнонима и политонима.

Одно из ключевых событий в истории Центральной Азии домонгольского периода связано с разгромом войск сельджукского султана Санджара кара-китайской армией. В разделе *«Катаванская битва 1141 г. в мусульманских источниках XII – начала XIII в.»* автор отмечает особенности описания этой битвы и ее последствий в памятниках мусульманской историографии, выделяет сквозные сюжеты и сравнительно редко упоминаемые эпизоды. Особое вни-

мание автора привлекли несколько дискуссионных сюжетов в составе мусульманских источников домонгольского периода при описании Катаванского сражения и его последствий. Разбор этих сюжетов и соотнесение этих сведений с уже известными исследователям историческими реалиями той эпохи позволяют лучше понимать политическую историю Хорасана и Мавераннахра в середине XII в., когда сельджукская держава вступает во время своего окончательного упадка и в борьбу за власть над этими землями включаются новые политические силы.

Последняя глава коллективной монографии посвящена научному наследию академика В. В. Бартольда и носит название **«Научное наследие академика В. В. Бартольда и его изучение»**. Об этом ученом много ценных сведений содержится в первом разделе этой главы, который носит название *«Письма профессора А. Е. Крымского академику В. В. Бартольду из фонда Санкт-Петербургского филиала Архива РАН»*. Публикуемые письма А. Е. Крымского академику В. В. Бартольду с новой стороны раскрывают нам и некоторые неизвестные моменты становления и развития советской украинской академической науки, в первую очередь востоковедения, после его переезда в Киев в 1918 г. На протяжении двадцати лет Крымский и Бартольд вели переписку, отражавшую их личное восприятие различных политических и научных событий, благодаря чему мы теперь можем понять скрытые мотивы многих профессиональных и общественных процессов того времени и гражданскую позицию ученых и мыслителей. Не менее значим в данном случае и раздел, который вновь отсылает читателя к биографии выдающегося российского востоковеда В. В. Бартольда – *«Переписка В. В. Бартольда и А.-З. Валиди Тогана»*. В нем были изучены письма выдающихся востоковедов В. В. Бартольда и А. Валиди Тогана, написанные в 1914–1928 годах. Как один из видов исторического источника они раскрывают

многие аспекты их научно-исследовательской деятельности, взаимоотношений, области научных интересов, научно-организационных моментов их творчества и личной жизни ученых.

Историческая география как часть исторической науки занимает особое место в исследовании проблем истории, так как она тесно связана с историей заселения народов и тем самым образования новых поселений и городов. Исследованием проблем исторической географии городов Средней Азии, в том числе Согда, занимались дореволюционные русские востоковеды. Среди них в этом вопросе весомый вклад внес академик В. В. Бартольд, и именно этой проблематике посвящен раздел *«Вклад академика В. В. Бартольда в освещение исторической географии и топонимики древнего Согда»*. Исследования академика В. В. Бартольда занимают особое место в изучении истории среднеазиатских городов. Он одним из первых исследовал различные стороны истории народов Средней Азии. Опираясь на сведения первоисточников, великий учёный выдвинул ряд гипотез по вопросу локализации древних городов, которые и получили свои подтверждения в ходе археологических раскопок во второй половине XX века.

Следующий раздел, *«Труды В. В. Бартольда «Очерк по истории туркменского народа» и «Киргизы. Исторический очерк» как первые академические исследования по их истории»*, где автор особенно подчеркивает тот факт, что Василий Владимирович Бартольд – академик императорской Российской академии наук и академик Академии наук СССР, является великим ученым-востоковедом, благодаря труду, знаниям, усилиям и гению которого современные народы бывших азиатских союзных республик СССР, да и не только их, смогли познать свою настоящую древнюю, средневековую и Новую историю. Вызывает глубокое сожаление и даже чувство стыда у пишущего эти строки, как предста-

вителя центральноазиатских народов, то обстоятельство, что не видно и толики должной благодарности со стороны общественности этих стран Центральной Азии, не говоря уже об их властях, по отношению к этому великому человеку, показавшему всему миру историю их великих предков, чего не скажешь об их потомках, когда ставятся памятники завоевателям, но не помнят о тех, кто вывел из небытия историю их народов. О вкладе в развитие востоковедения этого выдающегося ученого рассказано в разделе *«Вклад академика В. В. Бартольда в изучение истории государства Гуридов»*, где подробно анализируются его исследования политической и исторической география Гура и государства Гуридов.

Разнообразие включённых в состав представленной коллективной монографии тематических разделов подчеркивают значимость БЧ для исследователей истории, источниковедения, политической географии, эпиграфики и ономастики Центральной Азии. Вместе научное наследие самого В. В. Бартольда продолжает привлекать внимание ученых, чему также является свидетельством целый ряд разделов из этого издания. Все это вместе позволяет заключить, что возобновление традиции проведения БЧ было не просто верным решением, но и значимой вехой в научной жизни российского востоковедения. Внимание к этому событию ученых со всего постсоветского пространства позволяет говорить и об объединяющем его значении – обмен научным опытом, апробация полученных в ходе исследований результатов требуют специализированной научной площадки, которая могла бы свести вместе исследователей Центральной Азии. Эту роль должна взять на себя международная научная конференция «Бартольдовские чтения», необходимость регулярного проведения которой доказала, в том числе, и эта коллективная монография.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
Ф. 113. Оп. 113/1. Д. 1. 1724.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 192. Оп. 1. Д. 2.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 667. Оп. 1. Д. 3.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 667. Оп. 1. Д. 16.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 3316. Оп. 18. Д. 239.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 3316. Оп. 18. Д. 241.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 3316. Оп. 29. Д. 803.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р144. Оп. 1. Д. 20.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р180. Оп. 1. Д. 31.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 6.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 8.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 12.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 30.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 31.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 32.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 40.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 42.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 54.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 68.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1235. Оп. 73. Д. 180.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р1235. Оп. 74. Д. 268.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р6655. Оп. 1. Д. 29.

ИРНБУВ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. XXXVI, д. 750.

ИРНБУВ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. I, д. 22665.

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р.- 122. Оп. 36. Д. 110.

НА УФИЦ РАН – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики. Ф. 8001. Оп. 1. Д. 24.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 52. Оп. 1. Д. 336. Регистр разным письмам, изыскающим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 г. – июня 1784 г.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1–2.

РГАВМФ – Российский государственный военно-морской архив. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2265.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 68. Оп. 1. Д. 222.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 68. Оп. 2. Д. 38.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 358. Оп. 2. Д. 361.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 4. Оп. 4 (т. 1). Д. 2135.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 222. Оп. 2. Д. 671.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 208. Оп. 2. Д. 25.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 152. Оп. 1 (1931). Д. 38.

ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН – [Карабудахкенские адаты] // Фонд восточных рукописей Института истории, археологии, этнографии ДФИЦ РАН. ФМС (Фонд М. С. Д. Саидова). Оп. 5. № 128.

ЦГА РД – Посемейный список сел. Храх. 1850 г. – Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2.

Издания на европейских языках

Административно-территориальное деление, 1929 – Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов с хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей и республик с 1917 до 1928 г. Изд-е 8-е. М., 1929.

Административно-территориальное деление, 1935 – Административно-территориальное деление Союза ССР. Краткий справочник на 1 сентября 1935 г. М., 1935.

Адрианов, 1948 – Адрианов А. В. Писаницы енисейской губернии. // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. 1948. Д. 55. Л. 5.

Айни, 1960 – Айни С. Воспоминания. М.; Л., 1960.

Акбар, 2010 – Акбар Т. «Весна вселенной расцвела опять...» Исторический портрет праздника Навруз // Иран-наме. Научный восточноведческий журнал. 2010. № 1 (13). С. 5–40.

Акимов, 1974 – Акимов О. Ф. Могольское государство и калмаки // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Сборник статей и выступлений международного симпозиума ЮНЕСКО / Под ред. Ш. Биры, А. Лувсандендева. Улан-Батор, 1974. С. 43–46.

АСЭИ, 1952 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1.

АСЭИ, 1958 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2.

АСЭИ, 1964 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3.

АФЗХ, 1951 – Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Ч. 1.

АФЗХ, 1956 – Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2.

Алексеев, 1980 – Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.

Алиев, 2001 – Алиев Б. Г. Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. М., 2011.

Алымов, 2006 – Алымов С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006.

Аманжолова, 1995 – Аманжолова Д. А. Россия и казахский автономизм. История движения Алаш (1905–1920 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 1995.

Аманжолова, 2014 – Аманжолова Д. А. Советский народ – историческая реальность или фантом? // Вестник российской нации. 2014. Т. 4. № 4(36). С. 11–34.

Аманжолова, Атанов, Турарбеков 2014 – Аманжолова З. А., Атанов М. М., Турарбеков Б. Ш. Правда о государственной границе Республики Казахстан. 3-е изд-е, доп., перераб. Алматы, 2014.

Аникеева, 2018 – Аникеева Т. А. Неопубликованные материалы об огузском книжном эпосе в архиве П. А. Фалева // Тюркологический сборник. М., 2018. С. 179–190.

Аникеева, 2021 – Аникеева Т. А. Гомбедская рукопись «Китаб-и дедем Коркут» как новый источник в изучении эпоса // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 166–174.

Арабские источники о тюрках, 1993 – Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Пер. Ф. М. Асадова. Баку, 1993.

Армянские источники, 1962 – Армянские источники о монголах / Пер. А. Г. Галстяна. М., 1962.

Арриан, 1962 – Арриан. Поход Александра. М., Л., 1962.

Архив, 1915 – Архив П. М. Строева. Т. I // Русская историческая библиотека. Пг., 1915. Т. 32.

Ибн ал-Асир, 2006 – Ибн ал-Асир, ал-Камил фи-т-та'рих (Полный свод истории) / Пер., примеч. и коммент. П. Г. Булгакова. Доп., введ. и указат. Ш. С. Камолиддина. Ташкент, 2006.

Атаниязов, 1988 – Атаниязов С. Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад, 1988.

Атлас древностей Монголии, 1893–1899 – Атлас древностей Монголии. Изданный по поручению Императорской

Академии Наук В. В. Радловым. (Труды Орхонской экспедиции). Вып. I–IV. СПб., 1893–1899.

Ал-Атгас, 1974 – Ал-Атгас С. М.Н. Ислам в малайской истории и культуре. Москва, 1974. № 5. С. 88–99.

Ахмед Заки Валиди Туган, 1990 – Ахмед Заки Валиди Туган. 1890–1990: Материалы к изучению жизни и творчества / Пер. с турецкого языка, предисловие, примечание и указатели Р. М. Булгакова. Уфа, 1990.

Ахмедов, 1978 – Ахмедов Р. Навруз – народный праздник. Душанбе, 1978.

Бабаева, 2011 – Бабаева М. В. Культурно-историческая трансформация праздничных обрядов таджиков в 1917–2011 гг. (на материалах Согдийской области Республики Таджикистан). Автореф. дис. канд. ист. наук. Худжанд, 2011.

Багаутдинов, 2013 – Багаутдинов Р. О. Национальная политика самарского Комуча и установление отношений с башкирским правительством // Вестник Башкирского университета. Сер. История. 2013. Т. 18. № 4. С. 1334–1336.

Байхаки, 1969 – Абу-л-Фазла Байхаки. История Мас'уда (1030–1041) / Перевод с перс., вступление и комментарии А. К. Арендса. М., 1969.

Балдаев, 1970 – Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ, 1970. Ч. I. Булагаты и эхириты.

Бартольд, 1893 – Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Том восьмой. 1893–1894. Выпуски I–II. СПб., 1893. С. 1–32.

Бартольд, 1898(а) – Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898.

Бартольд, 1898(б) – Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898. Ч. 1. Тексты.

Бартольд, 1963–1968 – Бартольд В. В. Сочинения (В 9 т.) / (Ред. колл.: Б. Г. Гафуров (пред.) и др.); М.: Изд-во вост. лит., 1963–1968.

Бартольд, 1963 – Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1963. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.

Бартольд, 1963 (II) – Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1963. Т. II, ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы.

Бартольд, 1964 – Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1964. Т. II, ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии.

Бартольд, 1965 – Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1965. Т. III. Работы по исторической географии.

Бартольд, 1968 – Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов.

Бартольд, 1973 – Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1973. Т. VIII. Работы по источниковедению.

Бартольд, 1977 – Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1977. Т. IX. Работы по истории востоковедения.

Бартольд, 2006 – Бартольд В. В. Несколько слов об арийской культуре // Наследие предков. 2006. № 9. С. 22–30.

Бартольдовские чтения, 1974 – Бартольдовские чтения 18–20 марта 1974 г. Изучение истории средневекового Востока В. В. Бартольдом и современное состояние науки. Тезисы докладов и сообщений. М., 1974.

Бартольдовские чтения, 1975 – Бартольдовские чтения 1975. Год второй. Тезисы докладов и сообщений. М., 1975.

Бартольдовские чтения, 1976 – Бартольдовские чтения. 1976. Год третий. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.

Бартольдовские чтения, 1978 – Бартольдовские чтения. 1978. Год четвертый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1978.

Бартольдские чтения, 1979 – Товарно-денежные отношения на Востоке в эпоху средневековья (Бартольдские чтения 1976). М., 1979.

Бартольдские чтения, 1980 – Ближний и Средний Восток: товарно-денежные отношения при феодализме (Бартольдские чтения 1978). М., 1980.

Басилов, 1970 – Басилов В. Н. Культ святых в исламе. М., 1970.

Басилов, 1982 – Басилов В. Н. Пари // Мифы народов мира. Ред. С. А. Токарев. Т. 2. М., 1982. С. 287.

Батмаев, 1993 – Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993.

Бейсембиев, 2009 – Бейсембиев Т. К. Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы, 2009.

Безопасность и международное сотрудничество, 2022 – Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М.; Волгоград, 2002.

Бекчурин, 1872 – Бекчурин М. М. Туркестанская область: Заметки с.с. Бекчурина, чл.-сотр. Имп. Рус. геогр. о-ва и д. чл. Оренбург. отд. того же О-ва... Казань, 1872.

Бен-Арнази, 1923 – Бен-Арнази. В Киргизской Республике // Жизнь национальностей. Кн. вторая. М., 1923. С. 46–57.

Бичурин, 1950 – Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / ред. текста, вступ. ст., комм. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. М.; Л., 1950. Т. I–II.

Бобринский, 1902 – Бобринский А. А. Письмо А. В. Адрианову от 22 марта 1902 г. // Архив ИИМК РАН. Оп. 1. 1902. Д. 33, л. 3.

Большаков, 1984 – Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. Социально-экономические отношения. М., 1984.

Брагинский, 1977 – Брагинский И. С. Праздник весны – Ноуруз и отражение в нем древнейших общих культурных традиций народов Востока. // Исследования по таджикской культуре. / Развитие таджикской культуры в связи с мировым культурным процессом. М., 1977.

Брагинский, 1983 – Брагинский В. И. История малайской литературы VII–XIX веков. М., 1983.

Будаев, 1965 – Будаев Ц. Б. Цонгольский говор // Исследования бурятских говоров / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1965. Вып. 1. С. 151–186.

Будаев, 1978 – Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978.

Будаев, 1992 – Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диалектологического исследования). Новосибирск, 1992.

Бунятов, 1986 – Бунятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М., 1986.

Бураев, 1987 – Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск, 1987.

Бюллетень ОВ РАН, 2010 – Бюллетень ОВ РАН. Вып. 15. М., 2010.

Вайнберг, Ставиский, 1994 – Вайнберг Б. И., Ставиский Б. Я. История и культура Средней Азии в древности (VII в. до н.э. – VIII в.н.э.). М., 1994.

Валидов, 1915 – Валидов А.-З. Восточные рукописи в Ферганской области// Записки Восточного отделения императорского русского археографического общества. Т. 22. Пг., 1915. С. 303–320.

Валидов, 1916 – Валидов А.-З. О собрании рукописей в Бухарском ханстве: Отчет о командировке// Записки Восточного

отделения Императорского русского археографического общества. Т. 23. Пг., 1916. С. 68–118.

Валидов, 1915 – Валидов А.-З. Прощение действительного члена Общества Ахмед Закия Валидова на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете 4 октября 1913 г. // Известия Общества археологии, истории этнографии при Казанском университете. Казань, 1915. С. 15.

Валидов, 1924 – Валидов А.-З. Мешхедская рукопись Ибну-ль Факиха // Известия Российской Академии наук. 1924. Сер. 6. Т. 18. С. 237–251.

Варламов, 2020 – Варламов А. Н. Михаил Булгаков. М., 2020.

Витевский, 1889 – Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Выпуск I. Казань, 1889.

Владимирцов, 1929 – Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Волгина, 2018 – Волгина Е. В. О роли внешних факторов в формировании левых взглядов бенгальской элиты // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. Т. 18. № 3. С. 686–700.

Волин, 1960 – Волин С.[Л.] Сведения арабских источников IX–XVI вв. в долине реки Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Ред. кол.: В. Шахматов (отв. ред.), С. К. Ибрагимов. Алма-Ата, 1960. С. 72–92. (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. Т. VIII).

Вопросы изучения и исследования истории, 2016 – Вопросы изучения и исследования истории и философии Навруза. / Сборник статей Международного научного симпозиума, посвященного Наврузу и его роли в человеческой культуре и цивилизации, 19 марта 2016 г. Душанбе, 2016.

Востров, 1968 – Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов: конец XIX – начало XX вв. Алма-Ата, 1968.

Всесоюзная перепись населения, 1927 – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. В 10-тт. Вып. 3. М., 1927.

Гандзакеци, 1976 – Гандзакеци Киракос. История Армении. М., 1976.

Георги, 1799 – Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Часть четвертая о народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именований казаков, так же История о Малой России и купно о Курландии и Литве.

Гиргас, 1894 – Гиргас В. Ф. Очерк арабской словесности». [СПб.]. Печ. в Литографии А. Иконникова. Петербургская сторона Ропшинской ул., дом № 15, [1874].

Гнатюк-Данильчук, 1961 – Гнатюк-Данильчук А. П. Рабиндранат Тагор. Критико-биографический очерк // Рабиндранат Тагор. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. / Ред. Е. М. Быкова. Москва, 1961. С. 7–60.

Голунов, 2008 – Голунов С. В. Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. полит. наук. Н. Новгород, 2008.

Горяева, 2015 – Повесть о раджах Пасея / Пер. с малайского, исследование, примечания и приложения Л. В. Горяевой. М., 2015.

ГВНП, 1949 – Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Григорьев, 1978 – Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.

Григорьев, 1984 – Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 9. Л., 1984.

Григорьев, 1981 – Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Токтамышша // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 8. Л., 1981.

Григорьев, 2013 – Григорьев В. П. Введение в испанскую историческую диалектологию. СПб., 2013.

Гринберг, 1972 – Гринберг И. Вдохновение необходимо // Вопросы литературы. 1972. № 6. С. 13–35.

Грумм-Гржимайло, 1926 – Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии.

Гурлянд, 1900 – Гурлянд И. А. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

Дай Юань гурун-и судури, 2013 – Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи). Фрагмент тетради IV / Перевод с маньчжурского языка Л. В. Тюрюминой, под ред. и с предисл. Т. А. Пан // Письменные памятники Востока. 1(18). 2013. С. 9–23.

Джахонов, 1989 – Джахонов У. Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в. Душанбе, 1989. С. 102–119.

Директора, 2007 – Директора Института истории, языка и литературы УНЦ РАН / Составитель Ш. Н. Исянгулов ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2007. С. 10.

Документы внешней политики, 1963 – Документы внешней политики СССР. Т. VII. 1 января – 31 декабря 1924 г. М., 1963.

Дорофеева, 2001 – Дорофеева Т. А. История письменного малайского языка (VII – начала XX веков). Москва, 2001.

Древнетюркский словарь, 1969 – Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.

Дрёмов, 2012 – Дрёмов И. И. Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 104–117.

Дробышев, 2015 – Дробышев Ю. И. Киданьские истоки монгольского «мироустройства» // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2015. С. 240–249.

ДДГ, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Дэвлет, 1996 – Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII – начало XX вв.). М., 1996.

Епістолярна спадщина, 2005 – Епістолярна спадщина Агатагела Кримського. Т. II. 1918–1941. Київ, 2005.

Жирмунский, 1962 – Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М. – Л., 1962 (сер. Литературные памятники).

Жуанвиль, 2007 – Жуанвиль, Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. Г. Ф. Цыбулько. СПб., 2007.

ЗОИ, 2009 – Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3.

Зуев, 1998 – Зуев Ю. А. О формах этно-социальной организации народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья): сб. ст. / Отв. ред. Н. Ж. Шаханова. Алматы, 1998. С. 49–100.

Ибн Хордадбех, 1986 – Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.

Ивбулис, 1981 – Ивбулис В. Я. Литературно-художественное творчество Рабиндраната Тагора. Рига, 1981.

Извлечения, 1994 – Извлечения из «Мин ши сань сиюй и». Китайские документы и материалы по истории Восточного

Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. / Отв. ред. Г. С. Садвакасова. Алматы, 1994. С. 36–56.

Из переписки, 2000 – Из переписки выдающихся востоковедов / к печати подготовил А. М. Юлдашбаев // Ватандаш [Соотечественник]. 2000. № 6. С. 110–129.

Исаев, 1989 – Исаев А. А. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период). Махачкала, 1989. С. 68–117.

Исоматдинов, 1991 – Исоматдинов Дж. Б. Навруз таджиков предгорья Туркестанского хребта Ходжентского уезда // Тезисы научно-практической конференции «Молодежь и экология» II-го Всесоюзного фестиваля солидарности студенческой молодежи (20–25 марта 1991 г.). Худжанд, 1991. С. 27–28.

История Афганистана, 1982 – История Афганистана с древнейших времен до наших дней. / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1982.

История Казахстана, 2007 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы, 2007.

История Калмыкии, 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. 1.

Источник мудрецов, 1968 – Источник мудрецов: тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма / Подгот. текста, пер. и примеч. Р. Е. Пубаева и Б. Д. Дандарона. Парамита и Мадхьямика. Улан-Удэ, 1968.

ал-Йа'куби, 2011 – ал-Йа'куби. Книга стран (Китаб ал-булдан) / Вступ. ст., пер., комментарии и указатели Л. А. Семенов; отв. ред. Д. В. Миккульский; Ин-т востоковедения РАН. М., 2011.

ИТУАК, 1916 – Приложение. Личный состав членов Таврической учёной архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). № 53, 1916.

ИТУАК, 1918 – Приложение. Личный состав членов Таврической учёной архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). № 55, 1918.

ИТУАК, 1919 – Протоколы заседания Таврической учёной архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). № 56, 1919.

Йазди, 2008 – Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-Намэ / Пер. со староузбекского, комм. А. Ахмедова. Ташкент, 2008.

Кабанов, 1977 – Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент, 1977.

Кадырбаев, Шаймерденова, 2012 – Кадырбаев А. Ш., Шаймерденова М. Д. Страна изучаемого языка: История, география и культура Казахстана. М., 2012.

Камалиддинов, 1993 – Камалиддинов Ш. «Китаб ал-ансаб» Абу Са‘да ‘Абд ал-Карима ибн Мухаммада ас-Сам‘ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.

Камалиддинов, 1996 – Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент, 1996.

Карабешкин, 2012 – Карабешкин Л. А. Сравнительная политология постсоветского пространства. Учебное пособие. Таллинн, 2012.

Караев, 1983 – Караев О. История Караханидского каганата (X – начало XIII в.). Фрунзе, 1983.

Плано Карпини, 1997 – Карпини Дж. д. Плано. История монгалов. Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 29–85.

Плано Карпини, 2022 – Плано Карпини, Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / Под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова; подгот. лат. текста П. В. Лукина, пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина, коммент. А. А. Горского,

П. В. Лукина, С. А. Масловой, Р. Ю. Почекаева, В. В. Трепавлова; вступит. ст. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М., 2022.

Карпов, 1990 – Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

Кастрен, 1860 – Путешествие М. А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844–1848) // Собрание старых и новых путешествий в 2 ч. Магазин земледелия и путешествий. Ч. II. Географический сборник. М., 1860.

Киреенко, 1888, 1889, 1890 – Киреенко Г. К. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). № 3, 4, 6, 7, 8, 1888, 1889, 1890.

Клюкин, 1925 – Клюкин И. А. О чем писал Иль-Хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г. К разбору древнейших памятников монгольской письменности. Владивосток, 1925.

Кляшторный, 2010 – Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.

Книга Коркута – Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. акад. В. В. Бартольда. Изд. подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М. – Л., 1962 (сер. Литературные памятники).

Козин, 1941 – Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niruša tobèj an. Юань чао би ши.* / Монгольский обыденный сборник. Т. I. М. – Л., 1941.

Комиссия Куломзина, 1898 – Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. Вып. 5: Исторические сведения / сост. А. Щербачев.

Коран, 2010 – Коран. Перевод с арабского и комментарий М.-Н.О. Османова (издание третье, переработанное и дополненное). СПб., 2010.

Крафт, 1898 – Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.

Крачковский, 1937 – Крачковский И. Ю. Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937.

Крачковский, 1941 – Крачковский И. Академик АН УССР А. Е. Крымский (К 70-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. № 1. М., 1941. С. 127–129.

Крачковский, 2004 – Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. М., 2004.

Культурные традиции, 2016 – Культурные традиции Навруза и современность. Сборник статей Международного научного симпозиума, посвященного Наврузу (понедельник, 19 марта 2016 г.) / Редколлегия: Ф. Рахими, К. Олимов, А. С. Саидов и др. Душанбе, 2016.

Кухистани, 1969 – Кухистани Масуд б. Усман. Тарих-и Абу-л-Хайр-хани. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969. С. 135–171.

Лашков, ИТУАК, 1887, 1888, 1889 – Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма 1784 г. // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). № 2, 3, 4, 6, 7, 8. Симферополь, 1887, 1888, 1889.

Лашков, ЗООИД, 1888 – Лашков Ф. Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. XIV. 1888.

Ленин, 1970 – Ленин В. И. Заметки на совещании делегатов II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. М., 1970. С. 462–463.

Ленин, 1980 – Ленин В. И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Ленин. В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Изд-во политической литературы, 1980. С. 436.

Ленин, 1982 – Ленин В. И. Письмо к Л. Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) Об образовании СССР (26 ноября 1922 г.) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1982. С. 211–213.

Летописи, 1936 – Летописи селенгинских бурят. М.; Л., 1936. Вып. 1: Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова 1868 г. / изд.: Н. Н. Поппе. (Труды Ин-та востоковедения АН СССР. IX; Материалы для истории бурят-монголов. III).

Лифшиц, 1962 – Лифшиц В. А. Согдийские документы. Согдийские документы с горы Муг / Чтение, перевод и комментарий В. А. Лифшица. М., 1962. Вып. II. Юридические документы и письма.

Магия Навруза, 2007 – Магия Навруза / Редактирование, составление и исследование С. Абдулло, издание 1. Алматы, 2007.

Малов, 1912 – Малов С. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.: Типогр. Имп. Акад. Наук, 1912. Сер. II. № 1, апрель 1912 г. С. 94–99.

Малов, 1951 – Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.

Малов, 1957 – Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.

Малявкин, 1974 – Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.

Малявкин, 1981 – Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981.

Малявкин, 1989 – Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

Манакон, 2020 – Манакон А. Г. Национально-государственное размежевание Центральной Азии в 1920-е гг.: современный взгляд с позиции концепции этнокультурного пространства // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. № 2. С. 3–16.

Манатов, 1922 – Манатов Ш. Турецкая жизнь в отражении турецкой прессы // Новый Восток. Журнал. Под ред. М. Павловича (Вельмана). Кн. 1. М., 1922. С. 354–359.

Масанов, 2000 – Масанов Н. Э. и др. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие. Алматы, 2000.

Массон, 1934 – Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана: бывшая разработка полезных ископаемых. Л., 1934.

Массон, 1973 – Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.

Материалы по истории русско-монгольских отношений, 2000 – Материалы по истории русско-монгольских отношений: сб. документов / Отв. ред. Г. И. Слесарчук. М., 2000. Т. IV. 1685–1691.

МИКК, I – Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. I / Отв. ред. В. А. Ромодин.

МИТТ, I – Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. Арабские и персидские источники. (VI–XV вв.) / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского.

Матузова, 1979 – Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Международные отношения, 2011 – Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб.

пособие для студентов вузов / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2011.

Меньшиков, 2002 – Меньшиков Л. Н. Коллекция китайских эстампажей // Петербургское востоковедение. Выпуск 10. СПб., 2002. С. 398–435.

Микульский, 1983 – Микульский Д. В. К вопросу о становлении жанра династийной хроники в арабской литературе IX–X веков // Древний и средневековый Восток. История, филология. М., 1983. С. 190–214.

Микульский, 1990 – Микульский Д. В. Пророчества в арабо-мусульманских династийных хрониках // Бартольдские чтения. М., 1990. С. 50–51.

Микульский, 1993 – Микульский Д. В. Две версии арабской народной «Повести об аз-Зире Салиме ал-Мухалхиле» // Бартольдские чтения, 1993. Том десятый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 34–36.

Микульский, 2006 – Микульский Д. В. Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас‘уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар»). X век. М., 2006.

Микульский, 2012 – Микульский Д. В. Понятие аман в арабо-мусульманской правовой культуре // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур. (Материалы международного семинара. Г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.). СПб., 2012. С. 99–105.

Микульский, 2017 (а) – Микульский Д. В. Жанр публичной речи в арабо-мусульманских династийных хрониках IX–X вв. // XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Азия и Африка сегодня: наследие и современность. Том 1. 21–23 июня 2017 г. Материалы конгресса. СПб., 2017, С. 293–295.

Микульский, 2017 (б) – Микульский Д. В. Новеллы (рассказы) в структуре текста раздела ал-‘Икд ал-фарид, посвященного арабо-мусульманской истории // «Рассыпанное»

и «собранное»: когнитивные приемы арабо-мусульманской культуры. Коллективная монография. М., 2017. С. 424–476.

Микульский, 2017(в) – Микульский Д. В. Джалал ад-Дин ‘Абд ар-Рахман б. Абу Бакр ас-Суйути и его сочинение Та’рих ал-хулафа’ («История халифов») // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1. С. 54–59.

Микульский, 2020 (а) – Микульский Д. В. Арабы и византийцы в арабо-мусульманских династийных хрониках: принципы восприятия «чужого» // Восточный курьер. 2020 (1/2). С. 119–125.

Микульский, 2020 (б) – Микульский Д. В. Новеллы из арабских хроник IX–X вв. // Ориенталистика. 2020. № 3(1). С. 160–188.

Микульский, 2021 (а) – Микульский Д. В. Арабо-мусульманская воинская этика в арабо-мусульманских династийных хрониках (по материалам Базы данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв.) // Восточный курьер. 2021. № 1–2. С. 113–129.

Микульский, 2021 (б) – Микульский Д. В. «Очерк арабской литературы» В. Ф. Гиргаса (1835–1887) в контексте отечественной арабистики XIX в. и нынешнего состояния нашей науки // Ориенталистика. 2021. № 4 (3). С. 735–757.

Мирбабаев, 2003 – Мирбабаев А. К. Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в Северной Средней Азии. Материальная культура Уструшаны, вып. 7 // Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. Душанбе, 2003. С. 267–567.

Моисеев, 1991 – Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991.

Музраева, 2021 – Музраева Д. Н. О двуязычном тибетско-ойратском списке «Субхашиты» из архива КАЛМНЦ РАН // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 504–513.

Мурзакевич, 1881 – Мурзакевич Н. Н. Распоряжение светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического касательно

устройства Таврической области (1781–1786 гг.) // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. XII. 1881.

Нанзатов, 2018 – Нанзатов Б. З. Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ, 2018.

Нанзатов, Содномпилова, 2019 – Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Селенгинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение (юго-восточный ареал) // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 2(34). С. 112–122.

Наршахи, 1897 – Мухаммад Наршахи. История Бухары / Пер. Н. Лыкошин. Ташкент, 1897.

ан-Насави, 1996 – ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер., предисл., коммент., примеч. и указат. З. М. Бунятова. М., 1996.

ан-Насафи, 1906 – Абу Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Кандия Малая. Пер. В. Л. Вяткин // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8. Самарканд, 1906. С. 236–290.

Нахимов, 1954 – П. С. Нахимов. Сборник документов и материалов / Под ред. А. А. Самарова. М., 1954.

Нахимов, 2003 – П. С. Нахимов. Документы и материалы / Сост. Л. И. Спиридонова. СПб., 2003. Т. 2.

Нацагдорж, 2006 – Нацагдорж Ц. Б. К проблеме этногенеза цонголов // *Acta Mongolica*. 2006. Т. 6 (267). Dedicated to the 90th Birthday of professor Denis Sinor. С. 323–338.

Нацагдорж, 2010 – Нацагдорж Ц. Б. Чахарские цонголы // «Нүүдлийн соёл иргэншил ба буриад-монголчууд» сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхтгэл (The proceedings of conference “Nomadic Civilization and Buryat-mongols”, organized in the frame of “Altargana” Festival) / эмх. М. Одмандах, А. Самбуу; хянасан: Л. Оюунцэцэг. Улаанбаатар, 2010. С. 148–163.

Негмати, 1989 – Негмати А. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Душанбе, 1989.

Негмати, 1986 – Негмати А. Э. Праздник Навруз в Ходженге // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 234–239.

Негматов, 1997 – Негматов Н. Н. Таджикский феномен: теория и история. Душанбе, 1997.

Неклюдов, 2006 – Неклюдов С. Ю. Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // Проблемы структурно-семантических указателей. Сост. А. В. Рафаева. М., 2006 (Сер. “Традиция–текст–фольклор: типология и семиотика”). С. 31–37.

Новгородская первая летопись, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М. Н. Тихомиров; ред. и предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Номинханов, 1958 – Номинханов Ц. Д. Происхождение этнонима «калмык». Вестник Академии наук Казахской ССР. 1958. № 11. С. 99–103.

Образование СССР, 1972 – Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. документов. М., 1972.

Описание, 1965 – Описание Самурского округа // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 25–32.

Оразаев, 2002 – Оразаев Г. М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки Дагестана XVIII в. Махачкала, 2002.

Оразаев, 2003 – Оразаев Г. М.-Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках XVII – нач. XX вв. Тексты, комментарии). Книга 1. Махачкала, 2003.

Оразаев, 2012 – Оразаев Г. М.-Р. Контингент тюркских арабграфических рукописей Дагестана XVI – начала XX века (Общий обзор) // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2012. № 2. С. 32–37.

Орловская, 1993 – Орловская М. Н. Индотибетские традиции в монгольском языкознании // Исследования по истории монгольских языков. Улан-Удэ, 1993.

Очерки истории, 1967 – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.

Паллас, 1809 – Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. СПб., 1809.

ПРП, 1953 – Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2.

ПРП, 1955 – Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3.

Парникель, 1980 – Парникель Б. Б. Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М., 1980.

Переписка, 1997 – Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов / публ. И. М. Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 155–368.

Пиков, 1989 – Пиков Г. Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989.

Писарчик, 1989(а) – Писарчик А. К. Ива в новогодних и других весенних обрядах таджиков // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989. С. 18–38.

Писарчик, 1989(б) – Писарчик А. К. Различные варианты приплетенных кос из кожицы ивовых веток в долине р. Сох // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1989. С. 41–45.

ПСРЛ, 1913 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18.

ПСРЛ, 1997 – Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ, 2001 – Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 2.

Поппе, 1933 – Поппе Н. Н. Некоторые данные о баргузинских тунгусах XVIII–XIX ст. // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Л., 1933. [Т.] II. [Вып.] 2. С. 37–50.

Поппе, 1938 – Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938.

Поппе, 1941 – Поппе Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941.

Почекаев, 2009 – Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

ПР, 1940 – Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I.

Правительственный вестник, 2018 – Правительственный вестник. 1870. № 221. 16 октября // Шаповалова Н. В. Историко-лингвистический анализ мемуаров об обороне Севастополя 1854–1855 гг.: к постановке вопроса // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 3. С. 1–12.

ПЛ, 1941 – Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.

ПЛ, 1955 – Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.

Путешествия, 1997 – Путешествия в восточные страны / Ред. М. Б. Горнунг. М., 1997.

Пучковский, 1957 – Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право. / Отв. ред. Б. И. Панкратов, Д. И. Тихонов. М.; Л., 1957.

Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009 – Пэн Да-я, Сюй Тин. Хэй-да шилюэ (Краткие известия о черных татарах) / Пер. Р. П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 27–120.

Рабиндранат Тагор, 1961 (а) – Рабиндранат Тагор – друг Советского Союза / Ред. В. А. Вдовин, Л. С. Гамаюнов. М., 1961.

Рабиндранат Тагор, 1961 (б) – Рабиндранат Тагор. К столетию со дня рождения. 1861–1961 / Ред. Н. М. Гольденберг, Ш. Чаттерджи, Е. П. Чельшев. М., 1961.

Радлов, 1893 – Радлов В. В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 7. СПб., 1893. С. 169–181.

Раднаев, 2012 – Раднаев В. Э. Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Улан-Удэ, 2012.

Разгон, 2003 – Разгон Н. И. Принципы формирования границ Алтайской губернии и Казахстана (1917–1925 гг.) // Российская Западная Сибирь – Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность. Материалы международной конференции. Белокуриха, 24–25 мая 2002 г. Барнаул, 2003. С. 189–191.

Рассадин, 1982 – Рассадина В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.

Рахимов, 1958 – Рахимов М. Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза в XIX – начале XX вв. // КСИЭ АН СССР. 1958. Вып. 29. С. 76–83

Рахимов, 2007 – Рахимов Н. Т. Урбанизация средней части бассейна Сырдарьи. Автореферат докторской диссертации: автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. Душанбе, 2007.

Рашид ад-Дин, 1952 – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1946 – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. А. К. Арендса. М.; Л., 1946.

Ревуненкова, 2008 – Ревуненкова Е. В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб., 2008.

Ремпель, 1982 – Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент, 1982. С. 63–71.

Рифтин, 1970 – Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии «Троцарствия»). М., 1970.

Ромодин, 1963 – Ромодин В. В. Предисловие // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1963. Т. II, ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы.

РСФСР, 1921 – РСФСР. НКВД. Губернии и уезды РСФСР на 1 марта 1921 г. М., 1921.

Ртвеладзе, 1981 – Ртвеладзе Э. В. Ксениппа – Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 95–101.

Гильом де Рубрук, 1997 – Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 86–189.

Румянцев, 1949 – Румянцев Г. Н. Баргузинские буряты // Тр. Кяхтинского краеведческого музея им. академика. В. А. Обручева и Кяхтинского отделения ВГО. 1949. Т. 16. Вып. 1. С. 34–62.

Русская старина (а), 1911 – Русская старина. СПб., 1911. Т. 145. Вып. 3.

Русская старина (б), 1911 – Русская старина. СПб., 1911. Т. 148. Вып. 10.

Русско-китайские отношения, 1990 – Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, А. И. Тарасова. М., 1990. Т. II: 1725–1728.

Русско-китайские отношения, 2006 – Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Т. III: 1727–1729.

Рыскулов, 2017 – Рыскулов Т. А. Представительство Кыргызстана в Москве при Президиуме ЦИК РСФСР в 1924–1927 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Бишкек, 2017.

Салихов, 2001 – Салихов А. Г. Научная деятельность А. Валидова в России. Уфа, 2001.

Салихов, 2002 – Салихов А. Г. Роль академика В. В. Бартольда в становлении научного мировоззрения А. А. Валидова // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Материалы конференции «Традиции гуманитарно-естественного кра-

еведения в России (К столетию Русского Императорского общества востоковедов)». Санкт-Петербург. 15–17 марта 2000 года. М., 2002. С. 150–160.

Самарканди, 1963 – Самарканди Низами Арузи. Собрание редкостей, или четыре беседы / Пер. С. И. Баевский, З. Н. Ворожейкина. М., 1963.

Санжеев, 1953 – Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.

Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015 – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. 1. А–Е. М., 2015.

Санчилов, 1987 – Санчилов В. П. «Калмаки» в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби. Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста, 1987. С. 6–27.

Сборник документов, 1960 – Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 (1609–1700) / Сост. Г. Н. Румянцев, С. Г. Окунь. Улан-Удэ, 1960.

Семёнов, 2017 – Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах / В. Г. Семёнов, В. П. Семёнова. Оренбург, 2017.

Сиасет-намэ, 1949 – Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька / Пер., введ. в изучение памятника и примеч. проф. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1949.

Скварский, 1896 – Скварский Б. С. Несколько слов о древности Шахристана // Протоколы Туркестанского клуба любителей археологии. 1896. Вып. 20. С. 42–49.

Скрынникова, 2013 – Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., 2013.

Словарь, 1975 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975.

Смбат Спарапет, 1974 – Смбат Спарапет. Летопись / Пер. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974.

Смирнова, 1965 – Смирнова О. И. «История Бухары» Наршахи // Краткие сообщения Института народов Азии. № 69. Исследование рукописей и ксилографов Института народов Азии / Глав. ред. В. Н. Никифоров. М., 1965. С. 155–180.

Собрание узаконений, 1943 – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.

Согдийские документы, 1963 – Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова, О. И. Смирновой. М., 1963.

Соловьев, 1963 – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. 17–18. М., 1963.

СССР, 1940 – СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 года / Информ.-стат. отд. при Секретариате Президиума Верх. Совета СССР. М., 1940.

СССР, 1965 – СССР: административно-территориальное деление Союзных республик, январь 1965 г. М., 1965.

СССР в цифрах, 1991 – СССР в цифрах в 1990 году: Крат. стат. сб. / Госкомстат СССР. М., 1991.

Спасский, 1825 – Спасский Г. И. Комментарии к рецензии А. Ремюза // Азиатский вестник. Кн. 4. СПб., 1825. С. 286–301.

Сравнительно-историческая грамматика, 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1984.

Сравнительно-историческая грамматика, 202 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2002.

Сталин, 1947 – Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 15–29.

Сулькевич, 1940 – Сулькевич С. Территория и население СССР. М., 1940. С. 4–70.

Съезды Советов, 1959 – Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. 1917–1936 гг. Т. 1. / Гл. ред. М. П. Георгадзе. М., 1959.

Тагор, 1957 – Тагор Р. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. / Ред. Дж. Литтон. М., 1957.

Тенишев, 1962 – Тенишев Э. Р. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // Советская этнография. 1962. № 1. С. 59–66.

Тенишев, 1965 – Тенишев Э. Р. Юйгу // Народы Восточной Азии / Под ред. Н. Н. Чебоксарова, С. И. Брука, Р. Ф. Итса, Г. Г. Стратановича. М.; Л., 1965. С. 647–651.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884.

Тизенгаузен, 1941 – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. – Л., 1941.

Тимохин, 2019 – Тимохин Д. М. ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200–1220 гг. М., 2019.

Тимохин, 2021 – Тимохин Д. М. Обзор арабо-персидских источников домонгольского периода по истории государства кара-китаев: особенности структуры и содержания // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. Вып. 6. С. 250–261.

Титов, 1858 – Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. 4. СПб., 1858. С. 81–154.

Тиханова, 2011 – Тиханова Е. В. Районирование Средней Азии и экономическая целесообразность // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 (гуманитарные науки). 2011. № 2(96). С. 151–164.

Тихонова, 2022 – Тихонова О. В. «Четыре средневековые фонемы» испанского языка в арабской графике // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. С. 186–195.

Тишков, 2013 – Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

Тоган, 1994 – Тоган З. В. Воспоминания / Перевод с турецкого языка на русский язык Г. Г. Шафикова, А. М. Юлдашбаева. Ч. 1. Уфа, 1994.

Тоган, 1998 – Тоган А. В. Не сочтите за пророчество...: Письма, обращения, выступления / Составитель, переводчик и автор предисл. А. М. Юлдашбаев. Уфа, 1998. 192 с. (На русск. и башк. языках).

Троцкий, 1990 – Троцкий Л. Д. Сталин. Т II / Под ред. Ю. Фельштинского. М., 1990.

Туманович, 1976 – Туманович Н. Н. Описание архива академика В. В. Бартольда. М., 1976. С. 232–466.

Туранская, Козинцев, 2023 – Туранская А. А., Козинцев М. А. Эстампажи енисейских рунических памятников в коллекции Института восточных рукописей РАН // Эпиграфика Востока. Вып. XXXVII. 2023. С. 149–186.

Тхор, 2005 – Тхор С. В. Свод законов «Унданг-унданг Мелака» («Малаккский кодекс») как источник по истории средневековой Малайи (XIV–XVI вв.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.09. М., 2005. На правах рукописи.

Тюмень Батур, 2003 – Тюмень Батур У. Сказание о дербен ойратах. Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003. С. 125–154.

Умняков, Туманович, 1976 – Умняков И. И., Туманович Н. Н. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда. Описание архива В. В. Бартольда. М., 1976.

Усманов, 1993 – Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Фархшатов, 1999 – Фархшатов М. Н. Повороты судьбы Заки Валиди: Немецкие архивные документы о жизнедеятельности башкирского ученого-эмигранта в Германии // Ядкяр [Проблемы востоковедения]. 1999. № 1. С. 107–114.

Хайдар Мирза, 1996 – Хайдар Мирза М. Тарих-и Рашиди / Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Ташкент, 1996.

Халидов, 1991 – Халидов А. Б. Мулла // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. секр. С. М. Прозоров. М., 1991. С. 170.

Халфин, 1974 – Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974.

Хаутала, 2015 – Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015.

ал-Хусайни, 1980 – Садр ад-Дин ‘Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукийя) («Сообщения о Сельджукском государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях») / Пер. З. М. Буниятов. М., 1980.

Цендина, 2007 – Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции / *Orientalia et classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XII. М., 2007.

Цыдендамбаев, 1972 – Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972.

Цэрэнханд Гэлэгжамцын, 2005 – Цэрэнханд Гэлэгжамцын. Монголчууд: угсаа-соёл, зан заншил [= Монголы: этническая культура, обычаи]. Улаанбаатар, 2005.

Чебанова, 2019 – Чебанова Л. А. Геополитические и социально-экономические последствия распада СССР // Вестник РГГУ: Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. № 4. С. 262–276.

Человек и мир, 1985 – Человек и мир в японской культуре. / Ред. Т. П. Григорьева. М., 1985.

Чокай-оглы, 1993 – Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов (к характеристике диктатуры пролетариата). Алма-Ата, 1993.

Чуев, 2019 – Чуев Ф. И. 140 бесед с Молотовым. Второй после Сталина. М., 2019.

Шагдаров, 1967 – Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967.

Шарипов, 2018 – Шарипов М. М. Географическое положение Гура в XI–XII веках (по материалам средневековых исторических источников) // Вестник ТГУПБП. Худжанд, 2018. № 3 (76). С. 5–10.

Шер, 1980 – Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.

Шихсаидов, 1984 – Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

Шихсаидов, 1993 – Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

Эберхард, рук. – Эберхард В. О сказаниях «Деде Коркут» (“Über die Erzählungen des Dede Korkut”). Рукопись перевода на русский язык.

Эрдниев, 1980 – Эрдниев У. Э. Калмыки. Элиста, 1980.

Эшонхонов, 2020 – Эшонхонов М. В. Философские и религиозные воззрения Абул Му'ина Насафи. Автореф. дис. канд. ист. наук. Душанбе, 2020.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Янин, 2004 – Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

Янин, 2015 – Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.

Aigle, 2005 – Aigle D. The Letters of Eljigidei, Hülegü, and Abaqa: Mongol Overtures or Christian Ventriloquism? // *Inner Asia*. 2005. Vol. 7. P. 143–162.

Aigle, 2015 – Aigle D. The Mongol Empire between Myth and Reality. *Studies in Anthropological History*. Leiden; Boston, 2015. P. 199–218.

Allouche, 1990 – Allouche A. Tegüder's Ultimatum to Qalawun // *International Journal of Middle East Studies*. 1990. Vol. 22. P. 437–446.

Amitai-Preiss, 1994 – Amitai-Preiss R. An Exchange of Letters in Arabic between Abaya Ilkhan and Sultan Baybars (A.H. 667/A.D. 1268–69) // *Central Asiatic Journal*. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 11–33.

Amitai-Preiss, 1995 – Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281*. Cambridge, 1995.

Arom, 2021 – Arom N. O. Arrowheads of Hülegü Khan: Envoys and Diplomacy in his Invasion of the Middle East, 1255–1262 // *New Approaches to Ilkhanid History* / Ed. by T. May, D. Bayarsaikhan, Ch. P. Atwood. Leiden; Boston, 2021. P. 249–271.

Bawden, 1970 – Bawden C. R. A Note on The Dates in The Colophon to Bolor Erike / *Harvard Journal of Asiatic Studies* 30. 1970. P. 225–231.

Bailey, 1939 – Bailey H. W. Turks in Khotanese Texts // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1939. No. 1. P. 85–91.

Bailey, 1979 – Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, 1979.

Bailey, 1985 – Bailey H. W. *Indo-Scythian Studies*, being Khotanese Texts. Cambridge, 1985. Vol. VII.

Bar-Ilan, 1995 – Bar-Ilan M. Prester John: Fiction and history // *History of European Ideas*. 1995. No. 20 (1–3). P. 291–298.

Biran, 2005 – Biran M. *The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World*. Cambridge, 2005.

Blades, 2019 – Blades L., Paik C. Muslim Trade and City Growth Before the Nineteenth Century: Comparative Urbanization in Europe, the Middle East and Central Asia // *British Journal of Political Science*. 2019. 51(2). P. 1–24.

Bretschneider, 1888 – Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic sources*. London, 1888. Vol. II.

Cahen, 1962 – Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid period // *Historians of the Middle East* / Ed. by B. Lewis, P. M. Holt. London, 1962. P. 59–79.

Cahen, 1977 – Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid period // Cahen Cl. *Les peuples musulmans dans l'histoire medieval*. Damas, 1977. P. 37–63.

The Chahár maqála, 1900 – The Chahár maqála («Four discourses») of Nidhámí-i-'Arúdí-i-Samarqandí / Transl. by E. G. Browne. London, 1900.

Champollion, 1833 – Champollion J. F. *Lettres écrites d'Egypte et de Nubie en 1828 et 1829*. Paris, 1833.

Chavannes, 1903 – Chavannes É. *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux*. Paris, 1903.

Chavannes, Pelliot 1913 – Chavannes É., Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine // *Journal Asiatique*. 1913. Ser. XI. T. 2. P. 99–199, 261–392.

The Chronography, 1322 – The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj 1225–1286 the Son of Aaron, the Hebrew Physician Commonly Known as Bar Hebraeus being the First Part of his Political History of the World / Transl. by Budge, E. A. Wallis. Vol. I. London, 1932.

Clark, 1979 – Clark L. V. A Problem in Buryat Historical Linguistics // *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies* / Ed. by H. G. Schwarz. Bellingham, 1979. P. 14–25. (*Studies on East Asia*. Vol. 13).

Coşgel, 2004 – Coşgel M. M. Ottoman tax registers (tahrir defterleri) // *Historical Methods. A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 2004. Vol. 37, # 2, pp. 87–100.

Coşgel, 2006 – Coşgel M. M. Taxes, efficiency, and redistribution: Discriminatory taxation of villages in Ottoman Palestine, Southern Syria, and Transjordan in the sixteenth century // *Explorations in Economic History*. № 43, 2006. P. 332–356.

Craig, 2019 – Craig J. R. Power, Protection and Magic in Thailand. Canberra, 2019. P. 63–84.

Csongor, 1960 – Csongor B. Some Chinese texts in Tibetan script from Tun-Huang // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1960. T. X. Fasc. 2. P. 97–140.

Czeglédy, 1949 – Czeglédy K. A karluk törzsek nevei // *Magyar Nyelv*. 1949. XLV. kötet. 164–168. o.

Denison Ross, 1926 – Denison Ross E. Prester John and the Empire of Ethiopia // *Travel and Travellers of the Middle Ages* / Ed. By Arthur Percival Newton. New York, 1926. P. 174–195.

Eberhard, Boratav, 1953 — Eberhard W., Boratav P. N. Typen der Türkischer Volksmarschen. Wiesbaden, 1953.

Ecsedy, 1964 – Ecsedy H. Uigurs and Tibetans in Pei-T'ing (790–791 A.D.) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964. T. XVII. Fasc. 1. P. 83–104.

Ecsedy, 1980 – Ecsedy I. Contribution to the History of Karluks in the T'ang Period // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1980. T. XXXIV. Fasc 1. P. 23–37.

Elliot, Dowson, 1871 – Elliot H. M., Dowson J. *Jawami ul-Hikayat of Muhammad Ufi. The History of India, as Told by Its Own Historians. The Muhammadan Period (Vol 2.)*. London, 1871.

Erdal, 2004 – Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston, 2004.

Gabain, 1949 – Gabain A. (von) *Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken* // *Der Islam*. 1949. Bd. XXIX. Heft 1. S. 30–62.

Galmés de Fuentes, 1983 – Galmés de Fuentes A. *Dialectología mozárabe*. Madrid, 1983.

Gesick, 1995 – Gesick L. M. *In the Land of Lady White Blood: Southern Thailand and the Meaning of History*. Ithaca, 1995.

Golden, 1992 – Golden P. B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden, 1992. (Turkologica. Bd. 9).

Golden, 2015 – Golden P. B. *The Turkic World in Maḥmūd al-Kāshgharī // Complexity of Inter Action along the Eurasian Steppe Zone in The First Millennium CE / Ed. by J. Bemmman, M. Schmauder*. Bonn, 2015. P. 503–555.

Gullick, 1991 – Gullick J. M. William Maxwell and the study of Malay society // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1991. Vol. 64. No. 2 (261). P. 7–46.

Gümüşçü, 2008 – Gümüşçü O. *The Ottoman Tahrir Defters as a source for historical geography* // *Belleten*. 2008. Vol. 72. No. 265. P. 911–942.

Hahn, 1998 – Hahn R. F. Yellow Uyghur and Salar // *Turkic Languages* / ed. by L. Johanson, É. Á. Csató. London; New York, 1998. P. 397–402.

Hamilton, 1958 – Hamilton J. Autour du manuscrit Staël-Holstein // *T'oung Pao*. 1958. Vol. XLVI. Livr. 1–2. P. 115–153.

Hamilton, 1977(a) – Hamilton J. Le pays des Tchong-yun, Čungul, ou Cumuḍa au Xè siècle // *Journal Asiatique*. 1977. T. CCLXV. Fasc. 3–4. P. 351–379.

Hamilton, 1977(б) – Hamilton J. R. Nasales instables en turc khotanais du Xe siècle // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1977. Vol. XL. No. 3. P. 508–521.

Hamilton, 1986 – Hamilton J. Manuscripts Ouïgours du IXè–Xe siècle de Touen-Houang. Paris, 1986. Vol. 1.

History of the Caliphs, 1881 – History of the Caliphs by Jalalu'ddin a's Suyuti / Transl. by Major H. S. Jarrett. Calcutta, 1881.

Holt, 1986 – Holt P. M. The Ikhan Ahmad's Embassies to Qalawun: two Contemporary Accounts // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986. Vol. 49. Issue 1. P. 128–132.

Hübner, 1881 – Hübner E. Über mechanische Copien von Inschriften. Berlin, 1881.

Ḥudūd al-‘Ālam, 1970 – Ḥudūd al-‘Ālam: “The Regions of the World”, A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed. / with the preface by V. V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky; ed. by C. E. Bosworth. London, 1970.

Humphreys, 1977 – Humphreys R. S. From Saladin to the Mongols: The Ayyubids of Damascus, 1193–1260. Albany, 1977.

Inalcık, 1954 – Inalcık H. Ottoman Methods of Conquest // *Studia Islamica*. 1954. No. 2. P. 103–129.

Jackson, 2006 – Jackson P. World-Conquest and Local Accommodation: Threat and Blandishment in Mongol Diplomacy // *History and Historiography of Post-Mongol Central*

Asia and the Middle East: Studies in Honour of John E. Woods / Eds. J. Pfeiffer, Sh. A. Quinn, in collaboration with E. Tucker. Wiesbaden, 2006. P. 3–22.

Jackson, 2017 – Jackson P. *Mongols and the Islamic World: from Conquest to Conversion*. New Haven; London, 2017.

Jankowski, 2006 – Jankowski H. *A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea*. Leiden; Boston, 2006.

Juvayni, 1997 – Ghenghis Khan. *The History of the World Conqueror* by ‘Ala-ad-Din ‘Ata Malik Juvayni / Translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle with a new introduction and bibliography of David O. Morgan. Manchester, 1997 (1st ed. – 1958).

Karaman, 2010 – Karaman K., Pamuk Ş. *Ottoman State Finances in Comparative European Perspective, 1500–1914* // *The Journal of Economic History*. 2010. Vol. 70. No. 3. P. 593–629.

Kircher, 1986 – Kircher A. *China Illustrata* / Transl. by Dr. Charles D. Van Tuyl. Б.М., 1986. (Первое издание – 1667).

Kotwicz, 1934 – Kotwicz W. *Formules initiales des documents Mongols aux XIII-e et XIV-e ss.* // *Rocznik Orientalistyczny*. T. 10. Lwów, 1934. P. 131–157.

Kühn, 1935 – Kühn A. *Berichte über den Weltanfang bei den Indochinesen und ihren Nachbarvölker*. Leipzig, 1935.

Lane, 2003 – Lane G. *Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran. A Persian Renaissance*. London; New York, 2003.

Larfeld, 1914 – Larfeld W. *Griechische Epigraphik*. Bd. 1. München, 1914.

Le Coq, 1911 – Le Coq A. (von). *Türkische Manichaica aus Chotscho*, I // *Abhandlungen der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse*. Berlin, 1911. Abh. VI. S. 1–61, Taf. I–IV.

Lepsius, 1849 – Lepsius R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*. Abth. 1–6 in 12 Bd. Abth. 1. Berlin, 1849.

Lewis, 1974 – Lewis B. *Islam: From the Prophet Muhammad to the Capture of Constantinople*. Vol. 1. Politics and War. New York, 1974.

Liaw, 1976 – Liaw Y. F. *Undang-undang Melaka*. The laws of Melaka. The Hague, 1976.

Logan, 1855 – Logan J. R. A translation of the Malayan Laws of principality of Johor // *The Journal of the Indian Archipelago and East Asia*. Singapore, 1855. Vol. ix. P. 71–95.

Lowry, 1992 – Lowry H. W., Jr. *Studies in Defterology. Ottoman Society in Fifteenth and Sixteenth Century*. Istanbul, 1992.

Lupprian, 1981 – Lupprian K.-E. *Die Beziehungen der Papste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels*. Citta del Vaticano, 1981.

Lurje (in press) – Lurje P. B. Two Sino-Turkic Titles in Sogdian // *Texts Symposium of Sogdian-Turkic Relations* (Istanbul, Nov. 2014) (in press).

Maḥmūd al-Kāšyarī, 1982–1985 – Maḥmūd al-Kāšyarī. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)* / ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, Mass., 1982. Pt. I.; Cambridge, Mass., 1984. Pt. II. III; Cambridge, Mass., 1985. Pt. III.

A Malay legal digest, 1948 – A Malay legal digest compiled for ‘Abd al-Ghafur Muhaiyu’d-din Shah, Sultan of Pahang, 1592–1614 a.d. with undated additions / Ed. by John E. Kempe & R. O. Winstedt // *Journal Malayan Branch Royal Asiatic Society* Singapore. 1948. Vol. XXI. (part I).

Marquart, 1903 – Marquart J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge; ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940)* / mit Unterstützung der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Leipzig, 1903.

Martinez, 1982 – Martinez A. P. Gardīzī's Two Chapters on the Turks // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. T. II. P. 109–217.

Marvazī, 1942 – Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, Turks and India / Arabic Text (circa A.D. 1120) with the English translation and commentary by V. Minorsky. London, 1942.

Maxwell, 1881 – Maxwell W. E. Two Malay Myths: The Princess of the Foam and the Raja of the Bamboo // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. New Series, Vol. 13. No. 4. Oct. 1881. P. 499–523.

Melville, 1981 – Melville Ch. Historical monuments and earthquakes in Tabriz // *Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies*. 1981. Vol. 19. P. 159–177.

Meyvaert, 1980 – Meyvaert P. An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France // *Viator*. 1980. Vol. 2. P. 245–259.

The Mongol Mission, 1955 – The Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries / Ed. Ch. Dawson. New York, 1955.

Mostaert, 1952 – Mostaert A., Cleaves F. W. Trois documents mongols des Archives Secrètes du Vatican // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1952. Vol. 15. No. 3–4. P. 419–506.

Mostaert, Cleaves, 1962 – Mostaert A., Cleaves F. W. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel. Cambridge (MA), 1962.

Németh, 1991 – Németh Gy. A honfoglaló Magyarország kialakulása / közzéteszi Á. Berta. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest, 1991.

Nerchakhy, 1892 – Nerchakhy Mohammed. Description topographique et historique de Boukhara / Publ. par Ch. Schefer. Paris, 1892.

Newbold, 1839 – Newbold T. J. Political and statistical account of the British settlements in the Straits of Malacca, viz. Pinang,

Malacca, and Singapore: with a history of the Malayan states on the peninsula of Malacca. London, 1839.

Nowell, 1953 – Nowell Ch. E. The Historical Prester John // *Speculum*. 1953. Vol. 28. No. 3. P. 435–445.

Nugteren, Roos 2003 – Nugteren H., Roos M. Common vocabulary of the Western and Eastern Yugur languages. The ethnonyms. // *Rocznik Orientalistyczny*. 2003. T. LVI. Z. 1. P. 133–143.

Palencia, 1930 – Palencia A. G. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII, Vol. Preliminar: Estudios e Índices. Madrid, 1930.

Pallas, 1776 – Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. St. Petersburg: Gedruckt bei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. Th. 1. Sammlungen zur politischen, physikalischen und moralischen Geschichte der mongolischen Völkerschaften. XIV, 232, [13] S.

Pardessus, 1828–1845 – Pardessus J. M. Collection de lois maritimes antérieures au XVIIIe siècle. Paris, 1828–1845. Tome VI.

Pelliot, 1922–1923 – Pelliot P. Les mongols et la papauté // *Revue de l'orient chrétien*. 3e série. 1922–1923. T. III (XXIII). Nos. 1 et 2. P. 1–30.

Pelliot, 1929 – Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie central // *T'oung Pao* (Second Series). 1929. T. XXVI. No. 4–5. P. 201–266.

Poppe, 1955 – Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne No. 110).

Porath, 2011 – Porath N. The Hikayat Patani: The Kingdom of Patani in the Malay and Thai Political World // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 84, Part 2 (2011). P. 45–65.

Powers, 2020 – Powers J., Templeman D. Historical Dictionary of Tibet. 2nd ed. Lanham; Boulder; New York; London, 2020.

Pritsak, 1951 – Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1951. Bd. 101 (Neue Folge. Bd. 26). S. 270–300.

Pulleyblank, 1954 – Pulleyblank E. G. The Date of the Stael-Holstein Roll // Asia Major (New Series). 1954. Vol. 4. No. 1. P. 90–97.

Pulleyblank, 1991 – Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver, 1991.

Rachewiltz, 1972 – Rachewiltz, Igor de. Index to the Secret History of Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.

Radloff, 1912 – Radloff W. Alttürkische Studien (VI) // Известия Императорской Академии Наук. VI серия. 1912. Т. 6. Вып. 12. С. 747–778.

Radloff, 1891 – Das Kudatku Bilik des Jusuf Hass-Hadschib aus Bälasagun herausgegeben von dr. W. Radloff. St.-Petersburg, 1891.

Ramstedt, 1913 – Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1913. T. XXX. № 3. S. 1–63.

Richard, 1973 – Richard J. Ultimatums mongols et textes apocryphes // Central Asiatic Journal. 1973. Vol. 17. P. 212–222.

Richardson, 1958 – Richardson H. E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note // Journal of the Royal Asiatic Society. 1958. October. P. 139–164.

Róna-Tas, 1999 – Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History / Trans. by N. Bodoczky. Budapest, 1999.

Ronkel, 1919 – Ronkel Ph.S. van. Risalat Hoekoem Kanoen jaitoe Oendang-oendang Melaka. Leiden, 1919.

Rosenthal, 1968 – Rosenthal Fr. A History of Muslim Historiography. Second Revised Edition. Leiden, 1968.

Ruben, 1939 – Ruben W. Schamanismus im alten Indien // Acta Orientalia. 1939. Vol. XVIII. S. 164–205.

Ruotsala, 2001 – Ruotsala A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other. Helsinki, 2001.

Rybatzki, 2000 – Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44. No. 2. P. 205–292.

Rybatzki, 2006 – Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006.

Schiefner, 1859 – Heldensagen der Minussinschen Tataren. Rhytmisch bearbeitet von Anton Schiefner. St.-Petersburg, 1859.

The Secret History, 2004 – The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. and Comment. by Igor de Rachewiltz. Vol. I–II. Leiden; Boston, 2004.

Serebriany, 2014 – Serebriany S. Russia // *Rabindranath Tagore: One Hundred Years of Global Reception*. New Delhi, 2014. P. 203–235.

Serruys, 1963 – Serruys H. A Note on the “Wild Mekrid” // *Monumenta Serica*. 1963. Vol. 22. No. 2. P. 434–445.

Serruys, 1978 – Serruys H. The Čaqar Population during the Ch’ing // *Journal of Asian History*. 1978. Vol. 12. No. 1. P. 58–79.

Schmidt, 2003 – Schmidt M. Reflections of Roman Life and Living. Berlin, 2003.

Starr, 2008 – Starr K. Black Tigers. A Grammar of Chinese Rubbings. Seattle, 2008.

Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881 – Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Minhāj-ud-dīn, Abū-ʿUmar-i-ʿUsmān. Transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty. London, 1881. Vol. I–II.

Tagore, 1918 – Tagore R. Nationalism. London, 1918.

Tanase, 2008 – Tanase T. Une lettre en latin inédite de l’Ilkhan Abaqa au pape Nicolas III: croisade ou mission? // *Oriente*

Moderno. Nuova Serie, anno LXXXVIII. No. 2. 2008 (Les relations diplomatiques entre le monde musulman et l'Occident latin, XIIIe-XVIe siècle / Eds. D. Aigle et P. Buresi). P. 333–347.

Tisserant, 1946 – Tisserant E. Une lettre de l'Ilkhan de Perse Abaga adressée en 1268 au Pape Clément IV // Le Muséon. 1946. Vol. 59. P. 547–556.

The Travels, 1686 – The Travels of Sir John Chardin into Persdia and East Indies. The First Volume, Containing the Author's Voyage from Paris to Ispahan. London, 1686.

Turanskaya, 2022 – Turanskaya A. The Early Estampages of the Tonyukuk Inscription Identified in the Collection of Central Asia and Siberia of the IOM, RAS / Восток (Oriens). Issue 4. 2022. P. 200–209.

Voegelin, 1941 – Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255 // Byzantion. Vol. XV. Boston, 1941. P. 378–413.

Wessing, 1990 – Wessing R. Sri and Sedana and Sita and Rama: Myths of Fertility and Generation // Asian Folklore Studies. Vol. 49. No. 2 (1990). P. 235–257.

Winstedt, 1932 – Winstedt R. O. The Early Rulers of Perak, Pahang and Aceh // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 10 No.1 (1932). P. 32–44.

Winsted, 1956 – Winsted R. O., Gosseling de Jong P. E. The Maritime Laws of Malacca // Journal Malayan Branch Royal Asiatic Society. Singapore, 1956. Vol. XXIX.

Zieme, 1975 – Zieme P. Manichäisch-Türkische Texte. Texte, Übersetzung, Anmerkungen. Mit 78 Faksimiles auf 56 Tafeln. Berlin, 1975. (Berliner Turfantexte V).

Издания на восточных языках

аль-'Айни, 2009 – Абу Мухаммад Махмуд бин Ахмад Муса бин Хусейн аль-Гейтаби аль-Ханафи Бадр ад-Дин аль-'Айни. Китаб икд аль-джуман фи тарих ахль аз-заман. Каир, 2009.

Амантай, 1927 – Амантай Г. Песни борьбы. Стихи. Уфа, 1927. (Арабский шрифт).

Амантай, 1928 – Амантай Г. Сельские мальчики: стихи. Уфа, 1928. (Лат. шрифт).

Амантай, 1934 (а) – Амантай Г. Учебник и хрестоматия. Ч. 1–2. Уфа, 1934. (Лат. шрифт).

Амантай, 1934 (б) – Амантай Г. Принципы определения национальной литературы // Октябрь. 1934. № 4. С. 1–7. (Лат. шрифт).

Амантай, 1935 – Амантай Г. О башкирском языке и литературе // Башкирия. 1935. 29 декабря. (Лат. шрифт).

Амантай, 1936 – Амантай Г. Башкирские пословицы. Башк. НИИ языка и литературы. Уфа, 1936. (Лат. шрифт).

Амантай, 1928 – Амантай Габдулла: День и век: стихи, поэмы и воспоминания о поэте. Уфа, 2007. (На башк. яз.).

Амиршоҳӣ, 1999 – Амиршоҳӣ Нурмуҳаммад. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои IX–XIV. Порчаҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб. Душанбе, 1999.

ал-‘Аскаляни, 1998 – Ибн Хаджар аль-‘Аскаляни. Инбаи аль-гумр би абнаи аль-‘умр. Каир, 1998.

ал-Атабеки, 1963 – Джамаль ад-Дин Аби Махасин Юсуф бин Тагриберди аль-Атабеки. Ан-нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Кахира. Каир, 1963. X.10.

ал-Атабеки, 1984 – Джамаль ад-Дин Аби Махасин Юсуф бин Тагриберди аль-Атабеки. Аль-Михал ас-сафи ва аль-му-стауфи баад аль-вафи. Каир, 1984.

ал-Атабеки, 1997 – Джамаль ад-Дин Аби Махасин Юсуф бин Тагриберди аль-Атабеки. Мауруд аль-латафати фи мин вали ас-султанати ва аль-хилафати. Каир, 1997.

Ахмадов, 1978 – Ахмадов Р. Наврӯз – чашни халки. – Душанбе, 1978.

Аъмадов, 1989 – Аъмадов Р. Наврӯз- ӯлашни мардумии ниёгон // Љавонони Тољикистон. 1989. 15 марта.

Аъмадов, 2010(а) – Аъмадов Р. Наврӯз ба осони ӯанонӣ нашудааст // Љумӯурият. 2010. № 33–34. 13 марта.

Ахмедов, 2015 – Ахмедов Р. Сезонные обряды таджиков Средней Азии [Текст] / Ред. С. Фатхуллоев. Душанбе, 2015.

Бузургзода, 2001 – Бузургзода Л. Праздник тюльпана (лола) // Набиев В. Сайри гули лола. Душанбе, 2001. С. 27–33.

Вәлиди, 1914(а) – Вәлиди Ә. Ләтфи вә аның диуаны [Лутфи и его диван] // Казан, 1914. 44 б.

Вәлиди, 1913 – Вәлиди Ә. Мөхәррирнең кәнди исеменә язылған бер мәктүб [Письмо на имя редактора] // Шура [Совет]. 1913. № 23. 2–3 б.

Вәлиди, 1915 – Вәлиди Ә. Профессор Бартольдның безнең арамызда булуы мәнәсәбәте илә [В связи с пребыванием среди нас профессора Бартольда] // Вакыт. 1915. 13 июня.

Вәлиди, 1914 (б) – Вәлиди Ә. Шиһабетдин хәзрәтнең Урта Азия тарихы ғаид бөйөк хезмәте [Большой труд Шигабетдина Марджани по истории Средней Азии] // Аң [Знание]. 1914. № 4. 74–78 б.

Джузджани, 1984 – Джузджани. Табакоти Носири. Т. 1. / Подготовка Абдулхая Хабиби/ Джузджани Минходж Сиродж. Кабул, 1363 г. х. (1984).

Зияда, 1949 – Мухаммад Мустафа Зияда. Аль-муаррихун фи Миср фи аль-карни аль-хамис ‘ашара аль-милади. Каир, 1949.

Исомитдинов, 2010 – Исомитдинов Ж. Б. Назаре ба таърихи Наврӯз // Тироzi ӯанон. 2010. № 23–24. 19–21 марта.

Исомитдинов, 2011 – Исомитдинов Ж. Б. Сумалак – таоми Наврӯзи // Њакиқати Суғд. 2011. 21 марта.

Карачонлу, Худойбахш, 1384 – Карачонлу Х., Худойбахш Д. И. Муносибати сиёси ва низомии Гуриён бо кишварҳои хамчавор/ Хусайн Карачонлу, Худойбахш Дучонии Исмаи // Улуми инсонии донишгоҳи аз-Зухро, пойизи 1384. № 55. С. 167–192.

Краткий словарь, 2014 – Краткий словарь Навруза / Сост. П. Лутфуллоева; Ред. А. Абдулазизов. Душанбе, 2014.

Лэй Сюань-чунь, 1992 – Лэй Сюань-чунь [雷选春]. Западно-югурско-китайский словарь [西部裕固汉词典]. Чэнду [成都], 1992.

Ло Чжу-фэн, 1986 – Ло Чжу-фэн 羅竹風. Большой словарь китайского языка [漢語大詞典]. Шанхай [上海], 1986. Т. 1.

аль-Макризи, 1138 – Ахмад ибн Али Абдульгадир аль-‘У-бейд аль-Макризи. Китаб ас-сулук ли марифати дуваль аль-мулюк. Бейрут, 1138.

Математические термины, 1934 – Математические термины / Под ред. Г. С. Амантая. Уфа, 1934. (Лат. шрифт).

Мин ши – Чжан Тин-юй [張廷玉]. История [дома] Мин [Мин ши 明史]. “Высочайше утвержденное полное собрание книг по четырем разделам [Цинь-дин сы ку цюань-шу 欽定四庫全書]. [Б.м.]: б.г.

Мирбобоев, 2010 – Мирбобоев А. Суннатҳои наврӯзии хуляндиён // Њақиқати Сӯғд. 2010. № 23. 20 марта.

Миррахимов, 1985 – Миррахимов М. Праздник Навруз. Душанбе, 1985.

Набиев, 2001 – Набиев В. Сайри гули лола. Душанбе, 2001.

Навруз, 2017 – Навруз снова наступает! Наврузнома / Отв. ред. Н. Нуралиев. Душанбе, 2017.

Навруз-наме, 2012 – Навруз-наме. Первая книга состоит из 12 статей о Наврузе / Исправление, введение и комментарии: Х. Исмаили. Душанбе, 2012. (На персидском языке).

Наврузнома, 2016 – Наврузнома Соғда. Сборник статей о современных обычаях согдийцев вместе с исследованиями о наврузовской культуре соведущих / Сост. Н. Нурзад. Худжанд, 2016.

Неугасимая звезда, 1998 – Неугасимая звезда Амантая: воспоминания, официальные документы, отдельные произведения Габдуллы Амантая. / Сост. и гл. ред. Б. Баимов. Уфа, 1998. (На башк. яз.).

Нуров, 2001 – Нуров Н. Наврӯз ба ривояти Авесто // Авасто ва мероси фаръангии тољикон. Худжанд, 2001. С. 150–155.

Њусейнзода, 1982 – Њусейнзода Ш. Наврӯзи меҳрафрӯз // Маданияти Тоҷикистон. 1982. 23 марта.

Олимпур, 1988 – Олимпур О. Маъно ва фалсафаи оини наврӯзи // Адабиёт ва санъат. 1988. № 11. 17 марта.

Панджшери, 1981 – Панджшери А. А. Историческая география Гура/ Панджшери Азиз Ахмад. Кабул, 1360 х. ш. (1981).

Перевозкин, 1937 – Перевозкин Л. Кучка буржуазных националистов в Башкирии // Правда. 1937. № 257 (7223). 17 сентября 1937 г.

Путеводитель, 2012 – Путеводитель по Наврузу. Методико-учебное пособие по празднованию всемирного праздника Навруз Аджам / Ред. Р. Рахмани, А. Худойдодов. Душанбе, 2012. (На тадж.яз.)

Рахмон, 2015 – Рахмон Э. Навруз – паспорт нации. Выступления на праздновании Новруза / Ред. З. Абдулла. Душанбе, 2015. (На тадж. языке)

Рашпунцаг, 2006 – Рашпунцаг. Болор эрих (тэргүүн дэвтэр). Монголын түүхэн сурвалж бичгийн цуврал. Харгуулан хөрвүүлсэн М. Баярсайхан, Ч. Нэргүй, Д. Бүдсүрэн. УБ., 2006.

Салихов, 2005 – Салихов Э. Г. Эҳмэтзэки Вәлидизең Рәсәй-зәге ғилми эшмәкәрлеге. Өфө, 2005.

ат-Табари, 1987 – Абуджафар Мухаммад ибни Джарир ат-Табари. Тарих ур-русуль ва-ль-мулюк. Ташкент, 1987.

Табрези, 1963 – Табрези Мухаммад Хусайн ибн Халафа. Бурхони котеъ /Подготовка Мухаммад Муина. Т. 3. ل-ش. تهرآن, 1342 х. ш. (1963).

Ибн Тагриберди, 1963 – Джамаль ад-Дин Аби Махасин Юсуф бин Тагриберди аль-Атабеки. Ан-нуджум аз-захира фи мулук Миср ва аль-Кахира. Каир, 1963. X.1.

Турсунов, 1989 – Турсунов Н. О. Шаъри офтобӣ. Душанбе, 1989. С. 138–146.

Турсунов, 1992 – Турсунов Н. О. Истаравшан (шарҳи мухтасари таърих ва маданияти халқ). Душанбе, 1992. С. 187–199.

Турсунов, 1993 – Турсунов Н. О. Асосҳои этнологияи халқи тоҷик. Хуљанд, 1993.

Турсунов, 2008 – Турсунов Н. О. Наврӯзи Хуљанд // Њақиқати Суғд. 2008. № 24. 22 марта.

Ибн Хавкал, 2008 – Ибн Хавкал. Сурат-ул-арз. Душанбе, 2008.

Ханбали, 1986 – Абд аль-Хай бин Ахмад бин Мухаммад ибн аль-Имад аль-Укри аль-Ханбали. Шазарат аз-захаб фи ахбар мин захаб. 1986.

Худуд-ул-алем, 1983 – Худуд-ул-алем минал-машрик илал-мағриб. /Подготовка Манучехра Сутуда. Тегеран, 1403 х.к. (1983).

Худуд-ул-алем, 2014 – Худуд-ул-алем минал-машрик илал-мағриб. /Подготовка Абдуджамола Хасанова. Душанбе, 2014.

Цзнь Чжун-мянь, 1958 – Цзнь Чжун-мянь [岑仲勉]. Документы по истории западных тюрков. Дополнения и критический анализ [西突厥史料补阙及考证]. Пекин [北京], 1958.

Чжан Тин-юй, б.г. – Чжан Тин-юй [張廷玉]. История [дома] Мин [Мин ши 明史]. “Высочайше утвержденное полное собрание книг по четырем разделам [Цинь-дин сы ку цюань-шу 欽定四庫全書]. [Б.м.]: б.г.

Шакармамадов, 2003 – Шакармамадов Н., Шакармамадов О. Навруз Бадахшана. Ритуалы / Отв. ред. К. Аламшах. Хорог, 2003.

al-Ansab, 1962 – al-Ansab by al-Imam Abi S‘ad ‘Abdul Kareem B. Muhammad B. Mansur At-Tamimi as-Sam‘ani / Ed. by Ash Shaikh ‘Abdur Rahman b. Yahya al-Mu‘allami al-Yamani. Hyderabad, 1962. Vol. 10.

Arat, 1947 – Arat R. R. Kutadgu Bilig. İstanbul, 1947.

Bandōpādhyāy, 1997 – Bandōpādhyāy T. Rabīndranāthēr prabandha // Prabandha Sanchayan. Kalkātā, 1997. P. 1708–1715.

Barthold, 1990 – Barthold V. V. Moğol İstilasına Kadar Türkistan. Haz. Hakkı Dursun Yıldız [Туркестан до монгольского нашествия. К печати подготовил Хаккы Дурсун]. Ankara, 1990.

BGA, VI – Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.-J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. Vol. VI. Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh, accedunt excerpta e Kitâb Al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far.

Brockelman, 1993 – Brockelman C. Ebu'l-Mehâsin // İslâm Ansiklopedisi., IV, İstanbul, 1993.

Çuhadar, 1999 – Çuhadar M., Yiğit İ. İbn Tağriberdi // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1999. S. 20.

Das Geschenk, 1909 – Das Geschenk aus der Saldschukengeschichte von dem wesir Muhammad b. Muhammad b. Muhammad b. Abdallah b. al-Ni'tam al-Husaini al-Jazdi / Ed. by Karl Sussheim. Leiden, 1909.

Gökyay, 2000 – Gökyay Orhan Şaik. Kitap hakkında // Dedem Korkudun Kitabı. Haz. Orhan Şaik Gökyay. İstanbul, 2000.

Gülensoy, 1995 – Gülensoy T. Türkçe yer adları kılavuzu. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1995. XIII, 103 s. (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu. Türk Dil Kurumu Yayınları: 618).

Gümüşçü, 2016 – Gümüşçü O., Özünlü E. E. Osmanlı Devleti'nin “resm-i çift” uygulamalarını yeniden düşünmek // Tarih İncelemeleri Dergisi. XXXI/1. 2016. P. 177–217.

Genç, 2000 – Genç M. İltizam // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Ankara, 2000. Vol. 22. P. 154–158.

Histoire des seldjoudides, 1989 – Histoire des seldjoudides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoudides / Ed. by M. Th. Houtsma. Vol. II. Leiden, 1889.

History of Damascus, 1908 – History of Damascus 363–555 a.h. by Ibn al-Qalanisy / Ed. by H. F. Amedroz. Leyden, 1908.

Horiuchi, 1997 – Horiuchi H., Akiyama K. Shin Nihon Kōten Bungaku Taikei 17: Taketori Monogatari, Ise Monogatari (яп.). Токио, 1997.

Ibn-el-Athiri Chronicon, 1876 – Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 11. Annos H. 527–583 / Ed. by C. J. Tornberg. Leiden and Uppsala, 1876.

Inalcık, 1959 – Inalcık H. Osmanlılar'da raiyyet rüsumu // Belleten. Vol. 23. 1959. № 92. P. 575–610.

İbn Kemal, 1991 – İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. 2 baskı. Hazırlayan Ş. Turan. Ankara, 1991.

Koparman, 1989 – Koparman K. Y. Mısır Memlûklerin tarihi. Ankara, 1989.

Köprülüzade, 1925 – Köprülüzade F. Oğuz Etnolojisine Dair Tarihi Notlar // Türkiyat Mecmuası. 1925. Cilt I. S. 185–211.

Liaw, 2003 – Liaw Y. F. Undang-undang Melaka dan undang-undang laut. Kuala Lumpur, 2003.

Al-Muntazim, 1992 – Al-Muntazim fi Tarikh al-maluk wa al-umam / by Ibn al-Jawzi. Beyrouth, 1992. J. 1–19.

Nishaburi, 1953 – Nishaburi Zahir ad-Din. Salguk-name. Tehran, 1953.

Orbay, 2017 – Orbay K. Osmanlı İmparatorluğu'nda Tarımsal Üretkenlik Üzerine Tetkikat ve Notlar // Belleten. 2017. Vol. 81. Issue 292. P. 787–856.

al-Qummi al-Qummi Najm al-Din Abu l-Riza'. Tarih al-Wuzara / Ed. by Muhammed Taki Dânish-Pazûh. Tehran, 1985/1363.

Rasipungsuy, 1985 – Rasipungsuy. Bolur erike. Kökeqota, 1985.

Ravandi, 1921 – Ravandi Mohammad. Rahat as-sudur va ayat as-sorur / Ed. by Mohammad Iqbal. Leiden; London, 1921.

al-Razi, 1988 – al-Razi Fakhr al-Din. Jami' al-'ulum / Ed. by Mohammad Alkarayi. Lahor, 1988.

Sümer, 1972 – Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. baskı. Ankara, 1972. XXV, 532 s. (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları. 170).

Şeşen, 2001 – Şeşen R. İslam Coğrafyacılarına Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. 2. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2001. VIII, 299 s. (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu. Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII Dizi – Sayı 173).

Ṭhākūr, 1919/1920 – Ṭhākūr R. Jāpānyātrī. Kalkātā, 1919/1920.

Ṭhākūr, 1941 – Ṭhākūr R. Rabīndra-racanābalī. 10 kh. Inrāj ō bhāratbāsī. Kalkātā, 1941.

Ṭhākūr, 1945 – Ṭhākūr R. Rāśiyār ciṭhi. Kalkātā, 1945.

Ṭhākūr, 1948 – Ṭhākūr R. Rabīndra-racanābalī. 26 kh. Sabhyatār saṅkaṭ. Kalkātā, 1948.

Ṭhākūr, 1963 – Ṭhākūr R. Pārasya-yātrī. Kalkātā, 1963.

Ṭhākūr, 1986 – Ṭhākūr R. Yūrōp prabāsīr patra. Kalkātā, 1986.

Undang-undang, 2016 – Undang-undang Melaka dan undang-undang laut / Ed. by Liaw Y. F., Hassan A. Kuala Lumpur, 2016.

Uzunçarşılı, 1998 – Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Devleti Teşkilatına Medhal. Ankara, 1998.

Velidi, 1939 – Velidi Z. Ibn Fadlan's Reisebericht [Путевые заметки Ибн Фадлана]. Leipzig, 1939.

Zeki Velidi Togan, 1948 – Zeki Velidi Togan [A.] İbn al-Fakih'in Türklere Ait Haberleri // Belleten. 1948. Cilt XII. Sayı 45. S. 12–16.

Zieme, 1975 – Zieme P. Manichäisch-Türkische Texte. Texte, Übersetzung, Anmerkungen. Mit 78 Faksimiles auf 56 Tafeln. Berlin, 1975.

Электронные ресурсы

Акбар, б. д. – Акбар Т. Навруз как зеркало цивилизации Аджамы // [http:// news.tj/ ru/ newspaper/ article /navruz-kak-zerkalo-tsivilizatsii-adzhama](http://news.tj/ru/newspaper/article/navruz-kak-zerkalo-tsivilizatsii-adzhama).

Кузовкина, б. г. – Кузовкина А. Очерк истории административно-территориального устройства Алтайского

края (Алтайская губерния в 1917–1919 гг.) // <https://pandia.ru/text/81/536/90104.php>

Президент Садыр Жапаров, б.г. – Президент Садыр Жапаров: Мы завершаем процесс делимитации кыргызско-узбекской границы. Это поистине историческое событие // https://www.president.kg/ru/sobytiya/24227_prezident_sadir_ghaparov_mi_zavershaem_process_delimitacii_kirgizsko_uzbekskoy_granici__eto_poistine_istoricheskoe_sobitie

Струнников, б.г. – Струнников Г. СССР: хроника эпидемий. История массовых заболеваний в тоталитарной стране // <https://www.urokiistorii.ru/articles/sssr-hronika-jepidemij>

Усубалиев, б.г. – Усубалиев Э. История национально-государственного размежевания Средней Азии // <https://prudentsolutions-analitika.org/2017/05/15/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B>

DLE – Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/>

<http://winrymarini.blogspot.com/2017/06/datuk-darah-putih.html>

<https://uun-halimah.blogspot.com/2011/07/legenda-pendekar-darah-putih.html>

<https://globaldrafnnews.com/mengenal-sejarah-ratu-darah-putih-desa-kuripan-awal-mula-penyebaran-islam-di-lampung-selatan/>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИВР РАН Институт восточных рукописей Российской академии наук

МАЭ РАН Музей антропологии и этнографии Российской академии наук

бао. — баоаньский

бур. — бурятский (лит. — литературный, вост. — говоры восточного типа, зап. — говоры западного типа, селенг. — южные говоры)

даг. — дагурский

дунс. — дунсянский

др.-тюрк. — древнетюркский

калм. — калмыцкий

кит. — китайский

мнгр. — монгорский

письм.-монг. — письменно-монгольский

ран. ср.-кит. — ранний среднекитайский

позд. ср.-кит. — поздний среднекитайский

сарт. — сартульский

согд. — согдийский

тиб. — тибетский

тур. — турецкий

цонг. — цонгольский (селенг. — говор Селенгинского района)

халх. — халхамонгольский

хот.-сак. — хотано-сакский

Научное издание

Бартольдовские чтения

Редактор: *А. В. Савченко*
Корректор: *Н. А. Сидоркина*
Дизайнер: *П. А. Трошина*
Верстальщик: *Н. Я. Быкова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):

58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 20.12.2023 г. Формат 60х90/16

Усл. печ. л. 28,3. Уч.-изд. л. 22,4. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)

Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*

107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33